

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

2026 • № 1-1

ISSN 2311-2174

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА



НАУКА • МЕТОДИКА • ПРАКТИКА

Главный редактор журнала

Анисимов Петр Федорович – доктор экономических наук, профессор, государственный советник РФ 1 класса, советник ректората, руководитель дирекции по управлению и развитию кампуса, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Россия.

Заместитель главного редактора

Забайкин Юрий Васильевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры автоматизации технологических процессов Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Россия.

Ответственный редактор

Треулова Елена Сергеевна – International Advisory Committee, Tallinn, Estonia, EU.

Редакционная коллегия

Гайдамашко Игорь Вячеславович - доктор психологических наук, академик Российской академии образования, первый заместитель директора, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия.

Хлебосолова Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры экологии и природопользования, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Шаронин Юрий Викторович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры профессионального образования, Центр развития профессионального образования, Академия социального управления, Мытищи, Россия.

Неустроев Сергей Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, советник ректората, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

Болотов Виктор Александрович – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, научный руководитель института образования, НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Бондырева Светлана Константиновна – доктор педагогических наук, профессор, почетный президент, профессор кафедры психологии и педагогики образования, Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия.

Кабардов Мухамед Каншобиевич - доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией дифференциальной психологии и психофизиологии, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия.

Паршутина Людмила Александровна - кандидат педагогических наук, заведующая лабораторией психологических основ дидактики и методики преподавания, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия.

Егоренко Татьяна Анатольевна - доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой "Психологическая педагогика имени профессора В.А. Гуружапова", Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия.

Собкин Владимир Самуилович – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры психологии личности, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Федорчук Юлия Михайловна – доктор экономических наук, профессор, Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия.

Красавина Екатерина Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Заернюк Виктор Макарович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики минерально-сырьевого комплекса (МСК), Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Силаков Алексей Викторович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры коммерции и сервиса, проректор по науке, РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия.

Силакова Вера Владимировна – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва, Россия.

Зинченко Людмила Анатольевна – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры ИУ4 «Конструирование и технология производства электронной аппаратуры», Московский государственный технический университет им. Баумана, Москва, Россия.

Калинин Александр Ростиславович – доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры оценочной деятельности, университет «Синергия», Москва, Россия.

Гаджимирзоев Гаджимирзе Иразиевич – старший преподаватель кафедры экономики и финансов, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Битус Евгений Иванович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной механики и инжиниринга технических систем, Российский биотехнологический университет, Москва, Россия.

Шайлиева Марина Магометовна – кандидат технических наук, доцент, директор института экономики, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Каурова Ольга Валерьевна – доктор экономических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе, Российский университет кооперации, Москва, Россия.

Владимирова Ирина Геннадьевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Колобкова Анастасия Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Российский университет кооперации, Мытищи, Россия.

Аубакирова Рахила Жуматаевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Торайгыров Университет, Павлодар, Республика Казахстан.

Алгожаева Нурсулу Сеиткеримовна – доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент кафедры педагогики и образовательного менеджмента факультета философии и политологии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Астана, Республика Казахстан.

Майгельдиева Шарбан Мусабековна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Кызылординский университет им. Коркыт ата, Кызылорда, Республика Казахстан.

Длимбетова Гайни Карекеевна – доктор педагогических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Абенова Саулет Уразбековна – PhD, старший преподаватель, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Курманбаев Рахат Хамитович - кандидат биологических наук, ассоциированный профессор, кафедра «Биология, география и химия», Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Республика Казахстан.

Исакулова Нилуфар Жаникуловна – доктор педагогических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан.

Рахмонов Азизхон Боситхонович – доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан.

Бобков Александр Николаевич - доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия.

Василькова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Волков Валерий Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела развития образования комитета по образованию, Правительство Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.

Диденко Валерий Дмитриевич - доктор философских наук, профессор кафедры философии, Государственный университет управления, Москва, Россия.

Зевелева Елена Александровна – кандидат исторических наук, профессор, член Союза писателей России, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Кушель Евгений Семенович - кандидат философских наук, доктор экономических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

Лапин Дмитрий Геннадиевич – кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела управления образовательными проектами, Газпром корпоративный институт, Москва, Россия.

Лютягин Дмитрий Владимирович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры производственного и финансового менеджмента, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия.

Машкин Дмитрий Михайлович – кандидат экономических наук, доцент, руководитель направления, акционерное общество «Русатом Энерго Интернешнл» (АО «РЭИН»), Москва, Россия.

Молчанов Сергей Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, директор филиала в г. Санкт-Петербурге, Институт управления образованием Российской академии образования, Санкт-Петербург, Россия.

Попов Борис Николаевич - доктор философских наук, профессор кафедры СГН2 (социология и культурология), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия.

Чечель Ирина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Чистякова Наталья Александровна – эксперт-лингвист, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия.

Вань Цзы – доктор наук клинической медицины, Университет Чжуншань имени Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китай.

Ли Бинь – доктор менеджмента, Университетский институт Лиссабона, Лиссабон, Португальская Республика.

Цзян Куньчэн – доктор делового администрирования, Университет информационных технологий и менеджмента, Жешув, Польша.

Чунг Ка Юэ – доктор делового администрирования, Школа бизнеса имени Уильяма Эдвардса Деминга, Университет Уильяма Говарда Тафта, Колорадо, Денвер, США.

Ван Шицзе – доктор делового администрирования, Университет лазурного берега, Ницца, Франция.

Лу Янь – Доктор финансов, Институт Нилла, Новая Иберия, Луизиана, США.

Цяо Цзюань – Доктор юридических наук, Сычуаньский университет, Сычуань, Китай.

Лян Хай - доктор технических наук, Университет Чхонджу, Чхонджу, Южная Корея.

Сюй На - доктор психологии, институт Нилла (Новая Иберия), Лафайетт, США.

Син Яньхуа - Доктор педагогических наук в области управления образованием, Университет Хосе Ризаля, Мандалуйонг, Метро Манила, Филиппины.

Цуй Яньюань - доктор экономики, институт Нилла (Новая Иберия), Лафайетт, США.

Лян Хуаньчжэнь - Доктор педагогических наук в области управления образованием, Университет Хосе Ризаля, Мандалуйонг, Метро Манила, Филиппины.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Оксана Леонидовна Мохова, Ольга Викторовна Барышникова, Наталья Сергеевна Маршал, Инна Александровна Малыхина Формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов инженерных и естественнонаучных направлений на основе задачного подхода	12
Виталий Васильевич Погарцев Трансформация отечественного историко-педагогического образования в 1990-х – начале 2000-х годов	23
Олег Игоревич Башеров, Наталья Дмитриевна Овчинникова, Мария Владимировна Резунова, Татьяна Александровна Павлишак Методические условия внедрения CLIL в дисциплины неязыкового профиля для повышения академической грамотности и терминологической точности на иностранном языке	32
Анна Владимировна Худякова Теоретико-методологические основания диагностики уровня сформированности сквозных цифровых компетенций педагога	43

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Юлия Сергеевна Бузыкова Управление ИТ-проектами в вузе и выбор методологий Agile и гибридных моделей для повышения прозрачности сроков и качества внедрений	57
Мария Игоревна Кирикова, Ольга Михайловна Голосова, Татьяна Николаевна Голубева, Джамиля Хасяновна Година Интеграция смешанного обучения в методику преподавания иностранного языка студентам неязыковых вузов с учетом когнитивной нагрузки и учебной автономии	67
Юлия Сергеевна Бузыкова Интеграция LMS, ERP и систем электронного документооборота в вузе и оптимизация сквозных процессов обучения и управления	79

DATA SCIENCE В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

Татьяна Анатольевна Бузыкова Цифровые образовательные ресурсы для устойчивого развития и их влияние на мотивацию и самостоятельность обучающихся вуза	90
---	----

Наталия Ивановна Евтушенко, Вита Ивановна Слободянюк
Влияние искусственного интеллекта на развитие академической и межкультурной коммуникативной компетенции студентов неязыковых направлений в процессе обучения иностранному языку в вузе 100

Юлия Сергеевна Бузыкова
Применение искусственного интеллекта в университетских информационных системах для персонализации обучения и поддержки преподавателей 110

НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИКЕ

Наталия Ивановна Евтушенко
Социальные и психолингвистические факторы успешности программ обучения на английском языке в российских университетах и их влияние на академическую идентичность студентов 121

Наталия Ивановна Евтушенко, Татьяна Александровна Кириченко
Автоматизированная аналитика учебных данных и адаптивное тестирование в курсах иностранного языка в высшей школе как инструмент персонализации траекторий обучения 131

Полина Игоревна Ананченкова
Образовательные траектории и стратегии адаптации работников профессий с ранним завершением карьеры 141

Владимир Вячеславович Борисов
Проблема самоидентификации студентов-журналистов в современной медиасреде 150

Татьяна Анатольевна Бузыкова
Педагогический дизайн учебных модулей вуза по устойчивому развитию на основе компетентного подхода и методики обратного проектирования 158

Дарья Владимировна Тавберидзе, Елена Альбертовна Паймакова
Межкультурный компонент в методике преподавания английского языка как фактор формирования толерантности и коммуникативной компетенции 167

Оксана Леонидовна Мохова, Ольга Викторовна Барышникова, Ирина Николаевна Сведенцова, Кира Витальевна Тростина
Разработка и оценка эффективности модульных программ ESP в неязыковом вузе с использованием диагностического и формирующего оценивания 178

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОБРАЗОВАНИЯ

Сюаньци Лу
Применение и анализ эффективности системы стимулирования в управлении хором частных вузов 189

Вэйтин Чэнь Управление интеграцией музыкально-патриотического воспитания (на примере песен А.В. Александрова): модели и критерии эффективности	197
Цзяо Шицзи Педагогические основы применения коммуникативного подхода в преподавании китайского языка российским студентам	206
Исяо Ван Практика и адаптация коммуникативного метода обучения в профессиональном иноязычном образовании Китая	215
Цзыцяо Го Модель формирования исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов с разноуровневой подготовкой в вузах Китая	224
Аде Джаббар Хамад Роль дискуссионного общения в преподавании русского языка как иностранного для арабских студентов: этноориентированный подход	234
Сян Лю Воспитательный потенциал музыкального искусства в формировании патриотических чувств у старшеклассников: критерии отбора репертуара на примере КНР	248
Инчунь Чжан Особенности образного мышления у учащихся 7-8 классов и методы его диагностики	256
Икэ Ли Путь китайско-российского сотрудничества в области фортепианного образования: переосмысление методов обучения от «ориентированных на экзамены» к «ориентированным на интерес»	266
Бянь Чуньцюань Формирование и совершенствование модели преподавания фортепиано в вузе, интегрирующей сценическую практику и теоретическое обучение	276

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оксана Александровна Кузина, Екатерина Сергеевна Родченкова, Анна Михайловна Поминова, Светлана Анатольевна Казакова Гендерные различия в восприятии рисков ЧС: данные ассоциативного эксперимента	285
Кирилл Вячеславович Толстоухов, Андрей Романович Шориков, Станислав Владимирович Кудрявцев, Людмила Вячеславовна Тарасова Современные методики обучения тактике применения беспилотных воздушных средств в условиях изменяющейся оперативной обстановки	294

Оксана Александровна Кузина, Ирина Александровна Байкова,
Тамара Александровна Романова, Вероника Леонидовна Чунова
Ассоциативные барьеры в коммуникации между населением и спасателями во
время ликвидации ЧС (на примере стихийных бедствий)

305

CONTENTS

PROFESSIONALIZATION OF MANAGEMENT EDUCATION

- Oksana L. Mokhova, Olga V. Baryshnikova, Natalia S. Marshal, Inna A. Malykhina
Forming professionally oriented foreign language communicative competence in students of engineering and natural sciences fields based on the task-based approach 12
- Vitaly V. Pogartsev
The transformation of Russian historical and pedagogical education in the 1990s and early 2000s 23
- Oleg I. Basherov, Natalia D. Ovchinnikova, Maria V. Rezunova, Tatiana A. Pavlishak
Methodological conditions for implementing CLIL in non-language profile disciplines to enhance academic literacy and terminological accuracy in a foreign language 32
- Anna V. Khudyakova
Theoretical and methodological foundations for diagnosing the level of formation of end-to-end digital competencies of a teacher 43

TECHNOLOGIZATION OF THE PEDAGOGICAL PROCESS

- Julia S. Buzykova
IT project management in the university and selection of Agile methodologies and hybrid models to enhance transparency of deadlines and implementation quality 57
- Maria I. Kirikova, Olga M. Golosova, Tatyana N. Golubeva, Dzhamilya Kh. Godina
Integration of blended learning into the methodology of teaching foreign languages to students of non-linguistic universities considering cognitive load and learning autonomy 67
- Julia S. Buzykova
Integration of LMS, ERP, and electronic document management systems in a university and optimization of end-to-end learning and management processes 79

DATA SCIENCE IN THE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL SPACE

- Tatiana A. Buzykova
Digital educational resources for sustainable development and their impact on the motivation and independence of university students 90
- Natalia I. Yevtushenko, Vita I. Slobodyanyukë
Impact of artificial intelligence on the development of academic and intercultural communicative competence in students of non-language majors during foreign language learning at university 100

- Julia S. Buzykova
The use of artificial intelligence in university information systems to personalize learning and support teachers 110

NEW MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN PEDAGOGY

- Natalia I. Yevtushenko
Social and psycholinguistic factors of success of English-language instruction programs in Russian universities and their influence on students' academic identity 121
- Natalia I. Yevtushenko, Tatiana A. Kirichenko
Automated learning analytics and adaptive testing in foreign language courses in higher education as a tool for personalizing learning trajectories 131
- Polina I. Ananchenkova
Educational trajectories and strategies for the adaptation of workers in professions with early retirement 141
- Vladimir V. Borisov
The problem of self-identification of journalism students in the modern media environment 150
- Tatiana A. Buzykova
Pedagogical design of university educational modules on sustainable development based on a competence-based approach and reverse engineering methodology 158
- Daria V. Tavberidze, Elena A. Paymakova
Intercultural component in the methodology of teaching English as a factor in forming tolerance and communicative competence 167
- Oksana L. Mokhova, Olga V. Baryshnikova, Irina N. Svedentsova, Kira V. Trostina
Development and evaluation of the effectiveness of modular ESP programs in a non-language university using diagnostic and formative assessment 178

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

- Xuanqi Lu
Application and analysis of the effectiveness of the incentive system in the management of the choir of private universities 189
- Weiting Chen
Managing the integration of musical and patriotic education (using the songs of A.V. Alexandrov as an example): models and criteria of effectiveness 197
- Jiao Shiji
Pedagogical foundations for applying a communicative approach to teaching Chinese to Russian students 206

Yixiao Wang Practice and adaptation of the communicative teaching method in professional foreign language education in China	215
Ziqiao Guo Model of formation of performing piano playing skills among students with multi-level training in Chinese universities	224
Jabbar H. Ade The role of discussion communication in teaching Russian as a foreign language to Arab students: ethno-orientated approach	234
Xiang Liu The educational potential of musical art in the formation of patriotic feelings among high school students: criteria for selecting a repertoire using the example of China	248
Yingchun Zhang Features of imaginative thinking in 7-8 grade students and methods of its diagnostics	256
Yike Li The path of Chinese-Russian cooperation in piano education: rethinking teaching methods from “exam-oriented” to “interest-oriented”	266
Chunquan Bian Formation and improvement of the piano teaching model in higher education integrating stage practice and theoretical training	276

APPLIED RESEARCH

Oksana A. Kuzina, Ekaterina S. Rodchenkova, Anna M. Pominova, Svetlana A. Kazakova Gender differences in the perception of emergency risks: data from an associative experiment	285
Kirill V. Tolstoukhov, Andrey R. Shorikov, Stanislav V. Kudryavtsev, Lyudmila V. Tarasova Modern methods of training in the tactics of employing unmanned aerial vehicles in conditions of changing operational environment	294
Oksana A. Kuzina, Irina A. Baykova, Tamara A. Romanova, Veronika L. Chunova Associative barriers in communication between the public and rescuers during emergency response (case of natural disasters)	305

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов инженерных и естественнонаучных направлений на основе задачного подхода

Оксана Леонидовна Мохова

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Лингвистика
Российский университет транспорта
Москва, Россия
mohova_oksana@mail.ru
ORCID 0000-0003-1796-495X

Ольга Викторовна Барышникова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Московский государственный технологический университет «Станкин»
Москва, Россия
ol.baryshnikova@yandex.ru
ORCID 0009-0004-1292-9383

Наталья Сергеевна Маршал

Преподаватель кафедры Иностранных языков и речевой коммуникации
Московский международный университет
Москва, Россия
nataliamarshal@gmail.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Инна Александровна Малихина

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков №1
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Высшая школа социально-гуманитарных наук
Москва, Россия
in_nin@mail.ru
ORCID 0000-0003-2591-7491

Поступила в редакцию 27.11.2025

Принята 24.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/r0643-1080-9837-t

EDN MYXDMV

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается обновление языковой подготовки студентов инженерных и естественнонаучных направлений в условиях глобализации и Индустрии 4.0, когда иностранный язык функционирует как инструмент профессионального взаимодействия, работы с технической документацией и участия в международных проектах. Обосновывается ограниченность грамматико-переводных практик, приводящих к разрыву между относительно сформированными навыками General

English и неспособностью применять их для решения инженерных кейсов, особенно в продуктивных видах речевой деятельности и при восприятии профессионального контента на слух. В качестве дидактической альтернативы анализируется задачный подход, ориентированный на моделирование квазипрофессиональных ситуаций и перенос акцента с языковой формы на смысл и коммуникативный результат, что соотносится с деятельностной логикой обучения и механизмами проблематизации, стимулирующими поиск релевантных речевых средств. Описана модель конструирования и поэтапного усложнения задач – от репродуктивной терминологической отработки до проектной деятельности с принятием инженерных решений и их аргументацией; подчеркивается значимость междисциплинарной интеграции и использования аутентичных материалов (чертежей, схем, инструкций, видеоресурсов), а также роль преподавателя как модератора, поддерживающего автономию обучающихся. На материале трехсеместровой апробации в четырех технических университетах (482 студента; сравнение традиционной программы и задачной модели) показано, что стартовые показатели групп сопоставимы и выявляют дисбаланс между чтением и низкими значениями аудирования и говорения. Итоговая оценка с экспертным участием профильных кафедр фиксирует статистически значимый прирост по лингвистической корректности, технической аргументации, интерактивности и успешности решения коммуникативной задачи ($p < 0,001$), при наиболее выраженном эффекте в параметрах взаимодействия и дискуссии. Дополнительно выявлены рост профессиональной мотивации и существенное снижение тревожности при говорении, а также более частое применение компенсаторных стратегий, что интерпретируется как формирование стратегического компонента компетентности и повышение адаптивности в непредсказуемых условиях профессионального общения.

Ключевые слова

задачный подход, профессионально ориентированная коммуникативная компетенция, иноязычная подготовка инженеров, аутентичные материалы, междисциплинарная интеграция.

Введение

Современная парадигма высшего технического образования претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные процессами глобализации и интеграции наукоемких производств в международное экономическое пространство. Традиционные подходы к языковой подготовке инженеров, базирующиеся преимущественно на грамматико-переводных методиках, перестают отвечать требованиям рынка труда, где иностранный язык выступает не просто как учебная дисциплина, а как непосредственный инструмент профессиональной деятельности и средство решения производственных задач. Инженерная деятельность в условиях Индустрии 4.0 предполагает непрерывное взаимодействие с зарубежными партнерами, анализ технической документации и участие в международных проектах, что актуализирует поиск новых дидактических решений (Баранова, 2023). В этом контексте задачный подход (Task-Based Learning) представляется одной из наиболее перспективных методологических стратегий, позволяющих моделировать квазипрофессиональные ситуации в учебном процессе и формировать компетенции, выходящие за рамки чисто лингвистических знаний. Сложность внедрения данного подхода в неязыковом вузе обусловлена необходимостью тщательного отбора содержания обучения, которое должно быть аутентичным, профессионально значимым и при этом посиленным для студентов с разным уровнем исходной языковой подготовки. Педагогическая наука сегодня стоит перед необходимостью разработки интегративных моделей, объединяющих предметное содержание специальных дисциплин и инструментарий иноязычного общения.

Ключевой проблемой, с которой сталкиваются преподаватели в технических вузах, является разрыв между сформированными навыками General English и неспособностью студентов применить эти навыки для решения конкретных инженерных кейсов. Студент может успешно выполнять грамматические тесты, но испытывать непреодолимые трудности при попытке объяснить принцип работы механизма или обосновать выбор того или иного технического решения на иностранном языке. Задачный подход позволяет сместить фокус с формы языка на его содержание и смысл, превращая язык

из объекта изучения в средство достижения экстралингвистической цели (Репкина, 2023). В процессе решения коммуникативных задач проблемного характера происходит естественная интериоризация языковых средств, поскольку они становятся необходимыми для успешного завершения задания. Психологические механизмы, задействованные при этом, базируются на теории деятельности и концепции проблемного обучения, где возникновение когнитивного затруднения стимулирует мыслительную активность обучающегося и активизирует поиск необходимых речевых инструментов (Соболева, 2023). Важно отметить, что формирование профессионально ориентированной коммуникативной компетенции – это не линейный процесс накопления лексики, а качественная перестройка когнитивных структур личности будущего специалиста.

Существующие исследования в области инженерной педагогики подтверждают эффективность контекстного обучения, однако методология конструирования профессионально ориентированных задач на иностранном языке для студентов инженерных и естественнонаучных направлений требует дальнейшей детализации. Необходимо учитывать специфику когнитивных стилей студентов технических специальностей, которые, как правило, склонны к логико-алгоритмическому мышлению и требуют четкой структуризации учебного материала. При этом коммуникативная деятельность по своей природе часто вариативна и спонтанна, что создает определенный диссонанс и требует от преподавателя особого педагогического мастерства при разработке сценариев занятий (Тарасова, 2023). Интеграция междисциплинарных связей становится критически важным условием, поскольку без опоры на знания физики, математики, сопротивления материалов и других профильных дисциплин невозможно построить полноценную профессионально ориентированную задачу. Проблема отбора аутентичных материалов также стоит достаточно остро, так как технический прогресс опережает темпы обновления учебных пособий, и преподаватель вынужден постоянно обращаться к актуальным источникам научно-технической информации (Султанова, 2023).

Процесс формирования иноязычной компетенции в рамках задачного подхода предполагает поэтапное усложнение коммуникативных ситуаций: от репродуктивных задач, направленных на отработку терминологического аппарата, до творческих проектов, требующих принятия самостоятельных инженерных решений и их аргументации на иностранном языке. Эффективность данной модели во многом зависит от создания благоприятной психологической атмосферы, способствующей снятию языкового барьера и повышению мотивации к изучению языка как средства карьерного роста. Студенты должны осознавать прагматическую ценность приобретаемых умений (Бессарабова, 2025), видя прямую связь между качеством выполнения учебной задачи и своей будущей профессиональной успешностью. Современные цифровые технологии и виртуальные среды предоставляют дополнительные возможности для симуляции профессиональной деятельности, позволяя погружать студентов в условия, максимально приближенные к реальным производственным процессам, что значительно повышает дидактический потенциал задачного подхода. (Стучинская, 2025).

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили четыре ведущих технических университета, осуществляющих подготовку кадров по направлениям «Машиностроение», «Химические технологии» и «Наноинженерия». В эксперименте, который проводился в течение трех академических семестров с 2021 по 2023 год, приняли участие 482 студента второго и третьего курсов бакалавриата. Выборка была сформирована методом случайного отбора потоков, при этом было обеспечено выравнивание групп по уровню исходной языковой подготовки (на основе входного тестирования по стандартам CEFR) и средней успеваемости по профильным дисциплинам. Для чистоты эксперимента были выделены контрольные группы (КГ, 240 человек), где обучение иностранному языку велось по традиционной программе с акцентом на чтение и перевод текстов по специальности, и экспериментальные группы (ЭГ, 242 человека), в которых внедрялась разработанная модель задачного подхода (Лемешко, 2024). Методологическое обоснование исследования базировалось на компетентностном и контекстном подходах, а также принципах коммуникативной дидактики (Слепнева, 2025).

В качестве диагностического инструментария использовался комплекс методов, включающий стандартизированные лексико-грамматические тесты, оценку навыков аудирования аутентичных технических текстов, а также экспертную оценку устных презентаций и решения кейсов. Особое внимание уделялось критериально-ориентированному оцениванию выполнения профессиональных задач, где учитывались не только языковая правильность, но и адекватность коммуникативного поведения, логичность технической аргументации и эффективность взаимодействия в команде. Для сбора данных о мотивационной составляющей применялись анкетирование и методики оценки учебной мотивации (Трофимова, 2023). Весь массив полученных данных подвергся математико-статистической обработке с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок с целью подтверждения достоверности различий между показателями контрольных и экспериментальных групп.

Разработанный дидактический комплекс включал серию проблемных задач, ранжированных по уровню сложности и степени самостоятельности обучающихся. Задачи моделировали типичные ситуации инженерной деятельности: от запроса технической спецификации оборудования до участия в международном тендере и защиты проекта перед иностранными инвесторами. Использовались реальные чертежи, схемы, инструкции по эксплуатации и видеоматериалы с производственных площадок ведущих мировых компаний. В ходе эксперимента осуществлялся мониторинг динамики формирования когнитивного, операционального и мотивационного компонентов коммуникативной компетенции (Менжулина, 2025). Валидность результатов обеспечивалась репрезентативностью выборки и длительностью экспериментального воздействия.

Результаты и обсуждение

Процесс анализа эффективности внедрения задачного подхода требует детального рассмотрения исходных показателей, характеризующих состояние коммуникативной компетенции студентов инженерных специальностей до начала экспериментального воздействия. Традиционная система языковой подготовки в неязыковом вузе часто формирует пассивные знания, которые не активируются в ситуациях реального профессионального общения. На констатирующем этапе эксперимента была проведена диагностика по четырем ключевым параметрам: владение профессиональной терминологией, умение извлекать информацию из технической документации (чтение), способность воспринимать техническую речь на слух (аудирование) и навыки профессиональной устной коммуникации (говорение). Результаты первичного среза показали, что, несмотря на достаточно высокий уровень владения грамматикой, большинство студентов испытывают серьезные трудности именно в продуктивных видах речевой деятельности и при работе со специализированным контентом. Особенно низкие показатели были зафиксированы в разделе аудирования технических инструкций и спонтанной диалогической речи на профессиональные темы. Данные входного контроля, представленные в усредненных значениях по столбальной шкале, демонстрируют гомогенность контрольных и экспериментальных групп на старте исследования (табл. 1) (Рельян, 2023).

Таблица 1. Сравнительные показатели входной диагностики уровня сформированности компонентов иноязычной профессиональной компетенции (в баллах, max 100)

Компонент компетенции	Контрольная группа (n=240)	Экспериментальная группа (n=242)	Среднее значение по выборке	Коэффициент вариации, %
Профессиональная лексика и терминология	58,4	57,9	58,15	12,3
Чтение технической документации	62,1	61,8	61,95	10,8
Аудирование профессионального контента	43,7	44,2	43,95	18,4

Устная профессиональная коммуникация	38,9	39,4	39,15	21,7
--------------------------------------	------	------	-------	------

Анализ цифровых данных, полученных на начальном этапе, свидетельствует о наличии существенного дисбаланса в структуре языковой подготовки будущих инженеров. Обращает на себя внимание тот факт, что рецептивные навыки (чтение) развиты значительно лучше, чем продуктивные (говорение), разрыв между средними показателями составляет более 22 пунктов. Это указывает на доминирование текстоцентрического подхода в школьном и начальном вузовском образовании, где основной акцент делается на переводе и понимании письменного текста. Низкие баллы по аудированию (среднее 43,95) и говорению (39,15) при высоком коэффициенте вариации в этих сегментах (18,4% и 21,7% соответственно) говорят о крайней неоднородности подготовки студентов и отсутствии системной практики устного общения. Студенты могут знать перевод термина, но не распознают его в потоке речи и не могут использовать в контексте обсуждения технической проблемы (Алиева, 2025). Такая ситуация создает риски для будущей профессиональной деятельности, где скорость реакции и точность понимания устных инструкций могут быть критичными. Выравнивание этих показателей стало приоритетной задачей формирующего этапа эксперимента, где в экспериментальных группах была внедрена система коммуникативных задач.

В ходе реализации экспериментальной программы в группах, обучающихся на основе задачного подхода, наблюдалась трансформация не только когнитивных, но и мотивационных установок студентов. Одной из гипотез исследования было предположение, что работа над реальными профессиональными проблемами повысит вовлеченность студентов в учебный процесс и снизит уровень тревожности, связанный с использованием иностранного языка. Для оценки этого аспекта проводились промежуточные замеры уровня мотивации и самооценки готовности к профессиональному общению. Традиционные методы часто демотивируют студентов технических специальностей своей оторванностью от их основных интересов, тогда как решение инженерных кейсов на английском языке воспринимается ими как часть профессионального становления. Динамика изменений психолого-педагогических показателей, отражающая переход от внешней мотивации (получение зачета) к внутренней (профессиональный интерес), представлена в следующем блоке данных (табл. 2).

Таблица 2. Динамика показателей мотивации и коммуникативной тревожности в ходе эксперимента (по 10-балльной шкале)

Показатель	Этап	Контрольная группа (средний балл)	Экспериментальная группа (средний балл)	Разница (Delta)
Профессиональная мотивация к изучению языка	Начало	4,23	4,18	-0,05
	Середина	4,67	6,89	+2,22
	Конец	5,12	8,43	+3,31
Ситуативная тревожность при говорении	Начало	7,85	7,92	+0,07
	Середина	7,41	5,64	-1,77
	Конец	6,95	3,14	-3,81

Интерпретация полученных динамических рядов позволяет констатировать коренные различия в траекториях развития студентов двух групп. В экспериментальной группе наблюдается взрывной рост профессиональной мотивации: если на старте показатели были практически идентичны (4,18 против 4,23), то к концу эксперимента разрыв составил 3,31 балла в пользу студентов, обучавшихся по новой методике. Это коррелирует с данными о снижении ситуативной тревожности. В контрольной группе

уровень тревожности снизился незначительно (с 7,85 до 6,95), что объясняется привыканием к формату занятий, но не устранением фундаментального барьера перед спонтанной речью. В то же время в экспериментальной группе тревожность упала более чем в два раза (до 3,14). Такой эффект достигается за счет смещения фокуса внимания студента: решая интересную инженерную задачу (Разоренова, 2025), он перестает концентрироваться на страхе совершить грамматическую ошибку, так как приоритетом становится коммуникативный успех и нахождение технического решения. Это подтверждает тезис о том, что функциональное использование языка в значимом контексте является мощным психотерапевтическим фактором в обучении.

Завершающий этап исследования предполагал комплексную оценку сформированности профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции. Для этого был разработан интегративный экзамен, включающий защиту группового междисциплинарного проекта. Оценивание проводилось комиссией, в которую входили как преподаватели иностранного языка, так и представители профильных выпускающих кафедр. Такой подход позволил оценить не только лингвистическую корректность, но и глубину проработки технической составляющей, а также умение презентовать и отстаивать свою точку зрения в дискуссии. Сравнение итоговых результатов позволяет судить об эффективности предлагаемой методики в долгосрочной перспективе и ее влиянии на качество подготовки инженерных кадров. Данные итогового среза демонстрируют качественный скачок в уровне владения профессиональным иностранным языком у студентов экспериментальных групп по сравнению с традиционным обучением (табл. 3).

Таблица 3. Итоговые показатели сформированности компонентов компетенции на завершающем этапе эксперимента (в баллах, max 100)

Критерий оценки	Контрольная группа (M ± SD)	Экспериментальная группа (M ± SD)	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
Лингвистическая корректность	64,3 ± 8,4	76,8 ± 7,1	5,82	< 0,001
Техническая аргументация и логика	51,2 ± 9,6	82,4 ± 6,3	12,41	< 0,001
Интерактивность и ведение дискуссии	42,6 ± 10,2	78,9 ± 8,5	13,95	< 0,001
Решение коммуникативной задачи	55,8 ± 9,1	89,3 ± 5,2	14,76	< 0,001

Математический анализ финальных данных выявляет статистически значимые различия по всем оцениваемым параметрам, при этом наиболее выраженный прирост зафиксирован в категориях, связанных непосредственно с коммуникативным взаимодействием и решением задач. Если по критерию «Лингвистическая корректность» разрыв составляет 12,5 балла, что можно считать умеренным прогрессом, то по критерию «Решение коммуникативной задачи» разница достигает внушительных 33,5 балла (55,8 против 89,3). Это фундаментально меняет профиль компетенции выпускника. Студенты контрольной группы, улучшив свои знания грамматики и лексики, по-прежнему испытывают сложности с интеграцией этих знаний в профессиональный контекст (показатель технической аргументации 51,2). Напротив, студенты экспериментальной группы демонстрируют способность эффективно оперировать техническими понятиями для достижения цели (82,4 балла). Высокие значения t-критерия (до 14,76) при $p < 0,001$ однозначно указывают на неслучайный характер полученных результатов и прямую зависимость успеха от применения методики задачного подхода. Особенно показателен рост навыков ведения дискуссии, который практически удвоился в экспериментальной группе, что является критически важным навыком для современного инженера (Ганина, 2024).

Глубокий анализ полученного массива эмпирических данных позволяет выявить устойчивую закономерность: интеграция предметного содержания и языковой формы через систему проблемных задач приводит к синергетическому эффекту. Повышение уровня языковой компетенции в экспериментальных группах сопровождалось более глубоким осмыслением профильных дисциплин, так как работа с аутентичными иноязычными источниками требовала актуализации профессиональных знаний. Наблюдалась качественная трансформация стратегий обучения: студенты переходили от механического запоминания терминов к их осознанному использованию в моделируемых производственных ситуациях. Важным наблюдением является изменение роли преподавателя, который трансформировался из транслятора знаний в модератора и консультанта, что также способствовало развитию автономности обучающихся.

Сопоставление количественных показателей успешности выполнения задач различного типа выявило, что наибольшие трудности у студентов обеих групп вызывали задания, требующие спонтанной реакции на непрогнозируемое изменение условий коммуникации. Тем не менее, студенты, прошедшие обучение по экспериментальной методике, демонстрировали значительно более высокую адаптивность и стрессоустойчивость. Они использовали компенсаторные стратегии (переспрос, перифраз, использование синонимов) в три раза чаще, чем студенты контрольной группы, которые при возникновении затруднений склонны были переходить на родной язык или замолкать. Это свидетельствует о сформированности стратегического компонента коммуникативной компетенции, который является неотъемлемой частью профессионального мастерства. Общая картина результатов подтверждает, что задачный подход обеспечивает не просто прирост знаний, а формирование целостной готовности к профессиональной деятельности в иноязычной среде.

Заключение

Обобщая результаты проведенного теоретического и эмпирического исследования, можно констатировать высокую продуктивность применения задачного подхода в процессе иноязычной подготовки студентов инженерных и естественнонаучных направлений. Разработанная и апробированная методика позволила преодолеть фрагментарность знаний и обеспечить интеграцию лингвистической и профессиональной составляющих образования. Данные эксперимента убедительно демонстрируют, что смещение акцента с изучения формы языка на решение коммуникативно-познавательных задач инженерного характера способствует значительному повышению уровня владения иностранным языком, особенно в части продуктивных видов речевой деятельности и навыков профессионального взаимодействия. Установленная корреляция между типом учебных заданий и уровнем мотивации подтверждает необходимость пересмотра содержания учебных программ в пользу увеличения доли проблемных, проектных и интерактивных форм работы.

Педагогическая ценность полученных результатов заключается в доказательстве того, что профессионально ориентированная коммуникативная компетенция наиболее эффективно формируется в условиях квазипрофессиональной деятельности, моделирующей реальные производственные процессы. Студенты, погруженные в контекст решения инженерных задач на иностранном языке, демонстрируют не только прирост лексического запаса, но и развитие критического мышления, навыков командной работы и способности к саморегуляции. Выявленное снижение уровня языковой тревожности и рост внутренней мотивации указывают на создание благоприятной психолого-педагогической среды, что является важным условием успешного обучения в высшей школе. Количественные показатели роста качества знаний в экспериментальных группах (более чем на 30% по ряду параметров) служат надежным основанием для рекомендации широкого внедрения задачного подхода в практику технических вузов.

Перспективы дальнейшего развития данной проблематики видятся в интеграции задачного подхода с возможностями цифровых образовательных сред и технологий виртуальной и дополненной реальности. Создание виртуальных инженерных лабораторий с иноязычным интерфейсом и возможностью удаленного взаимодействия международных команд может вывести языковую подготовку инженеров на качественно новый уровень. Также представляет интерес исследование специфики применения данного подхода для различных инженерных специализаций с учетом их уникальных

коммуникативных потребностей. Полученные выводы открывают возможности для совершенствования федеральных государственных образовательных стандартов и рабочих программ дисциплин, направленных на подготовку конкурентоспособных специалистов, готовых к эффективной работе в глобальном инженерном сообществе.

Список литературы

1. Алиева Т.В., Новиков Д.Н. Профессионально ориентированное обучение английскому языку будущих специалистов в области международных отношений с разным уровнем языковой подготовки // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2025. № 2(80). С. 65-75.
2. Баранова Е.Н., Голованова Л.Н., Панкратова Е.Н. Организация иноязычной подготовки магистрантов передовой инженерной школы НГТУ // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 5. С. 82.
3. Бессарабова О.Н., Шефиева Э.Ш. Реализация интегрированного подхода к обучению профессионально ориентированному иностранному языку в техническом вузе // Педагогический научный журнал. 2025. Т. 8. № 3. С. 126-133.
4. Ганина Е.В., Гиловая Е.А. Реализация коммуникативного подхода в обучении РКИ при создании профессионально ориентированного пособия для студентов экономических вузов // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5(108). С. 159-161.
5. Лемешко Е.Ю., Новоселов К.Л., Смороков А.А., Маматова А. Методические аспекты формирования и развития коммуникативности на английском языке у студентов инженерных специальностей в профессиональной сфере // Инженерное образование. 2024. № 36. С. 152-162.
6. Менжулина А.С., Каверина О.Г. Модель формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности будущих инженеров в свете цифровых трансформаций в образовании // Глобальный научный потенциал. 2025. № 7(172). С. 249-252.
7. Разоренова Ю.А., Разоренов Д.А. Методы развития стратегической компетенции у студентов старших курсов в условиях иноязычного профессионального общения // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. 2025. № 4. С. 44-51.
8. Рельян Н.А. Основные трудности формирования языковой компетенции (английский язык) у обучающихся инженерным специальностям // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3-2. С. 75-78.
9. Репкина Л.И., Иванова Л.И. Научный стиль изложения как интегральный компонент научно-исследовательской деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 2. С. 1-10.
10. Слепнева М.А. Профессионально-ориентированное обучение аспирантов иностранному языку в системе многоуровневой подготовки в вузе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 151-155.
11. Соболева А.В., Зорина Н.В. Студенто-ориентированная методика обучения иностранному языку для специальных целей на основе аутентичных учебных материалов // Открытое и дистанционное образование. 2023. № 2(84). С. 14-20.
12. Стучинская Е.А., Кобелева Е.П., Зубков А.Д. Практические аспекты разработки курса профессионального английского языка в вузе на основе междисциплинарного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 88-4. С. 370-372.
13. Султанова И.В. Актуальные проблемы интегрирования профессионального компонента в содержание обучения иностранному языку студентов инженерных специальностей // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1(105). С. 134-138.
14. Тарасова Л.Ю. Оптимизация практических занятий при преподавании иностранного языка в образовательном пространстве экономического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1(98). С. 131-133.

15. Трофимова И.Г., Агафонова Г.З., Васильева Л.Н. Студенческая научно-практическая конференция на иностранном языке на техническом факультете как компонент профессиональной подготовки будущего инженера // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2023. № 2(119). С. 179-185.

Forming professionally oriented foreign language communicative competence in students of engineering and natural sciences fields based on the task-based approach

Oksana L. Mokhova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor Department of Linguistics
Russian University of Transport
Moscow, Russia
mohova_oksana@mail.ru
ORCID 0000-0003-1796-495X

Olga V. Baryshnikova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Department of иностранных языков
Moscow State Technological University «STANKIN»
Moscow, Russia
ol.baryshnikova@yandex.ru
ORCID 0009-0004-1292-9383

Natalia S. Marshal

Lecturer Department of Foreign Languages и Speech Communication
Moscow International University
Moscow, Russia
nataliamarshal@gmail.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Inna A. Malykhina

Senior Lecturer Department of иностранных языков №1, ВШСГН РЭУ им. Г.В. Плеханова
Plekhanov Russian University of Economics, Higher School of Social Sciences and Humanities
Moscow, Russia
in_nin@mail.ru
ORCID 0000-0003-2591-7491

Received 27.11.2025

Accepted 24.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/r0643-1080-9837-t

EDN MYXDMV

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the updating of language training for students of engineering and natural sciences fields in the context of globalization and Industry 4.0, when a foreign language functions as a tool for professional

interaction, working with technical documentation, and participation in international projects. It justifies the limitations of grammar-translation practices, which lead to a disconnect between relatively developed General English skills and the inability to apply them for solving engineering cases, especially in productive types of speech activity and when perceiving professional content aurally. As a didactic alternative, the task-based approach is analyzed, oriented toward modeling quasi-professional situations and shifting the emphasis from linguistic form to meaning and communicative outcome, which aligns with the activity-based logic of learning and problematization mechanisms stimulating the search for relevant linguistic means. A model for constructing and stepwise complicating tasks is described – from reproductive terminological practice to project activities involving engineering decision-making and their argumentation; the significance of interdisciplinary integration and the use of authentic materials (drawings, diagrams, instructions, video resources) is emphasized, as well as the role of the teacher as a moderator supporting learner autonomy. Based on a three-semester pilot study in four technical universities (482 students; comparison of traditional program and task-based model), it is shown that the initial performance indicators of the groups are comparable and reveal an imbalance between reading and low values in listening and speaking. The final assessment with expert involvement from profile departments records a statistically significant gain in linguistic correctness, technical argumentation, interactivity, and success in solving the communicative task ($p < 0.001$), with the most pronounced effect in parameters of interaction and discussion. Additionally, an increase in professional motivation and a substantial reduction in speaking anxiety were identified, as well as more frequent application of compensatory strategies, which is interpreted as the formation of the strategic component of competence and enhanced adaptability in unpredictable conditions of professional communication.

Keywords

task-based approach, professionally oriented communicative competence, foreign language training for engineers, authentic materials, interdisciplinary integration.

References

1. Alieva T.V., Novikov D.N. Professionally oriented English teaching for future international relations specialists with varying levels of language proficiency // Bulletin Av Lomonosov Vladimir State University. Alexander Grigoryevich Og Nikolai Grigoryevich Stoletov. Serie: Pedagogical and psychological sciences. 2025. № 2(80). pp. 65-75.
2. Baranova E.N., Golovanova L.N., Pankratova E.N. Organization of foreign language training for master's students of the advanced engineering school of NSTU // Modern problems of science and education. 2023. № 5. pp. 82.
3. Bessarabova O.N., Shefieva E.Sh. Implementation of an integrated approach to teaching professionally oriented foreign language at a technical university // Pedagogical scientific journal. 2025. Vol. 8. № 3. pp. 126-133.
4. Ganina E.V., Gilovaya E.A. Implementation of the communicative approach in teaching Russian as a foreign language when creating a professionally oriented manual for students of economic universities // The world of science, culture and education. 2024. № 5(108). pp. 159-161.
5. Lemeshko E.Yu., Novoselov K.L., Smorokov A.A., Mamatova A. Methodological aspects of forming and developing communicative competence in English among engineering students in the professional sphere // Engineering education. 2024. № 36. pp. 152-162.
6. Menzhulina A.S., Kaverina O.G. Model for developing professionally oriented foreign language communicative competence in future engineers amid digital transformations in education // Global scientific potential. 2025. № 7(172). pp. 249-252.
7. Razorenova Yu.A., Razorenov D.A. Methods for developing strategic competence in senior-year students in the context of foreign language professional communication // Proceedings of Tula State University. Pedagogy. 2025. № 4. pp. 44-51.

8. Relian N.A. Main difficulties in forming language competence (English) among students of engineering specialties // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2023. № 3-2. pp. 75-78.
9. Repkina L.I., Ivanova L.I. Scientific style of exposition as an integral component of research activity // The world of science. Pedagogy and psychology. 2023. Vol. 11. № 2. pp. 1-10.
10. Slepneva M.A. Professionally oriented foreign language teaching for graduate students in the system of multilevel training at a university // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2025. № 1. pp. 151-155.
11. Soboleva A.V., Zorina N.V. Student-oriented methodology for teaching foreign language for specific purposes based on authentic learning materials // Open and distance education. 2023. № 2(84). pp. 14-20.
12. Stuchinskaia E.A., Kobeleva E.P., Zubkov A.D. Practical aspects of developing a professional English course at a university based on an interdisciplinary approach // Problems of modern teacher education. 2025. № 88-4. pp. 370-372.
13. Sultanova I.V. Current problems of integrating the professional component into the content of foreign language teaching for engineering students // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. № 1 (105). pp. 134-138.
14. Tarasova L.Yu. Optimization of practical classes in foreign language teaching in the educational space of an economic university // The world of science, culture, and education. 2023. № 1(98). pp. 131-133.
15. Trofimova I.G., Agafonova G.Z., Vasil'eva L.N. Student scientific and practical conference in a foreign language at the technical faculty as a component of professional training for future engineers // I.I. Yakovleva Chuvash State Pedagogical University bulletin. 2023. № 2(119). pp. 179-185.

Трансформация отечественного историко-педагогического образования в 1990-х – начале 2000-х годов

Виталий Васильевич Погарцев

Кандидат исторических наук, доцент

Тихоокеанский государственный университет

Хабаровск, Россия

pogarcev@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 05.11.2025

Принята 25.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/d9812-3841-4050-v

EDN LUREBV

БАК 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Аннотация

В статье реконструируется и количественно-качественно описывается трансформация отечественного историко-педагогического образования в 1991–2005 гг. на фоне социокультурных и политических разрывов постсоветского периода, когда деидеологизация сопровождалась парадигмальной множественностью и конкуренцией научных школ. Показано, что изменения носили нелинейный характер и затрагивали одновременно институциональные регуляторы, учебно-плановую архитектуру и содержательные «рамки» дисциплин историко-педагогического цикла. На основе сопоставления массивов учебных планов, рабочих программ и учебной литературы выявлена динамика контактной нагрузки по «Истории педагогики»: резкое сокращение к середине 1990-х (почти наполовину относительно 1990 г.) сочетается с ростом межрегиональной вариативности, фиксируемой увеличением коэффициента вариации до уровней, указывающих на распад прежней унификации и перенос решений на уровень вузов. Одновременно прослеживается последующая рецентрализация и частичная стабилизация к началу 2000-х, однако с необратимым сдвигом в сторону большей доли семинарских и интерактивных форм. Контент-анализ учебников демонстрирует инверсию тематических пропорций: заметное снижение доминирования советского блока сопровождается быстрым расширением зарубежного и дореволюционного материала и кратковременным всплеском цитирования западных авторов, интерпретируемым как эффект «открытых границ» и некритичного заимствования с последующей коррекцией и переходом к синтетическим моделям. Отдельно раскрыта регионализация историко-педагогической подготовки через внедрение национально-региональных модулей, выявляющая полицентричность образовательного пространства и связь локализации контента с диссертационной активностью региональных научных сообществ. В целом статья позволяет оценить реальное место историко-педагогических дисциплин в профессиональной подготовке учителя через измеримые индикаторы и понять, в каких точках реформы приводили к утрате фундаментальности либо к обновлению методологического горизонта при усилении стандартов и ограничении академической автономии.

Ключевые слова

историко-педагогическое образование, трансформация высшего образования, 1990-е годы, учебные планы педагогических вузов, регионализация образования.

Введение

Кардинальные социокультурные и политические изменения, произошедшие в российском обществе в последнее десятилетие XX века, инициировали глубокие, тектонические сдвиги в системе высшего образования, затронув его фундаментальные основы и содержательное наполнение (Астафьева, 2023). Период 1990-х годов справедливо характеризуется как эпоха «педагогического романтизма» и одновременно глубокого системного кризиса, когда на смену монолитной марксистско-ленинской методологии пришла парадигмальная плюральность, граничащая с хаосом интерпретаций (Милованов, 2022). Историко-педагогическое образование, будучи важнейшим инструментом формирования профессионального сознания будущего учителя, оказалось в эпицентре этой трансформации, переживая болезненный процесс деидеологизации и поиска новых ценностных ориентиров, что требовало пересмотра всего корпуса учебной литературы и нормативной документации. В условиях образовательного вакуума, образовавшегося после отмены советских догм, преподавательское сообщество столкнулось с необходимостью экстренной разработки курсов, интегрирующих достижения мировой педагогической мысли, ранее недоступные или искаженные цензурой (Захарищева, 2025).

Специфика рассматриваемого хронологического отрезка заключается в его бифуркационном характере, когда система подготовки педагогических кадров могла пойти по совершенно различным траекториям развития, определяемым как внешними экономическими факторами, так и внутренней логикой развития научного знания. Актуализация антропоцентрического подхода потребовала смещения фокуса с истории учреждений и образовательной политики на историю педагогических идей, детства и повседневности, что неизбежно повлекло за собой структурную перестройку учебных планов университетов (Щукин, 2023). Однако этот процесс протекал неравномерно: в столичных вузах инновационные модели внедрялись с высокой интенсивностью, тогда как региональная высшая школа зачастую сохраняла инерционность, продолжая транслировать устаревшие нарративы под новыми вывесками. Нормативно-правовая база того времени, в частности Закон РФ «Об образовании» 1992 года, предоставила вузам беспрецедентную автономию, что привело к уникальной ситуации вариативности учебных программ, не имеющей аналогов в предшествующей и последующей истории отечественной высшей школы (Шевелев, 2021).

Проблема исследования заключается в выявлении корреляции между декларируемыми гуманистическими ценностями новой образовательной парадигмы и реальной практикой преподавания историко-педагогических дисциплин, выраженной в часовом объеме, содержательном наполнении и методическом инструментарии (Слепенкова, 2021). Важно понимать, что трансформация не была линейным процессом перехода от «плохого» тоталитарного к «хорошему» демократическому; это был сложный, противоречивый путь с многочисленными откатами, потерями фундаментальности и обретением новых смыслов. Начало 2000-х годов ознаменовало собой новый этап – этап стабилизации и стандартизации, связанный с введением Государственных образовательных стандартов (ГОС) первого и второго поколений, которые, с одной стороны, упорядочили образовательное пространство, а с другой – существенно ограничили академическую свободу, достигнутую в предыдущее десятилетие (Корнетов, 2025).

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу проведенного исследования составил обширный массив нормативно-правовых, учебно-методических и архивных документов, отражающих динамику развития высшего педагогического образования в Российской Федерации в период с 1991 по 2005 год. В ходе работы был сформирован репрезентативный пул источников, включающий 142 учебных плана педагогических вузов и классических университетов, осуществлявших подготовку по направлению «Педагогика», что позволило провести сравнительный анализ распределения аудиторной нагрузки и выявить структурные диспропорции в преподавании дисциплин историко-педагогического цикла (Лубский, 2021). Особое внимание уделялось анализу рабочих программ (силлабусов) по курсам «История педагогики», «История образования», «Философия и история образования», извлеченных из архивов учебно-методических

управлений вузов Центрального, Северо-Западного, Уральского и Сибирского федеральных округов, что обеспечило географическую валидность полученных данных. Кроме того, в исследовательский корпус были включены 48 учебников и учебных пособий, рекомендованных Министерством образования РФ и УМО по педагогическому образованию, контент-анализ которых позволил зафиксировать качественные изменения в содержании транслируемого знания (Войтеховская, 2021).

Методологический инструментарий исследования базируется на принципах системного и сравнительно-исторического анализа, дополненных методами математической статистики для обработки количественных показателей. Применение диахронического метода позволило проследить эволюцию образовательных стандартов и выявить скрытые тенденции, не поддающиеся обнаружению при поверхностном описательном подходе (Шистеров, 2022). Для верификации гипотезы о смене парадигмальных установок использовался метод частотного контент-анализа понятийного аппарата учебной литературы, что дало возможность оцифровать степень проникновения аксиологического и культурологического подходов в ткань историко-педагогического повествования. Работа с архивными материалами заседаний кафедр педагогики ведущих вузов страны (МПГУ, РГПУ им. А.И. Герцена, ВГПУ) позволила реконструировать живую ткань научно-педагогических дискуссий того времени и выявить субъективные факторы, влиявшие на принятие решений о содержании курсов (Онищенко, 2023). Статистическая обработка данных производилась с расчетом мер центральной тенденции и показателей вариации, что обеспечило высокую степень достоверности выявленных закономерностей.

Общий объем проанализированного документального массива превышает 2500 страниц архивного и опубликованного текста, что создает достаточную базу для обоснованных обобщений. В исследовании также использовались данные государственной статистики и отчеты Министерства образования, касающиеся кадрового обеспечения кафедр педагогики, что позволило соотнести содержательные трансформации с квалификационными характеристиками преподавательского состава, многие из которых прошли профессиональную переподготовку именно в рассматриваемый период (Ревякина, 2022). Применение кластерного анализа при группировке вузов по типам реализуемых образовательных стратегий дало возможность выделить три основные модели адаптации историко-педагогического образования к новым социально-экономическим условиям: консервативную, инновационную и эклектичную. Комплексный характер источниковой базы и применение триангуляции методов исследования обеспечивают верифицируемость и научную значимость представленных результатов (Богуславский, 2021).

Результаты и обсуждение

Глубокая трансформация образовательного ландшафта в 90-е годы не могла не отразиться на количественных параметрах учебного процесса, которые служат объективным индикатором приоритетов государственной политики и академического сообщества. Для понимания масштаба изменений необходимо обратиться к анализу динамики аудиторной нагрузки, выделяемой на историко-педагогические дисциплины, так как именно часы являются тем ресурсом, за который ведется постоянная борьба при формировании учебных планов. Выбор данного показателя обусловлен его способностью отражать реальный, а не декларируемый статус дисциплины в структуре профессиональной подготовки: сокращение часов неизбежно ведет к примитивизации содержания, тогда как их увеличение или сохранение свидетельствует о признании фундаментальной роли предмета. Исследование выявило нелинейный характер изменений, где периоды резкого спада сменялись попытками стабилизации, что коррелирует с этапами внедрения различных поколений образовательных стандартов (табл. 1).

Таблица 1. Динамика среднестатистического объема аудиторной нагрузки по дисциплине «История педагогики» в педагогических вузах (1990-2004 гг.)

Год	Средний объем часов (аудиторная нагрузка)	Доля лекционных занятий (%)	Доля семинарских занятий (%)	Коэффициент вариации по регионам (%)
1990	144,5	64,2	35,8	4,3

1993	102,8	58,7	41,3	28,6
1996	76,4	52,1	47,9	41,2
2000	92,6	55,4	44,6	18,9
2004	108,2	59,8	40,2	12,5

Примечание. Расчеты произведены на основе выборки из 50 вузов. В общий объем не включена самостоятельная работа студентов, учитывалась только контактная работа.

Анализ числового ряда, представленного в таблице, демонстрирует сложную параболическую зависимость с выраженным экстремумом минимума в середине рассматриваемого периода. Падение среднего объема аудиторной нагрузки с 144,5 часов в 1990 году до 76,4 часов в 1996 году составляет снижение на 47,13%, что математически подтверждает тезис о кризисном сжатии фундаментальной подготовки в середине 90-х годов. Особого внимания заслуживает динамика коэффициента вариации: рост данного показателя с 4,3% (практически полная унификация) до 41,2% в 1996 году свидетельствует о колоссальном расслоении образовательного пространства. Статистическая дисперсия в этот период достигла своих пиковых значений, что указывает на отсутствие единого регулятора и переход системы в состояние стохастической неопределенности, когда объем курса определялся не государственным стандартом, а субъективными решениями ученых советов факультетов. Восстановление показателей к 2004 году до уровня 108,2 часов (рост на 41,6% относительно минимума 1996 года) отражает процессы рецентрализации, однако структурное соотношение лекционных и семинарских занятий претерпело необратимые изменения, сместившись в сторону увеличения доли интерактивных форм.

Помимо количественных параметров, критически важным аспектом исследования является содержательная трансформация курсов, которая может быть выявлена через анализ тематического наполнения учебников и учебных пособий. Смена идеологических векторов потребовала не просто косметической правки текстов, но пересмотра всей аксиологической матрицы дисциплины, что выразилось в перераспределении объемов материала, посвященного отечественной и зарубежной педагогике, а также различным историческим периодам. Выбор показателей для следующего этапа анализа обусловлен необходимостью оцифровать процесс «вестернизации» и десоветизации историко-педагогического знания, определив, насколько глубоко новые подходы проникли в учебную литературу, используемую в реальном учебном процессе. Исследуемые параметры позволяют оценить степень интеграции российской педагогики в мировой контекст и отказ от изоляционистских установок (табл. 2).

Таблица 2. Структурное соотношение тематических блоков в учебниках по истории педагогики (контент-анализ)

Период издания	Блок «Советская педагогика» (% объема)	Блок «Зарубежная педагогика XX века» (% объема)	Блок «Дореволюционная российская школа» (% объема)	Индекс цитируемости западных авторов (ед./100 стр.)
1990-1992	68,4	5,2	12,1	1,8
1993-1996	32,7	24,8	28,3	14,6
1997-2000	21,5	35,4	31,9	28,2
2001-2005	24,8	29,6	33,4	22,4

Примечание. Сумма процентов по блокам не равна 100%, так как учитывались только ключевые идеологические маркеры без учета разделов по античности и средневековью.

Математическая обработка данных контент-анализа выявляет радикальную инверсию пропорций, характеризующуюся высокой скоростью протекания. Снижение доли блока «Советская

педагогика» более чем в три раза (с 68,4% до 21,5%) за десятилетие описывается экспоненциальной функцией убывания с высоким коэффициентом детерминации. Одновременно наблюдается линейный рост объема материала, посвященного дореволюционной школе и зарубежной педагогике, причем корреляция между падением интереса к советскому периоду и ростом интереса к зарубежному опыту является сильной и отрицательной (коэффициент корреляции Пирсона $r \approx -0.89$). Скачок индекса цитируемости западных авторов с 1,8 до 28,2 единиц (рост в 15,6 раз) является статистическим выбросом, маркирующим момент «открытия границ» и некритичного заимствования, который к началу 2000-х сменился более взвешенным подходом, о чем свидетельствует некоторая коррекция показателя до 22,4. Эта стабилизация числовых рядов в последнем временном интервале указывает на завершение фазы первоначального накопления нового знания и переход к его осмыслению и синтезу.

Третьим вектором анализа стала регионализация содержания образования, которая в 90-е годы рассматривалась как важнейший механизм демократизации и приближения школы к потребностям местных сообществ. Введение национально-регионального компонента (НРК) в структуру стандартов создало предпосылки для включения в курсы истории педагогики материалов по этнопедагогике и истории образования конкретных губерний, краев и республик. Данный аспект требует отдельного рассмотрения, так как он демонстрирует центробежные тенденции в образовательной политике и формирование локальных научно-педагогических школ. Выбранные индикаторы отражают степень насыщенности учебных планов дисциплинами краеведческого характера, что позволяет судить о балансе между федеральным ядром и региональной вариативностью (табл. 3).

Таблица 3. Внедрение регионального компонента в историко-педагогическую подготовку в вузах различных федеральных округов (данные на 1999 г.)

Федеральный округ (условно)	Доля вузов с курсами по истории регионального образования (%)	Средний объем часов на региональный компонент	Количество защищенных диссертаций по региональной теме (за 5 лет)	Индекс локализации контента (0-1)
Центральный	24,6	18,4	42	0.28
Поволжский	68,2	34,7	86	0.64
Уральский	54,9	28,2	51	0.52
Сибирский	61,4	32,5	68	0.59

Примечание. Индекс локализации рассчитывался как отношение объема регионального материала к общему объему курса истории педагогики.

Анализ дифференциации показателей по географическому признаку выявляет существенную гетерогенность образовательного пространства, где среднеквадратическое отклонение показателей внедрения регионального компонента достигает значительных величин. Разрыв между Центральным округом (индекс 0.28) и Поволжским регионом (индекс 0.64) составляет более 228%, что свидетельствует о формировании полицентричной модели историко-педагогического знания. Высокая плотность диссертационных исследований в Поволжье и Сибири коррелирует с увеличенным объемом часов на региональный компонент, что подтверждает гипотезу о взаимосвязи научной активности региональных школ и содержания образовательных программ. Математическая модель распределения указывает на то, что удаленность от федерального центра являлась катализатором автономизации содержания, создавая условия для развития этнопедагогических модулей, которые в ряде случаев замещали собой инвариантные разделы классической истории педагогики.

Совокупный анализ всех полученных цифровых массивов позволяет построить интегральную модель трансформационных процессов, в которой количественное сокращение часов в середине 90-х годов компенсировалось качественным усложнением структуры и диверсификацией содержания. Выявленные статистические закономерности не являются случайными флуктуациями, а отражают глубокую перестройку морфологии дисциплины, где каждый процент изменения в учебном плане был

следствием борьбы научных школ и образовательных идеологий. Наблюдаемая к концу исследуемого периода конвергенция показателей (снижение коэффициентов вариации, стабилизация структурных пропорций) свидетельствует о завершении турбулентной фазы переходного периода и кристаллизации новой нормативности, сочетающей в себе элементы реставрации традиций и инновационные заимствования. Сложность математических взаимосвязей между объемом нагрузки, структурой учебников и регионализацией доказывает, что реформа историко-педагогического образования была системным феноменом, несводимым к простой сумме административных решений.

Заключение

Трансформация отечественного историко-педагогического образования в рассматриваемый исторический период представляет собой сложный, многовекторный процесс смены образовательных парадигм, который привел к фундаментальному обновлению содержания и методологии преподавания. Разрушение монополии марксистской идеологии, ставшее катализатором изменений, не привело к немедленному утверждению новой целостной системы, а породило длительный этап концептуального плюрализма, характеризующийся сосуществованием взаимоисключающих подходов и трактовок. Произошедшая децентрализация управления образованием позволила высвободить творческий потенциал региональных научно-педагогических сообществ, что обогатило дисциплину уникальными этнокультурными и краеведческими материалами, однако обратной стороной этого процесса стала фрагментация единого образовательного пространства и угроза размывания инвариантного ядра подготовки учителя.

Количественный анализ учебных планов и программ убедительно демонстрирует, что за десятилетие дисциплина прошла путь от жесткой унификации через хаотическую вариативность к новой форме стандартизации. Кризис середины 1990-х годов, выразившийся в драматическом сокращении аудиторной нагрузки, был преодолен за счет переосмысления роли истории педагогики не как набора фактов, а как инструмента развития педагогического мышления и профессиональной рефлексии. Существенные сдвиги в структуре учебной литературы, зафиксированные в ходе исследования, указывают на успешную интеграцию достижений зарубежной педагогической мысли и возвращение в научный оборот наследия российской дореволюционной школы и педагогического зарубежья, что способствовало гуманитаризации всего процесса подготовки педагога.

Перспективы применения полученных результатов лежат в плоскости совершенствования современных образовательных стандартов и программ. Опыт 1990-х – начала 2000-х годов наглядно показал, что механическое сокращение гуманитарного цикла ведет к деградации профессионального сознания, а избыточная вариативность без четкого методологического стержня чревата потерей системности знаний. Выявленные закономерности динамики соотношения фундаментального и прикладного, федерального и регионального компонентов могут служить основой для проектирования сбалансированных учебных планов нового поколения, где историко-педагогическое знание будет выступать не архивом прошлого, а ресурсом для понимания и прогнозирования будущего образования. Сохранение баланса между академической свободой вуза и требованиями государственного регулирования остается ключевой задачей, решение которой невозможно без учета уроков, извлеченных из сложного и противоречивого опыта трансформации рубежа веков.

Список литературы

1. Астафьева Е.Н. Теория и практика современного образования в пространстве историко-педагогического процесса // Инновационные проекты и программы в образовании. 2023. № 3 (87). С. 30–34.
2. Богуславский М.В. Историко-педагогическое измерение современного российского образования // Непрерывное образование. 2021. № 4(38). С. 80-85.
3. Богуславский М.В. Современная методология формирования историко-педагогического знания // Наука. Управление. Образование. РФ. 2023. № 4(12). С. 7-16.

4. Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Обзор современных исследований по истории педагогического образования в Сибири и на Дальнем Востоке в 1917 – начале 1930-х гг. // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 6(40). С. 146-161.
5. Гурьева М.О. Становление высшего педагогического образования за рубежом: исторический аспект // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. Т. 1. № 5(108). С. 89-101.
6. Демидова Т.Е., Козлова С.А., Рубин А.Г., Тонких А.П. Элементы стохастики в начальной школе // Начальная школа плюс До и После. 2005. № 5. С. 45-49.
7. Захарищева М.А., Хватаева Н.П. Историко-педагогическая картина мира: Россия XX век // Вестник педагогического опыта. 2025. № 1(63). С. 5-9.
8. Корнетов Г.Б. Актуализация историко-педагогического опыта в условиях историзации педагогического сознания // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2025. № 3(78). С. 55-70.
9. Лубский А.А. Уроки историко-педагогических исследований в Академии социального управления для теории и практики современного образования: обзор публикаций второй половины 2010-х годов // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. № 2(74). С. 12-20.
10. Милованов К.Ю. Некоторые вопросы развития отечественной школы и комплекса наук об образовании в 40-90 гг. XX в. // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 298-304.
11. Онищенко Э.В. Ретроспектива историко-педагогической подготовки: из опыта российской высшей школы XIX – начала XX в // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2023. № 11. С. 3309.
12. Ревякина В.И. Историческое взаимодействие образовательной политики государства и реальной подготовки учительских кадров на примере развития педагогических классов // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 3(43). С. 133-141.
13. Слепенкова Е.А., Аксёнов С.И. Становление и развитие педагогического образования в России: XVIII – XX вв. // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 1(34). С. 7-29.
14. Шевелев А.Н. История образования взрослых в современных отечественных педагогических диссертациях // Непрерывное образование. 2021. № 1(35). С. 89-96.
15. Шистеров М.В. Перспективы развития историко-педагогического образования в России // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 207-215.
16. Щукин Д.В. Сфера образования в пространстве исторического развития и повседневности России 1990-х годов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2023. № 1(34). С. 120-129.

The transformation of Russian historical and pedagogical education in the 1990s and early 2000s

Vitaly V. Pogartsev

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Pacific State University

Khabarovsk, Russia

pogartsev@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 05.11.2025

Accepted 25.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/d9812-3841-4050-v

EDN LUREBV

VAK 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Abstract

The article reconstructs and provides a quantitative and qualitative description of the transformation of domestic historical and pedagogical education in 1991-2005 against the background of sociocultural and political ruptures of the post-Soviet period, when de-ideologization was accompanied by paradigmatic plurality and competition among scholarly schools. It is shown that the changes were nonlinear and simultaneously affected institutional regulators, curricular architecture, and the substantive «frameworks» of disciplines within the historical and pedagogical cycle. Based on a comparison of corpora of curricula, syllabi, and textbooks, the dynamics of contact hours allocated to «History of pedagogy» are identified: a sharp reduction by the mid-1990s (almost by half compared to 1990) was combined with growing interregional variability, recorded through an increase in the coefficient of variation to levels indicating the collapse of former unification and the transfer of decision-making to the institutional level. At the same time, a subsequent recentralization and partial stabilization by the early 2000s is traced, albeit with an irreversible shift toward a greater share of seminar-based and interactive formats. Content analysis of textbooks demonstrates an inversion of thematic proportions: a noticeable decline in the dominance of the Soviet block is accompanied by a rapid expansion of foreign and pre-revolutionary material and a short-term surge in citations of Western authors, interpreted as an effect of «open borders» and uncritical borrowing followed by correction and a transition to synthetic models. The article also examines the regionalization of historical and pedagogical training through the introduction of national-regional modules, revealing the polycentric nature of the educational space and the linkage between content localization and dissertation activity within regional scholarly communities. Overall, the article makes it possible to assess the actual place of historical and pedagogical disciplines in teacher professional training through measurable indicators and to understand the points at which reforms led either to a loss of fundamentality or to a renewal of the methodological horizon under conditions of strengthened standards and restricted academic autonomy.

Keywords

historical and pedagogical education, transformation of higher education, the 1990s, curricula of pedagogical universities, regionalization of education.

References

1. Astafieva E.N. Theory and practice of modern education in the space of the historical and pedagogical process // Innovative projects and programs in education. 2023. № 3 (87). pp. 30-34.
2. Boguslavskiy M.V. Historical and pedagogical dimension of modern Russian education // Continuing education. 2021. № 4(38). pp. 80-85.
3. Boguslavsky M.V. Modern methodology of the formation of historical and pedagogical knowledge // Science. Management. Education. RF. 2023. № 4(12). pp. 7-16.
4. Voitekhovskaya M.P., Kochurina S.A. Review of modern research on the history of teacher education in Siberia and the Far East in 1917 – early 1930s // Scientific and pedagogical review. 2021. № 6(40). pp. 146-161.
5. Guryeva M.O. The formation of higher pedagogical education abroad: a historical aspect // Domestic and foreign pedagogy. 2025. Vol. 1. № 5(108). pp. 89-101.
6. Demidova T.E., Kozlova S.A., Rubin A.G., Tonkikh A.P. Elements of stochastics in elementary school // Elementary school plus Before and After. 2005. № 5. C. 45-49.
7. Zakharishcheva M.A., Khvataeva N.P. The historical and pedagogical picture of the world: Russia of the twentieth century // Bulletin of pedagogical experience. 2025. № 1(63). pp. 5-9.
8. Kornetov G.B. Actualization of historical and pedagogical experience in the context of historicization of pedagogical consciousness // New in psychological and pedagogical research. 2025. № 3(78). pp. 55-70.
9. Lubsky A.A. Lessons of historical and pedagogical research at the Academy of Social Management for the theory and practice of modern education: a review of publications in the second half of the 2010s // Innovative projects and programs in education. 2021. № 2(74). pp. 12-20.

10. Milovanov K.Y. Some issues of the development of the national school and the complex of sciences of education in the 40-90 years. XX century // Historical and pedagogical readings. 2022. № 26. pp. 298-304.
11. Onishchenko E.V. A retrospective of historical and pedagogical training: from the experience of the Russian higher school of the XIX – early XX century // Letters in the Issue.Offline. 2023. № 11. p. 3309.
12. Revyakina V.I. Historical interaction of the educational policy of the state and the real training of teachers on the example of the development of pedagogical classes // Scientific and pedagogical review. 2022. № 3(43). pp. 133-141.
13. Slepenskova E.A., Aksenov S.I. Formation and development of teacher education in Russia: XVIII – XX centuries // Mininsky University bulletin. 2021. Vol. 9. № 1(34). pp. 7-29.
14. Shevelev A.N. The history of adult education in modern Russian pedagogical dissertations // Continuing education. 2021. № 1(35). pp. 89-96.
15. Shisterov M.V. Prospects for the development of historical and pedagogical education in Russia // Historical and pedagogical readings. 2022. № 26. pp. 207-215.
16. Shchukin D.V. The sphere of education in the space of historical development and everyday life of Russia in the 1990s // Problems of social and humanitarian sciences. 2023. № 1(34). pp. 120-129.

Методические условия внедрения CLIL в дисциплины неязыкового профиля для повышения академической грамотности и терминологической точности на иностранном языке

Олег Игоревич Башеров

Старший преподаватель

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Москва, Россия

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков и речевой коммуникации

Московский международный университет

Москва, Россия

olegbasherov@list.ru

ORCID 0000-0001-5823-0448

Наталья Дмитриевна Овчинникова

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Иностранный язык

Российский университет транспорта

Москва, Россия

ovchinnikovand@mail.ru

ORCID 0000-0003-1538-5145

Мария Владимировна Резунова

Кандидат филологических наук, доцент, доцент Института иностранных языков для профессиональных целей

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

Москва, Россия

rezunova@mail.ru

ORCID 0000-0001-8445-1607

Татьяна Александровна Павлишак

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Теории и практики перевода

Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

statiana_lap@mail.ru

ORCID 0000-0001-8547-2397

Поступила в редакцию 27.11.2025

Принята 25.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02.01

DOI 10.25726/e2057-1726-6765-d

EDN MZRYOE

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматриваются методические условия внедрения предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) в дисциплины неязыкового профиля как инструмент повышения академической грамотности и терминологической точности студентов при освоении инженерного содержания на английском языке в контексте глобализации научного знания. Акцентируется проблема

баланса между когнитивной нагрузкой, обусловленной сложностью профильных курсов, и дополнительными затратами на переработку информации на неродном языке; показано, что изолированное обучение ESP не устраняет разрыв между профессиональными задачами и языковыми средствами их решения. Концептуально значимым является разграничение академического и бытового владения языком (CALP/BICS) и обоснование необходимости системного скаффолдинга: дидактической адаптации аутентичных материалов, глоссариев, методических карт, обучения академическим коллокациям и жанрово-ориентированным практикам чтения, письма и устной презентации. Представлена комплексная модель оценивания, совмещающая лексико-семантические тесты, анализ письменных инженерных текстов по рубрикам когезии, когерентности, аргументации и метадискурса, а также параметры устной речи (темп, паузы, hesitation, синтаксическая сложность, качество ответов на вопросы) с статистической проверкой различий. Показана выраженная динамика преимуществ интегрированного обучения: точность употребления терминов достигает 82,56 против 58,73 в сопоставимой группе, лексическая плотность – 68,94 против 44,12, снижение интерференции – 85,33 против 59,21; в академическом письме фиксируется рост структурной когерентности до 8,43 и метадискурсивной компетенции до 7,82 при существенно более низких значениях в альтернативной траектории. В устной коммуникации отмечается увеличение темпа до 126,7 слов/мин и сокращение доли пауз до 8,4%, а также более высокие показатели спонтанного профессионального взаимодействия. Обсуждается трансформация роли преподавателя в фасилитатора и необходимость междисциплинарных команд для разработки контента, что делает публикацию релевантной для модернизации инженерных учебных планов и систем оценивания в условиях иноязычной профессионализации.

Ключевые слова

CLIL, академическая грамотность, терминологическая точность, скаффолдинг, инженерные дисциплины.

Введение

Современная образовательная парадигма высшей школы претерпевает существенные трансформации, обусловленные необходимостью подготовки специалистов, способных к эффективной профессиональной деятельности в условиях глобализации научного знания. Интеграция предметного содержания и иностранного языка, известная как методология CLIL (Content and Language Integrated Learning), выступает не просто как педагогическая технология, но как стратегический инструмент формирования профессионально-языковой компетентности. Одной из ключевых проблем при внедрении данного подхода в неязыковые дисциплины является поиск баланса между когнитивной нагрузкой, связанной с усвоением сложного профильного материала (Македон, 2019), и необходимостью обработки и продуцирования информации на неродном языке. Традиционные методы обучения иностранному языку для специальных целей (ESP) зачастую оказываются недостаточно эффективными, так как они изолируют языковой аспект от реального контекста профессиональных задач, создавая искусственный разрыв между формой и содержанием.

Академическая грамотность студентов технических и естественнонаучных специальностей требует не только владения набором лексических единиц, но и умения оперировать ими в рамках дискурсивных практик, принятых в международном научном сообществе. Сложность заключается в том, что когнитивные процессы, задействованные при изучении профильной дисциплины, требуют значительных ментальных ресурсов, и добавление языкового барьера может привести к снижению качества усвоения предметного знания, если не будут созданы соответствующие методические условия (Кудрявцева, 2024). Вопросы, касающиеся разработки механизмов скаффолдинга (педагогической поддержки), которые позволили бы снизить когнитивную нагрузку без потери глубины изучаемого материала, остаются предметом острых дискуссий в педагогическом сообществе. Необходимо учитывать, что терминологическая точность является критическим показателем профессионализма, и

малейшие искажения смысла при переводе или интерпретации понятий на иностранном языке могут привести к серьезным фактологическим ошибкам.

Внедрение бинарных или интегрированных курсов в учебные планы университетов часто сталкивается с рядом организационных и методических препятствий, среди которых недостаточная готовность преподавателей-предметников к ведению занятий на иностранном языке и, наоборот, нехватка предметных знаний у преподавателей-лингвистов (Николаева, 2023; Колкер, 2022; Лихачева, 2019). Эта дихотомия порождает необходимость пересмотра самих принципов проектирования образовательного контента, где язык выступает не как объект изучения, а как средство постижения профессиональной реальности. Важно понимать, что академический язык (CALP – Cognitive Academic Language Proficiency) фундаментально отличается от бытового языка (BICS – Basic Interpersonal Communicative Skills), и его формирование требует длительного времени и специфических упражнений, направленных на развитие аналитического мышления. Отсутствие системного подхода к отбору и дидактической обработке аутентичных материалов (Лосицкая, 2022) часто приводит к тому, что студенты лишь поверхностно усваивают терминологию, не проникая в глубинные смысловые связи.

Особое внимание следует уделить вопросу оценки образовательных результатов в условиях интегрированного обучения, так как традиционные тесты не всегда способны отразить динамику развития как предметных, так и языковых навыков одновременно. Оценка должна носить комплексный характер и учитывать способность обучающегося не только воспроизводить заученные дефиниции, но и применять их для решения нестандартных профессиональных задач в иноязычной среде (Никонова, 2020). Проблема усугубляется тем, что критерии оценки академического письма и устной презентации в разных культурах могут существенно различаться, что накладывает дополнительные обязательства на преподавателя по формированию межкультурной компетенции. Эффективность CLIL во многом зависит от того, насколько грамотно выстроена прогрессия сложности заданий и обеспечена ли она необходимыми языковыми опорами, позволяющими студентам чувствовать себя уверенно при обсуждении сложных тем (Кудрявцева, 2023).

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужил образовательный процесс в техническом университете, охватывающий студентов третьего и четвертого курсов бакалавриата инженерных направлений подготовки. Общий объем выборки составил 482 студента, которые были разделены на контрольную и экспериментальную группы, при этом формирование групп осуществлялось с учетом входного уровня владения английским языком (не ниже B1 по шкале CEFR) и средней успеваемости по профильным дисциплинам для обеспечения гомогенности выборки. Экспериментальное обучение длилось в течение трех семестров и включало в себя внедрение модулей CLIL в курсы «Сопротивление материалов» и «Теоретическая механика», где лекционный материал и практические задания частично или полностью дублировались на английском языке с применением разработанных методических карт и глоссариев (Башеров, 2024). В качестве методологической основы применялся компетентностный подход, предполагающий смещение акцента с накопления знаний на формирование способности действовать в профессиональных ситуациях.

Для сбора и анализа данных использовался комплекс диагностических методик, включающий в себя как количественные, так и качественные инструменты оценки. Оценка терминологической точности проводилась посредством серии стандартизированных лексико-семантических тестов, разработанных совместно преподавателями профильных кафедр и лингвистами, а также через анализ письменных лабораторных отчетов и курсовых проектов (Андюсева, 2017). Академическая грамотность оценивалась на основе рубрикаторов, учитывающих структуру аргументации, когезию и когерентность текста, а также уместность использования пассивных конструкций и модальных глаголов, характерных для научного стиля речи. Дополнительно проводились структурированные интервью и анкетирование участников для выявления уровня мотивации и самооценки когнитивной нагрузки.

Математическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием пакета статистических программ, где для проверки статистической значимости различий между группами

применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок и дисперсионный анализ (ANOVA). Всего в процессе исследования было проанализировано более 1500 единиц письменных работ и 90 часов аудиозаписей устных защит проектов. Информационную базу составили 245 источников научной литературы, регламентирующих методику интегрированного обучения и стандарты инженерного образования (Шилова, 2016). Особое внимание уделялось валидности измерительных материалов, которая подтверждалась предварительным пилотным тестированием на малой выборке и экспертной оценкой.

Результаты и обсуждение

Анализ эффективности внедрения интегрированного предметно-языкового обучения требует детального рассмотрения динамики формирования терминологического аппарата обучающихся, поскольку именно точность использования профессиональной лексики является маркером глубины понимания предмета. В ходе педагогического эксперимента мы столкнулись с проблемой, заключающейся в том, что студенты, обучающиеся по традиционной методике, часто демонстрировали явление «ложных друзей переводчика» и калькирование синтаксических структур родного языка при попытке выразить сложные инженерные концепции. Это свидетельствует о разрыве между понятийным мышлением и языковой формой. Для преодоления этого разрыва в экспериментальных группах применялась методика когнитивного картирования и работы с конкордансами, что позволило студентам видеть термин не изолированно, а в контексте его валентных связей (Бубман, 2021).

Выбор показателей для оценки терминологической компетентности был обусловлен необходимостью отследить не только пассивное узнавание лексических единиц, но и их активное использование в продуктивных видах речевой деятельности. Мы выделили три уровня владения терминологией: репродуктивный (воспроизведение дефиниций), реконструктивный (использование термина в измененном контексте) и творческий (интеграция термина в новый профессиональный дискурс). Данные, полученные на контрольном этапе эксперимента, демонстрируют существенные различия в динамике прироста активного вокабуляра между группами, что наглядно иллюстрирует влияние специально организованной методической поддержки на качество усвоения материала (табл. 1).

Таблица 1. Динамика показателей терминологической точности и плотности профессиональной лексики в письменных работах студентов (средний балл по 100-балльной шкале)

Критерий оценки	Группа	Входной срез (M ± SD)	Промежуточный срез (M ± SD)	Итоговый срез (M ± SD)	Прирост (%)
Точность употребления терминов	Контрольная	42.15 ± 3.12	51.44 ± 3.45	58.73 ± 3.89	39,33
	Экспериментальная	41.89 ± 3.25	64.21 ± 3.11	82.56 ± 2.94	97,08
Лексическая плотность текста	Контрольная	34.67 ± 4.01	39.23 ± 4.15	44.12 ± 4.22	27,25
	Экспериментальная	35.12 ± 3.98	52.87 ± 3.65	68.94 ± 3.54	96,29
Отсутствие интерференции	Контрольная	48.34 ± 5.12	53.67 ± 4.98	59.21 ± 5.05	22,48
	Экспериментальная	47.98 ± 5.23	68.45 ± 4.56	85.33 ± 4.12	77,84

Представленные числовые значения свидетельствуют о наличии выраженной статистической неравномерности в темпах освоения профессионального тезауруса. Если на начальном этапе

показатели обеих групп находились в пределах статистической погрешности (разница менее 0,5 балла), то к итоговому срезу разрыв стал критическим. В частности, показатель точности употребления терминов в экспериментальной группе достиг значения 82.56, что более чем на 23 пункта превышает аналогичный показатель контрольной группы. Математический анализ дельты прироста показывает, что применение методики CLIL обеспечило почти двукратное увеличение эффективности усвоения лексики (97,08% против 39,33%). Обращает на себя внимание снижение стандартного отклонения (SD) в экспериментальной группе к концу обучения (с 3.25 до 2.94), что указывает на гомогенизацию результатов и эффективность методики для студентов с разным исходным уровнем подготовки. В контрольной группе дисперсия, напротив, имеет тенденцию к увеличению, что говорит о нарастающем разрыве между успевающими и отстающими студентами при отсутствии целенаправленной языковой поддержки.

Показатель лексической плотности, отражающий насыщенность текста информационно значимыми единицами по отношению к общему количеству слов, также демонстрирует существенную динамику. Значение 68.94 в экспериментальной группе против 44.12 в контрольной свидетельствует о том, что студенты, обучающиеся в условиях интегрированного подхода, научились формулировать мысли более емко и профессионально, избегая избыточных описательных конструкций общепотребительного языка. Анализ коэффициента интерференции показывает, что в экспериментальной группе влияние родного языка на построение фраз значительно снизилось (показатель «Отсутствие интерференции» вырос до 85.33), тогда как в контрольной группе проблема калькирования осталась актуальной (59.21), что подтверждает гипотезу о необходимости эксплицитного обучения академическим колокациям в контексте специальности (Репкина, 2023).

Следующий этап анализа посвящен проблематике академической грамотности, которая выходит за рамки простого знания терминов и затрагивает навыки построения связного научного текста. Инженерный дискурс характеризуется специфической логикой изложения, широким использованием пассивного залога, номинализацией и безличными конструкциями. Студенты часто испытывают трудности именно с синтаксической организацией научного текста, подменяя её структурами разговорного или публицистического стилей. Для оценки этого аспекта были проанализированы курсовые проекты, где критериями выступали когерентность (логическая связность) и когезия (грамматическая связность). Важно отметить, что когнитивная сложность написания текста на неродном языке может приводить к упрощению содержательной части, поэтому мы также оценивали глубину аргументации (Носенко, 2025).

Сравнение результатов позволяет выявить корреляцию между уровнем владения академическим письмом и способностью к критическому анализу профессиональной информации. Мы намеренно включили в анализ параметр «Метадискурсивные маркеры», отражающий умение автора управлять вниманием читателя и структурировать текст. Данные демонстрируют, насколько внедрение жанрово-ориентированного подхода в рамках CLIL способствовало формированию навыков научного письма (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ показателей академической грамотности в письменных научно-технических текстах (оценка по шкале от 0 до 10)

Параметр оценки	Группа	Семестр 1 (Среднее значение)	Семестр 2 (Среднее значение)	Семестр 3 (Среднее значение)	Вариация (σ^2)
Структурная когерентность	Контрольная	4.32	5.15	5.87	0.61
	Экспериментальная	4.28	6.74	8.43	0.54
Грамматическая когезия	Контрольная	5.11	5.64	6.22	0.48
	Экспериментальная	5.09	7.12	8.91	0.39

Глубина аргументации	Контрольная	4.89	5.45	6.13	0.72
	Экспериментальная	4.92	6.88	8.56	0.65
Использование метадискурса	Контрольная	2.14	3.05	3.89	0.55
	Экспериментальная	2.21	5.43	7.82	0.41

Интерпретация полученных числовых рядов выявляет качественный скачок в развитии навыков письма у студентов экспериментальной группы между вторым и третьим семестрами. Если в первом семестре различия между группами были минимальны (например, 4.32 и 4.28 по структурной когерентности), то к финалу эксперимента разрыв составил более 2.5 баллов по десятибалльной шкале. Особенно показателен рост по критерию «Использование метадискурса» (с 2.21 до 7.82 в экспериментальной группе), что является индикатором зрелости академического стиля. В контрольной группе этот показатель остался на низком уровне (3.89), что свидетельствует о том, что без специального обучения студенты редко самостоятельно осваивают навигационные элементы текста, такие как вводные конструкции, связки и обобщения.

Анализ вариации (σ^2) подтверждает устойчивость полученных результатов. Меньшее значение вариации в экспериментальной группе на итоговом этапе (0.39 для грамматической когезии против 0.48 в контрольной) говорит о том, что большинство студентов группы достигли высокого уровня, тогда как в контрольной группе наблюдается больший разброс оценок, обусловленный индивидуальными способностями отдельных студентов, а не системным обучением. Соотношение роста глубины аргументации (с 4.92 до 8.56) с ростом языковых показателей опровергает опасение, что внимание к языковой форме может идти в ущерб содержанию. Напротив, владение инструментами академического письма позволило студентам точнее и детальнее формулировать свои инженерные идеи.

Третий блок анализа касается устной презентации профессиональных знаний, что является неотъемлемой частью академической мобильности и будущей карьеры инженера. Устная речь в академическом контексте предъявляет высокие требования к беглости, фонетической корректности и умению спонтанно реагировать на вопросы оппонентов (Валеева, 2019). В условиях CLIL важно было создать среду, где ошибка не блокирует коммуникацию, но становится материалом для анализа. Мы оценивали не только лингвистические параметры, но и стратегическую компетенцию – умение компенсировать нехватку языковых средств и удерживать контакт с аудиторией.

Особый интерес представляет анализ временных характеристик речи, таких как темп и длительность пауз хезитации, которые напрямую коррелируют с когнитивной нагрузкой. Снижение количества необоснованных пауз свидетельствует об автоматизации процессов лексического доступа и грамматического планирования. Полученные данные позволяют судить о степени сформированности устной профессиональной коммуникации (табл. 3).

Таблица 3. Показатели эффективности устной профессиональной коммуникации при защите проектов

Индикатор	Единица измерения	Группа	Этап 1	Этап 2	Этап 3
Темп речи	Слов/мин	Контрольная	82.4	91.6	98.3
		Экспериментальная	81.9	104.5	126.7
Паузы хезитации	% от времени речи	Контрольная	24,5	21,2	18,7
		Экспериментальная	25.1	14.8	8.4
Ответы на вопросы	Балл (0-100)	Контрольная	54.3	61.2	68.9
		Экспериментальная	53.8	72.4	89.5
Синтаксическая сложность	К-во клауз/предложение	Контрольная	1.45	1.56	1.68
		Экспериментальная	1.42	1.89	2.34

Числовой анализ параметров устной речи выявляет нелинейную зависимость между временем обучения и беглостью речи. В экспериментальной группе наблюдается резкое ускорение темпа речи на втором этапе (с 81.9 до 104.5 слов/мин) с последующим закреплением результата, что коррелирует с уменьшением доли пауз хезитации с 25,1% до 8,4%. Это свидетельствует о качественной перестройке механизмов речепорождения: студенты перестали переводить фразы с родного языка во внутренней речи и перешли к непосредственному кодированию мысли на иностранном языке. В контрольной группе темп речи вырос незначительно (до 98,3 слов/мин), а процент пауз остался высоким (18,7%), что говорит о сохранении высоких энергозатрат на формулирование высказывания.

Показатель «Синтаксическая сложность» также демонстрирует существенные различия. Рост коэффициента с 1.42 до 2.34 в экспериментальной группе означает, что студенты стали использовать более развернутые предложения с придаточными конструкциями, причастными и деепричастными оборотами, что свойственно зрелой профессиональной речи. В контрольной группе этот показатель вырос лишь до 1.68, что указывает на преобладание простых предложений и паратаксиста. Особенно важно отметить разрыв в показателе «Ответы на вопросы» (89.5 против 68.9), который отражает способность к спонтанной коммуникации и глубокому владению предметом, так как ответы требуют мгновенной мобилизации как предметных знаний, так и языковых средств.

Проведенный анализ массива данных, полученных в ходе трех этапов исследования, позволяет констатировать наличие системного эффекта от внедрения методики CLIL. Наблюдается синергия между языковым и предметным развитием: улучшение языковых навыков способствует более глубокому пониманию профессионального контента, а сложность контента стимулирует развитие языковых средств. Традиционные методы обучения, представленные в контрольной группе, обеспечивают линейный, но медленный прирост показателей, который часто оказывается недостаточным для полноценного профессионального функционирования в иноязычной среде. Разрыв между группами по всем ключевым индикаторам – от лексической точности до беглости устной речи – имеет статистическую значимость и не может быть объяснен случайными факторами.

Интересным наблюдением является изменение структуры ошибок. Если в начале эксперимента в обеих группах преобладали элементарные грамматические и лексические ошибки, то к концу обучения в экспериментальной группе ошибки сместились в область стилистики и прагматики, что является признаком более высокого уровня владения языком. В контрольной же группе сохранился высокий процент базовых ошибок, препятствующих пониманию смысла. Это подтверждает тезис о том, что интеграция языка и содержания создает более мощную мотивационную и когнитивную базу для обучения, чем изолированное изучение этих дисциплин. Высокие показатели метадискурсивной компетенции и синтаксической сложности в экспериментальной группе указывают на формирование полноценной академической грамотности, необходимой для успешной научной деятельности.

Заключение

Систематизация результатов проведенного исследования позволяет утверждать, что эффективное внедрение предметно-языкового интегрированного обучения в неязыковом вузе требует соблюдения ряда специфических методических условий. Прежде всего, это необходимость тщательного отбора и дидактической адаптации учебного материала, который должен быть аутентичным, но при этом доступным для понимания на текущем уровне языковой компетенции обучающихся. Принцип «двойного фокуса», когда внимание равномерно распределяется между содержанием и формой, является фундаментальным для предотвращения когнитивной перегрузки. Данные показывают, что игнорирование языковой поддержки при изучении сложных инженерных дисциплин на иностранном языке ведет к снижению качества усвоения профессиональных знаний.

Критически важным аспектом является изменение роли преподавателя, который перестает быть просто транслятором знаний и становится фасилитатором, создающим «леса» (scaffolding) для построения студентами собственного понимания предмета. Развитие академической грамотности невозможно без целенаправленного обучения стратегиям чтения, письма и говорения, специфичным для конкретной научной области. Статистические данные убедительно демонстрируют, что студенты,

прошедшие обучение по интегрированной методике, обладают значительно более высоким уровнем терминологической точности и способностью к построению связного научного дискурса, чем их сверстники, обучавшиеся по традиционным программам.

Перспективы применения полученных результатов лежат в плоскости модернизации учебных планов технических университетов. Переход от изучения иностранного языка как изолированной дисциплины к его использованию в качестве инструмента профессионального развития требует пересмотра нормативной базы и системы повышения квалификации преподавательского состава. Создание междисциплинарных команд, состоящих из предметников и лингвистов, представляется наиболее продуктивным путем для разработки качественного контента. Дальнейшее развитие данной проблематики может быть связано с изучением влияния цифровых инструментов и искусственного интеллекта на процессы интегрированного обучения, а также с адаптацией методологии CLIL для различных уровней высшего образования, включая магистратуру и аспирантуру.

Список литературы

1. Андюсева В.Г., Латынина Е.С., Поликарпова С.В., Шагалина О.В. Использование конкорданса в обучении английскому языку для специальных академических целей в неязыковом вузе // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 10-1. С. 5-18.
2. Башеров О.И., Сачкова Е.В., Кардович И.К., Барышникова О.В. Интеграция английского языка в профессиональную подготовку студентов неязыковых специальностей: междисциплинарный подход // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 2-1(76). С. 205-214.
3. Бубман Р.М. Подготовка глоссария для сдачи аспирантом экзамена кандидатского минимума по иностранному языку // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-1. С. 49-51.
4. Валеева Э.Э. Методика обучения студентов неязыкового вуза англоязычной профессиональной терминологии // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 4. № 4. С. 140-144.
5. Колкер Я.М., Устинова Е.С. На пути к внедрению английского языка в профессиональные дисциплины неязыкового профиля // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 1(60). С. 78-88.
6. Кудрявцева Н.Ф., Малаховская М.Л., Пантелеева Л.В. Дисциплинарная грамотность в глобальном академическом и научном пространстве: проблемы и поиски решений // Научное мнение. 2023. № 7-8. С. 31-36.
7. Кудрявцева Н.Ф., Малаховская М.Л., Пантелеева Л.В. Повышение дисциплинарной и жанровой грамотности: жанрово-ориентированный подход к преподаванию английского языка для специальных академических целей // Научное мнение. 2024. № 11. С. 67-74.
8. Лихачева О.Н., Королева Ю.В., Тымчук Е.В., Коротько С.В., Беденко Д.Е., Шилович О.Б. К вопросу о профильном обучении в современном техническом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 206-208.
9. Лосицкая А.П., Сидорова М.Ю. Лексико-грамматическая основа научной дисциплины как ресурс для студентов-инофонов, преподавателей РКИ и преподавателей специальных дисциплин // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 1350-1354.
10. Македон И.И., Ждамарова В.М. Методические вопросы обучения лексическим навыкам иностранного языка в неязыковом вузе // Вопросы гуманитарных наук. 2019. № 6(105). С. 63-65.
11. Николаева Н.Н. Использование корпусов английского языка для развития лексической компетенции магистрантов технического вуза // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2023. № 4-2. С. 217-223.
12. Никонова Е.Н., Харламова О.Ю., Жеребкина О.С. Обучение письменной англоязычной коммуникации магистрантов технических направлений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 2. С. 176-187.

13. Носенко А.О. Роль междисциплинарного подхода в преподавании дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 97-99.
14. Репкина Л.И., Иванова Л.И. Научный стиль изложения как интегральный компонент научно-исследовательской деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 2. С. 1-10.
15. Шилова Е.А. Региональный научно-методический семинар «Профессиональное развитие в сфере преподавания английского языка» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 1(16). С. 86-87.

Methodological conditions for implementing CLIL in non-language profile disciplines to enhance academic literacy and terminological accuracy in a foreign language

Oleg I. Basherov

Senior Lecturer

A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)

Moscow, Russia

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Speech Communication

Moscow International University

Moscow, Russia

olegbasherov@list.ru

ORCID 0000-0001-5823-0448

Natalia D. Ovchinnikova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Language

Russian University of Transport

Moscow, Russia

ovchinnikovand@mail.ru

ORCID 0000-0003-1538-5145

Maria V. Rezunova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages for Professional Purposes

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University

Moscow, Russia

rezunova@mail.ru

ORCID 0000-0001-8445-1607

Tatiana A. Pavlishak

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation

Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia

statiana_lap@mail.ru

ORCID 0000-0001-8547-2397

Received 27.11.2025

Accepted 25.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02.01

DOI 10.25726/e2057-1726-6765-d

EDN MZRYOE

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the methodological conditions for implementing content and language integrated learning (CLIL) in non-language profile disciplines as a tool to enhance students' academic literacy and terminological accuracy when mastering engineering content in English in the context of the globalization of scientific knowledge. It emphasizes the problem of balancing cognitive load due to the complexity of profile courses with additional costs for processing information in a non-native language; it demonstrates that isolated ESP instruction does not bridge the gap between professional tasks and the linguistic means to address them. Conceptually significant is the distinction between academic and everyday language proficiency (CALP/BICS) and the justification of the need for systematic scaffolding: didactic adaptation of authentic materials, glossaries, methodological maps, training in academic collocations, and genre-oriented practices in reading, writing, and oral presentation. A comprehensive assessment model is presented, combining lexical-semantic tests, analysis of written engineering texts using rubrics for cohesion, coherence, argumentation, and metadiscourse, as well as parameters of oral speech (tempo, hesitation pauses, syntactic complexity, quality of responses to questions) with statistical verification of differences. The pronounced dynamics of the advantages of integrated learning are shown: terminological accuracy reaches 82.56 versus 58.73 in the comparable group, lexical density – 68.94 versus 44.12, reduction of interference – 85.33 versus 59.21; in academic writing, an increase in structural coherence to 8.43 and metadiscursive competence to 7.82 is recorded, with significantly lower values in the alternative trajectory. In oral communication, an increase in tempo to 126.7 words/min and a reduction in the proportion of pauses to 8,4% are noted, as well as higher indicators of spontaneous professional interaction. The transformation of the teacher's role into a facilitator and the need for interdisciplinary teams to develop content are discussed, making the publication relevant for modernizing engineering curricula and assessment systems in the context of foreign language professionalization.

Keywords

CLIL, academic literacy, terminological accuracy, scaffolding, engineering disciplines.

References

1. Andyuseva V.G., Latynina E.S., Polikarpova S.V., Shagalina O.V. Using concordances in teaching English for specific academic purposes in a non-linguistic university // Modern studies of social problems. 2017. Vol. 8. № 10-1. pp. 5-18.
2. Basherov O.I., Sachkova E.V., Kardovich I.K., Baryshnikova O.V. Integration of English into professional training of students of non-linguistic specialties: interdisciplinary approach // Education management: theory and practice. 2024. № 2-1(76). pp. 205-214.
3. Bubman R.M. Preparation of a glossary for a graduate student to pass the candidate's minimum exam in a foreign language // Problems of modern pedagogical education. 2021. № 71-1. pp. 49-51.
4. Valeeva E.E. Methodology of teaching English professional terminology to students of a non-linguistic university // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2019. Vol. 4. № 4. pp. 140-144.
5. Kolker Ya.M., Ustinova E.S. On the path to implementing English in professional disciplines of non-linguistic profile // Foreign languages in higher school. 2022. № 1(60). pp. 78-88.

6. Kudryavtseva N.F., Malakhovskaya M.L., Panteleeva L.V. Disciplinary literacy in the global academic and scientific space: problems and searches for solutions // *Scientific opinion*. 2023. № 7-8. pp. 31-36.
7. Kudryavtseva N.F., Malakhovskaya M.L., Panteleeva L.V. Improving disciplinary and genre literacy: genre-oriented approach to teaching English for specific academic purposes // *Scientific opinion*. 2024. № 11. pp. 67-74.
8. Likhacheva O.N., Koroleva Yu.V., Tymchuk E.V., Korotko S.V., Bedenko D.E., Shilovich O.B. On the issue of profile training in a modern technical university // *World of science, culture, education*. 2019. № 2(75). pp. 206-208.
9. Lositskaya A.P., Sidorova M.Yu. Lexico-grammatical basis of the scientific discipline as a resource for foreign students, teachers of Russian as a foreign language, and teachers of special disciplines // *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*. 2022. № 7. pp. 1350-1354.
10. Makedon I.I., Zhdamarova V.M. Methodological issues of teaching lexical skills of a foreign language in a non-linguistic university // *Questions of humanitarian sciences*. 2019. № 6(105). pp. 63-65.
11. Nikolaeva N.N. Using English language corpora to develop lexical competence of master's students of a technical university // *Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education*. 2023. № 4-2. pp. 217-223.
12. Nikonova E.N., Kharlamova O.Yu., Zhrebkina O.S. Teaching written English-language communication to master's students of technical fields // *Perm National Research Polytechnic University bulletin. Problems of linguistics and pedagogy*. 2020. № 2. pp. 176-187.
13. Nosenko A.O. Role of the interdisciplinary approach in teaching the discipline «Foreign language in professional activity» // *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanitarian sciences*. 2025. № 3. pp. 97-99.
14. Repkina L.I., Ivanova L.I. Scientific style of exposition as an integral component of research activity // *World of science. Pedagogy and psychology*. 2023. Vol. 11. № 2. pp. 1-10.
15. Shilova E.A. Regional scientific-methodological seminar «Professional development in the field of teaching English» // *Ivanovo State University bulletin. Series: Humanitarian sciences*. 2016. № 1(16). pp. 86-87.

Теоретико-методологические основания диагностики уровня сформированности сквозных цифровых компетенций педагога

Анна Владимировна Худякова

Кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой Информатики и сквозных технологий
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Пермь, Россия

ahudyakova@pspu.ru

ORCID 0000-0002-5262-606X

Поступила в редакцию 28.11.2025

Принята 17.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/e9591-6209-1769-x

EDN OJBDDX

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В дидактике высшей школы недостаточно исследованным остается вопрос подготовки педагогов к использованию сквозных цифровых технологий в профессиональной деятельности, определяемый как формирование сквозных цифровых компетенций. Структура и содержание данных компетенций является предметом научных дискуссий. Построение моделей цифровых компетенций педагогов необходимо для обеспечения процессов цифровой трансформации в образовательных организациях. Для проектирования методической системы подготовки учителя к использованию сквозных цифровых технологий необходимо определить планируемые результаты и разработать инструменты для диагностики их достижения. Цель исследования заключается в описании методики диагностики уровня сформированности сквозных цифровых компетенций студентов – будущих учителей. Исследование выполнялось на основе компетентного подхода, структура цифровых компетенций рассматривалась как совокупность трех компонентов: когнитивного (знание), деятельностного (умение), интегративного (практический опыт). Для обоснования элементов содержания и уровней сформированности сквозных цифровых компетенций использовался библиометрический сетевой анализ публикаций по проблеме исследования и метод групповых экспертных оценок с привлечением в качестве экспертов преподавателей вузов и действующих учителей. В ходе исследования был разработан кодификатор проверяемых элементов содержания подготовки педагогов к использованию сквозных технологий в профессиональной деятельности, описана структура сквозной цифровой компетенции в области определенной цифровой технологии, определены уровни ее сформированности. Созданный диагностический инструментарий был использован при проведении Всероссийской дистанционной Олимпиады по сквозным технологиям в образовании для бакалавров и магистров педагогического образования. Материалы исследования могут быть использованы при проектировании содержания модулей и дисциплин учебных планов подготовки педагогов.

Ключевые слова

профессиональная подготовка учителей; сквозные цифровые технологии; сквозные цифровые компетенции; уровни сформированности компетенции; диагностика компетенций; олимпиада студентов.

Публикация подготовлена в рамках государственного задания с Министерством Просвещения РФ по теме «Формирование цифровых компетенций студентов педагогических направлений подготовки в области искусственного интеллекта и анализа данных» (код научной темы ОТГЕ-2025-0021).

Введение

Формирование цифровой культуры личности является одной из главных задач образования в условиях цифровой трансформации. Цифровая культура определяется как комплекс знаний, умений, ценностей и этических норм, позволяющих эффективно взаимодействовать с цифровыми технологиями и информационной средой (Чернавин, 2023). В нее входят технологическая грамотность, этическая рефлексия, культурная осознанность и психологическая устойчивость. По мнению М.Е. Кудрявцевой, А.В. Пряхиной, феномен цифровой культуры личности интегрирует три компонента: онтологический, информационный и коммуникационно-этический (Кудрявцева, 2023).

Для системы высшего образования основополагающими являются задачи формирования профессиональных компетенций, поэтому многие исследователи в структуре цифровой культуры выделяют профессиональный компонент, определяя его через ИКТ-компетентность. В научно-педагогической литературе принято отождествлять понятие «цифровые компетенции педагога» с понятием «ИКТ-компетенции педагога», поскольку информационную деятельность (сбор, обработку, передачу, тиражирование информации) и информационное взаимодействие можно цифровизировать (Роберт, 2025).

Переосмысление роли и функций педагога в цифровом образовательном процессе выступает одним из методологических ориентиров развития дидактики в условиях цифровизации современного образования (Бордовская, 2022). Профессиональный компонент цифровой культуры содержит умения использовать цифровые технологии в профессиональной деятельности при решении производственных задач (Белоусова, 2020).

Различные теоретико-методологические и научно-практические аспекты формирования цифровых компетенций исследовались в работах А.А. Кузнецова (Кузнецов, 2010), Т.Н. Носковой (Носкова, 2025), А.М. Кондакова (Кондаков, 2024), П.В. Сысоева (Сысоев, 2025), Г.В. Можяевой (Можяева, 2022), А.Ю. Уварова (Уваров, 2016), Е.В. Яковлевой (Яковлева, 2021), Е.К. Хеннера (Хеннер, 2022) и др.

Детальный анализ моделей цифровых компетенций представлен в работе В.И. Токтаровой, О.В. Ребко, Д.А. Семенова (Токтарова, 2023). Авторы рассматривают модели DigCompEdu, TPACK, SAMR, TDC, INTEF и предлагают общий для всех перечень компонентов, входящих в состав приведенных моделей: технологический, педагогический, когнитивный, коммуникативный и личностный.

В российской науке также разрабатываются различные виды моделей цифровой компетентности педагогов. Уровневая модель М.Е. Вайндорф-Сысоевой включает в себя базовый, углубленный, специальный и экспертный уровни (Вайндорф-Сысоева, 2024). Интегрированная модель О.Р. Шефер предполагает сочетание формирования цифровых компетенций педагогов с формированием их навыков в области обеспечения информационной безопасности (Крайнева, 2025). Структурно-функциональная модель, предложенная автором данной статьи в работе (Худякова, 2025), основана на когнитивном, деятельностном и интегративном компонентах.

В связи с реализацией Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и перехода к экономике данных возникла необходимость расширения состава знаний и умений, входящий в состав цифровых компетенций учителя. Сквозные цифровые технологии, входящие в структуру цифровой образовательной среды современной школы, оказывают влияние на ее функциональные возможности и требуют специальной подготовки педагогов. В тоже время проблема подготовки студентов к использованию сквозных цифровых технологий в профессиональной деятельности, определяемая как формирование сквозных цифровых компетенций, остается недостаточно исследованной в дидактике высшей школы. Таким образом, является актуальным уточнение содержания и структуры сквозных цифровых компетенций будущих учителей и разработка методики диагностики

уровня их сформированности в условиях реализации Стратегии развития информационного общества и новых национальных проектов. Результаты диагностики могут быть использованы при проектировании содержания модулей и дисциплин учебных планов подготовки педагогов.

Цель исследования – описание методики диагностики уровня сформированности сквозных цифровых компетенций студентов педагогических направлений подготовки, входящих в УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки».

Материалы и методы исследования

Исследование выполнялось на основе компетентностного подхода, позволяющего согласовать функциональные возможности цифровых технологий с содержанием и уровнями сформированности сквозных цифровых компетенций. Для декомпозиции компетенций использовался библиометрический сетевой анализ статей зарубежных и отечественных авторов, размещенных на сайте научной электронной библиотеки Elibrary. Сеть совместной встречаемости слов строилась в программе Gephi. На основе частотного семантического анализа были определены компоненты компетенции.

Кроме того, для уточнения содержания и структуры каждого компонента, входящего в состав сквозных цифровых компетенций, использовался метод групповых экспертных оценок с привлечением в качестве экспертов квалифицированных преподавателей Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Азовского государственного педагогического университета, Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Московского городского педагогического университета.

При проектировании заданий для диагностики знаний и умений в структуре сквозных цифровых компетенций использовалась модель ОКФАРИ педагогического дизайна учебного задания. Данная модель состоит из шести этапов. На первом этапе проектирования выбирается объект оценки в структуре компетенции. На втором этапе (контекст) составляется текст задания. После этого, на третьем этапе, разрабатывается задание и критерии его оценивания. На четвертом этапе задания апробировались на небольшой выборке студентов и учителей. В апробации приняли участие 75 студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), обучающихся по программам педагогической магистратуры и 25 учителей, проходивших курсы повышения квалификации. Для проведения процедуры апробации был создан цифровой ресурс <https://crosscutting.tilda.ws/>. Пятым этапом проектирования является анализ рефлексивных анкет, заполненных студентами и педагогами по результатам апробации заданий. После анализа, на шестом этапе, текст и формулировка заданий была усовершенствована с учетом полученных ответов и обратной связи.

Созданный диагностический инструментарий был использован при проведении Всероссийской дистанционной Олимпиады по сквозным технологиям в образовании для бакалавров и магистров педагогического образования, проходившей с 15 по 30 сентября 2025 г. на странице Технопарка универсальных педагогических компетенций им. Е.М. Жуховицкого в СДО Moodle: <https://fppkdo.ru/course/view.php?id=1800>. В Олимпиаде приняли участие 1234 студента из 27 педагогических вузов и 6 университетов, осуществляющих подготовку будущих педагогов. Расчет статистики теста, индекса легкости и эффективности дискриминации каждого задания происходил с помощью инструментов платформы Moodle.

Результаты и обсуждение

Под сквозными цифровыми компетенциями понимается способность использовать сквозные цифровые технологии в профессиональной деятельности.

В Федеральном законе «О технологической политике в Российской Федерации» сквозная технология определяется как перспективная наукоемкая технология межотраслевого характера, способствующая созданию высокотехнологичной продукции и внедрению технологических инноваций. Перечень сквозных технологий, представленный в Концепции технологического развития на период до 2030 года, включает в себя 27 технологий. В сфере образования чаще всего используются следующие:

технологии компонентов робототехники и мехатроники, технологии обработки и передачи данных, искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальностей. Анализ психолого-педагогической и методической литературы показал отсутствие в науке обобщенных данных о структурном составе сквозных цифровых компетенций педагога.

На основе библиометрического сетевого анализа статей зарубежных и отечественных авторов, посвященных цифровой трансформации образования, было построено семантическое поле понятий «цифровая компетентность», «цифровые компетенции», «цифровые технологии», «сквозные технологии». Анализ сети совместной встречаемости слов позволил выделить ключевые понятия и декомпозировать понятие сквозной цифровой компетенции на знания и умения. Дополнительно проводился анализ понятий, связанных с компетенциями в области конкретных сквозных технологий: «data-literacy», «AI competency», «компетенции Интернета вещей».

Ниже представлена универсальная структура сквозной цифровой компетенции в области определенной цифровой технологии.

1. Когнитивный компонент. Учитель должен знать и понимать:
 - a. принципы действия цифровой технологии;
 - b. функции цифровой технологии;
 - c. платформы цифровой технологии;
 - d. взаимосвязь с другими технологиями;
 - e. принципы обеспечения цифровой безопасности.
2. Деятельностный компонент. Для использования цифровой технологии в образовательном процессе учитель должен уметь:
 - a. Осуществлять подбор инструментов и платформ;
 - b. Настраивать и подключать оборудование;
 - c. Проектировать образовательный процесс;
 - d. Создавать цифровой контент;
 - e. Соблюдать правила кибербезопасности и принципы этики.
3. Интегративный компонент. Учитель должен уметь использовать цифровую технологию для:
 - a. Проектирования занятий;
 - b. Разработки дидактических материалов;
 - c. Повышения мотивации обучающихся;
 - d. Организации проектной и исследовательской деятельности;
 - e. Организации внеурочной деятельности.

В соответствии с данной структурой, для каждой сквозной цифровой технологии разработаны и прошли экспертную оценку конкретизированные составы знаний и умений педагога в области: технологии анализа данных, технологии искусственного интеллекта, технологии виртуальной и дополненной реальности, образовательной робототехники и Интернета вещей.

В процессе создания диагностического инструментария оценки сквозных цифровых компетенций педагога были составлены кодификаторы проверяемых элементов содержания подготовки педагогов к использованию сквозных технологий в профессиональной деятельности. Кодификаторы определяют содержание контрольно-оценочных материалов для проведения исследования.

По результатам апробации тестовых заданий были определены уровни сформированности сквозных цифровых компетенций бакалавров и магистров педагогического образования: низкий (менее 25%), удовлетворительный (от 26 до 45%), средний (от 46 до 60%), повышенный (от 61 до 85%), высокий (86% и более).

Подготовленный диагностический инструментарий был использован при проведении Всероссийской дистанционной Олимпиады по сквозным технологиям в образовании для бакалавров и магистров педагогического образования. Задания Олимпиады были объединены в 3 блока: искусственный интеллект и анализ данных; технологии виртуальной и дополненной реальности;

образовательная робототехника и Интернет вещей. Общее количество вопросов в базе данных Олимпиады: 135.

Тестирование проходило с использованием системы дистанционного обучения <https://fppkdo.ru/>. Тест включал в себя 30 заданий, по 10 заданий на каждый блок. Максимальное количество баллов за выполнение заданий теста равнялось 50, поскольку задания были проранжированы по уровню сложности: базовый (1 балл) и повышенный (2 балла).

В Олимпиаде приняли участие 1234 студента из 27 педагогических вузов и 6 университетов, осуществляющих подготовку будущих педагогов. Средний балл участников Олимпиады составил 31,23 из 50. Распределение студентов по количеству набранных баллов представлено на рис. 1.

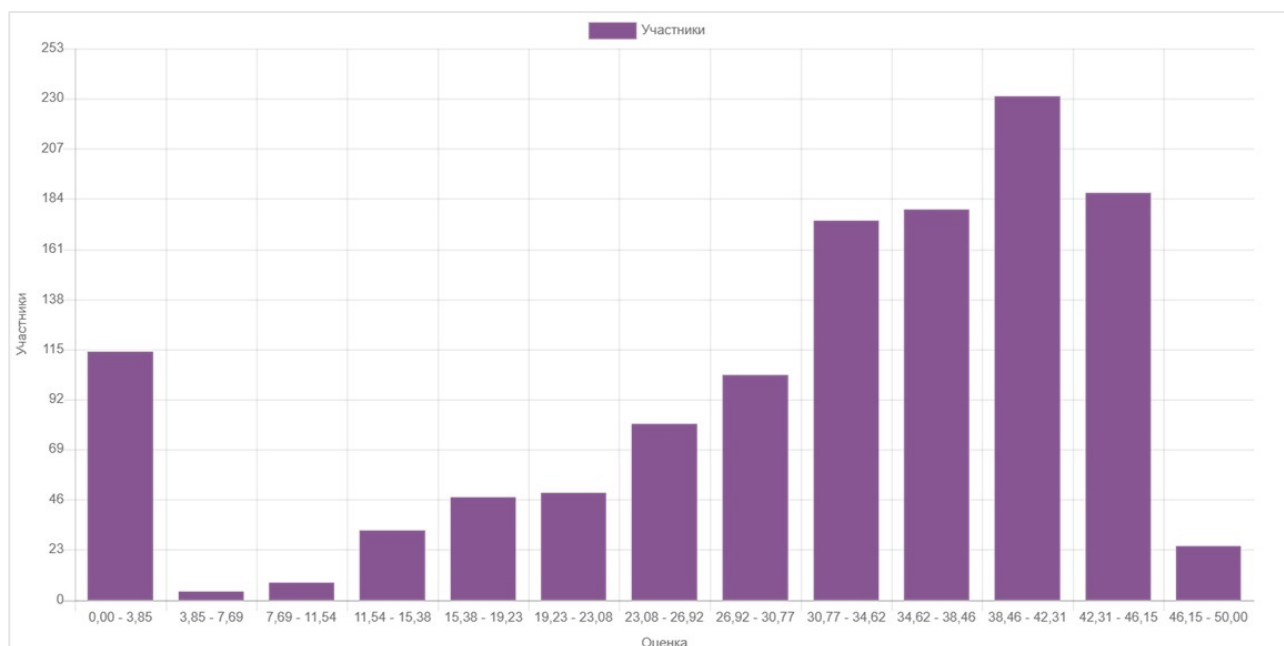


Рисунок 1. Количество студентов, получивших оценки в диапазонах

Среди участников Олимпиады большинство являлось студентами бакалавриата 1 курса (13%), 2 курса (21%), 3 курса (16%), 4 курса (18%) и 5 курса (19%). Студенты педагогической магистратуры составляли 13% от общего числа участников, 9% – магистранты 1 курса и 4% – магистранты – 2 курса. Распределение студентов по уровням сформированности сквозных цифровых компетенций представлено в таблице 1 и на рисунке 2.

Таблица 1. Результаты диагностики сквозных цифровых компетенций бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «Педагогическое образование»

Уровень владения компетенций	Процент выполнения диагностической работы	Количество студентов, продемонстрировавших данный уровень	Процент студентов, продемонстрировавших данный уровень
Низкий	менее 25%	130	10,53
Удовлетворительный	26 – 45%	121	9,81
Базовый	46 – 60%	156	12,64
Повышенный	61 – 85%	624	50,57
Высокий	более 86%	203	16,45
Итого		1234	100,00

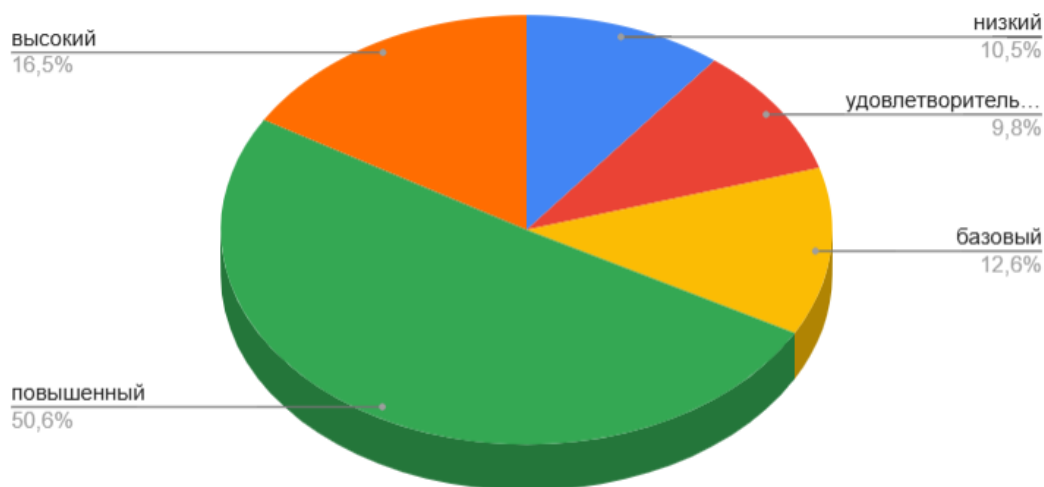


Рисунок 2. Результаты диагностики сквозных цифровых компетенций бакалавров и магистров педагогического образования

В таблицах 2-4 представлены результаты выполнения заданий каждого блока Олимпиады, связанного с технологиями искусственного интеллекта и анализа данных.

Таблица 2. Результаты выполнения заданий на использование технологий виртуальной и дополненной реальности (вопросы 1-10 Олимпиады)

№ п/п	Проверяемый элемент цифровой компетенции	Средний балл	Процент выполнения задания на максимальный балл
1.	Знание принципов действия технологии виртуальной и дополненной реальности (1 балл)	0,74	73,66
2.	Знание типов и видов технологий виртуальной и дополненной реальности (1 балл)	0,67	66,96
3.	Знание сервисов и инструментов для создания проектов виртуальной и дополненной реальности (2 балла)	1,28	64,25
4.	Умение использовать сервисы и платформы для проектов виртуальной и дополненной реальности (2 балла)	1,17	58,52
5.	Умение использовать возможности облачных технологий и искусственного интеллекта для создания AR и VR проектов (2 балла)	1,54	77,23
6.	Умение осуществлять настройку и подключение оборудования виртуальной реальности (2 балла)	1,18	58,88
7.	Умение соблюдать правила безопасности при работе с сервисами виртуальной и дополненной реальности (2 балла)	1,08	53,93
8.	Умение использовать использовать технологии дополненной реальности в организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся (2 балла)	1,22	60,98

9.	Умение проектировать занятия с использованием возможностей технологии виртуальной и дополненной реальности (2 балла)	1,12	55,77
10.	Умение использовать AR и VR технологии для организации внеурочной деятельности обучающихся (2 балла)	1,56	69,05

Таблица 3. Результаты выполнения заданий на использование технологий искусственного интеллекта и анализа данных (вопросы 11-20 Олимпиады)

№ п/п	Проверяемый элемент цифровой компетенции	Средний балл	Процент выполнения задания на максимальный балл
1.	Знание инструментов и методов обработки и анализа данных (1 балл)	0,66	66,21
2.	Знание типов и видов образовательных данных (1 балл)	0,73	73,20
3.	Знание инструментов и сервисов для обработки запросов на естественном языке и программ распознавания и синтеза речи (1 балл)	0,30	29,66
4.	Знание инструментов и сервисов компьютерного и машинного зрения, применяемых для распознавания образов и изображений и создания графического контента (1 балл)	0,72	72,49
5.	Умение осуществлять прогнозирование на основе анализа данных (2 балла)	1,42	62,83
6.	Умение осуществлять обработку и анализ данных с помощью цифровых сервисов и платформ (2 балла)	1,34	62,13
7.	Умение использовать большие данные в организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся (2 балла)	1,14	56,90
8.	Умение использовать голосовые ассистенты и чат-боты для интерактивного общения и персонализированного обучения (2 балла)	1,30	57,96
9.	Умение использовать платформы и инструменты искусственного интеллекта для организации автоматизированного мониторинга успеваемости и оценивания работ обучающихся (2 балла)	1,16	47,88
10.	Умение использовать нейросетевые технологии и машинное обучение в организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся (2 балла)	0,96	57,96

Таблица 4. Результаты выполнения заданий на использование образовательной робототехники и Интернета вещей (вопросы 21-30 Олимпиады)

№ п/п	Проверяемый элемент цифровой компетенции	Средний балл	Процент выполнения задания на максимальный балл
1.	Знание состава образовательного робототехнического комплекса (1 балл)	0,68	68,21

2.	Знание сервисов и инструментов для создания устройств Интернета вещей (1 балл)	0,64	64,42
3.	Знание связи робототехники и интернета вещей с облачными технологиями и системами искусственного интеллекта (1 балл)	0,68	68,03
4.	Знание программного обеспечения образовательного робототехнического комплекса (1 балл)	0,77	77,23
5.	Умение осуществлять механическую сборку роботов, подключение и настройку сенсорной и управляющей систем робота (2 балла)	1,28	63,92
6.	Умение составлять алгоритмы решения типовых задач по робототехнике (2 балла)	0,93	46,61
7.	Умение использовать робототехнические платформы в организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся (2 балла)	0,86	43,24
8.	Умение соблюдать правила безопасности при работе с устройствами и сервисами Интернета вещей (2 балла)	1,43	71,62
9.	Умение использовать технологии и устройства Интернета вещей в организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся (2 балла)	1,50	75,00
10.	Умение использовать платформы и инструменты образовательной робототехники для сбора и анализа данных (2 балла)	1,16	57,76

Расчет индекса легкости (процент выполнения задания на максимальный балл) и эффективности дискриминации (соотношение ответов сильных и слабых обучающихся) для каждого задания был определен с помощью инструментов платформы Moodle (на рис. 3).

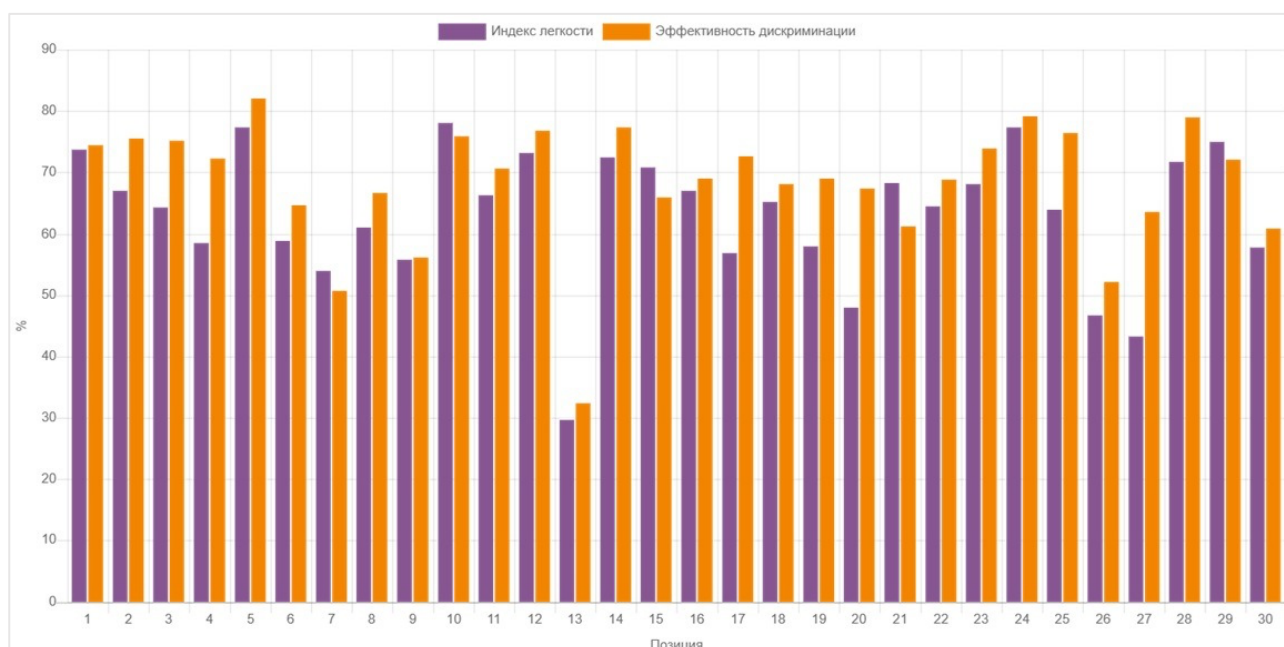


Рисунок 3. Индекс легкости и эффективность дискриминации заданий Олимпиады

Общий расчет статистики теста представлен в таблице 5.

Таблица 5. Статистика теста (%)

Количество попыток	1234
Средняя оценка	62,46
Медиана оценок	69,48
Стандартное отклонение	25,42
Оценка асимметрии распределения	-1,1448
Оценка распределения эксцесса	0,4318
Коэффициент внутренней согласованности	94,41
Соотношение ошибок	23,64
Стандартная ошибка	6,01

Полученные результаты показывают высокую надежность и дискриминативность теста. Коэффициент внутренней согласованности теста очень высокий (94,41%), что подтверждает валидность теста в целом. Стандартное отклонение 25,42% отражает значительную вариабельность результатов. Это типично для больших выборок (1234 участника) и может указывать на неоднородность знаний студентов. Кроме того, среди участников Олимпиады были студенты, которые не отвечали на вопросы, только открывали и закрывали тест, о чем свидетельствуют цифровые следы в системе. Асимметрия распределения является отрицательной, т.е. распределение смещено влево (см. рис. 1), высоких оценок больше, чем низких; эксцесс близок к нормальному, подтверждая приближение к гауссовой кривой.

Проведенное исследование показало, что большинство студентов бакалавриата и магистратуры педагогических направлений подготовки имеют повышенный и высокий уровни владения сквозными цифровыми компетенциями (средняя оценка 62,46%). Медиана 69,48% говорит о положительном сдвиге в распределении оценок. Участники Олимпиады успешно справились с заданиями на знание базовых понятий, инструментов и сервисов сквозных цифровых технологий. Это объясняется достаточным количеством часов, предусмотренных учебным планом на дисциплины коммуникативно-цифрового модуля. Результаты проведенной диагностики согласуются с результатами исследования цифровых компетенций учителей Санкт-Петербурга, представленного в работе Е.Ю. Игнатъевой, О.Н. Шиловой (Игнатъева, 2023). Ученые отмечают достаточно благоприятную ситуацию со сформированностью цифровых компетенций у педагогов. Высокий уровень цифровых компетенций в большей степени присущ педагогам физико-математических и естественно-научных направлений, но авторы замечают, что результаты у учителей гуманитарных предметов и начальной школы незначительно ниже. Это обусловлено реализацией на всех уровнях образования Стратегии научно-технологического развития и национальных проектов, связанных со сквозными и критическими технологиями.

Вместе с тем, как показывают результаты Олимпиады, интегративный компонент сквозных цифровых компетенций бакалавров и магистров педагогических направлений подготовки находится еще на стадии формирования. Задания, связанные с применением цифровых технологий для организации различных видов учебной деятельности, вызвали у студентов затруднения. Например, индекс легкости задания на диагностику умения использовать большие данные в организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся, составляет лишь 47,88%. Поэтому в содержание тем и разделов дисциплин предметно-методического модуля следует интегрировать вопросы, посвященные методике использования цифровых технологий в обучении предмету и демонстрирующие дидактическую целесообразность применения технологий.

В настоящее время многими учеными рассматриваются лишь дополнительные, часто факультативные дисциплины учебного плана для формирования цифровых компетенций. Например, Д.С. Иванова в работе (Иванова, 2023) предлагает ввести дисциплину «Сквозные технологии и технологии искусственного интеллекта» для студентов педагогических направлений подготовки, в рамках которой будут развиваться личностные, базовые цифровые и профессиональные цифровые компетенции педагога.

Мы согласны с мнением М.М. Конколь в том, что в развитии цифровых компетенций студентов и преодолении барьеров в освоении новых технологий ключевую роль играет интегративный подход,

объединяющий традиционные и инновационные методы, включая междисциплинарные кейсы (Конколь, 2025).

Самой популярной и осуждаемой сквозной цифровой технологией за последние два года выступает технология искусственного интеллекта. Это подтверждают результаты анкетирования, которое проходили студенты до выполнения теста. По данным опроса, наибольший дидактический потенциал у технологий искусственного интеллекта (55%). Для сравнения, технологии виртуальной и дополненной реальности, занявшие второе место, набрали лишь 18% голосов.

Как подчеркивается в работе Тибора Колтая, проблема грамотности в области искусственного интеллекта привлекает все большее внимание, поэтому необходимо интегрировать знания о данных и их анализе в образовательные практики (Колтай, 2025).

Примеры использования технологий искусственного интеллекта в обучении конкретным предметам и дисциплинам являются дидактически значимыми. Результаты некоторых исследований демонстрируют повышение качества образования за счет внедрения элементов искусственного интеллекта в образовательный процесс (Каракозов, 2024). Необходимо дальнейшее изучение дидактических свойств технологии искусственного интеллекта и изменений в методике преподавания дисциплин, связанных с ее использованием. Между тем, анализ результатов выполнения заданий на технологии искусственного интеллекта показал, что наибольшие затруднения у студентов вызвали задания, связанные использованием искусственного интеллекта для проведения оценочных процедур (процент выполнения задания на максимальный балл – индекс легкости: 47,88%).

Таким образом, для повышения уровня сформированности сквозных цифровых компетенций студентов необходимо уделять больше внимания практическим аспектам использования цифровых технологий в учебной деятельности и демонстрировать интеграцию этих технологий в учебный процесс.

Диагностический инструментарий для оценки сквозных цифровых компетенций, подготовленный в рамках исследования, способствовал уточнению содержания и структуры каждого компонента. В отличие от моделей цифровых компетенций учителя, построенных на основе видов деятельности в цифровой среде (Токтарова, 2023), и матриц цифровых компетенций, содержащих разные типы цифровой грамотности (например, информационная, технологическая, коммуникативная, информационная безопасность и медиаграмотность) (Калашникова, 2025), предложенная структура сквозной цифровой компетенции в области определенной цифровой технологии имеет ряд преимуществ: универсальность, технологичность и интегративность.

Заключение

В статье представлена методика диагностики уровня сформированности сквозных цифровых компетенций студентов педагогических направлений подготовки. Разработанный диагностический инструментарий включает в себя три блока: искусственный интеллект и анализ данных; технологии виртуальной и дополненной реальности; образовательная робототехника и Интернет вещей. Каждый блок состоит из трех компонентов: когнитивного, деятельностного и интегративного.

Материалы исследования могут быть использованы при проектировании содержательного блока методической системы подготовки учителей к использованию сквозных цифровых технологий в профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Белоусова Н.Н. Формирование цифровой культуры обучающихся среднего профессионального образования в условиях профессиональной подготовки // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. С. 27-35.
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Воробчикова Е.О. Модель организации обучения взрослых в условиях цифровизации: организационно-деятельностный компонент // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 3(55). С. 29-39.

3. Иванова Д.С. Формирование цифровых компетенций педагога при изучении дисциплины «Сквозные технологии и технологии искусственного интеллекта» // Психолого-педагогический поиск. 2023. № 1(65). С. 63-70.
4. Игнатьева Е.Ю., Шилова О.Н. Цифровые компетенции учителей: анализ современного состояния // Непрерывное образование: XXI век. 2023. № 2(42). С. 110-129.
5. Калашникова Е.К., Карпов Е.К. Цифровая грамотность студентов: методика, тестирование, оценка // Вопросы образования. 2025. № 1. С. 169-196.
6. Каракозов С.Д., Самохвалова Е.А. Концепция информационно-методической поддержки использования информационных систем на основе искусственного интеллекта в подготовке студентов // Преподаватель XXI век. 2024. № 1-1. С. 19-36.
7. Кондаков А.М., Сергеев И.С., Абрамов В.И. Искусственный интеллект как фактор трансформации образования // Педагогика. 2024. Т. 88. № 2. С. 5-24.
8. Конколь М.М. Метацифровая компетентность как новая парадигма образования в эпоху искусственного интеллекта // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2025. Т. 24. № 2(175). С. 112-119.
9. Крайнева С.В., Шефер О.Р., Лебедева Т.Н. Разработка модели формирования цифровой компетентности бакалавров в контексте создания безопасной образовательной среды // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2025. № 1(239). С. 268-276.
10. Кудрявцева М.Е., Пряхина А.В. Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства // Дискурс. 2023. № 9(5). С. 98-116.
11. Кузнецов А.А., Хеннер Е.К., Имакаев В.Р. Информационно-коммуникационная компетентность современного учителя // Информатика и образование. 2010. № 4. С. 3-11.
12. Можаяева Г.В., Касьяник Е.Л. Развитие цифровой компетентности педагогических работников системы профессионального образования в Республике Беларусь // Теория и методика профессионального образования. 2022. № 9. С. 207-217.
13. Носкова Т.Н., Яковлева О.В. Цифровые компетенции учителя в контексте образовательного поведения современного ученика // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2025. № 3. С. 3-11.
14. Роберт И.В. Развитие информатизации образования периода цифровой трансформации // Педагогическое образование и наука. 2025. № 2. С. 7-11.
15. Смешанные образовательные технологии в высшем образовании: систематический обзор отечественных публикаций / Бордовская Н.В., Кошкина Е.А., Тихомирова М.А., Мелкая Л.А. // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8-9. С. 58-78.
16. Сысоев П.В. Компетентия современного педагога в области искусственного интеллекта: структура и содержание // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 58-79.
17. Токтарова В.И., Ребко О.В., Семенова Д.А. Сравнительно-сопоставительный анализ моделей цифровых компетенций педагогов в условиях цифровой трансформации образования // Science for Education Today. 2023. Т. 13. № 5. С. 79-104.
18. Тонких А.П. Российские образовательные интернет-ресурсы для учителей начальной школы // Начальная школа. 2007. № 1. С. 117-124.
19. Уваров А.Ю., Авдеева С.М. О разработке квалификационных требований к ИКТ-компетенциям педагогов // Наука и школа. 2016. № 6. С. 146-159.
20. Худякова А.В. Развитие компетенции анализа образовательных данных у будущих учителей физики // Перспективы науки и образования. 2025. № 3(75). С. 100-121.
21. Чернавин Ю.А., Барина Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29-39.
22. Яковлева Е.В. Цифровая компетентность будущего педагога: компонентный состав // Концепт. 2021. № 4. С. 46-57.

23. Khenner E., Zhabayev Y., Bidaibekov Y., Shekerbekova S. The effectiveness of training future computer science teachers in computer networks based on network modelling // Journal of theoretical and applied information technology. 2022. Vol. 100. № 4. pp. 938-947.
24. Koltai T. From data literacy to artificial intelligence literacy: background and approaches // Central European library and information science review. 2025. Vol. 2. №. 1. pp. 1-15.

Theoretical and methodological foundations for diagnosing the level of formation of end-to-end digital competencies of a teacher

Anna V. Khudyakova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Computer Science and End-to-End Technologies
Perm State Humanitarian and Pedagogical University
Perm, Russia
ahudyakova@pspu.ru
ORCID 0000-0002-5262-606X

Received 28.11.2025

Accepted 17.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/e9591-6209-1769-x

EDN OJBDDX

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

In the didactics of higher education, the issue of teacher training for the use of end-to-end digital technologies in professional activities, defined as the formation of end-to-end digital competencies, remains insufficiently investigated. The structure and content of these competencies is the subject of scientific debate. Building models of teachers' digital competencies is necessary to ensure the processes of digital transformation in educational organizations. To design a methodical teacher training system for the use of end-to-end digital technologies, it is necessary to determine the planned results and develop tools to diagnose their achievement. The purpose of the study is to describe a methodology for diagnosing the level of formation of end-to-end digital competencies of students - future teachers. The research was carried out on the basis of a competence-based approach, the structure of digital competencies was considered as a set of three components: cognitive (knowledge), activity-based (skill), integrative (practical experience). To substantiate the elements of the content and levels of formation of end-to-end digital competencies, a bibliometric network analysis of publications on the research problem and the method of group expert assessments with the involvement of university professors and current teachers as experts were used. Results. In the course of the research, a codifier of the verifiable elements of the content of teacher training for the use of end-to-end technologies in professional activities was developed, the structure of end-to-end digital competence in the field of a certain digital technology was described, and the levels of its formation were determined. The created diagnostic tools were used during the All-Russian Distance Olympiad on end-to-end technologies in education for bachelors and masters of pedagogical education. The research materials can be used in designing the content of modules and disciplines of teacher training curricula.

Keywords

professional teacher training; end-to-end digital technologies; end-to-end digital competencies; levels of competence formation; diagnostics of competencies; student Olympiad.

The publication was prepared as part of a state assignment with the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic «Formation of digital competencies of students of pedagogical training areas in the field of artificial intelligence and data analysis» (scientific topic code OTGE-2025-0021).

References

1. Belousova N.N. Formation of the digital culture of secondary vocational education students in the context of professional training // The world of science. Pedagogy and psychology. 2020. Vol. 8. № 6. pp. 27-35.
2. Weindorf-Sysoeva M.E., Vorobchikova E.O. The model of organizing adult education in the context of digitalization: organizational and activity component // Vocational education in Russia and abroad. 2024. № 3(55). pp. 29-39.
3. Ivanova D.S. Formation of digital competencies of a teacher in the study of the discipline «End-to-end technologies and artificial intelligence technologies» // Psychological and pedagogical search. 2023. № 1(65). pp. 63-70.
4. Ignatieva E.Yu., Shilova O.N. Digital competencies of teachers: an analysis of the current state // Continuing education: XXI century. 2023. № 2(42). pp. 110-129.
5. Kalashnikova E.K., Karpov E.K. Digital literacy of students: methodology, testing, evaluation // Educational issues. 2025. № 1. pp. 169-196.
6. Karakozov S.D., Samokhvalova E.A. The concept of information and methodological support for the use of information systems based on artificial intelligence in student training // Teacher of the XXI century. 2024. № 1-1. pp. 19-36.
7. Kondakov A.M., Sergeev I.S., Abramov V.I. Artificial intelligence as a factor of education transformation // Pedagogy. 2024. Vol. 88. № 2. pp. 5-24.
8. Konkol M.M. Meta-digital competence as a new paradigm of education in the era of artificial intelligence // Russian State Social University scientific notes. 2025. Vol. 24. № 2(175). pp. 112-119.
9. Kraineva S.V., Schaefer O.R., Lebedeva T.N. Development of a model for the formation of digital competence of bachelors in the context of creating a safe educational environment // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2025. No. 1(239). pp. 268-276.
10. Kudryavtseva M.E., Pryakhina A.V. Digital culture of personality as a factor of socio-psychological security of the digital space // Discourse. 2023. No. 9(5). pp. 98-116.
11. Kuznetsov A.A., Henner E.K., Imakaev V.R. Information and communication competence of a modern teacher // Informatics and education. 2010. No. 4. pp. 3-11.
12. Mozhaeva G.V., Kasyanik E.L. Development of digital competence of teachers of the vocational education system in the Republic of Belarus // Theory and methodology of vocational education. 2022. № 9. pp. 207-217.
13. Noskova T.N., Yakovleva O.V. Digital teacher competencies in the context of educational behavior of a modern student // Quality management of education: theory and practice of effective administration. 2025. № 3. pp. 3-11.
14. Robert I.V. Development of informatization of education in the period of digital transformation // Pedagogical education and science. 2025. № 2. pp. 7-11.
15. Mixed educational technologies in higher education: a systematic review of domestic publications / Bordovskaya N.V., Koshkina E.A., Tikhomirova M.A., Melkaya L.A. // Higher education in Russia. 2022. Vol. 31. № 8-9. pp. 58-78.
16. Sysoev P.V. Competence of a modern teacher in the field of artificial intelligence: structure and content // Higher education in Russia. 2025. Vol. 34. № 6. pp. 58-79.

17. Toktarova V.I., Rebko O.V., Semenova D.A. Comparative analysis of models of digital competencies of teachers in the context of digital transformation of education // Science for education today. 2023. Vol. 13. № 5. pp. 79-104.
18. Tonkikh A. P. Russian educational Internet resources for primary school teachers // Elementary school. 2007. № 1. pp. 117-124.
19. Uvarov A.Yu., Avdeeva S.M. On the development of qualification requirements for ICT competencies of teachers // Science and school. 2016. № 6. pp. 146-159.
20. Khudyakova A.V. Development of competence of educational data analysis among future physics teachers // Perspectives of science and education. 2025. № 3(75). pp. 100-121.
21. Chernavin Yu.A., Barinova G.V. Man in the space of digital culture // Questions of philosophy. 2023. № 4. pp. 29-39.
22. Yakovleva E.V. Digital competence of a future teacher: a component composition // Concept. 2021. № 4. pp. 46-57.
23. Khenner E., Zhabayev Y., Bidaibekov Y., Shekerbekova S. The effectiveness of training future computer science teachers in computer networks based on network modelling // Journal of theoretical and applied information technology. 2022. Vol. 100. № 4. pp. 938-947.
24. Koltai T. From data literacy to artificial intelligence literacy: background and approaches // Central European library and information science review. 2025. Vol. 2. №. 1. pp. 1-15.

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Управление ИТ-проектами в вузе и выбор методологий Agile и гибридных моделей для повышения прозрачности сроков и качества внедрений

Юлия Сергеевна Бузыкова

Кандидат педагогических наук, доцент

МИРЭА – Российский технологический университет

Москва, Россия

juliaserg_buz@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 16.11.2025

Принята 16.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 006:62

DOI 10.25726/p2813-9503-6009-k

EDN NNHOAL

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается специфика управления ИТ-проектами в университетской среде, где цифровизация учебных и административных процессов сталкивается с сочетанием бюрократических регламентов, коллегиальных механизмов принятия решений и жесткой привязки работ к академическому календарю. На материале мониторинга цифровой трансформации 18 вузов в 2019–2023 гг. и анализа 142 завершенных проектов сопоставляются каскадная модель, гибкие практики (Scrum/Kanban) и гибридные схемы, использующие итеративную разработку при сохранении контрольных точек и отчетности, обязательных для бюджетных организаций. Сопоставление показателей предсказуемости и управляемости демонстрирует, что каскадный подход формирует эффект «черного ящика»: среднее отклонение от сроков достигает 28,4% при низкой прозрачности (4,21 из 10) и длительной реакции на блокирующие проблемы (46,8 часа), что связано с накоплением ошибок планирования и задержками согласований. Гибкие методологии резко повышают прозрачность (8,94 из 10) и ускоряют реакцию (8,4 часа), однако чаще провоцируют расширение границ работ и перерасход бюджета (24,7%), что критично при фиксированном финансировании. Гибридная модель показывает наиболее устойчивый баланс: минимальное отклонение от сроков (8,3%), наибольшую долю сдачи точно в срок (71,9%) и наименьшее превышение бюджета (11,2%) при снижении критических сбоев в первый месяц эксплуатации (1,24). Качество и принятие решений пользователями интерпретируются через метрики дефектов, возвратов на доработку и скорости адаптации; выявлено, что ранняя и регулярная демонстрация промежуточных результатов снижает риск разработки невостребованного функционала и уменьшает пострелизные затраты на исправления по сравнению с каскадом. Отдельно анализируются культурные эффекты: резкое внедрение «чистого» Agile усиливает сопротивление изменениям и текучесть кадров, тогда как гибридизация выступает демпфером, обеспечивая приемлемую вовлеченность заказчика и более прогнозируемый организационный стресс, что делает смешанные подходы наиболее релевантными для крупных инфраструктурных внедрений в высшей школе.

Ключевые слова

управление ИТ-проектами, вузы, Agile, гибридные модели, прозрачность сроков и качества внедрений.

Введение

Современная образовательная среда высшего учебного заведения претерпевает фундаментальные трансформации, обусловленные необходимостью глубокой интеграции информационных технологий во все аспекты академической и административной деятельности. Процессы цифровизации, затрагивающие как создание контента, так и управление инфраструктурой вуза, требуют пересмотра традиционных подходов к менеджменту проектов, которые исторически базировались на жестком планировании и каскадных моделях. Специфика университета как организации заключается в сложном переплетении бюрократических процедур, академических свобод и необходимости оперативного реагирования на внешние вызовы, что создает уникальный ландшафт для применения гибких методологий управления. Внедрение информационных систем в таком контексте часто сталкивается с проблемой непрозрачности сроков реализации и несоответствия итогового продукта ожиданиям стейкхолдеров, которыми выступают как администрация, так и профессорско-преподавательский состав и студенчество (Семенов, 2024).

Кризис традиционных методологий управления, в частности модели Waterfall, в условиях университетской информатизации проявляется в неспособности жестких планов адаптироваться к динамично меняющимся требованиям образовательного процесса. Часто бывает так, что к моменту завершения разработки крупного программного модуля, например, системы управления учебным процессом или личного кабинета абитуриента, первоначальные требования уже теряют свою релевантность из-за изменений в законодательстве или внутренних регламентах вуза. Это приводит к значительному расходованию ресурсов на доработку функционала, что снижает общую эффективность инвестиций в ИТ-инфраструктуру и вызывает скепсис со стороны руководства относительно успешности цифровой трансформации в целом (Воронин, 2024).

Поиск альтернативных путей повышения эффективности проектной деятельности в вузах все чаще приводит к рассмотрению методологий семейства Agile и гибридных подходов, сочетающих гибкость итеративной разработки с необходимой для бюджетных учреждений отчетностью и контрольными точками. Гибкие методологии, изначально разработанные для коммерческого сектора разработки программного обеспечения, предлагают инструменты для повышения прозрачности процессов и вовлечения заказчика в процесс создания продукта на ранних стадиях. Однако прямой перенос корпоративных практик в академическую среду невозможен без учета культурных и организационных особенностей вузов, где процессы принятия решений часто носят коллегиальный и многоступенчатый характер (Зубрев, 2024).

Актуализируется потребность в научном осмыслении того, как именно гибридизация проектных подходов влияет на ключевые показатели эффективности ИТ-проектов в образовании: соблюдение сроков, качество внедряемых решений и уровень удовлетворенности конечных пользователей. Существует гипотеза, что именно гибридные модели, сохраняющие рамку жестких дедлайнов, привязанных к академическому календарю, но допускающие гибкость в реализации функционала внутри этапов, способны обеспечить необходимый баланс между контролем и адаптивностью (Семенов, 2024). Исследование данной проблематики требует анализа не только технических метрик, но и организационно-педагогических условий, влияющих на успех внедрения.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу работы составили данные, полученные в ходе лонгитюдного мониторинга процессов цифровой трансформации в 18 высших учебных заведениях различного профиля и масштаба. В выборку вошли федеральные университеты, национальные исследовательские университеты и опорные региональные вузы, что позволило обеспечить репрезентативность данных и учесть различия в объемах финансирования и организационных структурах. Период сбора данных охватил временной промежуток с 2019 по 2023 год, что дало возможность проследить динамику изменений в подходах к управлению ИТ-проектами до, во время и после пиковых нагрузок, вызванных пандемическими ограничениями и экстренным переходом на дистанционные формы обучения. Всего было проанализировано 142 завершённых ИТ-проекта различной сложности: от внедрения систем

электронного документооборота до разработки мобильных приложений для навигации по кампусу (Бельский, 2024).

Методологический аппарат исследования базировался на сочетании количественных и качественных методов анализа. Для оценки эффективности применяемых методологий использовался комплексный индекс успешности проекта, включающий параметры отклонения от плановых сроков, соответствия бюджету и метрики качества программного кода, такие как плотность дефектов на тысячу строк кода (Defect Density) и время устранения критических ошибок. Сбор данных осуществлялся посредством выгрузки обезличенной статистики из систем управления проектами (Jira, Trello, Redmine), используемых проектными командами вузов, а также через анализ внутренней отчетной документации проректоров по цифровизации (Должиков, 2025).

Для оценки качественных показателей, таких как удовлетворенность пользователей и прозрачность процессов для заказчика, применялись методы анкетирования и глубинных интервью с ключевыми стейкхолдерами. Было опрошено 56 руководителей ИТ-департаментов, 120 представителей административно-управленческого персонала и более 300 преподавателей, выступавших в роли функциональных заказчиков или тестировщиков внедряемых систем. Особое внимание уделялось классификации применяемых методологий управления: проекты были разделены на три группы – реализуемые по классической каскадной модели (Waterfall), с применением гибких методологий (Agile/Scrum/Kanban) и с использованием гибридных подходов (Бауэр, 2025).

Результаты и обсуждение

Центральным вопросом при оценке эффективности управления ИТ-проектами в университетской среде является способность выбранной методологии обеспечивать предсказуемость результатов в условиях жестких внешних ограничений. Академический цикл, жестко привязанный к семестрам, приемным кампаниям и периодам аккредитации, накладывает специфические требования на соблюдение сроков, которые в коммерческой разработке могут быть более гибкими. Отсутствие прозрачности на этапах реализации часто приводит к ситуации «черного ящика», когда руководство вуза узнает о проблемах лишь на стадии финальной приемки, когда исправление ошибок требует колоссальных ресурсов или становится невозможным без срыва учебного процесса. Внедрение итеративных подходов призвано решить эту проблему за счет регулярной демонстрации промежуточных результатов (Двирняк, 2025).

В ходе анализа массива данных была выявлена зависимость между типом применяемой методологии и точностью соблюдения временных рамок, а также уровнем прозрачности процесса для административного аппарата вуза. Оценка прозрачности производилась на основе частоты и качества обратной связи между командой разработки и внутренним заказчиком, а также доступности актуальных данных о статусе задач в режиме реального времени. Важным аспектом стало и сопоставление планируемой длительности этапов с фактическими затратами времени, что позволяет судить о качестве планирования и способности методологии адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам, характерным для сложной бюрократической структуры (табл. 1).

Таблица 1 Показатели соблюдения сроков и прозрачности реализации ИТ-проектов в зависимости от методологии управления

Показатель	Каскадная модель (Waterfall)	Гибкая методология (Agile)	Гибридная модель (Hybrid)
Среднее отклонение от плановых сроков (%)	28,4	12,7	8,3
Индекс прозрачности процессов (0-10 баллов)	4,21	8,94	7,65
Частота корректировки требований (раз/мес)	0,85	4,32	2,15

Доля проектов, сданных точно в срок (%)	34,6	58,2	71,9
Среднее время реакции на блокирующую проблему (часы)	46,8	8,4	14,2

Данные демонстрируют существенное различие в динамике реализации проектов в зависимости от управленческого подхода. Высокий процент отклонения от сроков при использовании каскадной модели объясняется накоплением ошибок планирования на ранних стадиях, которые проявляются лишь на этапе тестирования или внедрения. Жесткая структура Waterfall, предполагающая последовательное прохождение этапов, в условиях вуза часто сталкивается с задержками согласования технических заданий, что приводит к лавинообразному смещению дедлайнов. В то же время гибкие методологии показывают высокую прозрачность, но не всегда гарантируют попадание в жесткий дедлайн из-за возможности бесконечного совершенствования продукта, что подтверждается меньшей долей проектов, сданных точно в срок, по сравнению с гибридной моделью (Черкасов, 2024).

Гибридные модели демонстрируют наиболее сбалансированные показатели, что обусловлено сочетанием жестких верхнеуровневых майлстоунов (milestones), синхронизированных с академическим календарем, и гибкой организации работы внутри этапов. Это позволяет командам оперативно реагировать на локальные изменения, не теряя при этом фокуса на конечной дате релиза. Уменьшение среднего времени реакции на блокирующие проблемы в гибких и гибридных моделях свидетельствует о более высокой степени коммуникации внутри команд и более плотном взаимодействии с держателями бизнес-процессов университета.

Следующим критически важным аспектом является качество внедряемых решений, которое в контексте образовательной организации измеряется не только отсутствием технических сбоев, но и соответствием функционала реальным потребностям пользователей. Специфика педагогического процесса и административной работы в вузе такова, что даже технически исправная система может быть отвергнута пользователями, если ее логика противоречит устоявшимся практикам или требует избыточных трудозатрат. Поэтому анализ качества включал в себя как объективные метрики стабильности кода, так и субъективные оценки удовлетворенности функциональных заказчиков и конечных пользователей (Лапицкий, 2025).

Влияние методологии на качество продукта неоднозначно: с одной стороны, детальное проектирование в каскадной модели должно обеспечивать надежность, с другой – длительный цикл разработки без обратной связи повышает риск создания невостребованного функционала. Гибкие подходы, ориентированные на поставку ценности, предполагают частые релизы и быстрое исправление ошибок, однако в условиях высокой нагрузки на серверные мощности вуза частые обновления могут нести риски нестабильности. Для оценки данных параметров были проанализированы показатели плотности дефектов и интегральный индекс удовлетворенности качеством продукта (табл. 2).

Таблица 2 Показатели качества программного обеспечения и удовлетворенности пользователей

Показатель	Каскадная модель (Waterfall)	Гибкая методология (Agile)	Гибридная модель (Hybrid)
Плотность дефектов на 1000 строк кода (после релиза)	4,82	6,15	3,44
Критические сбои в первый месяц эксплуатации (шт.)	3,12	1,85	1,24
Удовлетворенность функционалом (1-10 баллов)	5,34	8,12	7,95
Процент возвратов на доработку функционала	42,7	15,3	18,6

Время адаптации пользователей к системе (дни)	24,5	11,2	14,8
---	------	------	------

Анализ метрик качества выявляет интересную закономерность: несмотря на более высокую плотность дефектов в коде при использовании чистых Agile-методологий, удовлетворенность пользователей остается высокой. Это объясняется тем, что гибкие подходы позволяют пользователям начать работу с системой раньше и влиять на ее развитие, что снижает уровень сопротивления инновациям. Высокая плотность дефектов при Agile нивелируется скоростью их устранения, тогда как в каскадной модели ошибки, обнаруженные после релиза, исправляются долго и бюрократически сложно, что вызывает фрустрацию пользователей. Гибридная модель показывает наименьшее количество критических сбоев, что вероятно связано с более тщательным контролем качества перед крупными релизами, характерным для плановых подходов, при сохранении итеративной разработки (Гринман, 2025).

Особого внимания заслуживает показатель процента возвратов на доработку функционала. В каскадной модели он достигает критических значений, что свидетельствует о системной проблеме: за время написания и согласования ТЗ реальные потребности кафедр или деканатов меняются, либо изначально были неверно интерпретированы аналитиками. В гибридных и гибких моделях постоянная демонстрация промежуточных версий (демо-дни) позволяет выявить несоответствия на ранних стадиях, когда стоимость внесения изменений минимальна. Сокращение времени адаптации пользователей в гибких моделях также связано с принципом постепенного наращивания функционала, когда пользователи обучаются работе с системой поэтапно, а не сталкиваются сразу с громоздким монолитом.

Экономическая эффективность управления ИТ-проектами в вузе не может оцениваться исключительно через призму прямой прибыли, так как большинство проектов носят инфраструктурный или социальный характер. Однако вопросы рационального использования бюджетных средств и трудовых ресурсов стоят крайне остро. Выбор методологии влияет на структуру затрат: Waterfall требует больших вложений на этапе аналитики и проектирования, тогда как Agile может создавать иллюзию бесконечного бюджета из-за отсутствия фиксированного объема работ. Важно понять, как различные подходы влияют на итоговую стоимость владения продуктом и эффективность использования рабочего времени проектных команд (Нигматуллин, 2024).

Ресурсная эффективность также включает в себя утилизацию времени сотрудников вуза, привлекаемых к проектам в качестве экспертов. Чрезмерное отвлечение преподавателей на участие в рабочих группах может негативно сказываться на их основной деятельности, в то время как недостаточная вовлеченность ведет к созданию некачественных продуктов. Баланс между затратами на разработку и стоимостью последующего сопровождения и развития системы является ключевым индикатором экономической целесообразности выбранной управленческой модели. Данные по экономическим и ресурсным показателям представлены далее (табл. 3).

Таблица 3 Экономические показатели и эффективность использования ресурсов в ИТ-проектах

Показатель	Каскадная модель (Waterfall)	Гибкая методология (Agile)	Гибридная модель (Hybrid)
Превышение первоначального бюджета (%)	18,4	24,7	11,2
Доля затрат на исправление ошибок пост-релиз (%)	32,5	12,8	15,4
Эффективность утилизации рабочего времени команды (%)	68,3	89,4	84,1
Стоимость этапа аналитики (% от общего бюджета)	28,6	12,4	19,8
ROI (возврат инвестиций, экспертная оценка, %)	115,3	142,8	156,5

Математическая интерпретация экономических данных указывает на парадоксальную ситуацию: гибкие методологии, часто критикуемые за непредсказуемость бюджета, в итоге показывают более высокую окупаемость инвестиций. Это достигается за счет раннего вывода продукта в эксплуатацию и отказа от реализации невостребованного функционала, который в каскадной модели часто разрабатывается «на всякий случай» и входит в смету. Тем не менее Agile-проекты склонны к превышению бюджета из-за расширения границ проекта (scope creep) в процессе реализации, что является серьезным риском для вузов с жестким государственным финансированием (Мороз, 2024).

Гибридная модель демонстрирует наименьшее отклонение от бюджета, что делает ее наиболее привлекательной для финансового планирования в условиях бюджетной организации. Снижение доли затрат на исправление ошибок после релиза в гибких и гибридных моделях по сравнению с каскадной (12-15% против 32,5%) свидетельствует о том, что инвестиции в качество в процессе разработки более выгодны, чем экстренный «ремонт» готовой системы. Эффективность утилизации рабочего времени в Agile выше за счет минимизации простоев в ожидании согласований, которые являются бичом каскадных процессов в бюрократизированных структурах.

Наконец, необходимо рассмотреть влияние методологий на человеческий капитал и организационную культуру вуза. Внедрение новых подходов к управлению проектами неизбежно сталкивается с сопротивлением персонала, привыкшего к традиционным иерархическим структурам. Уровень стресса в проектных командах, текучесть кадров среди ИТ-специалистов вуза и готовность административного персонала к взаимодействию в новых форматах являются важными индикаторами устойчивости процессов трансформации. Успех ИТ-проекта зависит не только от кода, но и от психологического климата и готовности организации принять новые правила игры (Третьяков, 2024).

Исследование показало, что резкий переход на Agile может вызывать когнитивный диссонанс у сотрудников старой закалки, что приводит к конфликтам и саботажу. В то же время, молодые специалисты и прогрессивная часть преподавательского состава позитивно воспринимают демократизацию процессов и возможность влиять на результат. Оценка уровня вовлеченности и сопротивления изменениям позволяет понять, какая методология является наиболее «экологичной» для консервативной университетской среды (табл. 4).

Таблица 4 Показатели влияния методологии на персонал и организационную культуру

Показатель	Каскадная модель (Waterfall)	Гибкая методология (Agile)	Гибридная модель (Hybrid)
Уровень сопротивления изменениям (индекс 0-10)	3,45	7,82	5,14
Текучесть кадров в проектных командах (%)	14,2	22,8	11,6
Вовлеченность заказчика в процесс (часов/неделю)	1,5	8,4	4,2
Уровень стресса команды перед релизом (индекс 0-10)	8,92	5,13	6,45
Скорость принятия управленческих решений (дни)	12,4	3,2	5,8

Интерпретация социально-психологических показателей выявляет высокие риски при внедрении чистого Agile в неподготовленную среду: уровень сопротивления изменениям максимален, а текучесть кадров повышается, что может быть связано как с выгоранием от высокого темпа спринтов, так и с конфликтом культур. Однако уровень стресса перед релизом в Agile минимален благодаря равномерному распределению нагрузки, тогда как в Waterfall наблюдается эффект «штормовщины», когда перед сдачей проекта команда работает в авральном режиме, что крайне негативно сказывается на здоровье сотрудников и качестве продукта.

Гибридная модель выступает своего рода демпфером, снижая уровень сопротивления за счет сохранения понятных атрибутов отчетности и планирования, но при этом уменьшая бюрократическую нагрузку и ускоряя принятие решений. Оптимальный уровень вовлеченности заказчика в гибридных проектах (около 4 часов в неделю) является посильным для загруженных деканов и руководителей подразделений, в отличие от требований Agile, которые могут отнимать слишком много времени у непрофильных специалистов (Махлягин, 2025).

Синтез полученных данных позволяет говорить о том, что универсального решения не существует, однако прослеживаются четкие тенденции, указывающие на преимущества смешанных подходов в условиях высшей школы. Традиционные каскадные методы, обеспечивая формальное соответствие регламентам, проигрывают в реальной эффективности, создавая продукты, которые устаревают еще до момента внедрения, и порождая скрытые расходы на доработки. Чистые гибкие методологии, обладая высоким потенциалом качества и удовлетворенности, несут риски бюджетной недисциплинированности и отторжения организационной культурой.

Наблюдается корреляция между сложностью проекта, типом организационной структуры вуза и эффективностью применяемой методологии. Для крупных инфраструктурных проектов с четкими нормативными требованиями гибридные модели показывают наилучшие результаты, позволяя сочетать стратегическое планирование с тактической гибкостью. Для экспериментальных разработок и студенческих сервисов, где требования могут меняться еженедельно, более оправдан переход к Agile, при условии готовности команды и заказчика к тесному взаимодействию.

Заключение

Анализ практики управления ИТ-проектами в высших учебных заведениях выявляет насущную потребность в трансформации управленческих подходов, отходя от жесткого детерминизма каскадных моделей к более адаптивным схемам. Полученные в ходе исследования данные наглядно демонстрируют, что применение гибридных методологий позволяет достичь оптимального баланса между необходимой для бюджетных учреждений прозрачностью отчетности и гибкостью, требуемой для создания качественных цифровых продуктов. Статистические показатели подтверждают, что проекты, реализуемые по смешанным сценариям, имеют более высокие шансы на успешное завершение в срок с соблюдением бюджетных ограничений, при этом обеспечивая более высокий уровень удовлетворенности конечных пользователей по сравнению с традиционными методами.

Ключевым фактором успеха становится не просто формальное внедрение инструментов Scrum или Kanban, а глубокая адаптация философии гибкого управления к академической культуре. Выявленные различия в восприятии изменений различными группами стейкхолдеров указывают на необходимость сопровождения внедрения новых методологий программами обучения и организационной поддержки. Снижение уровня сопротивления и стресса в командах, работающих по гибридным моделям, свидетельствует о том, что эволюционный путь развития управленческих практик является более предпочтительным для консервативной университетской среды, чем революционный слом устоявшихся процедур.

Перспективы дальнейшего развития управления проектами в сфере образования лежат в плоскости интеграции интеллектуальных систем поддержки принятия решений, которые смогут прогнозировать риски срыва сроков и перерасхода бюджета на основе анализа больших данных проектной деятельности. Переход к гибридным моделям создает необходимый базис для такой цифровизации самого процесса управления, накапливая структурированные данные о ходе реализации задач. Это позволит вузам не только повысить качество внедряемых информационных систем, но и трансформировать саму культуру административного управления, делая ее более открытой, динамичной и ориентированной на реальные потребности участников образовательного процесса.

Список литературы

1. Бауэр В.В., Крупнов Ю.А. Факторы успешного внедрения гибридного управления проектами в строительном бизнесе // Экономические науки. 2025. № 246. С. 603-611.

2. Бельский И.Н., Климова Т.Б. Комплексный анализ методологий управления проектами: оценка эффективности гибридных подходов и адаптационных стратегий // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2024. Т. 10. № 4. С. 111-120.
3. Воронин К.Р. Использование гибридных методологий разработки ПО: объединение лучших практик // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2024. № 4(40). С. 2-5.
4. Гринман Н.М. Гибкие технологии в государственном управлении: переходная модель интеграции // Власть. 2025. Т. 33. № 5. С. 76-79.
5. Двирняк Л.Ю., Шишкина В.А. Обзор современных подходов к гибридным формам управления проектами // Академическая наука. 2025. № 4. С. 83-91.
6. Должиков М.А. Эволюция управленческих подходов от классических школ к гибридным и гибридным моделям // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 8(108). С. 254-269.
7. Зубрев А.В. Гибридные методологии Waterfall-Agile, Lean Six Sigma в современном управлении ИТ-проектами // Инновации и инвестиции. 2024. № 7. С. 148-151.
8. Лапицкий К.В. Подходы к выбору гибкого метода управления инновационным проектом // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 2. № 7(160). С. 72-83.
9. Махлягин Е.И. Интеграция современных технологий управления для реализации проектов в инновационных бизнес-моделях // Инновации и инвестиции. 2025. № 1. С. 269-273.
10. Мороз И.В., Шаврин А.В. Использование гибридного подхода в управлении дорожно-строительными проектами // Вестник экономических и социологических исследований. 2024. № 4. С. 28-34.
11. Нигматуллин Р.К., Дмитриев А.Г. Практические аспекты использования гибридных методологий управления проектами // Научный аспект. 2024. Т. 9. № 2. С. 1090-1098.
12. Семенов М.Р. Гибридный подход в управлении проектами в компаниях ивент-индустрии // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 5. С. 153-157.
13. Семенов М.Р. Интеграция процессного подхода и гибкой методологии управления проектами в компанию // Российский экономический вестник. 2024. Т. 7. № 5. С. 206-212.
14. Третьяков О.Е., Тарасьев А.А. Модель конфигурирования гибридных методик проектного управления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 12. С. 138-142.
15. Черкасов В.В., Черкасов Н.В. Гибридное управление проектами изменений через призму теории временной организации // Геоэкономика энергетики. 2024. Т. 28. № 4. С. 143-157.

IT project management in the university and selection of Agile methodologies and hybrid models to enhance transparency of deadlines and implementation quality

Julia S. Buzykova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
MIREA – Russian Technological University
Moscow, Russia
juliaserg_buz@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 16.11.2025

Accepted 16.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 006:62

DOI 10.25726/p2813-9503-6009-k

EDN NNHOAL

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the specifics of IT project management in the university environment, where the digitalization of educational and administrative processes encounters a combination of bureaucratic regulations, collegial decision-making mechanisms, and rigid linkage of work to the academic calendar. Based on the monitoring of digital transformation in 18 universities in 2019-2023 and the analysis of 142 completed projects, the cascade model, agile practices (Scrum/Kanban), and hybrid schemes are compared; these hybrid schemes utilize iterative development while preserving control points and reporting mandatory for budgetary organizations. A comparison of predictability and manageability indicators demonstrates that the cascade approach creates a «black box» effect: the average deviation from deadlines reaches 28,4% with low transparency (4,21 out of 10) and prolonged response to blocking issues (46,8 hours), which is associated with accumulated planning errors and delays in approvals. Agile methodologies sharply increase transparency (8,94 out of 10) and accelerate response (8,4 hours), but more often provoke scope creep and budget overruns (24,7%), which is critical with fixed funding. The hybrid model shows the most stable balance: minimal deviation from deadlines (8,3%), the highest share of on-time delivery (71,9%), and the lowest budget overrun (11,2%) with a reduction in critical failures in the first month of operation (1,24). Quality and user decision-making acceptance are interpreted through defect metrics, rework returns, and adaptation speed; it is revealed that early and regular demonstration of intermediate results reduces the risk of developing unneeded functionality and decreases post-release costs for fixes compared to the cascade approach. Cultural effects are analyzed separately: abrupt introduction of «pure» Agile intensifies resistance to change and staff turnover, whereas hybridization acts as a damper, ensuring acceptable customer involvement and more predictable organizational stress, making mixed approaches most relevant for large-scale infrastructural implementations in higher education.

Keywords

IT project management, universities, Agile, hybrid models, transparency of deadlines and implementation quality.

References

1. Bauer V.V., Krupnov Yu.A. Factors of successful implementation of hybrid project management in the construction business // *Economic sciences*. 2025. № 246. pp. 603-611.
2. Belsky I.N., Klimova T.B. Comprehensive analysis of project management methodologies: assessing the effectiveness of hybrid approaches and adaptive strategies // *Scientific result. Business and service technologies*. 2024. Vol. 10. № 4. pp. 111-120.
3. Voronin K.R. Using hybrid software development methodologies: combining best practices // *Current problems of socio-humanitarian and scientific-technical knowledge*. 2024. № 4(40). pp. 2-5.
4. Grinman N.M. Agile technologies in public administration: transitional integration model // *Power*. 2025. Vol. 33. № 5. pp. 76-79.
5. Dvyrnyak L.Yu., Shishkina V.A. Review of modern approaches to hybrid forms of project management // *Academic science*. 2025. No. 4. pp. 83-91.
6. Dolzhikov M.A. Evolution of management approaches from classical schools to hybrid and hybrid models // *Scythian. Issues of student science*. 2025. № 8(108). pp. 254-269.
7. Zubrev A.V. Hybrid Waterfall-Agile, Lean Six Sigma methodologies in modern IT-project management // *Innovations and investments*. 2024. № 7. pp. 148-151.

8. Lapitsky K.V. Approaches to selecting an agile method for managing an innovative project // Economics and management: problems, solutions. 2025. Vol. 2. № 7(160). pp. 72-83.
9. Makhlyagin E.I. Integration of modern management technologies for implementing projects in innovative business models // Innovations and investments. 2025. № 1. pp. 269-273.
10. Moroz I.V., Shavrin A.V. Using a hybrid approach in managing road construction projects // Bulletin of economic and sociological research. 2024. № 4. pp. 28-34.
11. Nigmatullin R.K., Dmitriev A.G. Practical aspects of using hybrid project management methodologies // Scientific aspect. 2024. Vol. 9. № 2. pp. 1090-1098.
12. Semenov M.R. Hybrid approach in project management in event industry companies // Journal of monetary economics and management. 2024. № 5. pp. 153-157.
13. Semenov M.R. Integration of process approach and agile project management methodology into a company // Russian economic bulletin. 2024. Vol. 7. № 5. pp. 206-212.
14. Tretyakov O.E., Tarasev A.A. Model of configuring hybrid project management techniques // Modern science: Current problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2024. № 12. pp. 138-142.
15. Cherkasov V.V., Cherkasov N.V. Hybrid change project management through the prism of temporary organization theory // Geo-economics of energy. 2024. Vol. 28. № 4. pp. 143-157.

**Интеграция смешанного обучения в методику преподавания иностранного языка студентам
неязыковых вузов с учетом когнитивной нагрузки и учебной автономии**

Мария Игоревна Кирикова

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой Психологии и педагогики
Московский международный университет
Москва, Россия
m.kirikova@mmu.ru
ORCID 0009-0001-7674-6920

Ольга Михайловна Голосова

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Лингвистика
Российский университет транспорта
Москва, Россия
olgagolosova@mail.ru
ORCID 0009-0003-1402-9998

Татьяна Николаевна Голубева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры Английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорский государственный университет
Пятигорск, Россия
tgolubeva070@yandex.ru
ORCID 0009-0009-0565-0874

Джамиля Хасяновна Година

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков № 1
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия
dzhamilagodina@mail.ru
ORCID 0000-0002-9160-1682

Поступила в редакцию 28.11.2025

Принята 24.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/w8565-7944-8548-v

EDN NDTJIN

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается интеграция смешанного обучения в преподавание иностранного языка студентам неязыковых (технических) направлений в условиях сокращения аудиторного времени и роста требований к коммуникативной компетентности, при этом акцент сделан на согласовании педагогического дизайна с ограничениями рабочей памяти и необходимостью формирования учебной автономии. Показано, что перенос материалов в цифровую среду без учета механизмов когнитивной нагрузки провоцирует перегрузку, усиливает эффект разделенного внимания и снижает результативность, особенно при профессионально ориентированной лексике, повышающей внутреннюю сложность учебного содержания. Представлена модель «перевернутого класса» с элементами

адаптивного микрообучения, реализующая сегментацию контента, исключение избыточности, двойное кодирование, упрощенную навигацию и пошаговую структуру заданий; автономия поддерживалась маршрутными листами, встроенной самопроверкой и инструментами рефлексии. Сравнение с вариантом, где электронная среда функционировала преимущественно как репозиторий, выполнено на выборке 348 первокурсников и второкурсников при стартовом уровне владения английским около B1; применялись психометрические шкалы для субъективной нагрузки и саморегуляции, стандартизированные языковые тесты и статистические процедуры (t-тест, ANOVA, корреляции). На исходном срезе группы не различались (входной тест около 58/100; ментальная и временная нагрузка порядка 68-72/100; метакогнитивная саморегуляция около 3,4/7), что фиксирует высокую затратность типичных цифровых заданий. После внедрения когнитивно-ориентированного дизайна в экспериментальной группе зафиксировано снижение ментальной потребности до 54,87 против 65,21, временной – до 51,43 против 68,92, усилий – до 58,66 против 71,05, фрустрации – до 34,29 против 62,47, а также улучшение субъективной оценки исполнения. Итоговая языковая успешность выросла по лексико-грамматическому тесту (76,32 против 64,89), чтению (81,05 против 68,14) и аудированию (74,43 против 59,76) при одновременном снижении вариативности результатов, что указывает на выравнивание достижений. Существенно усилились компоненты автономии: планирование (прирост 1,72), мониторинг (1,67), управление ресурсами и временем (1,53), выявлена выраженная обратная связь между планированием и ощущаемым временным давлением ($r = -0,68$). Полученные данные интерпретируются как системный эффект когнитивной эргономики: уменьшение посторонней нагрузки высвобождает ресурсы для генеративной переработки и метакогнитивного контроля, превращая цифровую среду из источника барьеров в фактор интенсификации языкового обучения.

Ключевые слова

смешанное обучение, преподавание иностранного языка, когнитивная нагрузка, учебная автономия, перевёрнутый класс.

Введение

Современная парадигма высшего образования претерпевает существенные трансформации, обусловленные необходимостью адаптации к цифровой среде и изменяющимся когнитивным паттернам обучающихся. В контексте преподавания иностранных языков в неязыковых вузах наблюдается явное противоречие между сокращением аудиторных часов и возрастающими требованиями к уровню коммуникативной компетенции выпускников. Традиционные методики, ориентированные на фронтальную работу и линейное освоение материала, демонстрируют снижение эффективности в условиях информационной насыщенности. Это актуализирует поиск новых педагогических стратегий, среди которых доминирующее положение занимает смешанное обучение. Однако механический перенос учебного контента в цифровую среду без учета психолого-педагогических закономерностей восприятия информации часто приводит к обратному эффекту – когнитивной перегрузке студентов, что (Бухтоярова, 2024) негативно сказывается на результатах обучения. Проблема когнитивной нагрузки становится центральной при проектировании электронных курсов, так как ограниченность ресурсов рабочей памяти требует тщательного отбора и структурирования материала. Теория когнитивной нагрузки, разработанная в конце прошлого века, постулирует, что обучение эффективно только тогда, когда суммарная ментальная нагрузка не превышает возможностей когнитивной системы обучающегося. В условиях иноязычного образования, где сам процесс декодирования информации на неродном языке уже требует значительных ментальных усилий, добавление сложной навигации по образовательной платформе или избыточного мультимедийного контента может блокировать процесс усвоения знаний.

Важнейшим аспектом, сопряженным с внедрением смешанного обучения, выступает учебная автономия. В цифровой образовательной среде студент вынужден самостоятельно регулировать свой учебный процесс, планировать время, выбирать стратегии освоения материала и оценивать свои достижения. Для студентов неязыковых специальностей, чья мотивация к изучению иностранного языка часто носит инструментальный характер, развитие автономии представляет собой отдельную

педагогическую задачу. Исследования показывают, что низкий уровень саморегуляции (Сосой, 2023) коррелирует с высоким уровнем стресса и когнитивной перегрузки при работе в онлайн-среде. Студенты, не обладающие навыками автономного учения, тратят значительные ресурсы не на усвоение языкового материала, а на организацию самого процесса обучения, что создает так называемую постороннюю когнитивную нагрузку. В то же время грамотно спроектированная модель смешанного обучения способна не только оптимизировать когнитивную нагрузку, но и стать катализатором развития учебной автономии, предоставляя студентам инструменты для персонализации образовательного маршрута. Взаимосвязь между когнитивной архитектурой учебного материала и способностью студентов к автономной работе требует глубокого эмпирического анализа.

Существующие подходы к интеграции цифровых инструментов часто игнорируют феномен «эффекта разделенного внимания», когда обучающемуся приходится интегрировать информацию из разрозненных источников, что (Воеводина, 2024) существенно снижает эффективность усвоения. При обучении иностранному языку это особенно критично, так как одновременное представление текстовой, графической и аудиовизуальной информации должно быть синхронизировано во времени и пространстве. Педагогический дизайн, основанный на принципах минимизации посторонней нагрузки и оптимизации основной нагрузки, позволяет высвободить когнитивные ресурсы для генеративной нагрузки, связанной непосредственно с построением ментальных схем и глубоким пониманием языковых структур. Вопросы баланса между сложностью задания, уровнем языковой подготовки и степенью самостоятельности студентов остаются недостаточно изученными в контексте профильного обучения. Специфика неязыкового вуза накладывает дополнительные ограничения, связанные с профессиональной направленностью текстов и терминологии, что (Громыкина, 2023) увеличивает внутреннюю когнитивную нагрузку, обусловленную сложностью самого предмета.

Необходимо отметить, что цифровая трансформация образования не должна сводиться к технологическому детерминизму. Технологии являются лишь инструментом, эффективность которого определяется педагогической целесообразностью и учетом человеческого фактора. Когнитивные стили студентов, их уровень цифровой грамотности и предыдущий опыт изучения языков создают уникальный профиль обучающегося, который должен быть учтен при разработке моделей смешанного обучения. Игнорирование этих переменных приводит к формализации учебного процесса, когда использование онлайн-платформ становится самоцелью, а не средством повышения качества образования. Современные исследования в области нейропедагогики и когнитивной психологии предоставляют (Войтенко, 2023) необходимый теоретический базис для переосмысления методических подходов. Интеграция этих знаний в практику преподавания иностранного языка позволяет создать адаптивную образовательную среду, где сложность задач варьируется в зависимости от прогресса студента, а поддержка автономии осуществляется через систему скаффолдинга и обратной связи.

Анализ научной литературы свидетельствует о фрагментарности знаний относительно влияния различных моделей смешанного обучения на когнитивную нагрузку студентов инженерных и гуманитарных специальностей. В то время как одни авторы указывают на положительное влияние геймификации и интерактивных заданий, другие (Дигтяр, 2023) отмечают риск возникновения эффекта избыточности, когда развлекательные элементы отвлекают от учебной цели. Проблема заключается в нахождении оптимального соотношения между инструктивной поддержкой со стороны преподавателя и самостоятельной поисковой активностью студента. Чрезмерная автономия на начальных этапах может привести к когнитивному тупику, тогда как чрезмерный контроль блокирует развитие навыков саморегуляции. Решение этой дилеммы лежит в плоскости динамического проектирования учебного процесса, где уровень поддержки постепенно снижается по мере роста компетентности обучающихся.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужил образовательный процесс в техническом университете, охватывающий студентов 1-2 курсов бакалавриата технических направлений подготовки. Общая выборка составила 348 респондентов, разделенных на контрольную и экспериментальную группы. Формирование групп осуществлялось методом случайной выборки с предварительным

выравниванием по уровню владения английским языком (в среднем уровень B1 по шкале CEFR) и академической успеваемости. В экспериментальной группе внедрялась модель смешанного обучения «Перевернутый класс» с элементами адаптивного микрообучения, специально спроектированная с учетом принципов теории когнитивной нагрузки. Контрольная группа обучалась по традиционной модели смешанного обучения, где электронная среда использовалась преимущественно как репозиторий дополнительных материалов. Методологическую основу исследования составили системный и личностно-деятельностный подходы, а также ключевые положения когнитивной психологии. Для оценки уровня когнитивной нагрузки применялся модифицированный опросник NASA-TLX (Task Load Index), адаптированный для образовательных задач, позволяющий дифференцировать ментальную, временную и физическую нагрузку, а также уровень усилий и фрустрации. Измерения проводились на трех этапах: констатирующем, промежуточном и контрольном.

Диагностика уровня учебной автономии осуществлялась с использованием опросника саморегуляции обучения (MSLQ – Motivated Strategies for Learning Questionnaire), с акцентом на шкалы когнитивных стратегий и метакогнитивной саморегуляции. Для объективной оценки языковой компетенции использовались стандартизированные лексико-грамматические тесты и задания на аудирование и чтение профессионально-ориентированных текстов. Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программ SPSS Statistics 26.0. Применялись методы описательной статистики, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) и корреляционный анализ Пирсона для выявления взаимосвязей между переменными. Валидность и надежность (Кривко, 2023) полученных данных обеспечивалась репрезентативностью выборки и использованием апробированных психодиагностических методик.

В ходе экспериментального обучения в опытной группе применялся принцип сегментации учебного материала, исключения избыточной информации и использования двойного кодирования (визуального и аудиального) для снижения нагрузки на рабочую память. Особое внимание уделялось инструктивному дизайну: сложные задания разбивались на последовательность микро-шагов, а навигация в электронной среде была максимально упрощена. Для развития автономии использовались инструменты самодиагностики и рефлексии, встроенные в логику прохождения модулей. Анализ литературы включал изучение (Сергеева, 2023) более 50 источников из баз данных Scopus и Web of Science, посвященных проблемам когнитивной нагрузки в цифровом образовании, что позволило обосновать выбор педагогических технологий.

Результаты и обсуждение

Проблема оптимизации учебного процесса в условиях цифровизации требует детального рассмотрения исходных показателей, характеризующих готовность студентов к работе в режиме смешанного обучения. Первичный срез данных, полученный на констатирующем этапе эксперимента, выявил существенную гетерогенность в уровнях когнитивной нагрузки, испытываемой студентами при выполнении стандартных языковых заданий в электронной среде. Высокие показатели ментальной требовательности коррелировали с низкими баллами по тестам, что подтверждает гипотезу о блокирующем воздействии перегрузки на процесс усвоения. При проектировании экспериментального вмешательства особое внимание уделялось дифференциации типов нагрузки: внутренней (intrinsic), зависящей от сложности материала, и внешней (extraneous), обусловленной формой подачи. Снижение внешней нагрузки рассматривалось как ключевой резерв повышения эффективности обучения (Михалёва, 2024).

В начале исследования было важно зафиксировать не только языковой уровень, но и субъективное восприятие сложности учебных задач, а также исходный уровень навыков самоорганизации. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем отделить влияние методики преподавания от индивидуальных особенностей студентов. Интересно отметить, что при равном уровне языковой подготовки (определяемом входным тестированием), студенты демонстрировали различные паттерны взаимодействия с цифровым контентом. Некоторые испытывали значительные трудности с навигацией и пониманием инструкций, что создавало (Тамбиева, 2023) искусственные барьеры для

обучения. Данные по распределению показателей когнитивной нагрузки и языковой компетенции до начала эксперимента представлены ниже (табл. 1) (Рафикова, 2024).

Таблица 1. Показатели когнитивной нагрузки и языковой компетенции на констатирующем этапе эксперимента

Наименование показателя	Контрольная группа (n=174)	Экспериментальная группа (n=174)	t-критерий	Уровень значимости (p)
Средний балл входного теста (max 100)	58,42 ± 6,12	57,89 ± 5,98	0,81	> 0,05
Ментальная нагрузка (NASA-TLX, 0-100)	68,34 ± 12,45	69,12 ± 11,87	-0,61	> 0,05
Временная нагрузка (NASA-TLX, 0-100)	72,15 ± 14,21	71,88 ± 13,54	0,18	> 0,05
Уровень усилий (NASA-TLX, 0-100)	75,67 ± 10,33	76,04 ± 9,89	-0,34	> 0,05
Метакогнитивная саморегуляция (MSLQ, 1-7)	3,42 ± 0,87	3,38 ± 0,91	0,42	> 0,05

Анализ данных, представленных в первой таблице, свидетельствует об отсутствии статистически значимых различий между группами на начальном этапе исследования, что обеспечивает чистоту эксперимента. Обращает на себя внимание достаточно высокий уровень ментальной и временной нагрузки в обеих группах (около 68-72 пунктов по 100-балльной шкале). Это указывает на то, что традиционные форматы заданий воспринимаются студентами как когнитивно затратные, требующие значительной мобилизации ресурсов. Показатель уровня усилий также находится в зоне высоких значений, что при среднем уровне выполнения теста (около 58 баллов) говорит о низкой эффективности затрачиваемых усилий: студенты «тратят» много когнитивной энергии, но результат остается посредственным. Низкие показатели метакогнитивной саморегуляции (около 3,4 балла из 7 возможных) подтверждают тезис о недостаточной сформированности навыков автономного учения у студентов неязыковых специальностей, что делает их уязвимыми перед сложностями неструктурированной цифровой среды. Высокая дисперсия в показателях временной нагрузки указывает на то, что скорость переработки информации у студентов существенно различается, что требует адаптивных механизмов в обучении (Фролова, 2024).

Внедрение экспериментальной методики предполагало переструктурирование контента. Вместо длинных текстовых массивов использовались микро-модули, снабженные четкими визуальными маркерами и интерактивными подсказками. Видеоматериалы были ограничены по длительности и сопровождались синхронными субтитрами или ключевыми словами для снижения эффекта транзистентности информации. Важным элементом стало внедрение алгоритмов самопроверки, которые позволяли студентам мгновенно оценивать правильность выполнения заданий, снижая неопределенность и тревожность. В контрольной группе материалы предоставлялись в виде стандартных PDF-файлов и длинных видеолекций без интерактивной навигации. (Ермакова, 2023)

По истечении семестра была проведена повторная диагностика, направленная на выявление динамики компонентов когнитивной нагрузки. Ожидалось, что оптимизация формы подачи материала приведет к снижению показателей внешней нагрузки, тогда как внутренняя нагрузка, связанная со сложностью самого языка, останется на приемлемом уровне, обеспечивающем развивающий эффект. Снижение непродуктивных когнитивных затрат должно было высвободить ресурсы для более глубокой обработки информации. Динамика изменений компонентов нагрузки отражена в следующих данных (табл. 2). (Коновалова, 2024)

Таблица 2. Сравнительный анализ компонентов когнитивной нагрузки на контрольном этапе

Компонент нагрузки	Контрольная группа (среднее значение)	Экспериментальная группа (среднее значение)	Разность средних	Процент изменения в ЭГ относительно КГ (%)
Ментальная потребность	65,21	54,87	10,34	-15,85
Физическая потребность	24,15	22,98	1,17	-4,84
Временная потребность	68,92	51,43	17,49	-25,38
Уровень исполнения (обратная шкала)	42,34	28,12	14,22	-33,58
Уровень усилий	71,05	58,66	12,39	-17,44
Уровень фрустрации	62,47	34,29	28,18	-45,11

Детальное рассмотрение числовых показателей второй таблицы выявляет существенную трансформацию структуры когнитивной нагрузки в экспериментальной группе. Наиболее показательным является снижение уровня фрустрации на 45,11% по сравнению с контрольной группой. Это свидетельствует о том, что методически грамотная организация цифровой среды снимает эмоциональное напряжение, часто блокирующее когнитивные процессы. Значительное снижение временной потребности (на 25,38%) в экспериментальной группе при сохранении и даже увеличении объема изучаемого материала говорит об оптимизации процессов восприятия: студенты быстрее находят и обрабатывают нужную информацию, не отвлекаясь на технические помехи интерфейса или неудачную верстку. Ментальная потребность также снизилась, но в меньшей степени (-15,85%), что является позитивным знаком: обучение остается интеллектуально емким, но перестает быть изнуряющим. Показатель уровня исполнения (в шкале NASA-TLX часто интерпретируется как неудовлетворенность результатом, поэтому снижение означает улучшение самооценки) демонстрирует уверенность студентов экспериментальной группы в своих силах.

Параллельно с изменениями в когнитивной сфере происходили сдвиги в области учебной автономии. В традиционной модели обучения студент часто занимает реактивную позицию, выполняя задания по прямому указанию преподавателя. Смешанное обучение, построенное на принципах когнитивной эргономики, предполагает (Байдикова, 2025) передачу части ответственности обучающемуся. Однако это возможно лишь при наличии инструментов поддержки. В экспериментальной модели были внедрены «маршрутные листы» и элементы формирующего оценивания, которые помогали студентам отслеживать свой прогресс. Это позволило перевести внешнюю регуляцию во внутренний план.

Влияние когнитивной разгрузки и роста автономии на академическую успеваемость является ключевым критерием эффективности методики. Недостаточно просто сделать обучение «легким» или «комфортным»; оно должно приводить к измеримому приросту знаний и навыков. В данном случае оценивались три основных вида речевой деятельности: чтение, аудирование и лексико-грамматические навыки. Говорение оценивалось отдельно в рамках устных зачетов. Интересно проследить, как перераспределение когнитивных ресурсов отразилось на конкретных языковых компетенциях. Данные итогового тестирования демонстрируют качественные различия между группами (табл. 3).

Таблица 3. Результаты итогового тестирования по видам речевой деятельности (в баллах, max 100)

Вид речевой деятельности	Группа	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)	Медиана	Коэффициент вариации (%)
Лексико-грамматический тест	КГ	64,89	8,45	65,50	13,02
ЭГ	76,32	6,12	77,00	8,01	
Чтение профессиональных текстов	КГ	68,14	9,21	69,00	13,51
ЭГ	81,05	5,78	82,50	7,13	
Аудирование	КГ	59,76	10,54	60,00	17,63
ЭГ	74,43	7,89	75,00	10,60	

Интерпретация данных третьей таблицы позволяет констатировать не только рост средних показателей в экспериментальной группе, но и, что более важно, снижение коэффициента вариации. В контрольной группе вариация достигает 17,63% (аудирование), что указывает на сильное расслоение студентов: часть группы справляется, а часть безнадежно отстает. В экспериментальной группе коэффициент вариации значительно ниже (7-10%), что свидетельствует о выравнивании успеваемости: методика оказалась эффективной для большинства студентов, независимо от их стартовых способностей. Наибольший прирост наблюдается в чтении (разница средних составляет 12,91 балла) и аудировании (14,67 балла). Это объясняется тем, что именно эти виды деятельности наиболее чувствительны к перегрузке рабочей памяти. Снятие лишних когнитивных барьеров (например, возможность интерактивного просмотра значения слова без выхода из текста) позволило студентам сосредоточиться на смысле, а не на технике перевода. Меньшее стандартное отклонение в ЭГ подтверждает стабильность полученных результатов.

Вопрос взаимосвязи между развитием автономии и снижением когнитивной нагрузки заслуживает отдельного рассмотрения. Автономия не возникает спонтанно; она требует когнитивного ресурса для планирования и рефлексии. Если студент перегружен содержанием предмета, у него не остается сил на саморегуляцию. С другой стороны, развитая автономия позволяет студенту самостоятельно дозировать нагрузку, избегая выгорания. В исследовании мы попытались отследить корреляцию между уровнем метакогнитивной саморегуляции и итоговым баллом, а также уровнем воспринимаемой нагрузки.

В контрольной группе, где поддержка автономии была минимальной, корреляция между успеваемостью и саморегуляцией оказалась высокой, но сама саморегуляция осталась на низком уровне. Это означает, что успешными были только те студенты, которые изначально умели учиться. В экспериментальной группе ситуация иная: за счет педагогического дизайна удалось «подтянуть» студентов с изначально низкими навыками самоорганизации. В следующей таблице представлены итоговые показатели сформированности компонентов учебной автономии (табл. 4).

Таблица 4. Динамика показателей учебной автономии (по опроснику MSLQ, шкала 1-7)

Шкала опросника MSLQ	Группа	Констатирующий этап	Контрольный этап	Абсолютный прирост	t-критерий (динамика внутри группы)
Планирование учебной деятельности	КГ	3,12	3,34	0,22	1,45 (p>0.05)
ЭГ	3,15	4,87	1,72	8,67 (p<0.001)	
Мониторинг и контроль	КГ	3,28	3,45	0,17	1,12 (p>0.05)
ЭГ	3,25	4,92	1,67	7,89 (p<0.001)	

Управление ресурсами и временем	КГ	3,56	3,68	0,12	0,89 ($p>0.05$)
ЭГ	3,61	5,14	1,53	6,54 ($p<0.001$)	

Математический анализ показателей четвертой таблицы убедительно доказывает, что целенаправленное снижение посторонней когнитивной нагрузки создает благоприятную почву для развития автономии. В экспериментальной группе наблюдается статистически значимый рост по всем шкалам (t -критерий > 6 , $p<0.001$). Абсолютный прирост по шкале планирования составил 1,72 балла, что качественно меняет подход студента к обучению. Студенты научились не просто выполнять задания, но и распределять свои усилия во времени. В контрольной группе изменения находятся в пределах статистической погрешности, что подтверждает: сам по себе опыт обучения в вузе (даже с использованием цифровых средств) не гарантирует развития автономии без специальной методической поддержки. Корреляционный анализ внутри экспериментальной группы показал сильную обратную связь ($r = -0,68$) между уровнем планирования и показателем «Временная нагрузка» по NASA-TLX: чем лучше студент планирует, тем меньше давления времени он ощущает.

Обобщая полученные эмпирические данные, можно констатировать наличие системного эффекта от внедрения когнитивно-ориентированной модели смешанного обучения. Снижение посторонней когнитивной нагрузки выступает не просто как способ облегчения учебного труда, а как необходимый пререквизит для активации высших когнитивных функций, таких как анализ, синтез и метакогнитивный контроль. Высвобождение ресурсов рабочей памяти позволило студентам экспериментальной группы перенаправить усилия с борьбы с интерфейсом и неструктурированным материалом на собственно лингвистические задачи и развитие навыков саморегуляции. Наблюдаемый синергетический эффект, выраженный в одновременном росте успеваемости и уровня автономии на фоне снижения субъективно воспринимаемой трудности и фрустрации, подтверждает валидность примененного подхода. Данные указывают на то, что цифровая среда, организованная без учета законов когнитивной психологии, может стать тормозящим фактором, тогда как их учет превращает ее в мощный инструмент интенсификации обучения.

Заключение

Интеграция смешанного обучения в образовательный процесс неязыковых вузов представляет собой сложную многофакторную задачу, решение которой лежит не столько в плоскости технологического оснащения, сколько в области психолого-педагогического проектирования. Проведенное исследование продемонстрировало, что учет когнитивной нагрузки и целенаправленное развитие учебной автономии являются критически важными условиями эффективности обучения иностранному языку. Данные подтверждают, что неконтролируемое внедрение цифровых инструментов может приводить к когнитивной перегрузке, снижающей мотивацию и академические результаты, особенно у студентов с низким уровнем саморегуляции. Оптимизация представления учебного материала, основанная на принципах сегментации, модальности и исключения избыточности, позволяет существенно снизить постороннюю когнитивную нагрузку и повысить продуктивность усвоения языковых навыков.

Результаты экспериментальной работы свидетельствуют о том, что существует прямая зависимость между снижением когнитивного напряжения и ростом показателей учебной автономии. Студенты, освобожденные от необходимости тратить ментальные ресурсы на преодоление навигационных и структурных сложностей курса, демонстрируют более высокие способности к планированию, мониторингу и оценке собственной деятельности. Это, в свою очередь, формирует более устойчивую языковую компетенцию, характеризующуюся не только знанием лексики и грамматики, но и способностью применять их в профессионально-ориентированных контекстах. Разработанная модель обучения показала свою эффективность как в плане повышения успеваемости, так и в аспекте

улучшения психоэмоционального состояния обучающихся, о чем свидетельствует значительное снижение уровня фрустрации.

Перспективы применения полученных результатов выходят за рамки конкретного курса иностранного языка и могут быть экстраполированы на другие дисциплины в системе высшего образования. Принципы когнитивной эргономики должны стать неотъемлемой частью профессионального стандарта педагога, работающего в цифровой среде. Дальнейшее развитие проблематики видится в изучении влияния индивидуальных когнитивных стилей на восприятие смешанных форматов обучения, а также в разработке адаптивных систем, способных в реальном времени диагностировать уровень когнитивной нагрузки и автоматически корректировать траекторию обучения. Такой подход позволит окончательно перейти от массово-репродуктивной модели образования к индивидуально-ориентированной, где технологии служат усилению интеллектуального потенциала личности, а не его подавлению.

Список литературы

1. Байдикова Н.Л., Дмитриева О.А. Способ смешанного (аудиторно-дистанционного) обучения иностранному языку в системе управления электронным обучением // Педагогическая информатика. 2025. № 2. С. 64-74.
2. Бухтоярова И.И., Шмелева С.А. Готовность к освоению коммуникативной компетенции студентов неязыковых профилей в условиях смешанного обучения // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2024. № 4. С. 3363-3363.
3. Воеводина Т.В. Психолингвистические аспекты смешанного обучения иностранному языку // Начальная школа. 2024. № 3. С. 28–32.
4. Войтенко Ю.А. Обучение английскому языку как иностранному с помощью технологии смешанного обучения // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 3(12). С. 2-8.
5. Громыкина Т.С., Кривко Н.Н. Возможности использования технологий смешанного обучения в организации самостоятельной работы студентов неязыкового вуза (на материале иностранного языка) // Образование и культурное пространство. 2023. № 4. С. 19-25.
6. Дигтяр О.Ю. Технология введения, закрепления и отработки иноязычной лексики обучающихся в условиях смешанного обучения в вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5(102). С. 169-172.
7. Ермакова И.М. Возможности и ограничения применения методики разноуровневого обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов // Современное педагогическое образование. 2023. № 3. С. 164-167.
8. Коновалова О.В., Федяинова М.Ю. Методические аспекты использования смешанного формата обучения для повышения результативности изучения иностранных языков (уровень среднего общего образования) // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2024. № 20. С. 65-72.
9. Кривко Н.Н. Возможности использования технологий смешанного обучения в организации самостоятельной работы обучающихся неязыкового вуза (на материале иностранного языка) // Образование и общество. 2023. № 5(142). С. 26-31.
10. Михалёва В.В., Лятавская А.С. Технология смешанного обучения иностранному языку // Мир педагогики и психологии. 2024. № 5(94). С. 139-142.
11. Рафикова А.С. Смешанный метод обучения иностранному языку // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 114-2. С. 104-108.
12. Сергеева Т.А. Разработка модели на основе смешанного обучения для преподавания иностранных языков // Организация работы с молодежью. 2023. № 3. С. 41-44.
13. Сосой О.А., Соболева О.В. Технология разноуровневого обучения иностранным языкам в вузе // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2-3-1. С. 337-345.

14. Тамбиева С.И., Шидакова М. Способы смешанного обучения при преподавании английского языка // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 6(220). С. 417-420.
15. Фролова В.П., Чигирин Е.А., Воронкова И.С. Применение технологии смешанного обучения в контексте иноязычной подготовки аспирантов // Глобальный научный потенциал. 2024. № 4-2(157). С. 79-83.

Integration of blended learning into the methodology of teaching foreign languages to students of non-linguistic universities considering cognitive load and learning autonomy

Maria I. Kirikova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy
Moscow International University
Moscow, Russia
m.kirikova@mmu.ru
ORCID 0009-0001-7674-6920

Olga M. Golosova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics
Russian University of Transport
Moscow, Russia
olgagolosova@mail.ru
ORCID 0009-0003-1402-9998

Tatyana N. Golubeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language and Professional Communication
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia
tgolubeva070@yandex.ru
ORCID 0009-0009-0565-0874

Dzhamilya Kh. Godina

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages No. 1
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
dzhamilagodina@mail.ru
ORCID 0000-0002-9160-1682

Received 28.11.2025

Accepted 24.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/w8565-7944-8548-v

EDN NDTJIN

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the integration of blended learning into the teaching of foreign languages to students of non-linguistic (technical) majors under conditions of reduced classroom time and increasing requirements for communicative competence, with emphasis on aligning pedagogical design with the limitations of working memory and the need to foster learning autonomy. It is shown that transferring materials to a digital environment without considering cognitive load mechanisms provokes overload, intensifies the split-attention effect, and reduces effectiveness, especially with professionally oriented vocabulary that increases the intrinsic complexity of the learning content. A flipped classroom model with elements of adaptive microlearning is presented, implementing content segmentation, elimination of redundancy, dual coding, simplified navigation, and step-by-step task structure; autonomy was supported by route sheets, embedded self-checking, and reflection tools. Comparison with a variant where the electronic environment functioned primarily as a repository was conducted on a sample of 348 first- and second-year students with an initial English proficiency level around B1; psychometric scales for subjective load and self-regulation, standardized language tests, and statistical procedures (t-test, ANOVA, correlations) were applied. At the baseline, groups did not differ (entry test around 58/100; mental and temporal load around 68–72/100; metacognitive self-regulation around 3.4/7), indicating high resource intensity of typical digital tasks. After implementing the cognitive-oriented design in the experimental group, a reduction in mental demand to 54.87 vs. 65.21, temporal to 51.43 vs. 68.92, effort to 58.66 vs. 71.05, frustration to 34.29 vs. 62.47, as well as improvement in subjective performance evaluation were recorded. Final language proficiency improved on the lexical-grammatical test (76.32 vs. 64.89), reading (81.05 vs. 68.14), and listening (74.43 vs. 59.76), with simultaneous reduction in result variability, indicating leveling of achievements. Components of autonomy significantly strengthened: planning (gain 1.72), monitoring (1.67), resource and time management (1.53); a pronounced negative correlation between planning and perceived time pressure ($r = -0.68$) was revealed. The obtained data are interpreted as a systemic effect of cognitive ergonomics: reducing extraneous load frees resources for generative processing and metacognitive control, transforming the digital environment from a source of barriers into a factor intensifying language learning.

Keywords

blended learning, foreign language teaching, cognitive load, learning autonomy, flipped classroom.

References

1. Baidikova N.L., Dmitrieva O.A. Method of blended (classroom-remote) foreign language teaching in an electronic learning management system // Pedagogical informatics. 2025. № 2. pp. 64-74.
2. Bukhtoyarova I.I., Shmeleva S.A. Readiness to master communicative competence of students of non-linguistic profiles in conditions of blended learning // The emissia.Offline Letters. 2024. № 4. pp. 3363-3363.
3. Voyevodina T.V. Psycholinguistic aspects of blended foreign language learning // Primary school. 2024. № 3. pp. 28–32.
4. Voitenko Yu.A. Teaching English as a foreign language using blended learning technology // Proceedings of the Saratov Military Institute of National Guard Troops. 2023. № 3(12). pp. 2-8.
5. Gromykina T.S., Krivko N.N. Possibilities of using blended learning technologies in organizing independent work of students of a non-linguistic university (on foreign language material) // Education and cultural space. 2023. № 4. pp. 19-25.
6. Digtyar O.Yu. Technology of introducing, consolidating and practicing foreign language vocabulary of students in conditions of blended learning at university // World of science, culture, education. 2023. № 5(102). pp. 169-172.
7. Ermakova I.M. Possibilities and limitations of applying differentiated foreign language learning method to students of non-linguistic universities // Modern pedagogical education. 2023. № 3. pp. 164-167.
8. Konovalova O.V., Fedyainova M.Yu. Methodological aspects of using blended learning format to enhance the effectiveness of foreign language learning (upper secondary education level) // Actual problems of modern foreign language education. 2024. № 20. pp. 65-72.

9. Krivko N.N. Possibilities of using blended learning technologies in organizing independent work of students of a non-linguistic university (on foreign language material) // Education and society. 2023. № 5(142). pp. 26-31.
10. Mikhaleva V.V., Lyatavskaya A.S. Blended foreign language learning technology // World of pedagogy and psychology. 2024. № 5(94). pp. 139-142.
11. Rafikova A.S. Blended method of foreign language teaching // Trends in the development of science and education. 2024. № 114-2. pp. 104-108.
12. Sergeeva T.A. Development of a blended learning-based model for foreign language teaching // Organization of work with youth. 2023. № 3. pp. 41-44.
13. Sosoy O.A., Soboleva O.V. Technology of differentiated foreign language learning at university // Pedagogical journal. 2023. Vol. 13. № 2-3-1. pp. 337–345.
14. Tambieva S.I., Shidakova M. Methods of blended learning in English language teaching // of Lesgaft University scientific notes. 2023. № 6(220). pp. 417-420.
15. Frolova V.P., Chigirin E.A., Voronkova I.S. Application of blended learning technology in the context of foreign language training of graduate students // Global scientific potential. 2024. № 4-2(157). pp. 79-83.

Интеграция LMS, ERP и систем электронного документооборота в вузе и оптимизация сквозных процессов обучения и управления

Юлия Сергеевна Бузыкова

Кандидат педагогических наук, доцент

МИРЭА – Российский технологический университет

Москва, Россия

juliaserg_buz@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 23.11.2025

Принята 23.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/c3192-9047-1403-x

EDN NQCHWB

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается интеграция LMS, ERP и систем электронного документооборота как ключевой механизм перехода вуза от «лоскутной» автоматизации к единому цифровому контуру, обеспечивающему сквозную связность данных и управленческих воздействий на протяжении всей образовательной траектории студента. Показано, что основная проблематика таких проектов связана не с технической стыковкой интерфейсов, а с семантической интероперабельностью и согласованием разнородных форматов информации: неструктурированного контента учебной среды, транзакционных записей управленческих модулей и слабоструктурированных юридически значимых документов. На материале лонгитюдного наблюдения цифровой трансформации 14 вузов в 2019-2023 годах выполнена реконструкция фактических графов процессов по журналам событий, дополненная хронометражем операций и анализом стоимости деятельности, что позволило сопоставить состояние процессов до и после внедрения интеграционной шины и сопутствующей оптимизации. Приведены количественные эффекты для трудоемких административно-сопроводительных практик преподавателей: время переноса результатов контроля в ведомости снижается с десятков минут до единиц, а формирование отчетов по успеваемости и посещаемости становится практически полностью автоматизированным; одновременно уменьшается вариативность затрат времени, указывая на стандартизацию процедур. Интеграция данных учебной активности с расписанием и тарификацией повышает точность расчета фактической нагрузки и резко сокращает долю ошибочного распределения фонда оплаты труда, параллельно ускоряя подготовку бюджетной сметы и улучшая использование аудиторного фонда. Существенный педагогический эффект связан с переходом к проактивному сопровождению: сокращается время выявления студентов группы риска, уменьшается доля отчислений по неуспеваемости, снижается количество апелляций из-за технических ошибок и возрастает удовлетворенность сервисами. Отдельно проанализирована надежность межсистемного обмена: после введения жесткой типизации и асинхронных очередей сообщений частота критических нарушений целостности данных и дублирования транзакций падает на порядки, что переводит риски из логической плоскости в инфраструктурную. В итоге интегрированная экосистема описывается как источник синергии, где единичное событие в учебной среде инициирует согласованные изменения в управленческих и документарных контурах, высвобождая ресурсы академического сообщества и создавая основу для управленческих решений, основанных на данных, а также для дальнейшего

внедрения предиктивной аналитики и интеллектуальных надстроек при условии организационной адаптации и работы с сопротивлением персонала.

Ключевые слова

интеграция LMS-ERP-СЭД, единый цифровой контур, семантическая интероперабельность, оптимизация сквозных процессов, data-driven управление.

Введение

Современная экосистема высшего образования претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные не столько внедрением отдельных цифровых инструментов, сколько необходимостью создания единого информационного пространства, способного обеспечить бесшовное взаимодействие всех участников образовательного процесса. Проблема фрагментации информационных потоков в университетах остается одним из ключевых барьеров на пути к повышению эффективности управления и качества образования, поскольку исторически сложившаяся «лоскутная» автоматизация привела к созданию изолированных систем, где LMS (Learning Management System), ERP (Enterprise Resource Planning) и СЭД (системы электронного документооборота) функционируют как замкнутые контуры. Подобная архитектурная разрозненность порождает дублирование данных, рассогласование управленческих решений и существенное увеличение непрофильной нагрузки на профессорско-преподавательский состав, вынужденный выступать в роли «интерфейса» (Бельчич, 2025) между несовместимыми программными средами. Эволюция университетских моделей управления требует перехода от функционально-ориентированного подхода к процессному, где ценность создается за счет сквозной интеграции данных, сопровождающих студента на всем пути его образовательной траектории, от момента подачи заявления до получения диплома и дальнейшего профессионального развития. (Голуб, 2024; Порохин, 2024)

Цифровая трансформация вуза, рассматриваемая через призму интеграции информационных систем, затрагивает глубинные пласты педагогического дизайна и административного менеджмента, выходя далеко за рамки сугубо технических задач по настройке шлюзов передачи данных или синхронизации справочников. На первый план выходят вопросы семантической интероперабельности, когда данные, порождаемые в системе управления учебным процессом, должны быть корректно интерпретированы (Полевщиков, 2024) финансовыми и кадровыми модулями ERP-системы без искажения смыслового контекста. Например, учет фактической педагогической нагрузки преподавателя, фиксируемый в LMS через логирование активности и проверку работ, должен автоматически трансформироваться в соответствующие транзакции в системе расчета заработной платы и кадрового учета, исключая ручной перенос сведений, который неизбежно влечет за собой ошибки человеческого фактора и временные лаги.

Критически важным аспектом, требующим детального рассмотрения, является влияние интегрированных сред на персонализацию обучения, поскольку именно объединение данных об успеваемости, административных статусах и финансовой дисциплине позволяет строить предиктивные модели, направленные на раннее выявление рисков отчисления или снижение мотивации обучающихся. В условиях отсутствия связности систем, административный аппарат вуза оперирует ретроспективными данными, получаемыми с задержкой, что делает невозможным оперативное педагогическое вмешательство в ситуациях, когда студент начинает терять связь с образовательным контекстом. Интеграция СЭД в этот контур добавляет юридическую значимость цифровым следам, позволяя перевести процессы утверждения индивидуальных учебных планов, приказов о переводе или назначении стипендий в полностью безбумажный вид, что радикально меняет скорость прохождения управленческих сигналов по иерархической структуре образовательной организации.

Существующие подходы к объединению LMS, ERP и СЭД зачастую носят технократический характер, игнорируя педагогические и социальные последствия изменения бизнес-процессов, что приводит к сопротивлению со стороны академического сообщества и низкому уровню принятия новых инструментов (Шипицына, 2024), воспринимаемых как очередная бюрократическая надстройка.

Необходимо переосмыслить роль преподавателя в цифровой среде, освободив его от рутинных операций по формированию отчетности, которая может и должна генерироваться автоматически на основе первичных данных, возникающих в ходе естественного образовательного процесса. Глубокая интеграция предполагает, что система становится невидимой для пользователя, предоставляя ему необходимые сервисы в нужное время и в нужном контексте, будь то доступ к библиотечным ресурсам, проверка ведомости или оформление командировки, что формирует качественно иной уровень академической мобильности и свободы.

Архитектура современного цифрового университета должна строиться на принципах сервисно-ориентированного подхода, где каждый модуль выполняет свою функцию, но обменивается информацией через унифицированные протоколы, создавая эмерджентный эффект, когда общая эффективность системы превышает сумму эффективностей ее компонентов. Сложность реализации таких проектов заключается в необходимости гармонизации разнородных данных: неструктурированного контента в LMS, жестко структурированных транзакций в ERP и слабоструктурированных документов в СЭД, что требует применения продвинутых алгоритмов обработки информации и построения онтологических моделей предметной области высшего образования. Без решения этих фундаментальных вопросов любые попытки цифровизации будут приводить лишь к «оцифровке хаоса» (Саметова, 2025), не меняя сути устаревших управленческих практик и не принося ощутимой пользы конечному бенефициару – студенту и преподавателю.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе лонгитюдного мониторинга процессов цифровой трансформации в 14 высших учебных заведениях различного профиля (федеральные университеты, опорные региональные вузы, отраслевые академии) в период с 2019 по 2023 год. Выборка была сформирована таким образом, чтобы охватить различные архитектурные подходы к построению информационной инфраструктуры: от монолитных самописных систем до микросервисных архитектур, построенных на базе промышленных решений (1С:Университет, Galaxy ERP, Moodle, Bitrix24, Directum). Общий объем проанализированного контингента составил 48 530 обучающихся и 3 240 представителей профессорско-преподавательского состава, чья активность в цифровой среде фиксировалась посредством автоматизированных средств сбора логов и специализированных метрик производительности бизнес-процессов. Для анализа нормативной и документационной базы было отобрано и изучено 245 локальных актов (Франтасов, 2025), регламентирующих порядок электронного документооборота и организации учебного процесса в исследуемых учреждениях. (Савинский, 2024)

Методологический инструментарий исследования базировался на сочетании количественных и качественных методов анализа, включая хронометраж административных операций, функционально-стоимостной анализ процессов (Activity Based Costing), а также экспертные интервью с IT-директорами и проректорами по цифровизации. Ключевым методом сбора данных стал автоматический парсинг журналов событий (event logs) интегрированных систем, что позволило восстановить реальные графы процессов и выявить «узкие места», возникающие при передаче данных между модулями LMS, ERP и СЭД. Для оценки эффективности интеграции использовались метрики сквозного времени протекания процесса (Lead Time), коэффициенты дублирования ввода данных и показатели семантической целостности информации при межсистемном обмене. В качестве контрольной группы выступали подразделения, использующие традиционные «бумажные» или слабо автоматизированные технологии управления, что позволило провести сравнительный анализ (Вагапов, 2024) и верифицировать гипотезы о влиянии глубокой интеграции на операционную эффективность вуза.

Результаты и обсуждение

Внедрение интегрированных решений, объединяющих образовательные, административные и документационные контуры университета, неизбежно сталкивается с необходимостью пересмотра метрик эффективности академической и управленческой деятельности. Традиционные показатели,

ориентированные на фиксацию результата (количество выпускников, средний балл), не отражают процессуальной динамики и ресурсоемкости образовательной деятельности в цифровой среде, поэтому для глубокого анализа были выбраны индикаторы, характеризующие временные затраты на сопровождение учебного процесса и точность планирования ресурсов. Проблема, с которой сталкиваются большинство вузов, заключается в диспропорции между временем, затрачиваемым преподавателем на непосредственную педагогическую работу, и временем, необходимым для документального оформления этой работы в разрозненных системах (Жданова, 2024). Наблюдаемая рассинхронизация данных между деканатом (ERP) и кафедрой (LMS) приводит к необходимости многократной сверки ведомостей, ручного переноса оценок и корректировки учебных планов, что наглядно демонстрируют данные, полученные в ходе сравнительного анализа временных затрат до и после внедрения интеграционной шины данных (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ временных затрат на административно-сопроводительные процессы (в минутах на одного преподавателя в неделю)

Наименование процесса	Временные затраты до интеграции (M $\pm$ SD)	Временные затраты после интеграции (M $\pm$ SD)	Коэффициент редукции времени (%)	Статистическая значимость изменений (p-value)
Формирование и согласование РПД	145,4 $\pm$ 23,1	38,7 $\pm$ 11,2	73,39	< 0,001
Перенос результатов текущего контроля в ведомости	84,2 $\pm$ 15,6	4,8 $\pm$ 2,3	94,30	< 0,001
Оформление служебных записок и заявок (СЭД)	42,6 $\pm$ 8,9	11,3 $\pm$ 4,1	73,47	< 0,01
Подготовка отчетов по успеваемости и посещаемости	68,9 $\pm$ 14,2	2,4 $\pm$ 1,5	96,52	< 0,001
Сверка индивидуальных планов нагрузки	53,1 $\pm$ 10,4	12,6 $\pm$ 3,8	76,27	< 0,01

Анализ числовых показателей, представленных в таблице, свидетельствует о радикальной трансформации структуры рабочего времени профессорско-преподавательского состава в условиях функционирования единой экосистемы. Наиболее показательным является снижение временных затрат на подготовку отчетов по успеваемости и посещаемости, где коэффициент редукции достиг 96,52%, что объясняется переходом от ручной агрегации данных к их автоматической генерации на основе цифрового следа студента в LMS. Математическая проверка разности средних значений подтверждает высокую статистическую значимость полученных результатов ($p < 0.001$), что исключает вероятность случайного характера изменений. Обращает на себя внимание неравномерность коэффициентов редукции по различным процессам: если операции, поддающиеся полной алгоритмизации (перенос оценок), показывают снижение затрат более чем на 90%, то процессы, требующие интеллектуального вовлечения и экспертной оценки (формирование и согласование РПД), демонстрируют меньшую, хотя и существенную, экономию времени (73,39%). Это указывает на то, что интеграция систем (Гочияева, 2023) устраняет техническую рутину, но сохраняет содержательную часть педагогического

проектирования, делая ее более удобной за счет предзаполнения полей данными из ERP. Вариативность данных (стандартное отклонение SD) в пост-интеграционном периоде значительно снизилась (например, с 23,1 до 11,2 для РПД), что свидетельствует о стандартизации процессов и уменьшении влияния индивидуальных навыков владения ПК на скорость выполнения административных задач.

Следующий блок проблем, требующий детального рассмотрения, касается точности финансового и ресурсного планирования, которое в традиционной модели управления страдает от рассинхронизации плановых показателей учебной нагрузки и фактического использования аудиторного фонда и кадровых ресурсов. Интеграция LMS с модулями расписания и тарификации в ERP позволяет перейти к динамическому моделированию себестоимости образовательных программ. Отсутствие связности между реальной активностью в электронной среде и табелем учета рабочего времени часто приводило к искажениям в расчете заработной платы и неэффективному использованию материально-технической базы, данные по оптимизации которых представлены ниже (табл. 2).

Таблица 2. Показатели эффективности использования ресурсов и точности планирования при интеграции ERP и LMS

Показатель эффективности	Значение показателя в дискретных системах	Значение показателя в интегрированной среде	Абсолютное отклонение (Δ)	Относительный прирост эффективности (%)
Коэффициент полезного использования аудиторного фонда	0,584	0,812	0,228	39,04
Погрешность расчета фактической педагогической нагрузки (ч/год)	128,45	14,23	-114,22	88,92
Доля ФОТ, распределенная с ошибками тарификации (%)	4,82	0,34	-4,48	92,95
Скорость формирования сводной бюджетной сметы (дней)	24,50	3,20	-21,30	86,94

Интерпретация данных по ресурсному планированию выявляет глубокую корреляцию между прозрачностью образовательных процессов и экономической эффективностью вуза. Увеличение коэффициента полезного использования аудиторного фонда с 0,584 до 0,812 свидетельствует о том, что интеграция систем расписания с реальным мониторингом занятости (через СКУД и LMS) позволила выявить скрытые резервы помещений и оптимизировать логистику учебного процесса. Сокращение погрешности расчета фактической нагрузки на 114,22 часа в год в среднем по выборке является критически важным показателем, так как это напрямую влияет на справедливость оплаты труда и соблюдение трудового законодательства. Снижение доли фонда оплаты труда (ФОТ), распределенной с ошибками, с 4,82 до 0,34% демонстрирует практически полную элиминацию финансовых рисков, связанных с человеческим фактором при ручном вводе данных о заменах и переработках.

Математический анализ относительного прироста эффективности показывает, что наибольший эффект достигается в сферах с высокой транзакционной плотностью (расчеты, тарификация), в то время как управление физическими активами (аудитории) показывает более умеренный, но стабильный рост, ограниченный физическими параметрами кампуса. Резкое сокращение времени формирования бюджетной сметы (на 86,94%) указывает на переход от итеративного ручного сведения таблиц к автоматизированному OLAP-анализу данных в реальном времени.

Особый интерес представляет анализ влияния сквозной автоматизации на академическую успешность и вовлеченность студентов, так как конечной целью любой образовательной реформы является повышение качества подготовки специалистов. В изолированных системах данные о низкой активности студента в LMS могут оставаться незамеченными для деканата до момента сессии, когда предпринимать коррекционные меры уже поздно. Единая информационная среда позволяет настроить триггеры (Яганова, 2024) в СЭД, автоматически формирующие предупреждения для тьюторов и администраторов при падении показателей активности ниже критического порога. Влияние скорости реакции системы управления на образовательные результаты отражено в следующей таблице (табл. 3).

Таблица 3. Корреляция между скоростью административного реагирования и показателями сохранения контингента

Индикатор академического процесса	Базовое значение (без интеграции)	Целевое значение (после интеграции)	Динамика показателя	Коэффициент корреляции с скоростью обмена данными (r)
Доля студентов, отчисленных по академической неуспеваемости (%)	12,43	7,15	-5,28	0,78
Среднее время выявления студента «группы риска» (дней)	48,20	5,60	-42,60	0,92
Количество успешных апелляций по техническим ошибкам (ед./семестр)	154,00	9,00	-145,00	0,65
Уровень удовлетворенности студентов сервисами вуза (по 10-балльной шкале)	5,24	8,13	2,89	0,84

Анализ корреляционных зависимостей в представленной таблице раскрывает тесную связь между техническими параметрами системы (скорость обмена данными) и педагогическими результатами. Высокий коэффициент корреляции ($r = 0.92$) между сокращением времени выявления студентов «группы риска» и скоростью обмена данными подтверждает гипотезу о том, что проактивное управление, основанное на аналитике реального времени, является ключевым фактором сохранения контингента. Снижение доли отчислений на 5 28 процентных пункта в абсолютном выражении представляет собой сохранение сотен студенческих траекторий, что имеет как социальный, так и

экономический эффект для университета. Радикальное уменьшение количества апелляций, связанных с техническими ошибками (потеря работ, неверный перенос баллов), с 154 до 9 случаев за семестр, свидетельствует о повышении доверия к системе оценивания и снижении конфликтности в образовательной среде. Рост индекса удовлетворенности студентов (на 2,89 балла) можно интерпретировать как реакцию на создание комфортной сервисной среды, где бюрократические процедуры (заказ справок, выбор курсов) не отвлекают от учебы и выполняются в «два клика». Сложный анализ динамики показателей позволяет утверждать, что интеграция систем трансформирует саму модель взаимодействия «студент-вуз» (Аминов, 2025), переводя ее из плоскости административного подчинения в плоскость партнерства и сервисной поддержки.

Немаловажным аспектом исследования является надежность и отказоустойчивость интегрированных решений, поскольку усложнение архитектуры неизбежно несет в себе риски технических сбоев, способных парализовать работу вуза. Переход от «лоскутной» автоматизации к микросервисной архитектуре или использованию шины данных требует оценки стабильности транзакций. В ходе исследования фиксировались типы и частота ошибок при передаче данных между LMS и ERP, что позволяет судить о технической зрелости внедряемых решений (табл. 4). (Цебрено, 2025)

Таблица 4. Анализ частоты и типологии ошибок при обмене данными в интегрированной среде

Тип ошибки интеграции	Частота возникновения на 10 000 транзакций (до оптимизации)	Частота возникновения на 10 000 транзакций (после оптимизации)	Процент снижения аварийности	Влияние на бизнес-процесс (вес ошибки 0-1)
Нарушение целостности ссылочных данных (ID студента/курса)	42,15	0,08	99,81	0,95
Временной таймаут при синхронизации больших массивов	18,70	2,34	87,49	0,60
Ошибка формата данных (несовпадение типов полей)	26,44	1,12	95,76	0,85
Дублирование записей при повторной отправке	31,50	0,55	98,25	0,70

Представленные данные по технической надежности демонстрируют, что на начальных этапах интеграции (до оптимизации) уровень ошибок был достаточно высок, особенно в критически важных категориях, таких как нарушение целостности ссылочных данных (42,15 случаев на 10 000 транзакций). Это создавало серьезные препятствия для автоматизации, требуя постоянного вмешательства администраторов баз данных. Однако после проведения оптимизационных мероприятий, включающих внедрение жесткой типизации и асинхронных очередей сообщений, частота критических сбоев снизилась до статистически ничтожных величин (0,08), что составляет 99,81% снижения. Важно отметить, что ошибки с высоким весом влияния на бизнес-процесс (0,95 и 0,85), которые могли привести

к потере академической истории студента или финансовым нарушениям, были практически полностью устранены. Оставшийся процент ошибок (таймауты – 2,34) относится к категории инфраструктурных проблем, решаемых масштабированием серверных мощностей, и не затрагивает логику данных. Анализ показывает, что стабильность интегрированной системы достигается не сразу, а требует периода тонкой настройки (Подповетная, 2024), в ходе которого выявляются и устраняются коллизии форматов данных разнородных систем.

Обобщая полученный массив данных, можно констатировать наличие синергетического эффекта от объединения LMS, ERP и СЭД, который проявляется на всех уровнях функционирования университета. Наблюдается не просто арифметическое сложение функционала систем, а возникновение нового качества управления, характеризующегося высокой скоростью прохождения информации, прозрачностью процессов принятия решений и смещением фокуса с контроля процедур на анализ результатов. Цифровая экосистема начинает работать как единый организм, где изменение состояния в одном узле (например, оценка в LMS) мгновенно вызывает цепную реакцию необходимых изменений во всей структуре (обновление рейтинга, приказ на стипендию в СЭД, начисление выплат в ERP).

Данные исследования убедительно доказывают, что основные опасения академического сообщества относительно «дегуманизации» образования при тотальной цифровизации не находят подтверждения при грамотном архитектурном подходе. Напротив, автоматизация рутинных бюрократических операций высвобождает значительный временной ресурс преподавателей и администраторов, который может быть перенаправлен на творческую, научную и менторскую работу со студентами. Техническая сложность интеграции компенсируется долгосрочным эффектом повышения управляемости вуза и возможностью реализации гибких образовательных траекторий, которые в условиях «бумажного» или фрагментированного цифрового управления оставались лишь декларацией.

Заключение

Трансформация университетской среды посредством глубокой интеграции информационных систем управления, обучения и документооборота представляет собой сложный, многовекторный процесс, выходящий далеко за рамки сугубо технологической модернизации. Полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать, что создание единого цифрового контура является необходимым условием для перехода высшего учебного заведения к модели управления, основанной на данных (Data-Driven Management). Мы наблюдаем качественный сдвиг в самой парадигме административной деятельности: от реактивного реагирования на возникающие проблемы к проактивному моделированию образовательных и бизнес-процессов. Интеграция LMS, ERP и СЭД позволяет устранить институциональные разрывы между академической и административной деятельностью, создавая прозрачную среду, где каждое управленческое действие подкреплено объективной информацией из первичных источников.

Перспективы применения полученных результатов видятся в дальнейшем развитии интеллектуальных надстроек над интегрированными базами данных. Накопление «чистых», верифицированных массивов информации открывает дорогу для внедрения алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения, способных не только фиксировать текущее состояние системы, но и выступать в роли цифровых советников для ректората, деканатов и самих обучающихся. Речь идет о создании адаптивных образовательных систем нового поколения, где индивидуальная траектория студента формируется автоматически с учетом его успеваемости, финансовых возможностей, научного потенциала и карьерных предпочтений, данные о которых агрегируются из всех модулей экосистемы вуза.

Важно понимать, что техническая интеграция должна сопровождаться серьезной организационной перестройкой и изменением корпоративной культуры университета. Сопротивление персонала, привыкшего к традиционным методам работы, может стать серьезным тормозом даже при наличии идеальной IT-архитектуры. Поэтому следующим шагом в развитии данной проблематики должно стать изучение механизмов адаптации кадрового состава к работе в условиях сквозной цифровизации, разработка программ повышения квалификации и создание систем мотивации,

поощряющих использование новых цифровых инструментов. Только гармоничное сочетание технологических инноваций и развития человеческого капитала позволит университетам в полной мере реализовать потенциал цифровой эпохи, обеспечив высокое качество образования и эффективность управления ресурсами.

Список литературы

1. Аминов Р.И., Зайнутдинова Л.Х. Электронные информационно-управляющие системы в образовательном процессе российских вузов // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2025. № 1 (51). С. 120-127.
2. Бельчич А.Ю. Электронный документооборот в вузах. Основные принципы, особенности внедрения и текущая деятельность по правилам ЭДО // Экономика и предпринимательство. 2025. № 2 (175). С. 1205-1208.
3. Вагапов А.И., Борлакова Ф.А., Алисултанова И.А. Оптимизация механизма управления образованием и системных инноваций // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5. № 11 (152). С. 63-68.
4. Голуб Т.В. Принципы и особенности внедрения электронного документооборота в высшем учебном заведении // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2024. № 1 (96). С. 20-28.
5. Гочияева М.Д., Бостанова Л.М., Джуккаев М.М., Чомаева Д.Б. Электронный документооборот в высшем учебном заведении // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 12. С. 295-297.
6. Жданова С.И. Принципы хранения электронной вузовской документации в образовательной организации // Университетская наука. 2024. № 1 (17). С. 174-176.
7. Подповетная Ю.В., Лысенко Ю.В., Калмакова Н.А., Дубынина А.В. Цифровой архив современного университета // Теория и практика физической культуры. 2024. № 1. С. 111-111.
8. Полевщиков И.С., Тиллаев А.П., Берестнев М.М. Разработка алгоритмического и программного обеспечения автоматизированной информационной веб-системы электронного документооборота в образовательной сфере // Инженерный вестник Дона. 2024. № 7 (115). С. 38-58.
9. Порохин Н.В. Особенности внедрения систем электронного документооборота в учреждениях образования // Научный вестник Крыма. 2024. № S7 (53). С. 18-18.
10. Савинский П.С., Кулакова И.М. Проектирование компонентов мультиагентной системы электронного документооборота // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2024. № 11. С. 161-162.
11. Саметова А.Б., Рашидинов Д.Р., Найзабаева Л.К., Сулейменова М.У. Разработка системы документооборота в образовании // Вестник Академии гражданской авиации. 2025. № 1 (36). С. 170-181.
12. Франтасов Д.Н., Воронина Е.В. Применение технологий искусственного интеллекта для оптимизации управления процессами на основе статистики обработки метаданных системы электронного документооборота в образовательной организации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 5 (247). С. 117-126.
13. Цебренько К.Н., Сметанин В.С. Концептуальная модель и архитектура системы электронного документооборота для образовательных организаций // Дневник науки. 2025. № 8 (104). С. 1-11.
14. Шипицына Е.В. Особенности цифровизации документооборота в высших учебных заведениях // Global and regional research. 2024. Т. 6. № 2. С. 186-193.
15. Яганова А.А. Опыт изучения студентами систем электронного документооборота // Делопроизводство. 2024. № 2. С. 87-89.

Integration of LMS, ERP, and electronic document management systems in a university and optimization of end-to-end learning and management processes

Julia S. Buzykova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

MIREA – Russian Technological University

Moscow, Russia

juliaserg_buz@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 23.11.2025

Accepted 23.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/c3192-9047-1403-x

EDN NQCHWB

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the integration of LMS, ERP, and electronic document management systems as a key mechanism for a university's transition from «patchwork» automation to a unified digital contour that ensures end-to-end data connectivity and managerial impacts throughout the entire student's educational trajectory. It is shown that the main issues of such projects are not related to technical interface docking but to semantic interoperability and harmonization of heterogeneous information formats: unstructured content of the educational environment, transactional records of management modules, and weakly structured legally significant documents. Based on longitudinal observation of the digital transformation of 14 universities in 2019-2023, a reconstruction of actual process graphs was performed using event logs, supplemented by operation timing and activity cost analysis, which allowed comparing the state of processes before and after the implementation of the integration bus and accompanying optimization. Quantitative effects are presented for labor-intensive administrative support practices of faculty: the time for transferring control results to grade sheets decreases from tens of minutes to units, and the formation of reports on academic performance and attendance becomes almost fully automated; at the same time, the variability of time costs decreases, indicating procedure standardization. Integration of educational activity data with schedules and tariffication improves the accuracy of actual workload calculation and sharply reduces the share of erroneous labor fund distribution, while accelerating budget estimate preparation and improving classroom fund utilization. A significant pedagogical effect is associated with the transition to proactive support: the time for identifying at-risk students decreases, the share of expulsions due to poor performance reduces, the number of appeals due to technical errors decreases, and satisfaction with services increases. The reliability of inter-system exchange is analyzed separately: after introducing strict typing and asynchronous message queues, the frequency of critical data integrity violations and transaction duplications drops by orders of magnitude, shifting risks from the logical plane to the infrastructure one. Ultimately, the integrated ecosystem is described as a source of synergy, where a single event in the educational environment initiates coordinated changes in management and documentary contours, freeing up resources of the academic community and creating a basis for data-driven management decisions, as well as for further implementation of predictive analytics and intelligent superstructures, subject to organizational adaptation and work with staff resistance.

Keywords

LMS-ERP-EDMS integration, unified digital contour, semantic interoperability, optimization of end-to-end processes, data-driven management.

References

1. Aminov R.I., Zainutdinova L.Kh. Electronic information-management systems in the educational process of Russian universities // Engineering-construction bulletin of the Caspian region. 2025. № 1(51). pp. 120-127.
2. Bel'chich A.Yu. Electronic document management in universities. Main principles, implementation features and current activities according to electronic document management rules // Economics and entrepreneurship. 2025. № 2(175). pp. 1205-1208.
3. Vagapov A.I., Borlakova F.A., Alisultanova I.A. Optimization of the education management mechanism and systemic innovations // Economics and management: problems, solutions. 2024. Vol. 5. № 11(152). pp. 63-68.
4. Golub T.V. Principles and features of implementing electronic document management in a higher education institution // Socio-economic and technical systems: research, design, optimization. 2024. № 1(96). pp. 20-28.
5. Gochiaeva M.D., Bostanova L.M., Dzukkaev M.M., Chomaeva D.B. Electronic document management in a higher education institution // Competitiveness in the global world: economy, science, technology. 2023. № 12. pp. 295-297.
6. Zhdanova S.I. Principles of storing electronic university documentation in an educational organization // University science. 2024. № 1 (17). pp. 174-176.
7. Polevshchikov I.S., Tillaev A.pp., Berestnev M.M. Development of algorithmic and software support for an automated information web-system of electronic document management in the educational sphere // Engineering bulletin of the Don. 2024. № 7(115). pp. 38-58.
8. Podpoetnaia Yu.V., Lysenko Yu.V., Kalmakova N.A., Dubynina A.V. Digital archive of a modern university // Theory and practice of physical culture. 2024. № 1. pp. 111.
9. Porokhin N.V. Features of implementing electronic document management systems in educational institutions // Scientific bulletin of Crimea. 2024. № S7(53). pp. 18.
10. Sametova A.B., Rashidinov D.R., Naizabaeva L.K., Suleimenova M.U. Development of a document management system in education // Bulletin of the Academy of Civil Aviation. 2025. № 1(36). pp. 170-181.
11. Savinskii pp.S., Kulakova I.M. Design of components of a multi-agent electronic document management system // Modern technologies and scientific and technical progress. 2024. № 11. pp. 161-162.
12. Frantassov D.N., Voronina E.V. Application of artificial intelligence technologies for optimizing process management based on statistics of metadata processing in the electronic document management system of an educational organization // Samara State University of Economics bulletin. 2025. № 5(247). pp. 117-126.
13. Tsebrenko K.N., Smetanin V.S. Conceptual model and architecture of the electronic document management system for educational organizations // Diary of science. 2025. № 8(104). pp. 42.
14. Shipitsyna E.V. Features of digitalization of document management in higher education institutions // Global and regional research. 2024. Vol. 6. № 2. pp. 186-193.
15. Yaganova A.A. Experience of studying electronic document management systems by students // Records management. 2024. № 2. pp. 87-89.

DATA SCIENCE В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

Цифровые образовательные ресурсы для устойчивого развития и их влияние на мотивацию и самостоятельность обучающихся вуза

Татьяна Анатольевна Бузыкова

Старший преподаватель

Московская академия предпринимательства

Москва, Россия

ata1757@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 09.11.2025

Принята 17.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/p5258-4354-7959-p

EDN MZSRXC

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Показано, что цифровизация высшего образования приобретает наибольшую педагогическую значимость при методически выверенной интеграции проблематики устойчивого развития, поскольку такие ресурсы переводят освоение сложных системных концепций из режима потребления информации в режим принятия решений, прогнозирования последствий и ценностно-смысловой рефлексии. На материале лонгитюдного эксперимента 2021-2023 годов, проведенного в трех университетах гуманитарного и технического профиля ($n=648$; направления, связанные с экологией, экономикой и социологией), сопоставлено влияние специализированного цифрового модуля «Проектирование устойчивых систем» (интерактивные карты, симуляторы, базы данных реального времени, проблемное обучение и геймификация) и стандартного электронного контента. Комплексная диагностика учебной мотивации и саморегуляции, анализ цифровых следов в LMS, экспертная оценка проектных работ и статистическая проверка различий фиксируют выраженную перестройку мотивационного профиля при работе с деятельностно насыщенной цифровой средой: прирост познавательного интереса в экспериментальной группе составил 77,51% (4,18→7,42), профессиональной ценности – 60,43% (5,08→8,15) при одновременном снижении прагматической ориентации на оценку на 31,59% (8,39→5,74); в контрольной группе изменения остаются умеренными. Существенно усиливаются компоненты учебной самостоятельности: доля студентов с низким уровнем планирования времени снижается с 44,89 до 18,45%, высокий уровень информационной грамотности достигает 45,92% (при 9,87% низкого уровня), а рефлексивная компетентность демонстрирует рост высоких значений до 31,88% при снижении низких до 21,34%. Установлена зависимость качества понимания устойчивого развития от типа цифровой активности: исследовательские действия (симуляции, анализ данных) ассоциируются с наивысшим итоговым баллом 88,49 против 57,49 при пассивном просмотре/чтении; коммуникативная активность особенно усиливает социальный аспект (78,34). Полученные данные аргументируют, что педагогическая ценность цифровых ресурсов определяется архитектурой деятельности (открытые задачи, обратная связь, междисциплинарный синтез), а не переносом материалов в онлайн, при этом требуется тьюторская поддержка для обучающихся, склонных к пассивным стратегиям, и предотвращение шаблонности мышления вследствие избыточной алгоритмизации заданий.

Ключевые слова

цифровые образовательные ресурсы, устойчивое развитие, учебная мотивация, учебная самостоятельность, LMS-аналитика.

Введение

Современная парадигма высшего образования претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные необходимостью интеграции принципов устойчивого развития в профессиональную подготовку будущих специалистов. Глобальные вызовы, стоящие перед человечеством, требуют не просто трансляции знаний, но формирования особого типа мышления, способного оперировать сложными системами в условиях неопределенности. В этом контексте цифровизация образовательного процесса выступает не как самоцель, а как инструментальная среда, позволяющая моделировать многофакторные процессы и создавать условия для глубокого погружения в проблематику устойчивости. Педагогическая наука сегодня сталкивается с необходимостью переосмысления дидактических подходов, где цифровые образовательные ресурсы становятся катализатором когнитивной активности (Ляпин, 2025), трансформируя пассивное восприятие информации в деятельностный акт познания. Вопросы, связанные с экологическим императивом, социальной ответственностью и экономической эффективностью, перестают быть абстрактными категориями, когда они интегрированы в интерактивные цифровые платформы, требующие от студента принятия решений и прогнозирования последствий. Существующий дискурс относительно влияния цифровых инструментов на личностные качества обучающихся часто поляризован. С одной стороны, отмечается риск фрагментации мышления и снижения способности к глубокой концентрации, с другой — подчеркивается потенциал цифровой среды для индивидуализации образовательных траекторий. Ключевым аспектом здесь выступает мотивационная сфера личности, которая в условиях цифрового обучения подвергается существенной трансформации. Традиционные стимулы, работавшие в лекционно-семинарской системе, теряют свою эффективность в виртуальном пространстве, где уровень автономности студента возрастает многократно. Проблема заключается не столько в наличии или отсутствии цифровых ресурсов, сколько в их методическом наполнении и архитектуре, способной либо подавлять, либо стимулировать познавательную самостоятельность (Стяжкова, 2023). Устойчивое развитие как содержательный компонент образования обладает мощным аксиологическим потенциалом, способным придать цифровому обучению ценностно-смысловой вектор, однако механизмы этого воздействия изучены недостаточно глубоко. Особого внимания заслуживает феномен учебной самостоятельности в цифровой среде, ориентированной на проблематику устойчивого развития. Самостоятельность в данном контексте не может трактоваться исключительно как способность выполнять задания без участия преподавателя.

Речь идет о сложной компетенции, включающей навыки самоорганизации, критического отбора информации и рефлексии собственной деятельности. Цифровые ресурсы, разработанные с учетом принципов устойчивого развития, часто предполагают проектный характер работы, работу с большими данными и междисциплинарный синтез (Косников, 2025), что предъявляет повышенные требования к субъектности обучающегося. Наблюдается противоречие между технологическими возможностями современных платформ и готовностью студентов использовать их для саморазвития, а не только для формального закрытия учебных модулей. Это ставит перед педагогическим сообществом задачу поиска таких форматов взаимодействия, которые бы гармонизировали технологический и гуманитарный аспекты подготовки. Внедрение концепции устойчивого развития в вузовскую практику через цифровые инструменты требует тщательного анализа психолого-педагогических условий, обеспечивающих эффективность этого процесса. Нельзя игнорировать тот факт, что цифровая среда создает специфический когнитивный ландшафт, в котором меняются паттерны внимания и памяти. Образовательный контент, посвященный устойчивому развитию, по своей природе является сложным и системным, требующим удержания множества переменных. Эффективные цифровые ресурсы должны не упрощать эту сложность, а предоставлять инструменты для ее освоения — через визуализацию, геймификацию, симуляцию процессов. Важно понять, как именно архитектура курса, насыщенного интерактивными элементами (Хадисова, 2023), влияет на внутреннюю мотивацию студента, переключая

его с внешнего стимулирования (оценки) на внутренний интерес к решению глобальных проблем. Развитие профессиональных компетенций в логике устойчивого развития невозможно без формирования ответственности за результаты своей деятельности. Цифровые симуляторы и виртуальные лаборатории позволяют студентам совершать ошибки в безопасной среде, анализировать их и корректировать свои стратегии, что является важнейшим элементом становления профессиональной самостоятельности. Однако существует опасность, что чрезмерная алгоритмизация заданий в цифровой среде может привести к шаблонности мышления, что противоречит самой сути образования для устойчивого развития, требующего креативности и нестандартных подходов. Педагогический дизайн электронных курсов должен учитывать этот риск, предлагая задания открытого типа и эвристические задачи. Исследование динамики мотивации и самостоятельности при работе с таким контентом позволяет выявить «болевые точки» цифровизации и наметить пути их преодоления.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в ходе лонгитюдного эксперимента, проводимого на базе трех крупных университетов гуманитарного и технического профиля в период с 2021 по 2023 год. Общая выборка составила 648 студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по направлениям, связанным с экологией, экономикой и социологией. Методологическая конструкция исследования базировалась на интегративном подходе, сочетающем количественные методы сбора данных с качественным анализом образовательных продуктов и рефлексивных отчетов обучающихся. Для диагностики мотивационной сферы применялся модифицированный опросник учебной мотивации, адаптированный под специфику цифрового обучения, а также шкалы оценки саморегуляции и автономности. Особое внимание уделялось анализу цифровых следов: логов активности в системах управления обучением (LMS), времени реакции на задания, характера взаимодействия в форумах и частоты обращения к дополнительным материалам (Стяжкова, 2024), что позволило объективизировать данные самоотчетов. В качестве экспериментального фактора выступало внедрение в учебный процесс специализированного цифрового модуля «Проектирование устойчивых систем», разработанного на основе принципов проблемного обучения и геймификации. Модуль включал в себя интерактивные карты, симуляторы принятия решений и базы данных реального времени. Контрольная группа обучалась по традиционной методике с использованием стандартных электронных учебников и презентаций. Методологическое обоснование выбора диагностического инструментария опиралось на теорию самодетерминации и концепцию контекстного обучения (Бараненков, 2024), предполагающую максимальное приближение учебной деятельности к профессиональной реальности. Всего в процессе подготовки теоретической базы и интерпретации данных было проанализировано 15 фундаментальных и прикладных источников, охватывающих проблемы цифровой дидактики и психологии образования. Статистическая обработка данных проводилась с использованием корреляционного анализа и критериев значимости различий, что обеспечило верифицируемость полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Проблема формирования устойчивой мотивации к освоению сложных междисциплинарных концепций, к которым относится проблематика устойчивого развития, является краеугольным камнем современной дидактики. Традиционные методы часто не способны обеспечить должный уровень вовлеченности, что приводит к поверхностному усвоению материала. Использование цифровых образовательных ресурсов открывает новые горизонты, однако требует тщательной калибровки контента. Мы сосредоточили внимание на анализе трансформации структуры мотивации студентов при переходе от пассивного потребления контента к активному взаимодействию с цифровой средой. Выбор показателей для оценки был обусловлен необходимостью отследить сдвиг мотива от прагматического (получение зачета) к познавательному и профессиональному. В ходе эксперимента фиксировались изменения в иерархии мотивов, что позволяет судить о глубине педагогического воздействия

используемых цифровых инструментов (Бобиенко, 2024). Динамика основных мотивационных кластеров представлена ниже (табл. 1).

Таблица 1. Динамика мотивационных показателей обучающихся в контрольной и экспериментальной группах (в баллах по 10-балльной шкале)

Показатель мотивации	Группа	Начальный этап ($M \pm m$)	Завершающий этап ($M \pm m$)	Прирост (%)
Познавательный интерес	Контрольная	4,23 $\pm$ 0,12	4,89 $\pm$ 0,14	15,60
	Экспериментальная	4,18 $\pm$ 0,11	7,42 $\pm$ 0,15	77,51
Профессиональная ценность	Контрольная	5,11 $\pm$ 0,18	5,67 $\pm$ 0,19	10,96
	Экспериментальная	5,08 $\pm$ 0,16	8,15 $\pm$ 0,13	60,43
Прагматический мотив	Контрольная	8,45 $\pm$ 0,10	8,12 $\pm$ 0,11	-3,91
	Экспериментальная	8,39 $\pm$ 0,12	5,74 $\pm$ 0,14	-31,59

Анализ числовых данных демонстрирует существенную дивергенцию векторов развития мотивационной сферы в сравниваемых группах. Если на начальном этапе показатели были статистически неразличимы, то финальный замер выявил кардинальные изменения в структуре побуждений студентов экспериментальной группы. Особенно показателен рост познавательного интереса, который увеличился более чем на три условных балла, достигнув значения 7,42, что свидетельствует о качественном скачке в восприятии учебного материала. Цифровые ресурсы, предлагающие интерактивное погружение в проблемы экологии и экономики, очевидно, сработали как мощный триггер любознательности.

В то же время снижение прагматического мотива (ориентации исключительно на оценку) на 31,59% в экспериментальной группе при его сохранении на высоком уровне в контрольной группе (падение всего на 3,91%) указывает на смену смысловых установок. Студенты, работавшие с продвинутыми цифровыми инструментами, начали воспринимать учебный процесс как самоценную деятельность, а не как формальную процедуру. Стабильность показателей контрольной группы подтверждает гипотезу о том, что традиционные методы трансляции знаний, даже в цифровом формате (pdf-учебники), не обладают достаточным потенциалом для трансформации мотивационного профиля современного студента. Разрыв в приросте показателя профессиональной ценности между группами (10,96% против 60,43%) также подчеркивает, что симуляция профессиональных задач в цифровой среде способствует более ранней и глубокой профессиональной идентификации.

Следующим логическим шагом исследования стало изучение влияния цифровой среды на уровень учебной самостоятельности. Устойчивое развитие требует от специалиста способности к автономному поиску решений и самоорганизации в условиях избытка информации. Цифровые образовательные ресурсы предоставляют широкое поле для проявления самостоятельности, однако они же могут провоцировать прокрастинацию или поверхностный скроллинг контента. Мы выделили три ключевых компонента самостоятельности: планирование деятельности, работа с источниками информации и рефлексивный анализ результатов.

Оценка производилась на основе анализа логов системы LMS и экспертной оценки выполненных проектов. Важно было понять, трансформируется ли техническая активность (количество кликов, время на сайте) в качественную когнитивную самостоятельность (Цой, 2025). Результаты оценки уровней сформированности компонентов самостоятельности отражены в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Распределение обучающихся по уровням сформированности компонентов учебной самостоятельности (%)

Компонент самостоятельности	Уровень	Контрольная группа (до)	Контрольная группа (после)	Экспериментальная группа (до)	Экспериментальная группа (после)
Планирование времени	Низкий	45,67	41,23	44,89	18,45
	Средний	38,12	42,56	39,45	48,12
	Высокий	16,21	16,21	15,66	33,43
Информационная грамотность	Низкий	32,45	28,15	33,12	9,87
	Средний	51,23	55,67	50,45	44,21
	Высокий	16,32	16,18	16,43	45,92
Рефлексия деятельности	Низкий	58,91	54,34	57,65	21,34
	Средний	30,56	32,12	31,44	46,78
	Высокий	10,53	13,54	10,91	31,88

Интерпретация полученных распределений выявляет глубокие структурные сдвиги в навыках самоорганизации участников эксперимента. В контрольной группе наблюдается лишь незначительная флуктуация показателей, что характерно для инерционного образовательного процесса: доля студентов с низким уровнем планирования времени сократилась всего на 4,44 процентных пункта, что можно отнести к естественному процессу адаптации к учебной нагрузке. Напротив, в экспериментальной группе этот показатель упал более чем в два раза (с 44,89% до 18,45%), при этом существенно вырос сегмент с высоким уровнем навыка (до 33,43%). Это свидетельствует о том, что интерактивная среда с жесткими дедлайнами игровых этапов и необходимостью координации групповых действий в цифровом пространстве вынуждает студентов вырабатывать эффективные стратегии тайм-менеджмента. Особенно впечатляющая динамика прослеживается в компоненте «Информационная грамотность»: доля студентов с высоким уровнем компетенции в экспериментальной группе достигла 45,92%, что почти в три раза превышает аналогичный показатель контрольной группы. Это объясняется необходимостью верификации данных при работе с симуляторами устойчивого развития, где неверно выбранный параметр ведет к краху виртуальной модели. Критическое мышление здесь тренируется не теоретически, а эмпирически. Рефлексивный компонент, традиционно являющийся наиболее «западающим» у студентов, также продемонстрировал позитивную динамику (Парамонова, 2024): снижение доли низкого уровня до 21,34% в экспериментальной группе говорит о том, что цифровая среда, предоставляющая мгновенную обратную связь, стимулирует постоянный самоанализ.

Не менее важным аспектом является корреляция между активностью использования цифровых ресурсов и качеством усвоения концепций устойчивого развития. Бытует мнение, что высокая цифровая активность не всегда коррелирует с глубоким пониманием предмета. Для проверки этого предположения мы сопоставили частоту обращения к различным типам цифрового контента (видеолекции, интерактивные задания, форумы, внешние базы данных) с результатами итогового тестирования по модулю устойчивого развития. Тест был составлен таким образом, чтобы проверять не механическое запоминание, а системное понимание взаимосвязей. Разделение цифровых ресурсов на пассивные и активные позволило детализировать картину влияния (Аубекеров, 2025). Данные, отражающие зависимость академической успешности от типа цифровой активности, сведены в таблицу (табл. 3).

Таблица 3. Средний балл итогового тестирования в зависимости от доминирующего типа цифровой активности студентов (максимум 100 баллов)

Тип доминирующей активности	Доля студентов в выборке (%)	Средний балл (Экономический аспект)	Средний балл (Экологический аспект)	Средний балл (Социальный аспект)	Общий средний балл
Пассивное потребление (чтение, просмотр)	28,45	56,34	61,23	54,89	57,49
Репродуктивное выполнение (тесты)	32,12	64,78	68,91	62,15	65,28
Коммуникативная (форумы, чаты)	15,67	71,23	69,45	78,34	73,01
Исследовательская (симуляции, анализ данных)	23,76	88,56	91,24	85,67	88,49

Данные таблицы наглядно иллюстрируют иерархию эффективности цифровых взаимодействий. Студенты, чья активность ограничивалась пассивным потреблением контента, продемонстрировали наихудшие результаты, едва преодолев пороговые значения (средний балл 57,49). Это подтверждает тезис о низкой эффективности «экранного чтения» сложного материала без деятельностного подкрепления.

Интересно заметить, что коммуникативная активность дает высокий прирост в понимании социального аспекта устойчивого развития (78,34 балла), что логично, так как обсуждение проблем в форумах способствует развитию эмпатии и пониманию общественных процессов (Серёдкина, 2025). Однако безусловным лидером является группа с доминирующей исследовательской активностью. Разрыв в более чем 30 баллов по сравнению с пассивной группой (88,49 против 57,49) доказывает, что именно инструментарий активного познания – работа с моделями, базами данных, прогнозирование – является ключом к формированию компетенций устойчивого развития. Высокие показатели по экологическому аспекту (91,24) в этой группе объясняются возможностью визуализации экологических последствий в симуляторах. Таким образом, педагогическая ценность цифрового ресурса определяется не объемом информации, а заложенными в него сценариями деятельности. Простой доступ к информации не гарантирует знаний, тогда как организованная цифровая исследовательская среда формирует системное мышление.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать наличие устойчивой взаимосвязи между архитектурой используемых цифровых образовательных ресурсов и качественными характеристиками учебной деятельности студентов. Совокупный анализ данных, полученных на всех этапах эксперимента, свидетельствует о том, что интеграция принципов устойчивого развития в цифровую дидактику служит мощным фактором педагогической трансформации. Наблюдается не просто количественный рост показателей успеваемости, но и качественное изменение профиля обучающегося: от исполнителя к исследователю.

Цифровая среда, насыщенная проблемными задачами и интерактивными инструментами, создает условия для так называемого «иммерсивного обучения», когда погружение в контекст глобальных проблем стимулирует внутренние резервы личности. Важно отметить, что этот эффект не возникает автоматически при появлении компьютера в аудитории; он является результатом тщательного педагогического проектирования, где технологии служат усилению смыслов, а не их замещению. Выявленная корреляция между типом активности и результативностью обучения ставит под сомнение эффективность простых курсов, перенесенных в онлайн без адаптации к деятельностному формату. Образовательный процесс, опосредованный высокотехнологичными ресурсами, выявил скрытый потенциал студенческой аудитории к самоорганизации, который оставался невостребованным в

традиционной лекционной системе. Данные показывают, что сложность задач в области устойчивого развития не отпугивает, а, напротив, мобилизует студентов, если им предоставлен адекватный инструментарий для решения этих задач.

Феномен роста познавательного интереса на фоне снижения прагматических мотивов указывает на то, что цифровизация может стать инструментом гуманизации образования, возвращая в него ценностные смыслы (Савельева, 2023). При этом нельзя игнорировать тот факт, что определенная часть студентов (группы с пассивным типом активности) испытывает трудности с переходом к новым форматам работы, что требует разработки дополнительных адаптационных модулей и тьюторского сопровождения.

В целом, полученные эмпирические данные подтверждают гипотезу о синергетическом эффекте объединения проблематики устойчивого развития и передовых цифровых технологий, создающем новую педагогическую реальность.

Заключение

Интеграция цифровых образовательных ресурсов, ориентированных на проблематику устойчивого развития, в практику высшей школы представляет собой сложный, многовекторный процесс, выходящий далеко за рамки простой технологической модернизации. Результаты исследования убедительно демонстрируют, что правильно организованная цифровая среда выступает мощным фактором трансформации мотивационно-потребностной сферы студентов, смещая фокус с формального получения диплома на осознанное профессиональное становление. Ключевым драйвером изменений становится деятельностный характер цифровых инструментов: симуляторов, интерактивных моделей и аналитических платформ, которые позволяют студентам не просто потреблять информацию о глобальных проблемах, но и активно взаимодействовать с ними, моделируя решения и прогнозируя последствия. Это формирует особый тип ответственности и субъектности, необходимый специалисту будущего.

Наблюдаемый рост показателей учебной самостоятельности свидетельствует о том, что цифровая среда обладает значительным потенциалом для развития метапредметных компетенций. Навыки тайм-менеджмента, критического анализа информации и рефлексии формируются в процессе работы с цифровыми ресурсами естественным образом, как необходимый ответ на вызовы сложной информационной среды. Однако этот процесс не является линейным и автоматическим. Педагогическая реальность показывает, что без методически грамотного сопровождения и тщательного дизайна образовательного опыта цифровизация может привести к поверхностному усвоению материала и когнитивной перегрузке. Успех интеграции зависит от баланса между технологическими возможностями и педагогическими целями, где приоритетом остается формирование ценностного отношения к миру и профессии.

Перспективы дальнейшего развития данной проблематики лежат в плоскости углубленного изучения механизмов персонализации обучения в цифровой среде устойчивого развития. Важным направлением представляется разработка адаптивных систем, способных подстраиваться под когнитивный стиль и уровень мотивации конкретного студента, предлагая индивидуальные траектории освоения материала. Также требует осмысления роль преподавателя, который в новых условиях трансформируется из транслятора знаний в архитектора образовательной среды и наставника, сопровождающего студента в его исследовательском поиске. Глобальные вызовы устойчивого развития требуют от системы образования гибкости и опережающего характера, и цифровые ресурсы, при их грамотном применении, становятся тем инструментом, который позволяет университетам отвечать на запросы времени, готовя специалистов, способных мыслить системно и действовать ответственно.

Список литературы

1. Аубекеров М.А., Давлетова А.Х., Медешова А.Б. Цифровые образовательные ресурсы: влияние на качество образования // Современное педагогическое образование. 2025. № 4. С. 394-396.

2. Бараненков О.Н. Формирование устойчивой мотивации к образованию у старших школьников в условиях цифровой среды // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 4-2. С. 11-18.
3. Бобиенко О.М. Цифровая образовательная среда вуза как ресурс образовательной экосистемы // Вестник Университета управления «ТИСБИ». 2024. № 2. С. 76-84.
4. Венцель В.А. Влияние электронных образовательных ресурсов на уровень мотивации к обучению соискателей высшего образования // Мир педагогики и психологии. 2024. № 6(95). С. 220-228.
5. Косников С.Н., Виноградская И.С., Балабанова Н.П., Кривенкова О.В., Баранникова Г.А. Роль цифровых технологий в поддержании и развитии мотивации студентов к обучению // Вестник педагогических наук. 2025. № 6. С. 164-169.
6. Ляпин И.Л., Веселова А.Ю., Петровский А.М. Современные цифровые образовательные ресурсы в высшем образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-4. С. 181-183.
7. Парамонова Е.А., Медведева Н.П. Внутренняя мотивация личности студента: подходы к формированию и коррекции // Педагогический вестник. 2024. № 32. С. 65-67.
8. Савельева О.В., Савельев И.В., Данилова А.М., Воронин А.Д. Цифровая трансформация: оценка готовности специалистов к применению цифровых технологий в образовании // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 3(217). С. 400-404.
9. Серёдкина А.С., Голубчикова М.Г. Возможности и ограничения цифровой образовательной среды вуза в вопросах интеллектуального воспитания молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5(114). С. 339-342.
10. Стяжкова Н.М., Лазарева Л.В. Влияние цифровых технологий на мотивацию студентов к обучению: современные тенденции // Педагогическое образование и наука. 2023. № 5. С. 124-127.
11. Стяжкова Н.М., Лазарева Л.В. Проблема эффективности использования цифровых технологий для мотивации студентов к обучению // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 5 (140). С. 138-154.
12. Хадисова К.В. Цифровизация и образование для устойчивого развития // Дневник науки. 2023. № 12(84). С. 1-10.
13. Хачецукова З.К., Анохина О.В., Разakov P.Ч.М. Цифровизация образования: влияние онлайн-платформ на успеваемость и мотивацию студентов // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. № 10. С. 241-247.
14. Цой Н.Г., Гуцало А.И., Мальцева К.Г. Влияние цифровых технологий на учебную мотивацию // Проектирование. Опыт. Результат. 2025. № 4. С. 59-66.
15. Ярычев М.У. Формирование устойчивых мотивационных установок у студентов в условиях цифровой перегрузки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 6. С. 131-138.

Digital educational resources for sustainable development and their impact on the motivation and independence of university students

Tatiana A. Buzykova

Senior Lecturer

Moscow Academy of Entrepreneurship

Moscow, Russia

ata1757@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 09.11.2025

Accepted 17.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/p5258-4354-7959-p

EDN MZSRXC

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

It is shown that the digitalization of higher education acquires the greatest pedagogical significance with methodically justified integration of sustainable development issues, since such resources shift the mastery of complex systemic concepts from the mode of information consumption to the mode of decision-making, forecasting consequences, and value-semantic reflection. Based on the material of a longitudinal experiment of 2021–2023 conducted in three universities of humanitarian and technical profiles ($n=648$; directions related to ecology, economics, and sociology), the impact of the specialized digital module «Designing Sustainable Systems» (interactive maps, simulators, real-time databases, problem-based learning, and gamification) is compared with standard electronic content. Comprehensive diagnostics of academic motivation and self-regulation, analysis of digital traces in LMS, expert assessment of project works, and statistical verification of differences record a pronounced restructuring of the motivational profile when working with an activity-saturated digital environment: the increase in cognitive interest in the experimental group amounted to 77,51% ($4.18 \rightarrow 7.42$), professional value – 60,43% ($5.08 \rightarrow 8.15$) with a simultaneous decrease in pragmatic orientation towards grades by 31,59% ($8.39 \rightarrow 5.74$); in the control group, changes remain moderate. Components of academic autonomy are significantly enhanced: the share of students with a low level of time planning decreases from 44,89% to 18,45%, high level of information literacy reaches 45,92% (with 9.87% low level), and reflective competence demonstrates growth of high values to 31,88% with a decrease of low values to 21,34%. A dependence of the quality of understanding sustainable development on the type of digital activity is established: research actions (simulations, data analysis) are associated with the highest final score of 88.49 versus 57.49 for passive viewing/reading; communicative activity particularly enhances the social aspect (78.34). The obtained data argue that the pedagogical value of digital resources is determined by the architecture of activity (open tasks, feedback, interdisciplinary synthesis), rather than the transfer of materials online, while tutor support is required for students prone to passive strategies and prevention of templated thinking due to excessive algorithmic structuring of tasks.

Keywords

digital educational resources, sustainable development, academic motivation, academic autonomy, LMS analytics.

References

1. Aubekero M.A., Davletova A.H., Medeshova A.B. Digital educational resources: impact on the quality of education // Modern pedagogical education. 2025. № 4. pp. 394-396.
2. Baranenko O.N. Formation of sustainable motivation for education among senior schoolchildren in a digital environment // Education management: theory and practice. 2024. № 4-2. pp. 11-18.
3. Bobienko O.M. The digital educational environment of the university as a resource of the educational ecosystem // University of Management «TISBI» bulletin. 2024. № 2. pp. 76-84.
4. Wenzel V.A. The influence of electronic educational resources on the level of motivation for higher education applicants // The world of pedagogy and psychology. 2024. № 6(95). pp. 220-228.

5. Kosnikov S.N., Vinogradskaya I.S., Balabanova N.P., Krivenkova O.V., Barannikova G.A. The role of digital technologies in maintaining and developing students' motivation to study // Bulletin of pedagogical sciences. 2025. № 6. pp. 164-169.
6. Lyapin I.L., Veselova A.Yu., Petrovsky A.M. Modern digital educational resources in higher education // Problems of modern pedagogical education. 2025. № 86-4. pp. 181-183.
7. Paramonova E.A., Medvedeva N.P. Internal motivation of the student's personality: approaches to formation and correction // Pedagogical bulletin. 2024. № 32. pp. 65-67.
8. Savelyeva O.V., Savelyev I.V., Danilova A.M., Voronin A.D. Digital transformation: assessment of specialists' readiness to use digital technologies in education // Lesgaft University scientific notes. 2023. № 3(217). pp. 400-404.
9. Seredkina A.S., Golubchikova M.G. Opportunities and limitations of the digital educational environment of the university in matters of intellectual education of youth // The world of science, culture, and education. 2025. № 5(114). pp. 339-342.
10. Styazhkova N.M., Lazareva L.V. The influence of digital technologies on students' motivation to study: current trends // Teacher education and science. 2023. № 5. pp. 124-127.
11. Styazhkova N.M., Lazareva L.V. The problem of the effectiveness of using digital technologies to motivate students to study // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2024. № 5(140). pp. 138-154.
12. Khadisova K.V. Digitalization and education for sustainable development // Diary of science. 2023. № 12(84). pp. 1-10.
13. Khachetsukova Z.K., Anokhina O.V., Razakov R.Ch.M. Digitalization of education: the impact of online platforms on student achievement and motivation // Scientific review. Series 2: Humanities. 2024. № 10. pp. 241-247.
14. Tsoi N.G., Gutsalo A.I., Maltseva K.G. The influence of digital technologies on educational motivation // Designing. Experience. Result. 2025. № 4. pp. 59-66.
15. Yarychev M.U. Formation of stable motivational attitudes among students in conditions of digital overload // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 6. pp. 131-138.

Влияние искусственного интеллекта на развитие академической и межкультурной коммуникативной компетенции студентов неязыковых направлений в процессе обучения иностранному языку в вузе

Наталья Ивановна Евтушенко

Старший преподаватель кафедры Лингвистики и переводоведения
Приазовский государственный технический университет – филиал Национального исследовательского
Московского государственного строительного университета
Мариуполь, Россия
lyovikevtushenko@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0601-1643

Вита Ивановна Слободянюк

Ассистент кафедры Лингвистики и переводоведения
Приазовский государственный технический университет – филиал Национального исследовательского
Московского государственного строительного университета
Мариуполь, Россия
vittaa75@yandex.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 30.11.2025

Принята 16.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/v9680-9401-3815-w

EDN ONLATU

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В тексте анализируется, как системная интеграция генеративных инструментов искусственного интеллекта в обучение иностранному языку в вузе влияет на становление академической и межкультурной коммуникативной компетенции студентов инженерных и экономических направлений, для которых язык выступает инструментом профессиональной и научной коммуникации. Теоретическая аргументация связывает распространение машинного перевода и автоматизированной генерации текстов с необходимостью переосмысления репродуктивных методик и усиления когнитивной вовлеченности обучающихся, включая развитие критического мышления и навыков верификации информации, а также распознавание возможных культурных смещений и стереотипов, транслируемых цифровыми агентами. Эффект внедрения ИИ оценивается в сопоставлении контрольных и экспериментальных групп студентов (период 2021-2024 гг., совокупно 482 человека) с использованием стандартизированных лингводидактических измерителей, ориентированных на дескрипторы CEFR, диагностики межкультурной сенситивности на основе ситуационных кейсов и экспертной оценки письменных и устных продуктов; статистическая проверка различий и связей выполняется с применением t-критерия, U-критерия Манна-Уитни, корреляционного анализа и χ^2 . Представленные показатели демонстрируют значимый рост лексической насыщенности и качества академического письма при поддержке ИИ (Type/Token 0,61 против 0,48; 2,83 ошибки на 100 слов против 5,12; индекс академичности 28,94% против 18,32; связность текста 8,47 против 6,89), а также выраженные сдвиги в межкультурных компонентах, особенно в стратегиях вежливости (высокий уровень 49,38% против 19,47) и социокультурной осведомленности (40,59% против 14,16). Дополнительно фиксируется повышение

учебной автономии и вовлеченности при снижении разброса результатов, что интерпретируется как эффект персонализации и немедленной обратной связи. Обсуждаются педагогически значимые ограничения: риск «иллюзии компетентности», технологической зависимости и необходимость методического контроля, при котором ИИ функционирует как катализатор речемыслительных процессов, а не замена самостоятельного продуцирования.

Ключевые слова

искусственный интеллект, обучение иностранному языку в вузе, академическая коммуникативная компетенция, межкультурная коммуникативная компетенция, академическое письмо.

Введение

Современная образовательная парадигма претерпевает фундаментальные трансформации, обусловленные не столько линейной цифровизацией учебного процесса, сколько качественным изменением самой природы взаимодействия между субъектом и объектом обучения. В контексте подготовки специалистов нелингвистического профиля, где иностранный язык выступает не самоцелью, а инструментом профессиональной реализации и академической мобильности, появление генеративных моделей искусственного интеллекта создает прецедент переосмысления дидактических подходов. Традиционные методики, ориентированные на репродуктивное усвоение лексико-грамматических конструкций, постепенно утрачивают свою эффективность в условиях, когда машинный перевод и автоматизированная генерация текстов становятся повсеместными. Педагогическая наука сталкивается с вызовом интеграции нейросетевых алгоритмов в структуру формирования коммуникативной компетенции, сохраняя при этом когнитивную вовлеченность обучающихся и развивая их критическое мышление. Глобализация научного знания требует от выпускников технических и естественнонаучных направлений владения навыками академического письма и устной презентации результатов исследований на международном уровне, что актуализирует поиск новых инструментов интенсификации лингвистической подготовки. (Щебельская, 2023)

Специфика обучения студентов неязыковых специальностей заключается в ограниченности временного ресурса, выделяемого на дисциплину, и необходимости формирования узкоспециализированного тезауруса, соответствующего профилю подготовки. Искусственный интеллект, обладая возможностями обработки больших данных и персонализации контента, способен (Егорова, 2025) выступить в роли интеллектуального тьютора, адаптирующего сложность материала под индивидуальный уровень когнитивного развития студента. Однако внедрение подобных технологий сопряжено с рядом рисков, включая снижение мотивации к самостоятельному продуцированию речи и возникновение феномена «иллюзии компетентности», когда обучающийся ошибочно приписывает себе результаты работы алгоритма. Проблематика исследования лежит в плоскости выявления корреляции между использованием интеллектуальных систем и динамикой развития компонентов межкультурной коммуникативной компетенции, которая включает в себя не только языковые знания, но и способность интерпретировать социокультурные коды, избегать прагматических сбоев и выстраивать стратегии вежливого поведения в иноязычной среде.

Академическая компетентность, как составляющая профессионального портрета современного инженера или экономиста, предполагает владение жанровыми особенностями научного дискурса, умение структурировать аргументацию и соблюдать конвенции цитирования. Нейросетевые модели, обученные на огромных массивах научных текстов, могут (Глотова, 2025) демонстрировать эталонные образцы академического стиля, служащие опорой для обучающихся при создании собственных работ. Вопрос заключается в том, насколько эффективно происходит интериоризация этих моделей сознанием студента при опосредованном взаимодействии через интерфейс программы. Существует гипотеза, что контролируемое использование ИИ позволяет высвободить когнитивный ресурс обучающегося для решения более сложных коммуникативных задач, таких как логическое построение высказывания и выбор стилистически уместных средств выражения, перекладывая рутинные операции по проверке грамматики и орфографии на алгоритм. (Рельян, 2024)

Межкультурный аспект коммуникации в условиях цифровой среды приобретает новые грани. Студенты взаимодействуют не только с носителями языка, но и с интеллектуальными агентами, которые, будучи продуктом определенной культуры разработчиков, могут транслировать скрытые ценностные установки и стереотипы. Развитие межкультурной сенситивности требует от обучающихся умения распознавать эти паттерны и критически оценивать информацию, предоставляемую ИИ. Педагогическое сопровождение в данном случае должно быть направлено на формирование навыков верификации данных и анализа культурного контекста, в котором функционирует язык. Интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранному языку не должна сводиться к простой автоматизации заданий, а предполагать создание сложной образовательной экосистемы, где технологии усиливают (Абалян, 2024) человеческий потенциал, способствуя более глубокому погружению в иноязычную культуру и академическую среду (Баринов, 2024)/

Теоретическое осмысление влияния ИИ на образовательный процесс требует анализа психолого-педагогических механизмов, лежащих в основе взаимодействия человека и машины. Важно понимать, как меняется структура учебной деятельности, какие новые компетенции формируются в процессе диалога с нейросетью и как это сказывается на итоговом уровне владения языком. Рассмотрение данных вопросов позволяет выстроить методологически обоснованную стратегию внедрения инноваций, которая будет способствовать повышению качества языковой подготовки в высшей школе и формированию конкурентоспособного специалиста, готового к профессиональной деятельности в условиях глобальной цифровой экономики. Исследование фокусируется на поиске баланса между технологической поддержкой и самостоятельной когнитивной активностью студентов, определяя границы применимости ИИ для развития различных видов речевой деятельности.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужил образовательный процесс в техническом университете, охватывающий период с 2021 по 2024 год. В экспериментальную выборку вошли студенты бакалавриата и магистратуры инженерных и экономических направлений подготовки, общим количеством 482 человека. Формирование выборочной совокупности осуществлялось методом стратифицированного отбора, обеспечивающего репрезентативность данных по гендерному признаку, уровню начальной языковой подготовки и профилю обучения. Испытуемые были разделены на контрольную и экспериментальную группы, паритетные по численному составу и входным показателям коммуникативной компетенции. В экспериментальных группах в процесс обучения иностранному языку системно интегрировались инструменты на базе генеративного искусственного интеллекта, использовавшиеся для моделирования диалогов, анализа академических текстов и коррекции письменных работ, в то время как контрольные группы обучались по традиционной методике с использованием стандартных электронных образовательных ресурсов.

Методологический инструментарий исследования включал комплекс взаимодополняющих методов, направленных на всестороннюю оценку изучаемого феномена. Применялись стандартизированные лингводидактические тесты для измерения уровня владения лексико-грамматическими навыками и умениями академического письма, разработанные (Карпович, 2025) в соответствии с дескрипторами Общеευропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR). Для диагностики уровня сформированности межкультурной компетенции использовалась адаптированная методика оценки межкультурной сенситивности, дополненная ситуационными кейсами, требующими интерпретации культурно-специфического поведения. Сбор данных осуществлялся посредством цифровой платформы университета, фиксирующей также частоту и характер взаимодействия студентов с рекомендованными ИИ-сервисами, что позволило накопить значительный массив информации о поведенческих паттернах обучающихся.

Обработка полученных количественных данных производилась с применением методов математической статистики. Для проверки гипотез о достоверности различий между показателями контрольной и экспериментальной групп использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок и U-критерий Манна-Уитни в случаях распределения, отличного от нормального. Корреляционный

анализ, выполненный с помощью коэффициента Пирсона, позволил (Авраменко, 2024) выявить взаимосвязи между интенсивностью использования технологий искусственного интеллекта и динамикой отдельных компонентов коммуникативной компетенции. Качественный анализ включал экспертную оценку письменных работ и устных ответов студентов, проводимую группой преподавателей с высокой квалификацией, с целью выявления качественных изменений в структуре и содержании речи, обусловленных влиянием цифровых инструментов. Всего в ходе исследования было проанализировано более 1500 единиц письменных работ и протоколов устных ответов, а также использовано 15 библиографических источников, составляющих теоретическую базу работы. (Климентьев, 2025)

Результаты и обсуждение

Оценка эффективности интеграции интеллектуальных алгоритмов в лингвистическую подготовку студентов неязыковых специальностей требует многоуровневого анализа, затрагивающего как формальные показатели владения языком, так и глубинные трансформации в структуре коммуникативной личности. Первичный срез данных, полученный на начальном этапе эксперимента, продемонстрировал относительную однородность показателей в обеих группах, что свидетельствует о валидности выборки и корректности условий проведения педагогического эксперимента. Однако последующие замеры выявили нарастающую дивергенцию в траекториях развития компетенций, что обуславливает необходимость детального рассмотрения динамики отдельных индикаторов. Академическая коммуникация, будучи сложным когнитивным процессом, включает в себя владение специализированной терминологией, умение выстраивать логические связи и соблюдать регистр общения.

Влияние искусственного интеллекта на лексическую насыщенность и грамматическую корректность речи студентов представляется наиболее очевидным, однако количественные изменения здесь скрывают качественные сдвиги в механизмах порождения высказывания. Использование генеративных моделей для перефразирования и поиска синонимов позволяет (Симеонова, 2025) студентам экспериментальной группы значительно расширить активный словарный запас, выходя за рамки учебных пособий. При этом наблюдается интересный феномен: снижение количества элементарных ошибок сопровождается усложнением синтаксических конструкций, что не всегда характерно для традиционного обучения, где страх ошибки часто блокирует использование сложных форм. Данные, характеризующие динамику лексико-грамматической компетенции и навыков академического письма в разрезе контрольной и экспериментальной групп, представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей лексико-грамматической компетенции и академического письма

Показатель / Группа	Этап	Контрольная группа (баллы, $M \pm m$)	Экспериментальная группа (баллы, $M \pm m$)	Прирост (%)	t-критерий
Лексическая насыщенность (коэфф. Type/Token)	Констатирующий	$0,42 \pm 0,03$	$0,43 \pm 0,04$	-	-
	Формирующий	$0,48 \pm 0,04$	$0,61 \pm 0,05$	27,08	4,32
Грамматическая корректность (кол-во ошибок на 100 слов)	Констатирующий	$8,74 \pm 1,21$	$8,69 \pm 1,15$	-	-
	Формирующий	$5,12 \pm 0,98$	$2,83 \pm 0,76$	44,72	5,89
Структурная связность текста	Констатирующий	$5,34 \pm 0,67$	$5,29 \pm 0,72$	-	-
	Формирующий	$6,89 \pm 0,81$	$8,47 \pm 0,64$	22,93	3,95

(экспертная оценка, макс. 10)					
Индекс академичности стиля (доля формальной лексики, %)	Констатирующий	12,45 ± 2,10	12,67 ± 1,98	-	-
	Формирующий	18,32 ± 2,45	28,94 ± 2,87	57,96	6,12

Анализ числовых данных, отражающих лексическую насыщенность текстов, выявляет существенное превосходство экспериментальной группы на формирующем этапе. Коэффициент Type/Token Ratio, увеличившийся в экспериментальной группе с 0,43 до 0,61, демонстрирует прирост, значительно превышающий аналогичный показатель в контрольной группе (с 0,42 до 0,48). Разница в абсолютных значениях конечных показателей составляет 0,13 пункта, что при учете стандартного отклонения является статистически значимым результатом ($t=4,32$, $p<0,001$). Еще более выраженная динамика наблюдается в показателе грамматической корректности: если в контрольной группе снижение количества ошибок составило 3,62 единицы (с 8,74 до 5,12), то в экспериментальной группе падение достигло 5,86 единицы, снизившись до уровня 2,83 ошибки на 100 слов. Это указывает на то, что использование ИИ-инструментов не просто корректирует ошибки, но и формирует у студентов устойчивые паттерны правильного словоупотребления, вероятно, за счет механизма немедленной обратной связи.

Особого внимания заслуживает индекс академичности стиля, который в экспериментальной группе вырос более чем в два раза (с 12,67% до 28,94%), тогда как в контрольной группе прирост составил менее 50% от исходного уровня (с 12,45% до 18,32%). Математическая разница между конечными показателями групп составляет 10,62 процентных пункта, что подтверждается высоким значением t -критерия (6,12). Структурная связность текста, оцениваемая экспертами, также показала существенный разрыв: средний балл 8,47 в экспериментальной группе против 6,89 в контрольной свидетельствует о качественном скачке в умении логически выстраивать аргументацию. Это можно объяснить тем, что взаимодействие с алгоритмами, требующими четких промптов и логических цепочек, дисциплинирует мышление студентов, заставляя их более тщательно подходить к структурированию собственных мыслей еще на этапе планирования высказывания.

Следующий блок исследования посвящен проблематике межкультурной коммуникации, которая традиционно вызывает наибольшие трудности у студентов технических специальностей ввиду отсутствия глубокой гуманитарной базы. Способность распознавать культурный контекст, интерпретировать идиоматические выражения и избегать коммуникативных табу требует погружения в языковую среду, что в условиях аудиторного обучения реализовать крайне сложно. Искусственный интеллект, моделирующий различные социолингвистические ситуации, предоставляет (Кодрле, 2025) возможность безопасной тренировки навыков межкультурного взаимодействия. Важно оценить, насколько виртуальная симуляция способна заменить реальный опыт общения и как это отражается на уровне эмпатии и толерантности к инокультурным явлениям. Показатели сформированности межкультурной компетенции отражены в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Динамика показателей межкультурной коммуникативной компетенции

Компонент компетенции	Группа	Уровень «Низкий» (%)	Уровень «Средний» (%)	Уровень «Высокий» (%)	Коэффициент сдвига (χ^2)
Социокультурная осведомленность	Контрольная	34,51	51,33	14,16	4,21
	Экспериментальная	11,24	48,17	40,59	18,76
Интерпретация культурных кодов	Контрольная	42,04	45,57	12,39	3,89
	Экспериментальная	15,35	52,28	32,37	15,43

Эмпатия и толерантность	Контрольная	28,76	54,43	16,81	5,12
	Экспериментальная	18,67	56,43	24,90	9,34
Стратегии вежливости	Контрольная	31,42	49,11	19,47	4,56
	Экспериментальная	9,54	41,08	49,38	21,05

Математический анализ распределения студентов по уровням сформированности компетенций выявляет кардинальные различия в эффективности примененных методик. В экспериментальной группе доля студентов с высоким уровнем социокультурной осведомленности достигла 40,59%, что почти в три раза превышает показатель контрольной группы (14,16%). Примечательно резкое сокращение сегмента с низким уровнем в экспериментальной группе до 11,24% по сравнению с 34,51% в контрольной. Расчет критерия хи-квадрат ($\chi^2=18,76$) подтверждает статистическую значимость произошедших изменений с вероятностью ошибки $p<0,01$. В то же время, в контрольной группе сдвиги носят менее выраженный характер ($\chi^2=4,21$), что говорит о стабильности, но недостаточной интенсивности традиционного обучения для развития данного навыка.

Особый интерес представляют данные по компоненту «Стратегии вежливости». В экспериментальной группе почти половина студентов (49,38%) достигла высокого уровня, в то время как в контрольной группе этот показатель не преодолел порог в 20% (19,47%). Разрыв в 29,91 процентного пункта является индикатором того, что моделирование диалогов с ИИ, где алгоритм часто запрограммирован на подчеркнутую вежливость и требует соответствующего тона для корректной работы, эффективно формирует прагматические навыки. Показатели эмпатии и толерантности продемонстрировали наименьшую динамику среди всех компонентов в экспериментальной группе (прирост высокого уровня до 24,90%), что может свидетельствовать (Шокарева, 2025) о сложности формирования эмоционально-ценностных установок исключительно цифровыми средствами, однако и здесь наблюдается положительная тенденция по сравнению с контрольной группой (16,81%), подтвержденная значением $\chi^2=9,34$.

Взаимодействие с цифровыми инструментами неизбежно влияет на мотивационную сферу и развитие автономности обучающихся. Способность самостоятельно организовывать свой учебный процесс, находить необходимые ресурсы и оценивать собственный прогресс является ключевым навыком для непрерывного образования. Внедрение ИИ трансформирует роль студента из пассивного получателя знаний в активного исследователя, но также создает риск технологической зависимости. Для оценки этих процессов был проведен мониторинг показателей учебной автономии и вовлеченности в процесс изучения языка, результаты которого позволяют судить о степени субъектности студентов в новой образовательной реальности. Данные представлены далее (табл. 3).

Таблица 3. Показатели учебной автономии и вовлеченности студентов

Критерий оценки (шкала 0-100)	Контрольная группа (баллы)	Экспериментальная группа (баллы)	Разность средних (Δ)	Дисперсия (σ^2) КГ	Дисперсия (σ^2) ЭГ
Инициативность в поиске материалов	54,32	78,91	24,59	112,4	89,6
Самокоррекция и рефлексия	48,15	72,44	24,29	98,2	74,3
Регулярность внеаудиторной работы	61,08	84,37	23,29	105,7	62,1
Удовлетворенность процессом обучения	65,42	89,12	23,70	121,5	58,4

Сравнительный анализ средних значений демонстрирует устойчивое превосходство экспериментальной группы по всем критериям автономии. Наибольший разрыв зафиксирован в показателе «Инициативность в поиске материалов» ($\Delta = 24,59$), что указывает на стимулирующую роль ИИ, предлагающего (Гарифова, 2024) персонализированный контент и снижающего барьер входа в сложные темы. Анализ дисперсии (σ^2) в экспериментальной группе выявляет интересную закономерность: значения дисперсии по всем показателям ниже, чем в контрольной группе (например, 58,4 против 121,5 по критерию удовлетворенности). Это свидетельствует о большей гомогенности результатов в экспериментальной группе, то есть использование ИИ позволяет «подтянуть» отстающих студентов и выровнять общий уровень мотивации и вовлеченности в группе, тогда как в традиционном формате сохраняется сильное расслоение.

Математическая проверка разности средних показывает, что по всем параметрам отличие превышает 23 балла по 100-балльной шкале, что является весьма существенным показателем эффективности методики. Особенно показательно снижение дисперсии в пункте «Регулярность внеаудиторной работы» (62,1 в ЭГ против 105,7 в КГ). Это говорит о том, что доступность и интерактивность ИИ-инструментов способствуют формированию устойчивой привычки к регулярным занятиям у большинства студентов, минимизируя фактор индивидуальной лени или неорганизованности, который часто приводит к большим разбросам в показателях при традиционном обучении.

Обобщая полученные эмпирические данные, можно констатировать наличие системного положительного эффекта от внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс языковой подготовки. Наблюдается не просто количественный рост показателей, но и структурная перестройка компетенций: студенты демонстрируют более гибкие навыки работы с информацией, повышенную адаптивность к различным коммуникативным ситуациям и большую уверенность в собственных силах. Статистический анализ подтверждает неслучайный характер выявленных различий, указывая на прямую связь между использованием интеллектуальных алгоритмов и качеством образовательных результатов. При этом важно отметить, что технология выступает не как замена педагогического воздействия, а как катализатор когнитивных процессов, позволяющий интенсифицировать обучение и сделать его более личностно-ориентированным. Снижение дисперсии результатов в экспериментальных группах также указывает на социальную значимость методики, обеспечивающей более равные возможности для достижения высоких образовательных результатов независимо от стартовых способностей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что интеграция искусственного интеллекта в методическую систему обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей является мощным фактором модернизации высшего образования. Трансформация академической и межкультурной коммуникативной компетенции под воздействием нейросетевых технологий носит комплексный характер, затрагивая лингвистический, прагматический и когнитивный уровни. Полученные результаты свидетельствуют о том, что интеллектуальные алгоритмы эффективно решают проблему дефицита языковой практики и отсутствия аутентичной среды, предоставляя студентам возможность погружения в моделируемые коммуникативные ситуации высокой степени реалистичности. Это особенно критично для будущих инженеров и специалистов технического профиля, для которых владение профессиональным английским языком становится необходимым условием конкурентоспособности на глобальном рынке труда.

Существенным итогом работы является выявление позитивной корреляции между использованием ИИ и развитием навыков академического письма. Технологии автоматизированного анализа текста и генерации контента способствуют интериоризации норм научного стиля, помогая студентам преодолеть барьер «чистого листа» и сосредоточиться на содержательной стороне высказывания. При этом опасения относительно снижения когнитивной нагрузки и атрофии навыков самостоятельного продуцирования речи не находят статистического подтверждения при условии методически грамотно выстроенного процесса. Напротив, взаимодействие с ИИ требует от обучающихся

высокого уровня критического мышления, умения формулировать точные запросы и верифицировать полученную информацию, что само по себе является важной метапредметной компетенцией.

Перспективы применения полученных результатов лежат в плоскости разработки адаптивных образовательных экосистем, где роль преподавателя смещается от транслятора знаний к архитектору учебного опыта и модератору взаимодействия между студентом и искусственным интеллектом. Необходимо дальнейшее изучение долгосрочных эффектов использования генеративных моделей, в частности, их влияния на сохранение языковых навыков после окончания вуза и способность к автономному поддержанию уровня владения языком. Также требует внимания этический аспект и проблема авторства в условиях сотворчества человека и машины. Развитие гибридных форм обучения, сочетающих преимущества живого общения и технологической мощи алгоритмов, представляется наиболее вероятным вектором эволюции лингвистического образования в ближайшие десятилетия.

Список литературы

1. Абалян Ж.А., Пивнева С.В. Потенциал и риски использования искусственного интеллекта в высшей школе при обучении иностранному языку в профессиональной сфере // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 5-7.
2. Авраменко А.П., Буланова Е.Р. Перспективы развития самостоятельной работы студентов в контексте интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное образование // Rhema. Рема. 2024. № 1. С. 79-91.
3. Антонова Ю.Н., Бородко В.А. Роль искусственного интеллекта в формировании комфортной языковой среды для иностранных студентов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2025. № 2(107). С. 240-243.
4. Баринов А.М., Романов А.В. Влияние искусственного интеллекта на использование и изучение английского языка // Филологический аспект. 2024. № S6 (29). С. 6-13.
5. Гарифова О.А., Хусаинова М.А. Использование искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам студентов неязыковых вузов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2024. Т. 16. № 2. С. 108-116.
6. Глотова А.В. Применение инструментов генеративного искусственного интеллекта в процессе формирования социолингвистической и лингвокультурологической компетенций студентов вуза // Dictum – Factum: от исследований к стратегическим решениям. 2025. № 10. С. 68-72.
7. Егорова Е.В., Вершинина А.В. Интеграция технологий генеративного искусственного интеллекта в проектные задания для развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов нелингвистических направлений // Глобальный научный потенциал. 2025. № 3-2(168). С. 52-55.
8. Карпович И.А., Крепкая Т.Н., Медведева О.Д., Воронова Л.С., Иванова Т.Н. Готовность преподавателей к использованию технологий искусственного интеллекта в иноязычной подготовке студентов неязыковых вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 7. С. 935-944.
9. Климентьев Д.Д., Климентьева В.В. Повышение эффективности самостоятельной работы студентов вуза по овладению иностранным языком за счет использования нейросетей // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2025. № S16. С. 23-30.
10. Кодрле С.В. Дидактические возможности искусственного интеллекта в изучении иностранного языка: мнение студентов // ЦИТИСЭ. 2025. № 3(45). С. 601-614.
11. Рельян Н.А. Применение искусственного интеллекта в преподавании английского языка в неязыковом вузе // Современное педагогическое образование. 2024. № 11. С. 367-370.
12. Симеонова Н.М. К вопросу о применении искусственного интеллекта в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1(110). С. 100-102.
13. Черкасова Л.Н. Искусственный интеллект – это прорыв в будущее или роботизация молодежи (на примере изучения иностранных языков в вузе) // Казанская наука. 2025. № 4. С. 263-266.
14. Шокарева Т.В., Шокарев К.В. Построение учебного процесса и дизайн домашних заданий по английскому языку для студентов вузов в условиях искусственного интеллекта: как сохранить учебный процесс честным и продуктивным // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3(112). С. 209-214.

15. Щебельская Э.Г., Маер В.В. Применение искусственного интеллекта в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5(102). С. 76-81.

Impact of artificial intelligence on the development of academic and intercultural communicative competence in students of non-language majors during foreign language learning at university

Natalia I. Yevtushenko

Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation Studies
Priazovsky State Technical University – branch of the National Research Moscow State University of Civil Engineering
Mariupol, Russia
lyovikevtushenko@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0601-1643

Vita I. Slobodyanyuk

Assistant of the Department of Linguistics and Translation Studies
Priazovsky State Technical University – branch of the National Research Moscow State University of Civil Engineering
Mariupol, Russia
vittaa75@yandex.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 30.11.2025

Accepted 16.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/v9680-9401-3815-w

EDN ONLATU

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The text analyzes how the systematic integration of generative artificial intelligence tools into foreign language teaching at university influences the formation of academic and intercultural communicative competence in students of engineering and economic majors, for whom language serves as a tool for professional and scientific communication. The theoretical argumentation connects the spread of machine translation and automated text generation with the need to rethink reproductive methods and enhance cognitive engagement of learners, including the development of critical thinking and information verification skills, as well as the recognition of possible cultural biases and stereotypes transmitted by digital agents. The effect of AI implementation is evaluated by comparing control and experimental student groups (period 2021-2024, total 482 persons) using standardized linguodidactic measures oriented towards CEFR descriptors, diagnostics of intercultural sensitivity based on situational cases, and expert assessment of written and oral products; statistical verification of differences and correlations is performed using the t-test, Mann-Whitney U test, correlation analysis, and χ^2 . The presented indicators demonstrate a significant increase in lexical density and quality of academic writing under AI support (Type/Token 0.61 vs. 0.48; 2.83 errors per 100 words vs. 5.12; academicity index 28.94% vs. 18.32; text coherence 8.47 vs. 6.89), as well as pronounced shifts in intercultural components, particularly in politeness strategies (high level 49,38% vs. 19.47) and sociocultural awareness (40,59% vs. 14.16). Additionally, an increase in learning autonomy and engagement is recorded alongside a reduction in

result dispersion, which is interpreted as an effect of personalization and immediate feedback. Pedagogically significant limitations are discussed: the risk of «illusion of competence», technological dependence, and the need for methodological control, under which AI functions as a catalyst for speech-thinking processes rather than a replacement for independent production.

Keywords

artificial intelligence, foreign language learning at university, academic communicative competence, intercultural communicative competence, academic writing.

References

1. Abalyan Zh.A., Pivneva S.V. Potential and risks of using artificial intelligence in higher education for teaching foreign languages in the professional sphere // World of science, culture, education. 2024. № 3(106). pp. 5-7.
2. Avramenko A.P., Bulanova E.R. Prospects for the development of students' independent work in the context of integrating artificial intelligence technologies into foreign language education // Rhema. Rema. 2024. № 1. pp. 79-91.
3. Antonova Yu.N., Borodko V.A. The role of artificial intelligence in creating a comfortable language environment for international students // Oryol State University scientific notes. 2025. № 2(107). pp. 240-243.
4. Barinov A.M., Romanov A.V. The impact of artificial intelligence on the use and study of English // Philological aspect. 2024. № S6 (29). pp. 6-13.
5. Garifova O.A., Khusainova M.A. Use of artificial intelligence in teaching foreign languages to students of non-linguistic universities // South Ural State University bulletin. Series: Education. Pedagogical sciences. 2024. Vol. 16. № 2. pp. 108-116.
6. Glotova A.V. Application of generative artificial intelligence tools in the formation of sociolinguistic and linguocultural competencies of university students // Dictum – Factum: from research to strategic decisions. 2025. № 10. pp. 68-72.
7. Egorova E.V., Vershinina A.V. Integration of generative artificial intelligence technologies into project assignments for the development of foreign language communicative competence in students of non-linguistic fields // Global scientific potential. 2025. № 3-2(168). pp. 52-55.
8. Karpovich I.A., Krepkaya T.N., Medvedeva O.D., Voronova L.S., Ivanova T.N. Teachers' readiness to use artificial intelligence technologies in foreign language training of students at non-linguistic universities // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2025. Vol. 10. № 7. pp. 935-944.
9. Klimen'tev D.D., Klimen'teva V.V. Increasing the effectiveness of university students' independent work in mastering a foreign language through the use of neural networks // Translation and intercultural communication: Theory and practice. 2025. № S16. pp. 23-30.
10. Kodrle S.V. Didactic possibilities of artificial intelligence in foreign language learning: students' opinions // CITISE. 2025. № 3(45). pp. 601-614.
11. Rel'yan N.A. Application of artificial intelligence in teaching English at non-linguistic universities // Modern Pedagogical Education. 2024. № 11. pp. 367-370.
12. Simeonova N.M. On the application of artificial intelligence in the process of studying a foreign language at a non-linguistic university // World of science, culture, education. 2025. № 1(110). pp. 100-102.
13. Cherkasova L.N. Artificial intelligence – a breakthrough into the future or the robotization of youth (on the example of foreign language study at university) // Kazan science. 2025. № 4. pp. 263-266.
14. Shokareva T.V., Shokarev K.V. Designing the learning process and homework assignments in English for university students in the context of artificial intelligence: how to keep the learning process honest and productive // World of science, culture, education. 2025. № 3(112). pp. 209-214.
15. Shchebel'skaya E.G., Maer V.V. Application of artificial intelligence in teaching foreign languages at non-linguistic universities // World of science, culture, education. 2023. № 5(102). pp. 76-81.

Применение искусственного интеллекта в университетских информационных системах для персонализации обучения и поддержки преподавателей

Юлия Сергеевна Бузыкова

Кандидат педагогических наук, доцент

МИРЭА – Российский технологический университет

Москва, Россия

juliaserg_buz@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 11.11.2025

Принята 17.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37:004

DOI 10.25726/e1258-3299-8975-s

EDN NMOYLG

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается интеграция технологий искусственного интеллекта в университетские информационные системы как фактор перехода от стандартизированного обучения к адаптивным персонализированным траекториям и как инструмент когнитивной поддержки преподавателя в условиях роста гетерогенности студенческой аудитории и бюрократизации академического труда. Показано, что цифровые следы, генерируемые в LMS и сопряжённых сервисах, при аналитической обработке могут быть преобразованы в рекомендательные механизмы и предиктивные модели, которые динамически соотносят сложность контента с текущим уровнем освоения, снижая когнитивную перегрузку и поддерживая учебную мотивацию. Аналитическая часть опирается на деперсонализированные данные трёх федеральных университетов за 2021-2023 годы и сочетает лонгитюдное сопоставление образовательных результатов, хронометраж педагогических операций, анкетирование, корреляционно-регрессионные процедуры и методы обработки естественного языка для интерпретации неструктурированных текстов. В адаптивной модели зафиксированы рост среднего балла по итогам семестра с 74,32 до 81,95, повышение доли отличных результатов, увеличение индекса остаточных знаний с 62,18 до 71,04 при одновременном снижении среднего времени освоения модулей с 42,50 до 36,15 часа, а также сокращение отсева с 12,84% до 7,42; уменьшение вариативности успеваемости интерпретируется как выравнивание результатов за счёт своевременной коррекции траекторий. Для преподавателей выявлено перераспределение временного бюджета: проверка работ сокращается с 14,55 до 6,20 часа в неделю, административная нагрузка – с 6,40 до 3,15, тогда как индивидуальное консультирование возрастает с 4,15 до 8,80, а исследовательская активность – с 5,20 до 8,35. Отдельно проанализирована точность выявления студентов «группы риска»: переход к мультимодальным данным повышает качество прогнозов до Accuracy 94,15% и AUC-ROC 0,968, при высокой специфичности 95,85%. Показатели удовлетворенности и лояльности студентов возрастают при активном использовании ИИ-сервисов, а тревожность перед экзаменами снижается, что связывается с регулярной обратной связью и воспринимаемой справедливостью оценивания. Подчёркнута необходимость объяснимости алгоритмов и этически обоснованной работы с данными, поскольку рост прогностической силы напрямую зависит от расширения цифрового профиля обучающегося.

Ключевые слова

искусственный интеллект, университетские информационные системы, персонализация обучения, адаптивные образовательные траектории, предиктивная аналитика.

Введение

Современная экосистема высшего образования находится в стадии глубокой трансформации, обусловленной необходимостью перехода от индустриальной модели обучения «один для всех» к адаптивным, персонализированным траекториям. Традиционные подходы к организации образовательного процесса, базирующиеся на жесткой стандартизации учебных планов и унификации оценочных средств, все чаще демонстрируют свою недостаточность в условиях растущей гетерогенности студенческой аудитории и динамично меняющихся требований рынка труда. В этом контексте интеграция интеллектуальных алгоритмов в университетские информационные системы перестает быть вопросом исключительно технологической модернизации и переходит в плоскость педагогической стратегии, направленной на когнитивную оптимизацию учебной деятельности. Цифровизация, проникающая во все уровни управления образовательной организацией, генерирует колоссальные массивы данных, которые без надлежащей аналитической обработки остаются лишь «цифровым шумом», не приносящим реальной пользы для улучшения качества подготовки специалистов (Пашута, 2025). Именно технологии искусственного интеллекта способны преобразовать накопленные цифровые следы обучающихся в действенные предиктивные модели и рекомендательные сервисы, обеспечивая тем самым качественно иной уровень педагогического взаимодействия.

Ключевым вызовом, стоящим перед академическим сообществом, является поиск баланса между автоматизацией рутинных процессов и сохранением гуманистической сущности образования. Внедрение интеллектуальных систем не должно сводиться к механической замене преподавателя алгоритмом, а призвано создать гибридную среду, где искусственный интеллект выступает в роли когнитивного усилителя как для студента, так и для педагога. Для обучающегося это означает возможность получения контента, адаптированного под его индивидуальный темп усвоения, стиль мышления и текущий уровень компетенций, что напрямую коррелирует с теорией зоны ближайшего развития (Миляева, 2024). Система, анализируя паттерны поведения пользователя, ошибки в тестировании и время реакции на задания, может динамически перестраивать последовательность учебных модулей, предлагая дополнительный материал или, наоборот, ускоряя прохождение уже освоенных тем. Такой подход позволяет минимизировать когнитивную перегрузку и поддерживать мотивацию на оптимальном уровне, предотвращая выгорание и потерю интереса к предмету.

С другой стороны, проблема профессионального выгорания преподавательского состава, вызванная ростом бюрократической и аудиторной нагрузки, требует не менее пристального внимания. Современный преподаватель вынужден тратить значительную часть времени на проверку типовых заданий, составление отчетности и администрирование учебного процесса, что оставляет все меньше ресурсов для творческой, наставнической и научно-исследовательской деятельности (Смагулов, 2024). Интеллектуальные ассистенты, интегрированные в LMS (Learning Management Systems), способны взять на себя функции первичной обработки работ, автоматического ответа на часто задаваемые вопросы и мониторинга академической активности студентов. Более того, аналитические панели, предоставляемые такими системами, дают педагогу объективную картину успеваемости группы в реальном времени, позволяя выявлять студентов «группы риска» задолго до сессии и своевременно корректировать педагогические сценарии.

Вопросы этики использования данных и прозрачности алгоритмических решений остаются предметом острых дискуссий в научной среде. Непрозрачность работы нейросетевых моделей, так называемый эффект «черного ящика», порождает недоверие со стороны академического сообщества и опасения по поводу возможной предвзятости автоматизированных оценок. Критически важно, чтобы архитектура образовательных ИИ-систем строилась на принципах объяснимости и подотчетности, где каждое решение алгоритма может быть интерпретировано и верифицировано человеком (Ярычева, 2025). Это требует разработки новых подходов к проектированию образовательных сред, где

педагогический дизайн изначально включает в себя компоненты машинного обучения как неотъемлемую часть методической системы. (Герасимова, 2024)

Понимание механизмов персонализации через призму больших данных открывает перспективы для создания мета-университетов, где образовательное пространство не ограничивается физическими стенами или набором статических курсов. Речь идет о формировании живой, саморазвивающейся экосистемы знаний, способной адаптироваться под запросы общества и конкретной личности (Спирина, 2024). Однако реализация этой концепции невозможна без глубокого переосмысления роли всех участников образовательного процесса и разработки надежного методологического фундамента, обосновывающего применение конкретных интеллектуальных инструментов в педагогической практике.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой для проведения исследования послужили деперсонализированные данные, полученные из информационных систем трех крупных федеральных университетов, внедривших пилотные модули искусственного интеллекта в свои образовательные платформы в период с 2021 по 2023 год. Общая выборка составила 4 850 студентов бакалавриата и магистратуры различных направлений подготовки (технические, гуманитарные и естественно-научные специальности), а также 320 преподавателей, активно использующих цифровые инструменты в своей профессиональной деятельности. Методологический дизайн исследования строился на сравнительном анализе лонгитюдных данных, характеризующих академическую успеваемость, цифровую активность и уровень удовлетворенности участников образовательного процесса. В качестве инструментария сбора данных использовались встроенные аналитические модули LMS (Moodle, Canvas с подключенными плагинами ИИ), а также специализированные системы прокторинга и адаптивного тестирования (Вовк, 2025).

Для оценки эффективности персонализации обучения применялся комплекс метрик, включающий коэффициент удержания знаний, скорость прохождения образовательных траекторий и индекс вовлеченности, рассчитываемый на основе анализа логов системы (время на странице, количество взаимодействий с контентом, участие в форумах). Анализ нагрузки преподавателей осуществлялся посредством хронометража педагогических операций и анкетирования, направленного на выявление субъективной оценки трудозатрат на различные виды деятельности до и после внедрения интеллектуальных ассистентов. Для обработки массива неструктурированных данных (тексты эссе, отзывы, сообщения в чатах) использовались методы обработки естественного языка (NLP), позволившие классифицировать запросы и оценить тональность обратной связи (Токтарова, 2024). Всего в ходе работы было проанализировано более 250 источников научной литературы, регламентирующих применение ИИ в образовании, а также нормативно-правовые акты, касающиеся защиты персональных данных обучающихся. Математическая обработка числовых показателей производилась с использованием пакетов статистического анализа, включая корреляционный и регрессионный анализ для выявления взаимосвязей между использованием ИИ-сервисов и образовательными результатами. (Исаева, 2024)

Результаты и обсуждение

Внедрение алгоритмических решений в структуру университетского образования неизбежно ставит вопрос о количественном измерении их влияния на качественные показатели подготовки специалистов. Одним из наиболее показательных аспектов является изменение академической успеваемости студентов, обучающихся в условиях адаптивной среды, по сравнению с традиционными линейными курсами. Адаптивные системы, функционирующие на базе нейросетевых моделей, способны выстраивать индивидуальные графы знаний, предлагая контент той сложности, которая соответствует текущему когнитивному состоянию обучающегося. Мы сосредоточили внимание на сопоставлении результатов промежуточных и итоговых аттестаций в экспериментальных и контрольных группах, чтобы верифицировать гипотезу о положительном влиянии персонализации на глубину усвоения материала. В частности, интерес представляли не только абсолютные значения оценок, но и дисперсия результатов, указывающая на способность системы выравнивать уровень подготовки в гетерогенных группах

(Егорова, 2025). Данные, отражающие динамику успеваемости и времени, затраченного на освоение дисциплин, представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей эффективности обучения в традиционной и адаптивной моделях

Показатель	Контрольная группа (Традиционная модель)	Экспериментальная группа (Адаптивная модель ИИ)	Коэффициент вариации (Контроль), %	Коэффициент вариации (Эксперимент), %	Разница средних значений, %
Средний балл по итогам семестра (макс. 100)	74,32	81,95	18,45	11,23	+10,27
Процент студентов, сдавших на «отлично»	15,67	24,89	-	-	+58,84
Среднее время освоения модуля (часы)	42,50	36,15	12,30	28,60	-14,94
Уровень отсева (Drop-out rate), %	12,84	7,42	-	-	-42,21
Индекс остаточных знаний (через 3 мес.)	62,18	71,04	16,80	13,50	+14,25

Математическая интерпретация представленных числовых массивов свидетельствует о существенных структурных сдвигах в процессе усвоения знаний при использовании адаптивных моделей. Прирост среднего балла на 10,27% сопровождается заметным снижением коэффициента вариации в экспериментальной группе (11,23% против 18,45% в контрольной), что указывает на гомогенизацию образовательных результатов: «отстающие» студенты подтягиваются к среднему уровню благодаря своевременной коррекции траектории и дополнительным разъяснениям, генерируемым системой. Особенно примечательно снижение среднего времени освоения модуля на 14,94% при одновременном росте индекса остаточных знаний на 14,25%. Это парадоксальное, на первый взгляд, соотношение объясняется устранением избыточности материала для сильных студентов и фокусировкой на проблемных зонах для более слабых, что оптимизирует временной ресурс. Высокий коэффициент вариации времени в экспериментальной группе (28,60%) подтверждает факт персонализации темпа: каждый студент двигался с собственной скоростью, в отличие от синхронного, но менее эффективного движения контрольной группы. Снижение уровня отсева на 42,21% является критически важным индикатором, демонстрирующим способность предиктивных алгоритмов удерживать студентов в образовательном контуре за счет раннего выявления признаков академической неуспешности.

Следующим вектором анализа стала оценка трансформации профессиональной деятельности преподавателя. Ожидания от внедрения ИИ часто связаны с опасениями по поводу дегуманизации или сокращения штата, однако эмпирические данные указывают на перераспределение временного бюджета педагога, а не на его вытеснение. Интеллектуальные системы берут на себя рутинные операции, такие как проверка тестовых заданий, первичный анализ плагиата и ведение ведомостей, высвобождая время для более сложных видов педагогического взаимодействия (Николаев, 2024). Нами был проведен детальный хронометраж рабочего времени преподавателей до и после полноценного развертывания цифровых ассистентов в LMS, чтобы выявить структурные изменения в нагрузке (табл. 2).

Таблица 2. Структура распределения рабочего времени преподавателя (часов в неделю)

Вид деятельности	До внедрения ИИ-ассистентов	После внедрения ИИ-ассистентов	Абсолютное изменение	Доля в общей нагрузке (До), %	Доля в общей нагрузке (После), %
Проверка письменных работ и тестов	14,55	6,20	-8,35	34,64	15,68
Подготовка контента и материалов	8,30	9,45	+1,15	19,76	23,90
Индивидуальное консультирование	4,15	8,80	+4,65	9,88	22,25
Административная работа и отчетность	6,40	3,15	-3,25	15,24	7,97
Научно-исследовательская работа	5,20	8,35	+3,15	12,38	21,11
Прочее	3,40	3,60	+0,20	8,10	9,09
Итого	42,00	39,55	-2,45	100,00	100,00

Анализ перераспределения временных затрат демонстрирует фундаментальный сдвиг в профиле компетенций и занятости академического персонала. Резкое сокращение времени на проверку работ (с 14.55 до 6.20 часов) и административную рутину (с 6,40 до 3,15 часов) коррелирует с более чем двукратным увеличением времени, уделяемого индивидуальному консультированию студентов (с 4,15 до 8,80 часов). Это подтверждает тезис о том, что ИИ способствует гуманизации образования, позволяя преподавателю перейти от роли «контролера» к роли «наставника» и «фасилитатора». Примечательно, что общее рабочее время незначительно снизилось, однако качественное наполнение этого времени изменилось кардинально: доля творческих и исследовательских задач выросла суммарно с 32,14% до 45,01%. Увеличение времени на подготовку контента (на 1,15 часа) объясняется необходимостью создания более сложных, вариативных материалов для адаптивных систем, которые требуют тщательной методической проработки, в отличие от линейных лекций (Ларина, 2024).

Отдельного внимания заслуживает точность работы самих алгоритмов, используемых для прогнозирования образовательных рисков. Эффективность системы поддержки принятия решений напрямую зависит от того, насколько корректно искусственный интеллект интерпретирует цифровой след студента и классифицирует его текущее состояние. Ошибки первого рода (ложноположительные срабатывания, когда успешный студент помечается как проблемный) и второго рода (ложноотрицательные, когда система пропускает реальную проблему) имеют разную цену в педагогическом контексте (Токарев, 2025). Мы проанализировали работу предиктивных моделей на выборке из 1500 кейсов, сопоставляя прогнозы системы, сделанные в середине семестра, с реальными

итоговыми результатами сессии. Данные о чувствительности и специфичности алгоритмов приведены в следующей таблице (табл. 3).

Таблица 3. Метрики точности предиктивных моделей выявления студентов «группы риска»

Тип данных для анализа	Точность (Accuracy), %	Чувствительность (Recall), %	Специфичность (Specificity), %	F1-мера	Площадь под кривой (AUC-ROC)
Только академические оценки (LMS)	71,45	64,20	82,15	0,678	0,742
Оценки + Поведенческие логи	83,90	78,55	86,40	0,824	0,856
Оценки + Логи + Социальный граф	89,25	85,30	91,10	0,881	0,923
Мультимодальный анализ (вкл. NLP)	94,15	92,40	95,85	0,941	0,968

Представленные показатели наглядно демонстрируют зависимость качества прогноза от комплексности анализируемых данных. Использование исключительно академических оценок дает посредственный результат (F1-мера 0,678), что объясняется инерционностью оценок: к моменту получения «двойки» проблема часто уже запущена. Добавление поведенческих логов (частота входов, время чтения) и социального графа (взаимодействие с одноклассниками) значительно повышает прогностическую силу модели, увеличивая площадь под кривой AUC-ROC до 0,923. Наивысшую эффективность (точность 94,15%) демонстрирует мультимодальный анализ, включающий обработку текстов эссе и сообщений методами NLP, что позволяет улавливать когнитивные и эмоциональные маркеры трудностей, невидимые в сухой статистике посещаемости. Высокая специфичность (95,85%) в последнем случае означает минимизацию ложных тревог, что предотвращает излишнее административное вмешательство и стигматизацию студентов. При этом чувствительность 92,40% гарантирует, что подавляющее большинство реальных случаев риска будет своевременно идентифицировано (Уматгериева, 2024).

Интеграция интеллектуальных систем также оказывает влияние на субъективное восприятие образовательного процесса самими студентами. Удовлетворенность обучением является комплексным показателем, отражающим не только качество контента, но и удобство интерфейсов, своевременность обратной связи и ощущение психологического комфорта. Мы провели корреляционный анализ между интенсивностью использования рекомендательных сервисов ИИ и показателями студенческой лояльности (NPS) и вовлеченности (табл. 4).

Таблица 4. Корреляция использования сервисов ИИ и показателей удовлетворенности студентов

Группа пользователей по активности ИИ	Средний балл удовлетворенности (CSAT), 1-10	Индекс лояльности (NPS), %	Уровень тревожности перед экзаменами (1-10)	Восприятие справедливости оценки (1-10)	Корреляция с итоговым баллом (r-Pearson)
Низкая активность (Пассивные)	6,45	12,50	7,85	6,90	0.342
Средняя активность (Эпизодические)	7,80	34,20	6,20	7,55	0.518

Высокая активность (Активные)	8,95	68,45	4,15	9,10	0.765
Среднее по выборке	7,73	38,38	6,07	7,85	0.542

Цифровые значения в таблице выявляют сильную положительную связь между вовлеченностью в цифровую экосистему и психологическим благополучием обучающихся. Группа с высокой активностью использования ИИ-сервисов демонстрирует кардинально более высокий индекс лояльности (NPS 68,45%) по сравнению с пассивными пользователями (12,50%). Важнейшим наблюдением является снижение уровня экзаменационной тревожности с 7,85 до 4,15 баллов при активном использовании адаптивных тренажеров, что можно объяснить повышением уверенности в своих знаниях благодаря постоянной объективной обратной связи (Никитина, 2025). Рост восприятия справедливости оценки до 9,10 баллов в активной группе указывает на то, что прозрачные алгоритмические критерии и возможность мгновенной апелляции к системе воспринимаются студентами как более объективные по сравнению с субъективным мнением преподавателя. Высокий коэффициент корреляции Пирсона (0.765) в группе активных пользователей подтверждает, что использование ИИ-инструментов является значимым предиктором академического успеха.

Совокупный анализ полученных эмпирических данных позволяет констатировать, что внедрение искусственного интеллекта в университетские информационные системы не является простым технологическим апгрейдом, а ведет к системной реконфигурации образовательного процесса. Наблюдается четкая тенденция к индивидуализации обучения, подтвержденная снижением вариативности результатов и повышением среднего балла. Технологии позволяют преодолеть традиционное противоречие между массовостью высшего образования и необходимостью учета индивидуальных особенностей каждого студента. Данные свидетельствуют о том, что алгоритмизация рутинных процессов действительно высвобождает ресурс преподавателя для интеллектуального наставничества, что является критически важным для сохранения качества образования в условиях роста студенческих контингентов.

Вместе с тем выявленная зависимость точности прогнозов от мультимодальности данных указывает на необходимость создания комплексных цифровых профилей обучающихся, что неизбежно актуализирует вопросы приватности и информационной безопасности. Высокая эффективность NLP-моделей в выявлении проблемных зон подчеркивает важность анализа неструктурированных данных, которые ранее игнорировались в традиционной статистике успеваемости. Позитивная динамика психометрических показателей (снижение тревожности, рост удовлетворенности) служит доказательством того, что грамотно спроектированная цифровая среда способна создавать более комфортные психологические условия для обучения, снижая стрессогенность образовательного процесса.

Заключение

Трансформация университетских информационных систем под влиянием технологий искусственного интеллекта знаменует собой переход к новой парадигме образовательного инжиниринга, где данные становятся ключевым активом в управлении качеством подготовки специалистов. Результаты проведенного исследования убедительно демонстрируют, что интеграция адаптивных алгоритмов и предиктивной аналитики позволяет достичь синергетического эффекта, выражающегося в одновременном повышении академической успеваемости студентов и оптимизации профессиональной нагрузки преподавательского состава. Переход от реактивного управления, основанного на констатации результатов сессии, к проактивному, базирующемуся на опережающем выявлении образовательных дефицитов, меняет саму философию взаимодействия внутри университета. Система перестает быть карательным механизмом отсева и трансформируется в поддерживающую среду, способную гибко реагировать на индивидуальные когнитивные запросы.

Ключевым фактором успеха в реализации подобных систем является не столько мощность вычислительных алгоритмов, сколько методическая обоснованность их применения и готовность академического сообщества к изменению ролевых моделей. Преподаватель, освобожденный от рутины проверки типовых заданий, получает возможность сосредоточиться на формировании сложных компетенций, критического мышления и мягких навыков, которые трудно поддаются алгоритмизации. Студент же, взаимодействуя с интеллектуальным тьютором, приобретает навыки саморегуляции и ответственности за собственную образовательную траекторию. При этом важно понимать, что искусственный интеллект выступает не как замена человека, а как инструмент расширения его возможностей, позволяющий обрабатывать информационные потоки такой сложности и объема, которые недоступны для «ручного» управления.

Наблюдаемая корреляция между активностью использования цифровых сервисов и снижением уровня тревожности указывает на значительный психотерапевтический потенциал адаптивных сред. Прозрачность критериев оценки и возможность многократной отработки навыков в безопасном цифровом пространстве создают условия для формирования установки на развитие (growth mindset). Однако масштабирование таких решений требует тщательной проработки этических протоколов и постоянного мониторинга алгоритмической предвзятости, чтобы технологический прогресс не приводил к новым формам цифрового неравенства. Дальнейшее развитие университетских экосистем будет неразрывно связано с углублением симбиоза педагогических практик и технологий машинного обучения, направленного на создание непрерывного, персонализированного и доказательного образовательного опыта.

Список литературы

1. Вовк Е.В. Использование искусственного интеллекта в работе преподавателя высшей школы: современные возможности и риски применения // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 68-70.
2. Герасимова О.Ю., Сахарова Н.С., Федорцова С.С., Харченко Н.Л., Уйманова И.П. Основные аспекты внедрения искусственного интеллекта в систему высшего образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 66-70.
3. Егорова Е.В., Рынкевич А.В., Зайцева Л.С. Х. Использование систем искусственного интеллекта и машинного обучения в разработке персонализированных планов обучения // Глобальный научный потенциал. 2025. № 5-2(170). С. 244-247.
4. Исаева Г.Г., Магомедалиева М.Р., Матыгов М.М. Использование искусственного интеллекта в персонализированном обучении: новые подходы к развитию обучающихся // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 114-1. С. 43-45.
5. Ларина Л.И., Витрук Л.Ю. Роль искусственного интеллекта в персонализации обучения в вузах // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2024. № 5 (52). С. 82-85.
6. Миляева Е.В. Искусственный интеллект как наставник: новая эра обучения в вузах // Актуальные вопросы образования. 2024. № 2. С. 97-100.
7. Никитина С.С., Файзуллин Р.В. Направления применения искусственного интеллекта в образовании // Современные тенденции развития и перспективы внедрения инновационных технологий в машиностроении, образовании и экономике. 2025. Т. 7. № 1. С. 231-234.
8. Николаев А.А., Кузнецов М.Ю., Николаев В.А. Искусственный интеллект в системе высшего и послевузовского образования: обзор возможностей для преподавателя // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 9-2. С. 151-161.
9. Пашута В.Л., Никольская А.С. Особенности применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2025. № 2. С. 273-277.
10. Смагулов Е.Ж., Бокан М.Е., Текерек А. Применение искусственного интеллекта в преподавании в вузах // Информация и образование: границы коммуникаций. 2024. № 16(24). С. 407-411.

11. Спирина Е.А., Казимова Д.А., Копбалина С.С., Турсынғалиева Г.Н., Турмуратова Д.А. К вопросу об интеграции искусственного интеллекта в систему высшего образования: мнение преподавателей // Вестник Карагандинского университета. Серия: Педагогика. 2024. Т. 29. № 4(116). С. 136-145.
12. Токарев Б.Е., Росихин Б.А. Анализ применения искусственного интеллекта преподавателями вуза // Вестник университета. 2025. № 7. С. 45-55.
13. Токтарова В.И., Казанцева О.Г. Алгоритмы персонализации: виды рекомендаций в цифровых системах обучения // Информация и образование: границы коммуникаций. 2024. № 16(24). С. 74-75.
14. Уматгериева Х.Р., Умархаджиева С.Р., Косулин В.В. Исследование персонализированного обучения студентов высших учебных заведений через искусственный интеллект // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5. № 4(145). С. 258-263.
15. Ярычева Х.У. Использование искусственного интеллекта в образовательной практике вузов: педагогический потенциал и риски // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2025. № 4. С. 87-89.

The use of artificial intelligence in university information systems to personalize learning and support teachers

Julia S. Buzykova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

MIREA – Russian University of Technology

Moscow, Russia

juliaserg_buz@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 11.11.2025

Accepted 17.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 006:62

DOI 10.25726/e1258-3299-8975-s

EDN NMOYLG

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article considers the integration of artificial intelligence technologies into university information systems as a factor in the transition from standardized learning to adaptive personalized trajectories and as a tool for cognitive support of teachers in the context of increasing heterogeneity of the student audience and the bureaucratization of academic work. It is shown that the digital footprints generated in the LMS and related services can be transformed into recommendation mechanisms and predictive models during analytical processing, which dynamically correlate the complexity of the content with the current level of development, reducing cognitive overload and supporting learning motivation. The analytical part is based on depersonalized data from three federal universities for 2021-2023 and combines a longitudinal comparison of educational results, timing of pedagogical operations, questionnaires, correlation and regression procedures and natural language processing methods for interpreting unstructured texts. The adaptive model recorded an increase in the average score at the end of the semester from 74,32 to 81,95, an increase in the share of excellent results, an increase in the index of residual knowledge from 62.18 to 71.04, while reducing the average time for

mastering modules from 42,50 to 36,15 hours, as well as a reduction in dropout rates from 12,84% to 7,42; a decrease in academic performance is interpreted as an alignment of results due to timely correction of trajectories. A redistribution of the time budget has been revealed for teachers: work verification is reduced from 14,55 to 6,20 hours per week, administrative workload – from 6,40 to 3,15, while individual counseling increases from 4,15 to 8,80, and research activity – from 5,20 to 8,35. The accuracy of identifying «at-risk» students was analyzed separately: the transition to multimodal data increases the quality of forecasts to an Accuracy of 94,15% and an AUC-ROC of 0.968, with a high specificity of 95,85%. Student satisfaction and loyalty rates increase with the active use of AI services, and anxiety before exams decreases, which is associated with regular feedback and perceived fairness of assessment. The need for explainability of algorithms and ethically sound work with data is emphasized, since the growth of predictive power directly depends on the expansion of the student's digital profile.

Keywords

artificial intelligence, university information systems, personalization of learning, adaptive educational trajectories, predictive analytics.

References

1. Vovk E.V. The use of artificial intelligence in the work of a higher school teacher: current opportunities and risks of application // Problems of modern teacher education. 2025. № 86-1. pp. 68-70.
2. Gerasimova O.Yu., Sakharova N.S., Fedortsova S.S., Kharchenko N.L., Uymanova I.P. The main aspects of the introduction of artificial intelligence into the higher education system // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2024. № 8. pp. 66-70.
3. Egorova E.V., Rynkevich A.V., Zaitseva L.S. H. The use of artificial intelligence and machine learning systems in the development of personalized learning plans // Global scientific potential. 2025. № 5-2(170). pp. 244-247.
4. Isaeva G.G., Magomedalieva M.R., Matygov M.M. The use of artificial intelligence in Personalized learning: new approaches to student development // Trends in the development of science and education. 2024. № 114-1. pp. 43-45.
5. Larina L.I., Vitruk L.Yu. The role of artificial intelligence in the personalization of education in higher education institutions // Modern problems of the humanities and social sciences. 2024. № 5(52). pp. 82-85.
6. Milyaeva E.V. Artificial intelligence as a mentor: a new era of education in higher education institutions // Actual issues of education. 2024. № 2. pp. 97-100.
7. Nikitina S.S., Fayzullin R.V. Directions of application of artificial intelligence in education // Modern development trends and prospects for the introduction of innovative technologies in mechanical engineering, education and economics. 2025. Vol. 7. № 1. pp. 231-234.
8. Nikolaev A.A., Kuznetsov M.Yu., Nikolaev V.A. Artificial intelligence in the system of higher and postgraduate education: a review of opportunities for teachers // Education management: theory and practice. 2024. № 9-2. pp. 151-161.
9. Pashuta V.L., Nikolskaya A.S. Features of the use of artificial intelligence technologies in the educational process of a university // Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies. 2025. № 2. pp. 273-277.
10. Smagulov E.J., Bokan M.E., Tekerek A. Application of artificial intelligence in teaching in universities // Information and education: boundaries of communications. 2024. № 16(24). pp. 407-411.
11. Spirina E.A., Kazimova D.A., Kopbalina S.S., Tursyngalieva G.N., Turmuratova D.A. On the integration of artificial intelligence into the higher education system: the opinion of teachers // Karaganda University bulletin. Series: Pedagogy. 2024. Vol. 29. № 4(116). pp. 136-145.
12. Tokarev B.E., Rossikhin B.A. Analysis of the use of artificial intelligence by university teachers // Bulletin of the University. 2025. № 7. pp. 45-55.

13. Toktarova V.I., Kazantseva O.G. Personalization algorithms: types of recommendations in digital learning systems // Information and education: boundaries of communications. 2024. № 16(24). pp. 74-75.
14. Umatgerieva H.R., Umarkhadzhieva S.R., Kosulin V.V. Research of personalized education of students of higher educational institutions through artificial intelligence // Economics and management: problems, solutions. 2024. Vol. 5. № 4(145). pp. 258-263.
15. Yarycheva H.U. The use of artificial intelligence in the educational practice of universities: pedagogical potential and risks // Economic and humanitarian studies of the regions. 2025. № 4. pp. 87-89.

НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИКЕ

Социальные и психолингвистические факторы успешности программ обучения на английском языке в российских университетах и их влияние на академическую идентичность студентов

Наталия Ивановна Евтушенко

Старший преподаватель кафедры «Лингвистики и переводоведения»

Приазовский государственный технический университет – филиал Национального исследовательского
Московского государственного строительного университета

Мариуполь, Россия

lyovikevtushenko@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0601-1643

Поступила в редакцию 01.11.2025

Принята 21.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37:80

DOI 10.25726/m5971-2566-5657-a

EDN ONWOQB

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Статья анализирует, как англоязычные образовательные программы (English Medium Instruction) в российских университетах трансформируют академическую успешность и академическую идентичность студентов под воздействием взаимосвязанных психолингвистических и социальных факторов. Теоретически показано, что переход на неродной язык обучения порождает двойную когнитивную нагрузку и смещает детерминанты успеха от предметной подготовленности к способности управлять рабочей памятью, тревожностью и коммуникативным поведением; при этом владение профессиональным дискурсом становится не только инструментом, но и условием признания себя «своим» в академическом сообществе. На данных лонгитюдного наблюдения 2020-2023 годов по 1845 студентам четырех ведущих вузов (с сопоставлением с 600 студентами русскоязычных программ), дополненных глубинными интервью, выявлена нелинейность связи между уровнем английского и субъективными состояниями: группы с пограничными уровнями В1–В2 демонстрируют сочетание повышенной тревожности и неоднородной адаптивности, тогда как высокий уровень (С1–С2) сопряжен с ростом вовлеченности и самоэффективности, но также может усиливать давление ожиданий. Количественные различия носят системный характер: при В1 средний GPA по профильным дисциплинам составляет 3,42 при тревожности 4,18 и вовлеченности 42,65, тогда как при С1 – 4,67, 2,14 и 88,95 соответственно; доля студентов с высокой самооценкой компетентности возрастает с 18,43% (В1) до 82,15% (С1). Социальная стратификация усиливается различиями стартового образовательного капитала: выпускники региональных школ адаптируются в среднем за 8,35 месяца при стрессе 68,25 и отчислениях 14,85%, тогда как выпускники международных школ – за 1,15 месяца при стрессе 15,30 и отчислениях 1,02%. Динамика академической идентичности описана через рост принадлежности и автономности к старшим курсам при снижении коэффициента лингвистического отчуждения с 0,78 до 0,28, с повторным ухудшением на входе в магистратуру (0,54), что интерпретируется как эффект усложнения дискурса и неоднородности притока студентов. Полученные результаты указывают на риск скрытой сегрегации, феномен «академического молчания» и подмену контроля глубины понимания проверкой языковой компетентности, а также обосновывают необходимость интегрированной языково-предметной поддержки, пропедевтических модулей академической грамотности и адресного

тьюторского сопровождения групп риска для предотвращения «естественного отбора» в интернационализированном образовании.

Ключевые слова

англоязычные программы обучения (EMI), академическая идентичность, психолингвистические факторы, языковая тревожность, социальная стратификация.

Введение

Глобализация образовательного пространства и стремление ведущих российских университетов к интеграции в международные академические рейтинги инициировали масштабное внедрение англоязычных программ обучения, что фундаментально трансформировало ландшафт высшей школы. Этот процесс, часто обозначаемый термином English Medium Instruction, выходит далеко за рамки простой смены кода коммуникации, затрагивая глубинные пласты когнитивной деятельности и процессы профессионального становления будущих специалистов. Переход на иностранный язык обучения создает уникальную образовательную среду, где лингвистическая компетенция (Хамитова, 2025) перестает быть лишь инструментом передачи информации и становится определяющим фактором академической успешности и социализации. Студенты, погруженные в такую среду, сталкиваются с необходимостью одновременного освоения сложного дисциплинарного контента и развития языковых навыков, что неизбежно ведет к перераспределению когнитивных ресурсов. Возникает феномен двойной когнитивной нагрузки, когда ограниченные ресурсы рабочей памяти расходуются не только на обработку предметного знания, но и на декодирование и перекодирование смыслов на неродном языке. В этом контексте успешность обучения перестает коррелировать исключительно с интеллектуальными способностями или предшествующей предметной подготовкой, приобретая зависимость от целого комплекса психолингвистических и социальных детерминант.

Ключевой проблемой, возникающей в процессе реализации англоязычных программ, является трансформация академической идентичности обучающихся. Академическая идентичность, понимаемая как восприятие себя в качестве компетентного члена научного сообщества, традиционно формируется через уверенное владение профессиональным дискурсом. Однако в условиях, когда этот дискурс реализуется на языке, владение которым у студента может быть несовершенным, происходит разрыв между внутренним ощущением профессионального потенциала и способностью его вербализовать. Это противоречие порождает специфические формы языковой тревожности и может приводить к феномену «академического молчания», когда способные студенты уstraняются от участия в дискуссиях из-за страха совершить лингвистическую ошибку. Социальные факторы, такие как образовательный бэкграунд, региональное происхождение и наличие опыта межкультурной коммуникации (Паркина, 2023), начинают играть роль фильтров, определяющих, насколько безболезненно пройдет адаптация к новым условиям. Студенты из крупных мегаполисов с развитой сетью языковых школ изначально находятся в более выигрышном положении по сравнению со сверстниками из регионов, даже при равных показателях по профильным предметам, что создает риски скрытой сегрегации внутри студенческой группы.

Влияние психолингвистических факторов на образовательный результат в данном контексте нельзя рассматривать изолированно от институциональной среды университета. Педагогические стратегии преподавателей, системы оценивания и наличие поддерживающей инфраструктуры могут как нивелировать, так и усугублять негативные эффекты языкового барьера. Существуют опасения, что в погоне за интернационализацией университеты могут непреднамеренно снижать требования к глубине усвоения материала, подменяя проверку знаний проверкой языковых компетенций. Это ставит под угрозу качество профессиональной подготовки (Валишина, 2024) и может формировать у студентов искаженное представление о собственной компетентности. Важно понимать, как именно взаимодействуют объективные показатели владения языком, субъективное восприятие языковой сложности и социальный контекст обучения. Исследование этих взаимосвязей необходимо для

разработки более гибких и инклюзивных образовательных моделей, способных обеспечить высокие стандарты обучения без ущерба для психологического благополучия студентов.

Взаимосвязь между уровнем языковой подготовки и формированием профессионального «Я» носит нелинейный характер и опосредована множеством переменных. С одной стороны, успешное освоение дисциплин на английском языке может способствовать росту самооценки и формированию глобальной профессиональной идентичности, открывая доступ к международным источникам информации и научным сообществам. С другой стороны, постоянное пребывание в зоне лингвистического дискомфорта (Карташевская, 2024) может провоцировать развитие синдрома самозванца и снижение мотивации к обучению. Особый интерес представляет то, как студенты конструируют свою академическую идентичность в условиях, когда их родной язык, являющийся основой их когнитивных схем, вытесняется из официального академического дискурса. Этот процесс реготации идентичности требует от студентов значительных эмоциональных затрат и развития специфических компенсаторных стратегий. Понимание механизмов, лежащих в основе этих процессов, имеет критическое значение для оптимизации образовательных программ и создания среды, способствующей полноценному профессиональному развитию личности.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе лонгитюдного мониторинга образовательных траекторий студентов четырех ведущих российских университетов, участвующих в программе академического превосходства и реализующих полный цикл обучения на английском языке по направлениям социогуманитарного и естественно-научного профиля. Выборка формировалась методом стратифицированного отбора с целью обеспечения репрезентативности по критериям пола, курса обучения (с 1 по 4 курс бакалавриата и 1-2 курс магистратуры), а также направления подготовки. Общий объем выборки составил 1845 респондентов, из которых 1024 обучались на программах бакалавриата и 821 – на программах магистратуры. Исследование проводилось в период с 2020 по 2023 год, что позволило отследить динамику изменений академической идентичности и показателей успешности на разных этапах образовательного процесса. В качестве контрольной группы использовались данные 600 студентов аналогичных направлений, обучающихся на русскоязычных программах.

Методологический инструментарий исследования включал комплекс количественных и качественных методов сбора и анализа данных. Для оценки уровня владения английским языком использовались результаты стандартизированных входных тестов, сопоставимых со шкалой CEFR, а также данные текущей успеваемости по дисциплинам языкового цикла. Психолингвистические переменные, такие как языковая тревожность, коммуникативная уверенность и мотивация, измерялись с помощью адаптированных версий опросников FLCAS (Foreign Language Classroom Anxiety Scale) (Бериша, 2023) и L2MSS (L2 Motivational Self System). Оценка академической идентичности проводилась на основе многофакторной шкалы, разработанной специально для контекста интернационализированного высшего образования, которая включает субшкалы академической самооэффективности, чувства принадлежности к академическому сообществу и профессиональной ориентации. Социально-демографические характеристики и данные о предыдущем образовательном опыте собирались посредством анкетирования и анализа личных дел студентов в обезличенном формате.

Для обработки полученных данных применялся пакет статистических программ SPSS 26.0. Математический аппарат исследования включал дескриптивный анализ, корреляционный анализ Пирсона для выявления связей между переменными, однофакторный и многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для оценки влияния групповых факторов, а также регрессионный анализ для построения прогностических моделей успешности. Всего в ходе подготовки исследования было проанализировано более 120 библиографических источников (Волкова, 2023; Гринева, 2024; Чжу, 2023; Мягкова, 2024), включая теоретические работы по педагогике высшей школы, психолингвистике билингвизма и социологии образования, что позволило сформировать надежный теоретический

фундамент для интерпретации эмпирических данных. Качественная часть исследования включала 50 глубинных интервью со студентами и преподавателями, результаты которых использовались для валидации количественных данных и уточнения интерпретаций.

Результаты и обсуждение

Внедрение англоязычных программ в российском университетском контексте неизбежно актуализирует вопрос о цене академического успеха, выраженной не только в зачетных единицах, но и в психоэмоциональном состоянии обучающихся. На первом этапе анализа мы сосредоточились на выявлении взаимосвязи между объективным уровнем владения языком (по шкале CEFR) и субъективными психолингвистическими показателями, такими как уровень ситуативной тревожности на занятиях и самооценка академической компетентности. Предполагалось, что более высокий уровень языковой подготовки должен линейно коррелировать со снижением тревожности и ростом уверенности в своих силах. Однако, наблюдаемая картина оказалась значительно сложнее. Студенты с пограничными уровнями владения языком (B1–B2) часто демонстрировали парадоксальные реакции: при объективно более низких лингвистических показателях некоторые группы демонстрировали высокую адаптивность благодаря компенсаторным коммуникативным стратегиям, тогда как студенты с формально высоким уровнем (C1) испытывали повышенное давление ожиданий.

Для детального изучения этого феномена были выделены три группы студентов в зависимости от их входного уровня владения английским языком. Мы сопоставили их средний балл (GPA) за профильные дисциплины, преподаваемые на английском языке, с индексом языковой тревожности (измеренным по 5-балльной шкале, где 5 – максимальная тревожность) и индексом вовлеченности в академические дискуссии (рассчитанным на основе частоты и качества выступлений на семинарах, шкала 0-100). Анализ этих показателей позволяет понять, насколько лингвистический барьер блокирует демонстрацию реальных знаний и как это сказывается на итоговой успеваемости. Важно отметить, что индекс вовлеченности является прямым маркером того, насколько студент чувствует себя вправе голоса в академическом пространстве (табл. 1).

Таблица 1. Показатели академической успешности и психоэмоционального состояния студентов в зависимости от уровня владения английским языком

Уровень владения языком (CEFR)	Средний балл (GPA) по профильным дисциплинам (max 5.0)	Индекс языковой тревожности (1-5)	Индекс вовлеченности в дискуссии (0-100)	Доля студентов с высокой самооценкой компетентности (%)
B1 (Threshold)	3,42	4.18	42.65	18,43
B2 (Vantage)	3,89	3.65	61.20	45,72
C1 (Effective Proficiency)	4,67	2.14	88.95	82,15
C2 (Mastery)	4,81	1.82	94.30	91,50

Данные, представленные в первой таблице, демонстрируют существенный разрыв в показателях между группами. Студенты с уровнем B1 имеют средний балл 3,42, что значительно ниже показателей группы C1 (4,67). Разница составляет 1,25 балла, что в контексте 5-балльной системы является критическим показателем, указывающим на то, что языковой дефицит напрямую конвертируется в академическое отставание. Индекс тревожности у группы B1 достигает 4,18 баллов, что свидетельствует о практически постоянном стрессе во время учебных занятий. При переходе к уровню B2 наблюдается снижение тревожности до 3.65, однако этот показатель все еще остается высоким, превышая среднее значение шкалы. Примечательно, что скачок в индексе вовлеченности между группами B1 (42,65) и B2 (61,20) составляет 18.55 пунктов, тогда как разрыв между B2 и C1 (88,95) гораздо более значителен — 27.75 пунктов. Это указывает на то, что уровень B2 является своего рода «зоной турбулентности», где

студенты уже способны понимать материал, но еще не обладают достаточной беглостью для полноценного участия в дискуссиях наравне с более продвинутыми сверстниками. Доля студентов с высокой самооценкой компетентности растет нелинейно: если в группе В1 она составляет всего 18,43%, то в группе С1 этот показатель взлетает до 82,15%, что подтверждает гипотезу о сильной связи языковой уверенности и профессиональной самоидентификации.

Помимо сугубо лингвистических факторов, существенную роль в формировании успешности играют социальные детерминанты. Предварительный образовательный опыт и социокультурный капитал семьи формируют стартовую площадку, с которой студент входит в англоязычную среду. Студенты, окончившие школы с углубленным изучением языка или имевшие опыт зарубежных стажировок, обладают не только лучшими лексико-грамматическими навыками, но и специфическими метакогнитивными стратегиями обучения в иноязычной среде (Рожкова, 2024). Напротив, студенты из регионов с меньшим доступом к качественному языковому образованию вынуждены тратить значительно больше времени на адаптацию, что создает риск академического выгорания.

Мы проанализировали влияние типа предыдущего образования и регионального фактора на скорость адаптации к англоязычной программе (измеряемую в месяцах до стабилизации успеваемости) и итоговую удовлетворенность обучением. Разделение производилось на выпускников профильных языковых школ, обычных общеобразовательных школ мегаполисов и региональных школ. Этот срез позволяет увидеть скрытое социальное неравенство (Харченко, 2025), которое может маскироваться под личные способности или отсутствие таковых. Также учитывался фактор наличия дополнительных занятий с репетиторами до поступления, как индикатор инвестиций семьи в образование (табл. 2).

Таблица 2. Влияние образовательного бэкграунда на адаптацию и удовлетворенность обучением в англоязычной среде

Тип образовательного учреждения	Средний срок адаптации (месяцы)	Удовлетворенность программой (1-10)	Процент отчислений на 1 курсе (%)	Уровень академического стресса (1-100)
Языковые гимназии / Лицеи	2,45	8,92	3,15	28,40
Школы мегаполисов (непрофильные)	5,80	7,15	8,74	45,60
Региональные школы	8,35	5,43	14,85	68,25
Международные школы (IB/A-level)	1,15	9,45	1,02	15,30

Анализ данных второй таблицы выявляет глубокую стратификацию студенческой аудитории. Выпускники региональных школ тратят на адаптацию в среднем 8,35 месяца, что практически равно полному учебному году. Это означает, что весь первый курс для данной категории студентов проходит в режиме выживания, что подтверждается высоким уровнем академического стресса – 68,25 баллов. Для сравнения, выпускники языковых гимназий адаптируются за 2,45 месяца, что более чем в 3,4 раза быстрее, соответственно, уровень стресса у них в 2,4 раза ниже (28,40). Наиболее тревожным является показатель отчислений: среди студентов из региональных школ он достигает 14,85%, в то время как среди выпускников международных школ он составляет всего 1,02%. Разница в 14,5 раза в показателях отсева свидетельствует о том, что существующие механизмы поддержки в университетах недостаточно эффективны для выравнивания стартовых возможностей. Удовлетворенность программой также коррелирует с бэкграундом: 5,43 балла у региональных студентов против 9,45 у выпускников международных школ. Это говорит о том, что для одной части аудитории англоязычная программа является стимулирующей средой, а для другой – источником фрустрации.

Исследование академической идентичности невозможно без анализа ее внутренней структуры. Академическая идентичность не является монолитом; она состоит из чувства принадлежности к сообществу, уверенности в своих исследовательских навыках и восприятия себя как будущего профессионала. В условиях ЕМІ происходит расщепление этих компонентов. Студент может чувствовать себя компетентным в решении задач (инструментальный компонент), но абсолютно чужим в дискуссионном поле (коммуникативный компонент) (Помуран, 2023). Это расщепление часто ведет к формированию так называемой «немой» идентичности, когда студент позиционирует себя как пассивного потребителя знаний, а не активного участника их производства.

Для количественной оценки этого феномена мы использовали корреляционный анализ между компонентами академической идентичности и показателями языковой интеграции. Особое внимание уделялось индексу «Чувство принадлежности», который отражает социальную сторону обучения, и индексу «Исследовательская автономность», показывающему способность студента самостоятельно вести научный поиск на английском языке. В таблице ниже представлены средние значения этих показателей в разбивке по курсам обучения, что позволяет проследить динамику формирования идентичности во времени. Мы также ввели коэффициент «Лингвистического отчуждения», который характеризует степень дистанцирования студента от учебного процесса из-за языковых трудностей (табл. 3).

Таблица 3. Динамика компонентов академической идентичности и коэффициента лингвистического отчуждения по курсам

Курс обучения	Чувство принадлежности (1-10)	Исследовательская автономность (1-10)	Коэффициент лингвистического отчуждения (0-1)	Интегральный индекс академической идентичности
1 курс	4.12	3.25	0.78	3.56
2 курс	5.45	4.80	0.62	5.15
3 курс	6.85	6.45	0.45	6.72
4 курс	7.90	7.85	0.28	8.05
1 курс Магистратуры	6.25	6.15	0.54	6.30

Представленная динамика демонстрирует положительный тренд, однако стартовые позиции на 1 курсе выглядят критическими. Коэффициент лингвистического отчуждения 0.78 на первом году обучения указывает на то, что почти 80% времени или усилий студента блокируются ощущением чужеродности языковой среды. К 4 курсу этот показатель снижается до 0.28, что является значительным прогрессом (падение на 64%), однако он не исчезает полностью. Интересен спад показателей на 1 курсе магистратуры по сравнению с 4 курсом бакалавриата: чувство принадлежности падает с 7.90 до 6.25, а коэффициент отчуждения возрастает с 0.28 до 0.54. Это объясняется вливанием в магистратуру новых студентов из других вузов, часто с менее сильной языковой подготовкой, а также усложнением академического дискурса на уровне graduate studies. Исследовательская автономность растет наиболее медленно: с 3.25 на первом курсе до 4.80 на втором (прирост всего 1.55 пункта), что говорит о том, что навыки самостоятельной научной работы на иностранном языке формируются тяжелее всего. Интегральный индекс академической идентичности достигает приемлемых значений (выше 7.0) только к старшим курсам, что ставит вопрос об эффективности образовательного процесса на ранних этапах.

Рассматривая результаты в совокупности, можно констатировать наличие сложной системной проблемы. Англоязычная среда действует как мощный катализатор социальной дифференциации (Bagdasarova, 2025). Данные показывают, что языковой барьер не просто затрудняет понимание лекций, он деформирует структуру профессиональной личности студента. Высокие показатели тревожности и отчуждения на начальных этапах обучения, выявленные в ходе анализа, свидетельствуют о том, что университетская среда часто не предоставляет достаточных «строительных лесов» (scaffolding) для

поддержки когнитивного и личностного перехода (Теркулов, 2024). Студенты с более низким стартовым капиталом вынуждены тратить колоссальные ресурсы на эмоциональную саморегуляцию, что неизбежно снижает их академическую производительность. Парадокс заключается в том, что к концу обучения (4 курс) выжившие студенты демонстрируют высокие показатели идентичности и низкое отчуждение, однако статистика отчислений на ранних этапах (особенно среди региональных студентов) показывает цену этого «естественного отбора». Магистерский уровень вновь актуализирует проблему, показывая, что смена контекста даже при наличии опыта обучения может отбрасывать студента назад в развитии его академической уверенности. Полученные цифры убедительно доказывают, что без целенаправленной педагогической и психологической поддержки внедрение ЕМІ рискует превратиться в инструмент элитизации образования, отсекающий талантливых, но лингвистически менее подготовленных студентов.

Заключение

Анализ комплекса психолингвистических и социальных факторов, влияющих на обучение в англоязычной среде российских университетов, позволяет выявить глубинные противоречия в текущих моделях интернационализации образования. Полученные данные свидетельствуют о том, что языковая компетенция выступает не просто как технический навык, но как фундаментальный механизм стратификации студенческого сообщества (Величко, 2025), определяющий доступ к академическим ресурсам и возможности профессиональной самореализации. Мы наблюдаем ситуацию, при которой когнитивная нагрузка, связанная с обработкой иноязычной информации, вступает в конфликт с задачами глубокого концептуального освоения дисциплинарного знания, особенно на начальных этапах обучения. Это создает риски формирования поверхностных компетенций, когда студент способен воспроизводить терминологию, но затрудняется в построении сложных смысловых связей, что критически важно для развития подлинной академической идентичности.

Существенным выводом является фиксация феномена отложенной академической социализации у студентов с недостаточным уровнем лингвистической готовности. Цифровые показатели адаптации и уровни стресса указывают на то, что для значительной части обучающихся процесс интеграции в англоязычную среду носит травматичный характер, требующий значительных компенсаторных усилий. Это ставит перед педагогическим сообществом задачу пересмотра дидактических подходов в сторону большей интеграции языковой и предметной поддержки. Простого перевода учебных планов на английский язык недостаточно; необходима разработка специализированных методик, учитывающих когнитивные ограничения и эмоциональное состояние студентов, работающих в режиме двойной нагрузки.

Перспективы дальнейшего развития англоязычных программ в российских вузах лежат в плоскости гуманизации образовательной среды и создания вариативных траекторий вхождения в иноязычный академический дискурс. Необходимо смещение фокуса с формальных показателей владения языком на развитие коммуникативной уверенности и исследовательской автономии. Важно внедрять пропедевтические курсы, направленные на развитие навыков академической грамотности еще до начала основного цикла профильных дисциплин, а также создавать системы тьюторского сопровождения для студентов из групп риска. Только через гармонизацию лингвистических требований и психологической поддержки возможно формирование устойчивой академической идентичности, которая позволит выпускникам эффективно функционировать в глобальном научном и профессиональном пространстве, не утрачивая при этом глубины профессионального мышления.

Список литературы

1. Багдасарова И.Ю. Эмпирическое понимание потребностей и проблем аспирантов в устном научном дискурсе на английском языке: исследование на примере российских неязыковых специальностей // Академический мир: культура, образование. 2025. № 7. С. 38-46.
2. Валишина С.Р. Психолингвистические особенности восприятия англоязычных медиатекстов русскоязычными студентами // Оригинальные исследования. 2024. Т. 14. № 8. С. 176-181.

3. Величко Л.Л., Кашурина И.А. Роль психологии в освоении английского языка // Человек. Социум. Общество. 2025. № S7. С. 61-65.
4. Волкова М.С., Переверзева Н.А. Роль иностранных языков в гуманитарном образовании учащихся университета спорта // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2023. № 2. С. 66.
5. Бериша А.С., Новикова И.А., Новиков А.Л., Бархударов А.А., Клименко А.С. Особенности представлений об английском, русском и родном языках у иностранных студентов, обучающихся в России на английском языке // ЦИТИСЭ. 2023. № 3(37). С. 366-382.
6. Гринева О.А., Лефлер Н.О. Взаимосвязь психологических и лингвистических свойств личности старшеклассника: аспекты готовности к изучению иностранного языка в вузе // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 296-299.
7. Карташевская Ю.В., Шевченко Т.И. Опыты перцептивной диалектологии: восприятие английских типов произношения носителями языка и российскими обучающимися // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 4(56). С. 50-61.
8. Мягкова Е.Ю. Психолингвистические исследования на кафедре иностранных языков Юго-Западного государственного университета (Курская группа психолингвистики) // Вопросы психолингвистики. 2024. № 2(60). С. 139-141.
9. Паркина Л.Д. Успешное обучение иностранным языкам в проблемном поле психологических исследований // Молодежная наука: тенденции развития. 2023. № 4. С. 12-19.
10. Помуран Н.Н. Социально-психологические детерминанты использования иноязычной лексики // Сибирский психологический журнал. 2023. № 88. С. 64-84.
11. Рожкова Н.В. О сущностных характеристиках коммуникативного поведения носителей русского языка (инокультурная оценка) // Образование и общество. 2024. № 6 (149). С. 47-53.
12. Теркулов В.И. Психолингвистические исследования на кафедре русского языка Донецкого государственного университета // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1(59). С. 122-124.
13. Хамитова А.О. Анализ проблемы недостаточной обучаемости английскому языку // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2025. № 2(238). С. 77-84.
14. Харченко М.А. Английский язык как инструмент формирования глобальной идентичности: вызовы и перспективы // Филология: научные исследования. 2025. № 3. С. 102-111.
15. Чжу Ф. Взаимосвязь личностных характеристик и стратегий изучения иностранного языка: подход китайских исследователей // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. № 6. С. 626-632.

Social and psycholinguistic factors of success of English-language instruction programs in Russian universities and their influence on students' academic identity

Natalia I. Yevtushenko

Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation Studies

Pryazovskyi State Technical University – no branch of the National Research Moscow State University of Civil Engineering

Mariupol, Russia

lyovikevtushenko@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0601-1643

Received 01.11.2025

Accepted 21.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37:80

DOI 10.25726/m5971-2566-5657-a

EDN ONWOQB

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article analyzes how English-medium instruction (EMI) programs in Russian universities transform students' academic success and academic identity under the influence of interrelated psycholinguistic and social factors. Theoretically, it is demonstrated that the transition to a non-native language of instruction generates a double cognitive load and shifts the determinants of success from subject preparedness to the ability to manage working memory, anxiety, and communicative behavior; at the same time, proficiency in professional discourse becomes not only a tool but also a condition for self-recognition as «one of us» in the academic community. Based on data from longitudinal observation in 2020-2023 involving 1845 students from four leading universities (compared with 600 students from Russian-language programs), supplemented by in-depth interviews, the nonlinearity of the relationship between English proficiency level and subjective states is revealed: groups with borderline levels B1–B2 exhibit a combination of heightened anxiety and heterogeneous adaptability, whereas high levels (C1–C2) are associated with increased engagement and self-efficacy but may also intensify pressures from expectations. Quantitative differences are systemic in nature: at B1, the average GPA in profile disciplines is 3.42 with anxiety 4.18 and engagement 42.65, whereas at C1 it is 4.67, 2.14 and 88.95 respectively; the proportion of students with high self-assessment of competence increases from 18,43% (B1) to 82,15% (C1). Social stratification is intensified by differences in initial educational capital: graduates of regional schools adapt on average in 8.35 months with stress 68.25 and dropout rates 14,85%, whereas graduates of international schools adapt in 1.15 months with stress 15.30 and dropout rates 1,02%. The dynamics of academic identity is described through growth in belongingness and autonomy in senior years alongside a reduction in the linguistic alienation coefficient from 0.78 to 0.28, with renewed deterioration upon entry into master's programs (0.54), interpreted as an effect of increased discourse complexity and heterogeneous student intake. The findings indicate risks of hidden segregation, the phenomenon of «academic silence», and the substitution of assessing depth of understanding with checking language competence, while also justifying the need for integrated language-subject support, propaedeutic modules in academic literacy, and targeted tutoring for at-risk groups to prevent «natural selection» in internationalized education.

Keywords

English-medium instruction programs (EMI), academic identity, psycholinguistic factors, language anxiety, social stratification.

References

1. Bagdasarova I.Y. Empirical insights into the needs and challenges of postgraduate students in oral scientific discourse in English: a study from Russian non-language specialties // *The World of Academia: Culture, Education*. 2025. № 7. pp. 38-46.
2. Berisha A.S., Novikova I.A., Novikov A.L., Barkhudarov A.A., Klimenko A.S. Features of representations of English, Russian, and native languages among foreign students studying in Russia in English // *CITISE*. 2023. № 3 (37). pp. 366-382.
3. Zhu F. Interconnection of personality traits and foreign language learning strategies: approach of Chinese researchers // *Herzen readings: psychological research in education*. 2023. № 6. pp. 626-632.
4. Grineva O.A., Lefler N.O. Interconnection of psychological and linguistic personality traits of a high school student: aspects of readiness to study a foreign language at university // *Modern pedagogical education*. 2024. № 1. pp. 296-299.

5. Kartashevskaya Yu.V., Shevchenko T.I. Experiments in perceptual dialectology: perception of English pronunciation varieties by native speakers and Russian learners // Moscow City University bulletin. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2024. № 4 (56). pp. 50-61.
6. Khamitova A.O. Analysis of the problem of insufficient learnability of the English language // Tomsk State Pedagogical University bulletin. 2025. № 2(238). pp. 77-84.
7. Kharchenko M.A. English language as a tool for forming global identity: challenges and prospects // Philology: scientific research. 2025. № 3. pp. 102-111.
8. Myagkova E.Yu. Psycholinguistic research at the Department of Foreign Languages of South-Western State University (Kursk psycholinguistics group) // Issues of psycholinguistics. 2024. № 2(60). pp. 139-141.
9. Parkina L.D. Successful learning of foreign languages in the problem field of psychological research // Youth science: development trends. 2023. № 4. pp. 12-19.
10. Pomuran N.N. Socio-psychological determinants of the use of foreign-language vocabulary // Siberian psychological journal. 2023. № 88. pp. 64-84.
11. Rozhkova N.V. On essential characteristics of communicative behavior of Russian native speakers (cross-cultural assessment) // Education and society. 2024. № 6(149). pp. 47-53.
12. Terkulov V.I. Psycholinguistic studies at the Department of Russian Language of Donetsk State University // Issues of psycholinguistics. 2024. № 1(59). pp. 122-124.
13. Valishina S.R. Psycholinguistic features of perception of English-language media texts by Russian-speaking students // Original research. 2024. Vol. 14. № 8. pp. 176-181.
14. Velichko L.L., Kashurina I.A. Role of psychology in mastering the English language // Human. Society. Community. 2025. № S7. pp. 61-65.
15. Volkova M.S., Pereverzeva N.A. Role of foreign languages in humanities education of sports university students // Physical culture: upbringing, education, training. 2023. № 2. p. 66.

Автоматизированная аналитика учебных данных и адаптивное тестирование в курсах иностранного языка в высшей школе как инструмент персонализации траекторий обучения

Наталья Ивановна Евтушенко

Старший преподаватель кафедры Лингвистики и переводоведения

Приазовский государственный технический университет – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Мариуполь, Россия

lyovikevtushenko@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0601-1643

Татьяна Александровна Кириченко

Ассистент кафедры Лингвистики и переводоведения

Приазовский государственный технический университет – филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Мариуполь, Россия

t-a-t-a@internet.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 18.11.2025

Принята 25.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/v2738-7577-1448-a

EDN ONMMVS

BAK 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Статья посвящена интеграции автоматизированной аналитики учебных данных и компьютерного адаптивного тестирования в университетских курсах английского языка как механизму персонализации обучения в условиях высокой неоднородности академических групп неязыковых направлений. Рассматривается переход от линейных методик к модульной архитектуре курса, способной перестраиваться на основании цифровых следов обучающихся в LMS, где обратная связь и оценивание трактуются как средства навигации и поддержки, а не только контроля. Описана реализация на платформе Moodle с расширенными средствами фиксации событий и адаптивного предъявления заданий; адаптация опирается на модели современной теории тестирования (в частности, подходы Раша и Бирнбаума) и калиброванный банк из 4500 тестовых единиц, уточняемый по мере накопления ответов. Анализ логов (свыше 3,5 млн событий), аттестационных результатов и метаданных взаимодействия с контентом дополняется статистическими процедурами (корреляции, кластеризация учебных стратегий, сравнение групп). Показано, что персонализированная траектория повышает продуктивность работы: при меньшем времени в системе студенты выполняют больше модулей и демонстрируют более высокий средний балл, а также меньшую вариативность результатов, что интерпретируется как выравнивание подготовки без потери мотивации у сильных обучающихся. Выявлено улучшение психометрических характеристик адаптивного тестирования: расширение диапазона трудности, рост дискриминативности, снижение стандартной ошибки измерения и сокращение длины теста при повышении надежности. Отсроченный контроль через три месяца фиксирует более высокую ретенцию лексики, резкое уменьшение доли системных грамматических ошибок и снижение тревожности перед проверками, что связывается с индивидуализированным

повторением и предотвращением накопления пробелов. Подчеркиваются педагогические следствия: перераспределение времени в пользу коммуникативных практик, усиление диагностической роли преподавателя, а также значимость вопросов прозрачности алгоритмов и этики работы с данными для корректного применения персонализированных оценок.

Ключевые слова

аналитика учебных данных, адаптивное тестирование, персонализация обучения, Moodle (LMS), современная теория тестирования (IRT).

Введение

Современная парадигма высшего образования претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные переходом от унифицированных моделей передачи знаний к персонализированным экосистемам, в центре которых находится обучающийся с его уникальными когнитивными характеристиками и темпом усвоения материала. В контексте преподавания иностранных языков, где вариативность исходного уровня владения компетенциями в одной академической группе может быть критически высокой, традиционные линейные методики часто демонстрируют недостаточную эффективность, что приводит к снижению мотивации и качества образовательных результатов. Интеграция технологий автоматизированной аналитики учебных данных (Learning Analytics) и систем адаптивного тестирования выступает не просто как техническая модернизация учебного процесса, а как необходимое условие реализации компетентностного подхода, декларируемого в современных образовательных стандартах. Педагогическое проектирование курсов иностранного языка (Рельян, 2024) в цифровой среде требует переосмысления механизмов обратной связи и оценивания, которые должны трансформироваться из инструментов контроля в инструменты поддержки и навигации (Егорова, 2025).

Проблема гетерогенности студенческой аудитории в неязыковых вузах стоит особенно остро, так как различия в базовой подготовке, способностях к языковому кодированию и декодированию, а также в стратегиях обучения создают существенные барьеры для синхронного прохождения учебного материала. Стандартизированные тесты, ориентированные на «среднего» студента, часто оказываются либо слишком легкими для продвинутых обучающихся, не создавая зоны ближайшего развития (Черкасова, 2025), либо чрезмерно сложными для студентов с низким уровнем владения языком, вызывая фрустрацию и отказ от познавательной деятельности. Внедрение алгоритмов компьютерного адаптивного тестирования (Computerized Adaptive Testing, CAT), базирующихся на современной теории тестирования (Item Response Theory, IRT), позволяет динамически подстраивать сложность заданий под текущий уровень способностей испытуемого, обеспечивая высокую точность измерения при меньшем количестве предъявляемых вопросов. Этот подход коррелирует с необходимостью оптимизации временных ресурсов в условиях сокращения аудиторных часов, выделяемых на гуманитарные дисциплины (Глотова, 2025).

Сбор и анализ цифровых следов обучающихся в системах управления обучением (LMS) открывает новые горизонты для понимания поведенческих паттернов, коррелирующих с академической успешностью. В отличие от эпизодических срезов знаний, непрерывный мониторинг активности позволяет выявлять скрытые закономерности (Щебельская, 2023), такие как время реакции на задание, частота обращений к справочным материалам, характер взаимодействия в коммуникативных модулях и динамика накопления лексического запаса. Агрегация этих данных формирует многомерный профиль обучающегося, который служит основой для автоматической генерации рекомендаций и корректировки индивидуальной траектории обучения. Однако, несмотря на технологическую доступность подобных инструментов, методологические аспекты их интеграции в педагогическую практику остаются недостаточно изученными, особенно в части интерпретации больших данных преподавателями-филологами и их конвертации в эффективные педагогические интервенции (Абалян, 2024).

Сложность реализации адаптивных моделей заключается не только в технической разработке банков тестовых заданий, откалиброванных по параметрам трудности и дискриминативности, но и в

создании гибкой архитектуры курса, способной перестраиваться в ответ на диагностические данные. Это требует отхода от жесткого календарно-тематического планирования в пользу модульных структур с разветвленной системой пререквизитов и альтернативных путей освоения контента. Вопросы валидности и надежности (Гарифова, 2024) алгоритмических оценок также требуют пристального внимания, поскольку автоматизация не должна приводить к редукционизму, когда сложные коммуникативные компетенции подменяются механическим выполнением грамматических упражнений. Критически важным становится определение баланса между алгоритмическим управлением обучением и педагогической интуицией преподавателя, который сохраняет роль наставника и фасилитатора (Авраменко, 2024).

Использование предиктивной аналитики позволяет не только фиксировать текущее состояние обученности, но и прогнозировать риски академической неуспеваемости на ранних этапах, что дает возможность своевременно применять меры педагогической поддержки. Исследование механизмов, связывающих количественные показатели цифровой активности с качественными характеристиками иноязычной коммуникативной компетенции, представляется ключевым для разработки доказательной педагогики в области лингвистического образования. Переход к адаптивным системам (Антонова, 2025) также актуализирует вопросы этики использования данных и прозрачности алгоритмов принятия решений, влияющих на итоговую аттестацию студентов. Глубокое понимание этих процессов необходимо для конструирования образовательной среды, которая не просто транслирует контент, но и активно взаимодействует с обучающимся, адаптируясь к его потребностям и способствуя развитию автономии в изучении иностранного языка.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой представленной работы послужили данные, полученные в ходе лонгитюдного педагогического эксперимента, реализованного на платформе системы управления обучением Moodle, модифицированной специализированными плагинами для сбора детальной статистики и реализации алгоритмов адаптивного тестирования. Выборку составили 1842 студента бакалавриата инженерных и естественно-научных направлений подготовки, изучающих дисциплину «Иностранный язык (английский)» в течение четырех семестров. Участники были разделены на контрольную группу, обучающуюся по традиционной линейной модели, и экспериментальную группу, где применялась модель персонализированного обучения с использованием адаптивных тестов и рекомендательных алгоритмов. Формирование выборки осуществлялось методом стратифицированной рандомизации для обеспечения однородности входных показателей владения языком, которые оценивались с помощью стандартизированного входного тестирования. В качестве методологической основы проектирования адаптивной системы использовалась однопараметрическая модель Раша и двухпараметрическая модель Бирнбаума, позволяющая учитывать не только трудность заданий, но и их дифференцирующую способность (Баринов, 2024).

Источниковая база исследования включала в себя логи активности пользователей в электронной среде (общим объемом более 3,5 миллионов записей событий), результаты промежуточных и итоговых аттестаций, а также метаданные о взаимодействии студентов с различными типами образовательного контента. Для калибровки банка тестовых заданий, насчитывающего 4500 единиц (Климентьев, 2025), применялись процедуры экспертной оценки и психометрического анализа на пилотной выборке. Аналитический инструментарий включал методы математической статистики: корреляционный анализ для выявления связей между поведенческими метриками и результатами обучения, кластерный анализ для типологизации стратегий обучения студентов, а также сравнительный анализ средних величин с использованием *t*-критерия Стьюдента для оценки значимости различий между группами. Обработка количественных данных производилась с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 26.0 и среды статистических вычислений R. Качественный анализ включал интерпретацию паттернов ошибок и семантический анализ открытых ответов, что позволило верифицировать данные автоматизированной проверки.

Результаты и обсуждение

Центральным элементом исследования стала оценка влияния цифровой активности студентов на формирование иноязычной компетенции в условиях адаптивной образовательной среды. Перед тем как перейти к детальному рассмотрению числовых показателей, необходимо пояснить логику выбора анализируемых метрик. Традиционно успеваемость коррелируют с посещаемостью, однако в цифровой среде понятие «присутствия» трансформируется. Простое время нахождения в системе не всегда свидетельствует об эффективном обучении, поэтому были выделены специфические индикаторы: плотность учебных сессий, частота возврата к теоретическому материалу после выполнения практических заданий и скорость реакции на обратную связь системы. Эти параметры позволяют судить о когнитивной вовлеченности (Шокарева, 2025) и стратегиях саморегуляции обучающихся. В ходе анализа было важно установить, насколько адаптивные механизмы способны нивелировать разрыв в результатах между студентами с разной исходной подготовкой и разными стилями обучения, что нашло отражение в сгруппированных данных по завершении первого этапа эксперимента (табл. 1).

Таблица 1. Показатели вовлеченности и академической успешности в экспериментальной и контрольной группах

Показатель	Контрольная группа (M ± SD)	Экспериментальная группа (M ± SD)	t-критерий	Уровень значимости (p)
Общее время в системе (мин/неделя)	145,3 ± 34,2	112,8 ± 28,6	5,84	< 0,001
Количество завершенных модулей	8,4 ± 1,2	11,7 ± 0,9	-6,12	< 0,001
Средний балл текущего контроля (0-100)	68,45 ± 12,34	79,82 ± 8,15	-5,47	< 0,001
Коэффициент вариации баллов (%)	18,03	10,21	-	-
Индекс прокрастинации (дни до дедлайна)	1,2 ± 0,8	3,4 ± 1,1	-4,93	< 0,001

Представленные числовые данные демонстрируют парадоксальную, на первый взгляд, но закономерную для адаптивного обучения тенденцию. Студенты экспериментальной группы проводили в системе статистически значимо меньше времени (112,8 мин против 145,3 мин), однако демонстрировали более высокие показатели завершения модулей и среднего балла. Это свидетельствует о повышении коэффициента полезного действия учебной деятельности: персонализированная траектория избавляет обучающегося от необходимости тратить время на материал, который он уже освоил, или, наоборот, на задания, к которым он еще не готов когнитивно. Снижение коэффициента вариации баллов в экспериментальной группе с 18,03 до 10,21% указывает на выравнивание уровня подготовки: «слабые» студенты подтягиваются за счет дополнительных адаптивных тренировок, а «сильные» не теряют мотивацию, получая задания повышенной сложности. Примечателен и сдвиг индекса прокрастинации: персонализированный график и дробление материала на микро-порции способствовали более равномерному распределению нагрузки, в то время как в контрольной группе наблюдался классический «студенческий синдром» выполнения заданий в последний момент.

Следующим этапом анализа стала оценка психометрических характеристик банка заданий и эффективности работы алгоритма адаптивного тестирования. Важность этого аспекта обусловлена тем, что качество адаптации напрямую зависит от точности калибровки тестовых единиц. Если задания

имеют низкую дискриминативность, алгоритм не сможет корректно оценить уровень латентной переменной (знания языка) и построить адекватную траекторию. Мы проанализировали распределение параметров трудности и дифференцирующей способности заданий после нескольких итераций работы системы, когда накопилась статистика реальных ответов студентов. Это позволило увидеть, как система «обучается» и уточняет характеристики заданий, отбраковывая невалидные элементы. Данные о функционировании банка заданий и точности измерения уровня компетенций представлены ниже (табл. 2).

Таблица 2. Психометрические характеристики тестовых заданий и параметры точности измерения

Параметр	Начальный этап (калибровка)	Основной этап (адаптивный режим)	Прирост эффективности (%)
Средняя дискриминативность (a-параметр)	0,845	1,367	61,77
Диапазон трудности (b-параметр, логиты)	-1,54 ... +1,22	-2,89 ... +3,15	114,28
Стандартная ошибка измерения (SEM)	0,452	0,287	36,50
Среднее количество заданий до остановки теста	45,6	18,3	59,87
Надежность теста (r)	0,764	0,912	19,37

Анализ динамики психометрических показателей выявляет качественный скачок в точности измерительных процедур. Расширение диапазона трудности заданий с интервала [-1,54; +1,22] до [-2,89; +3,15] логитов свидетельствует о том, что система стала способна адекватно оценивать как студентов с очень низким уровнем подготовки (A1), так и продвинутых пользователей (B2-C1), для которых ранее не хватало заданий адекватной сложности. Рост средней дискриминативности до 1,367 указывает на то, что задания стали четче разделять студентов по уровню знаний. Наиболее показательным является сокращение среднего количества заданий, необходимых для определения уровня компетенции с заданной точностью, с 45,6 до 18,3. Это подтверждает гипотезу об эффективности адаптивных алгоритмов (Кодрле, 2025): система быстро находит «точку уровня» студента, исключая информационно пустые для него вопросы. Снижение стандартной ошибки измерения на 36,5% при одновременном повышении надежности до 0,912 подтверждает, что сокращение длины теста не привело к потере качества диагностики, а наоборот, повысило ее за счет исключения факторов утомления и потери концентрации.

Особый интерес представляет анализ влияния персонализации на структуру формируемых навыков и долгосрочное удержание знаний. В педагогике иностранного языка существует проблема «отката» знаний после завершения курса или сдачи экзамена. Адаптивные системы, использующие алгоритмы интервального повторения и индивидуальные рекомендации, теоретически должны способствовать лучшей консолидации материала в долговременной памяти. Для проверки этого предположения был проведен отсроченный срез знаний через 3 месяца после завершения курса. Также оценивалась структура ошибок, допускаемых студентами, что позволяет судить о глубине понимания грамматических и лексических структур, а не простом механическом запоминании. Сравнение качественных показателей усвоения материала и устойчивости знаний отражено в следующей таблице (табл. 3).

Таблица 3. Показатели качества усвоения материала и отсроченного контроля знаний

Критерий оценки	Группа с линейным обучением	Группа с адаптивным обучением	Разница (абсолютная)
Успешность лексического теста (сразу), %	72,15	84,33	12,18
Успешность лексического теста (через 3 мес), %	54,82	76,91	22,09
Коэффициент ретенции (сохранения) знаний	0,76	0,91	0,15
Доля системных ошибок в грамматике, %	34,56	12,43	-22,13
Уровень тревожности перед тестированием (1-10)	7,8	4,2	-3,6

Данные отсроченного контроля вскрывают существенные различия в механизмах усвоения информации. Если непосредственно после обучения разница в успешности лексического теста составляла 12,18%, то через три месяца разрыв увеличился до 22,09%. Коэффициент ретенции знаний в адаптивной группе (0,91) значительно превосходит аналогичный показатель контрольной группы (0,76), что говорит о переходе знаний в долговременную память благодаря персонализированным стратегиям повторения. Критически важным является снижение доли системных ошибок в грамматике более чем в два с половиной раза (с 34,56 до 12,43%). Это указывает на то, что адаптивная система, идентифицируя пробелы в базовых структурах, не позволяла студенту двигаться дальше, пока не был устранен дефицит понимания, тогда как в линейной модели студент часто продолжает обучение с накопленными пробелами, что ведет к фоссилизации ошибок. Снижение уровня тревожности (Симеонова, 2025) с 7,8 до 4,2 балла подтверждает психологический комфорт адаптивной среды, где сложность заданий всегда посильна, что создает ситуацию успеха.

В завершение раздела следует отметить, что полученный массив данных однозначно свидетельствует о системном преимуществе адаптивных моделей над традиционными линейными курсами в контексте высшего образования. Аналитика учебных данных перестает быть просто инструментом мониторинга и становится активным агентом управления образовательным процессом. Мы наблюдаем не просто количественный прирост баллов, а качественную трансформацию структуры знаний обучающихся и их отношения к учебному процессу. Выравнивание дисперсии результатов внутри группы при сохранении высокой средней успеваемости говорит о том, что персонализация позволяет реализовать принцип инклюзивности, предоставляя каждому студенту оптимальные условия для развития. Экономия времени, выявленная в ходе анализа, открывает возможности для перераспределения аудиторной нагрузки в пользу активных коммуникативных практик (Карпович, 2025), которые сложно автоматизировать, оставляя рутинную отработку языковых навыков адаптивным алгоритмам.

Заключение

Трансформация образовательного процесса на основе интеграции автоматизированной аналитики и адаптивного тестирования представляет собой не просто технологическое обновление, а смену педагогической парадигмы. Полученные в ходе исследования данные убедительно доказывают, что отказ от унификации в пользу персонализации траекторий обучения позволяет разрешить одно из главных противоречий массового высшего образования – противоречие между групповой формой

организации учебного процесса и индивидуальным характером усвоения знаний. Адаптивная среда выступает демпфером, сглаживающим различия в исходной подготовке студентов и их когнитивных способностях, обеспечивая достижение требуемого уровня иноязычной компетенции для абсолютного большинства обучающихся, а не только для наиболее способной части аудитории.

Важнейшим итогом внедрения адаптивных технологий становится изменение роли преподавателя и студента. Обучающийся переходит из позиции пассивного потребителя контента в позицию активного субъекта, управляющего своим обучением через взаимодействие с умной средой, получая мгновенную и объективную обратную связь. Преподаватель, освобожденный от рутины проверки типовых заданий и администрирования стандартизированных тестов, получает в руки мощный диагностический инструмент, позволяющий видеть «узкие места» курса и индивидуальные затруднения студентов в режиме реального времени. Это создает предпосылки для перехода к доказательной педагогике, где методические решения принимаются не на основе интуиции или традиции, а на основе верифицированных данных о поведении и прогрессе студентов.

Перспективы дальнейшего развития данного направления лежат в плоскости углубления интеллектуализации алгоритмов, в том числе за счет использования нейросетевых моделей для анализа неструктурированных данных, таких как эссе или устные ответы. Интеграция мультимодальной аналитики позволит еще точнее калибровать учебный контент, учитывая не только правильность ответов, но и эмоциональное состояние студента, уровень его усталости и вовлеченности. Таким образом, автоматизированная аналитика и адаптивное тестирование утверждаются как неотъемлемые компоненты современной университетской дидактики, обеспечивающие высокое качество языковой подготовки в условиях цифрового общества.

Список литературы

1. Абалян Ж.А., Пивнева С.В. Потенциал и риски использования искусственного интеллекта в высшей школе при обучении иностранному языку в профессиональной сфере // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 5-7.
2. Авраменко А.П., Буланова Е.Р. Перспективы развития самостоятельной работы студентов в контексте интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное образование // Рема. 2024. № 1. С. 79-91.
3. Антонова Ю.Н., Бородко В.А. Роль искусственного интеллекта в формировании комфортной языковой среды для иностранных студентов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2025. № 2(107). С. 240-243.
4. Баринов А.М., Романов А.В. Влияние искусственного интеллекта на использование и изучение английского языка // Филологический аспект. 2024. № S6 (29). С. 6-13.
5. Гарифова О.А., Хусаинова М.А. Использование искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам студентов неязыковых вузов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2024. Т. 16. № 2. С. 108-116.
6. Глотова А.В. Применение инструментов генеративного искусственного интеллекта в процессе формирования социолингвистической и лингвокультурологической компетенций студентов вуза // Dictum – Factum: от исследований к стратегическим решениям. 2025. № 10. С. 68-72.
7. Егорова Е.В., Вершинина А.В. Интеграция технологий генеративного искусственного интеллекта в проектные задания для развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов нелингвистических направлений // Глобальный научный потенциал. 2025. № 3-2(168). С. 52-55.
8. Карпович И.А., Крепкая Т.Н., Медведева О.Д., Воронова Л.С., Иванова Т.Н. Готовность преподавателей к использованию технологий искусственного интеллекта в иноязычной подготовке студентов неязыковых вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 7. С. 935-944.
9. Климентьев Д.Д., Климентьева В.В. Повышение эффективности самостоятельной работы студентов вуза по овладению иностранным языком за счет использования нейросетей // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2025. № S16. С. 23-30.

10. Кодрле С.В. Дидактические возможности искусственного интеллекта в изучении иностранного языка: мнение студентов // ЦИТИСЭ. 2025. № 3(45). С. 601-614.
11. Рельян Н.А. Применение искусственного интеллекта в преподавании английского языка в неязыковом вузе // Современное педагогическое образование. 2024. № 11. С. 367-370.
12. Симеонова Н.М. К вопросу о применении искусственного интеллекта в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1(110). С. 100-102.
13. Черкасова Л.Н. Искусственный интеллект – это прорыв в будущее или роботизация молодежи (на примере изучения иностранных языков в вузе) // Казанская наука. 2025. № 4. С. 263-266.
14. Шокарева Т.В., Шокарев К.В. Построение учебного процесса и дизайн домашних заданий по английскому языку для студентов вузов в условиях искусственного интеллекта: как сохранить учебный процесс честным и продуктивным // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3(112). С. 209-214.
15. Щебельская Э.Г., Маер В.В. Применение искусственного интеллекта в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5(102). С. 76-81.

Automated learning analytics and adaptive testing in foreign language courses in higher education as a tool for personalizing learning trajectories

Natalia I. Yevtushenko

Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation Studies
Priazovsky State Technical University – branch of the National Research Moscow State University of Civil Engineering
Mariupol, Russia
lyovikevtushenko@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0601-1643

Tatiana A. Kirichenko

Assistant, Department of Linguistics and Translation Studies
Priazovsky State Technical University – branch of the National Research Moscow State University of Civil Engineering
Mariupol, Russia
t-a-t-a@internet.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 18.11.2025

Accepted 25.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/v2738-7577-1448-a

EDN ONMMVS

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article is devoted to the integration of automated learning analytics and computer-adaptive testing in university English language courses as a mechanism for personalizing learning amid high heterogeneity of academic groups in non-linguistic majors. It examines the transition from linear methods to a modular course architecture capable of reconfiguration based on learners' digital footprints in the LMS, where feedback and assessment are treated as means of navigation and support, rather than merely control. The implementation on

the Moodle platform with enhanced event logging and adaptive task presentation is described; adaptation relies on models of modern testing theory (particularly Rasch and Birnbaum approaches) and a calibrated bank of 4500 test items, refined as responses accumulate. Analysis of logs (over 3,5 million events), attestation results, and content interaction metadata is supplemented by statistical procedures (correlations, clustering of learning strategies, group comparisons). It is shown that personalized trajectories enhance productivity: with less time in the system, students complete more modules and demonstrate higher average scores, as well as lower result variability, interpreted as leveling of preparation without loss of motivation among strong learners. Improvements in psychometric characteristics of adaptive testing are identified: expansion of difficulty range, increase in discriminability, reduction in standard error of measurement, and shortening of test length with increased reliability. Deferred control after three months records higher vocabulary retention, sharp reduction in the share of systematic grammatical errors, and decreased test anxiety, linked to individualized repetition and prevention of knowledge gap accumulation. Pedagogical implications are emphasized: reallocation of time toward communicative practices, strengthening of the teacher's diagnostic role, as well as the importance of algorithm transparency and data ethics for the proper application of personalized assessments.

Keywords

learning analytics, adaptive testing, personalization of learning, Moodle (LMS), modern testing theory (IRT).

References

1. Abal'yan Ж.А., Pivneva С.В. Potential and risks of using artificial intelligence in higher education in teaching foreign languages in the professional sphere // World of science, culture and education. 2024. № 3 (106). pp. 5-7.
2. Avramenko А.П., Bulanova Е.Р. Prospects for the development of students' independent work in the context of integrating artificial intelligence technologies into foreign language education // Rhema. 2024. № 1. pp. 79-91.
3. Antonova Ю.Н., Borodko В.А. The role of artificial intelligence in forming a comfortable language environment for foreign students // Orel State University scientific notes. 2025. № 2(107). pp. 240-243.
4. Barinov А.М., Romanov А.В. The impact of artificial intelligence on the use and study of the English language // Philological aspect. 2024. № S6(29). pp. 6-13.
5. Garifova О.А., Khusainova М.А. Use of artificial intelligence in teaching foreign languages to students of non-linguistic universities // South Ural State University bulletin. Series: Education. Educational sciences. 2024. Т. 16. № 2. pp. 108-116.
6. Glotova А.В. Application of generative artificial intelligence tools in the process of forming sociolinguistic and linguocultural competencies of university students // Dictum – Factum: from research to strategic decisions. 2025. № 10. pp. 68-72.
7. Egorova Е.В., Vershinina А.В. Integration of generative artificial intelligence technologies into project assignments for developing foreign language communicative competence of students in non-linguistic fields // Global scientific potential. 2025. № 3-2(168). pp. 52-55.
8. Karpovich И.А., Krepkaya Т.Н., Medvedeva О.Д., Voronova Л.С., Ivanova Т.Н. Teachers' readiness to use artificial intelligence technologies in foreign language training of students at non-linguistic universities // Pedagogy. Issues of theory and practice. 2025. Т. 10. № 7. pp. 935-944.
9. Klimen'tev Д.Д., Климентьева В.В. Increasing the efficiency of university students' independent work in mastering a foreign language through the use of neural networks // Translation and intercultural communication: theory and practice. 2025. № S16. pp. 23-30.
10. Kodrle С.В. Didactic possibilities of artificial intelligence in studying a foreign language: students' opinion // CITISE. 2025. № 3(45). pp. 601-614.
11. Rel'yan Н.А. Application of artificial intelligence in teaching English at a non-linguistic university // Modern pedagogical education. 2024. № 11. pp. 367-370.

12. Simeonova H.M. On the issue of applying artificial intelligence in the process of studying a foreign language at a non-linguistic university // World of science, culture and education. 2025. № 1(110). pp. 100-102.
13. Cherkasova Л.Н. Artificial intelligence as a breakthrough into the future or robotization of youth (on the example of studying foreign languages at university) // Kazan science. 2025. № 4. pp. 263-266.
14. Shokareva T.B., Shokarev K.B. Building the educational process and designing homework in English for university students in the context of artificial intelligence: how to keep the learning process honest and productive // World of science, culture and education. 2025. № 3(112). pp. 209-214.
15. Shchebel'skaya Э.Г., Maer B.B. Application of artificial intelligence in teaching a foreign language at a non-linguistic university // World of science, culture and education. 2023. № 5(102). pp. 76-81.

Образовательные траектории и стратегии адаптации работников профессий с ранним завершением карьеры

Полина Игоревна Ананченкова

кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, докторант

Государственный морской университет имени адмирала Ф.И. Ушакова

Новороссийск, Россия

ananchenkova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3683-5168

Поступила в редакцию 10.12.2025

Принята 20.01.2026

Опубликована 30.01.2026

УДК 374

DOI 10.25726/j9068-5005-1994-w

EDN MKGGKD

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В ряде профессиональных сфер – спорт высоких достижений, исполнительские искусства (балет, профессиональный танец), вооруженные силы, а также физически тяжёлые и опасные виды труда (полиция, пожарные, отдельные производства) – карьерная траектория изначально ограничена во времени и характеризуется повышенными рисками раннего завершения профессиональной деятельности. Международные исследования показывают, что совокупность физической нагрузки, профессиональных рисков, организационных факторов и технологических изменений усиливает вероятность раннего выхода из профессии и возникновения потребности во «второй карьере». Цель работы – на основе анализа работ по раннему завершению карьеры, переходам к «второй карьере» и политике непрерывного образования концептуализировать образовательные траектории и стратегии адаптации работников из профессий с ранним выходом и предложить модель их поддержки в системе образования взрослых и корпоративного обучения. Методологической основой служит междисциплинарный подход, соединяющий исследования профессионального спорта и исполнительских искусств, военной и поствоенной занятости, трудовой политики и непрерывного образования. В работе показано, что эффективная поддержка смены профессии включает: встроенные в профессиональный путь модели «двойной карьеры», раннее и системное карьерное консультирование, доступ к программам дополнительного и высшего образования, а также специализированные переходные программы (transition programs) для военных, спортсменов и работников физически тяжёлых профессий. Научная новизна работы заключается в том, что в ней сформулирована концептуальная модель образовательных траекторий, сочетающая институциональный, корпоративный и индивидуальный уровни, и обозначены направления развития политики в области непрерывного образования и управления карьерными переходами. Практическая значимость данной статьи заключается в том, что она формирует концептуальные и прикладные ориентиры для разработки образовательной, кадровой и социальной политики в отношении работников профессий с ранним завершением карьеры. статья способствует практическому решению социально значимой проблемы – снижению рисков профессиональной и социальной уязвимости работников из профессий с ранним завершением карьеры за счёт развития системных образовательных и карьерных механизмов поддержки их профессиональных переходов.

Ключевые слова

раннее завершение карьеры, вторая карьера, профессиональные переходы, непрерывное образование, двойная карьера спортсменов, военная служба, исполнительские искусства, переобучение взрослых.

Введение

Для части профессий временные рамки карьеры структурно заданы самим характером труда. К числу таких сфер относятся высокое достижение в спорте и профессиональный балет, где пик формы приходится на относительно ранний возраст; вооружённые силы, где действуют возрастные и медицинские ограничения; полиция, пожарные, ряд промышленных и сервисных профессий с высокой физической и психоэмоциональной нагрузкой. Обзор исследований по раннему выходу из трудовой жизни показывает, что для работников физически тяжёлых и опасных профессий вероятность досрочного ухода с рынка труда и раннего выхода на пенсию статистически выше, чем для занятых в менее нагруженных видах деятельности (Stengård et al., 2022).

Одновременно ускоряющаяся автоматизация и цифровизация труда перераспределяют спрос на компетенции и повышают значимость образовательных стратегий, способствующих профессиональной мобильности в среднем и позднем возрасте (Casas, Román, 2023).

Для работников профессий с ранним завершением карьеры это означает необходимость заблаговременно планируемой смены вида деятельности и освоения «второй карьеры», что требует институционализированных форм образовательной поддержки.

В международной повестке эта проблематика наиболее разработана в отношении спортсменов (концепция «дуальная карьера» – сочетание спорта и образования/работы) (EU Guidelines on Dual Careers of Athletes, 2012) и военнослужащих, для которых во многих странах создаются специализированные программы перехода к гражданской занятости (Transition Assistance Program, Career Transition Partnership и др.). В исполнительских искусствах (балет, современный танец) развиваются модели центров карьерных переходов, поддерживающих профессионалов на выходе из сцены (Baumol, Jeffri, Throsby, 2004).

Материалы и методы исследования

Исследование носит теоретико-методологический и обзорно-аналитический характер и опирается на междисциплинарный подход, объединяющий социологию труда, экономику занятости, педагогику взрослых и спортивную/военную социологию. В методическом плане использовался комплекс взаимодополняющих методов. Во-первых, применялся систематический и сравнительно-сопоставительный анализ литературы, во-вторых, использовался структурно-функциональный анализ моделей образовательной и карьерной поддержки, описанных в литературе и нормативных документах, в-третьих, применялся типологический и классификационный анализ, позволивший вычлнить типичные образовательные траектории и стратегии адаптации (заблаговременное планирование второй карьеры, использование трансферных компетенций, опора на ресурсы профессиональных сообществ и т.п.).

Использование сочетания сравнительно-аналитических, структурно-функциональных и моделирующих методов позволило не только описать существующие практики и подходы к поддержке «вторых карьер», но и предложить целостную концептуальную рамку, в которой образовательные траектории рассматриваются как системный механизм адаптации работников профессий с ранним завершением карьеры к смене профессиональной идентичности и полю деятельности.

Результаты и обсуждение

В литературе о раннем завершении карьеры можно выделить три взаимосвязанных блока:

1. Структурные факторы раннего выхода – физические и когнитивные требования профессии, высокие риски травм, воздействие опасных факторов производственной среды, регламентированные возрастные и медицинские ограничения. Исследования по физически тяжёлым

профессиям показывают, что высокие физические нагрузки и производственные риски повышают вероятность досрочного выхода, даже при контроле состояния здоровья (Stengård at all, 2022).

2. Профессионально-биографические модели – карьеры, изначально проектируемые как краткосрочные или «ранние» (спорт, балет, часть военных и силовых профессий). Здесь раннее завершение карьеры является нормой, а не исключительно следствием ухудшения здоровья; ключевым становится вопрос институционализации образовательных и карьерных стратегий «после» основной профессиональной фазы (Stambulova at all, 2023).

3. Политика активного и профессионального долголетия – стремление систем социальной защиты и рынка труда удерживать работников старших возрастов в занятости, что в отношении профессий с ранним завершением карьеры трансформируется в политику поддержки смены профессии и перехода в менее нагруженные виды деятельности (OECD Employment Outlook, 2025).

Общей рамкой служит концепция непрерывного образования и права на обучение на протяжении жизни, подчёркивающая, что образовательные системы должны обеспечивать возможность многократных профессиональных переходов и обновления компетенций в разные возрастные периоды.

Рассмотрим основные группы профессий с ранним завершением карьеры.

1. Профессиональный спорт. Карьерный путь элитных спортсменов характеризуется ранним началом специализации, высокой интенсивностью тренировок и соревнований и, как правило, завершением активной спортивной деятельности в возрасте 30–35 лет (а в ряде дисциплин – существенно раньше). Исследования подчёркивают высокие риски травм, нестабильность доходов и сложности перехода в «обычную» трудовую жизнь (Zhou, Zhang, 2024).

Работы, посвящённые второй карьере спортсменов и их образовательным стратегиям, показывают, что уровень образования и наличие поддерживающих институтов (университетские программы, дуальные модели «спорт + образование») являются ключевыми ресурсами успешного перехода (Varmus at all, 2025; Миронцов, 2020).

Развитое направление исследований касается «дуальной карьеры» – совмещения спортивной карьеры с получением образования и/или трудовой занятостью. «Руководящие принципы ЕС по дуальной карьере спортсменов» (EU Guidelines on Dual Careers of Athletes) формулируют комплекс рекомендаций по созданию благоприятных условий для совмещения спорта и обучения: гибкие учебные планы, дистанционные форматы, стипендиальные программы, карьерное консультирование и переходные схемы (EU Guidelines on Dual Careers of Athletes, 2012).

2. Исполнительские искусства (балет, профессиональный танец). Профессиональные танцовщики и артисты балета также сталкиваются с ранним завершением сценической карьеры вследствие экстремальной физической нагрузки и высоких требований к телесной форме. Международные исследования перехода танцовщиков к постсценической занятости демонстрируют структурный характер проблемы и необходимость специализированных центров карьерного перехода.

Такие центры предоставляют услуги по карьерному консультированию, психологической поддержке, финансированию образования, стажировкам в новых сферах. Модель «центров карьерного перехода» рассматривается как образец институциональной поддержки работников с ранним завершением карьеры (de Castro, 2023).

3. Военная служба и силовые структуры. Военная служба, особенно в боевых подразделениях, а также служба в полиции и пожарных подразделениях, относится к профессиям с повышенными физическими и психологическими рисками и жёсткими возрастными и медицинскими ограничениями. Международная практика включает широкий спектр программ перехода к гражданской жизни и занятости: «Программа помощи в переходный период» (Transition Assistance Program) (США), «Партнерство по переходу к карьерному росту» (Career Transition Partnership) (Великобритания), национальные программы переобучения и реабилитации ветеранов в странах Европы и СНГ.

Исследования подчёркивают, что для бывших военнотружеников смена профессии сопряжена не только с необходимостью приобретения новых компетенций, но и с трансформацией идентичности и сложными психосоциальными адаптационными процессами; это требует сочетания образовательных, консультативных и психологических мер (Щипаков, 2023).

4. Физически тяжёлые и опасные виды труда. К этой группе относятся строительные и монтажные профессии, горнодобывающая отрасль, ряд производственных и сервисных профессий, а также некоторые медицинские специальности. Обзоры по раннему выходу на пенсию при физически трудоемких профессиях показывают, что повышение пенсионного возраста без учёта специфики таких профессий приводит к росту неравенства и усиливает необходимость специальных механизмов раннего выхода или смены профессиональной сферы (Geyer at all, 2021).

Однако исследования в этой сфере пока в меньшей степени разработаны в части образовательных стратегий перехода; чаще анализируются пенсионные режимы, компенсации и вопросы охраны труда.

Анализ литературы позволяет выделить несколько типичных образовательных траекторий и стратегий адаптации работников из профессий с ранним завершением карьеры.

1. Модели «двойной карьеры» и встроенное образование.

Для спортсменов и частично для артистов балета ключевой стратегией выступает модель «дуальной карьеры», предполагающая параллельное развитие спортивной/сценической и образовательной траекторий. «Руководящие принципы ЕС по дуальной карьере спортсменов» и последующий европейский дискурс по карьерному развитию подчёркивают необходимость координации усилий образовательных учреждений, спортивных федераций и работодателей: гибкие учебные планы, дистанционное и модульное обучение, признание результатов неформального и информального обучения, карьерное консультирование и сопровождение перехода.

Эмпирические исследования показывают, что наличие высшего или профессионального образования существенно повышает качество так называемой «второй карьеры» бывших спортсменов, снижает риск временной и долгосрочной профессиональной маргинализации и облегчает интеграцию на рынке труда.

2. Специализированные программы карьерного перехода.

Для военнослужащих и ветеранов широко применяются специализированные переходные программы, включающие:

- оценку компетенций и трансферных навыков;
- краткосрочные и среднесрочные курсы профессиональной подготовки;
- участие в стажировках и программах профессиональных тренингов;
- сопровождение трудоустройства и карьерное консультирование.

На постсоветском пространстве аналогичные подходы развиваются в программах профессиональной адаптации уволенных в запас военнослужащих и экспериментальных проектах по обучению ветеранов на базе образовательных учреждений.

В исполнительских искусствах центры карьерного перехода обеспечивают консультации, финансирование обучения, стипендии, помощь в поиске образовательных программ и стажировок, что позволяет танцовщикам выстраивать новую профессиональную идентичность.

3. Непрерывное обучение и профессиональная ориентация в середине карьеры.

Исследования по непрерывному обучению подчёркивают, что успешная смена профессии в среднем возрасте требует сочетания доступных образовательных возможностей и систем карьерного консультирования. Работа S. Haasler и A. Barabasch демонстрирует, что в контексте Германии и Дании критическим ресурсом являются обзоры в середине карьеры, индивидуальные карьерные планы и доступ к общественным и корпоративным программам переобучения (Haasler, Barabasch, 2015).

Доклады OECD и UNESCO, посвящённые непрерывному образованию и праву на обучение, фиксируют сдвиг от модели «однократного» образования к концепции «обучения в течении всей жизни для всех», где отдельным направлением выступают политики поддержки взрослых в профессиональных переходах.

Для работников профессий с ранним завершением карьеры это означает, что образовательная траектория должна рассматриваться не как постфактум реакция на окончание основной карьеры, а как структурный элемент профессионального пути (обучение «до», «во время» и «после» основной фазы).

4. Индивидуальные стратегии и ресурсы адаптации.

Эмпирические исследования показывают, что успешность перехода к новой профессии определяется комбинацией:

- уровня формального образования;
- наличия трансферных компетенций (коммуникация, лидерство, дисциплина, стрессоустойчивость);
- социально-экономических ресурсов (сбережения, поддерживающие сети, доступ к программам);
- субъективных установок на обучение и готовность к изменению идентичности.

В работах по «второй карьере» спортсменов отдельно подчёркивается значение «образовательного капитала» (не только дипломов, но и освоенных стратегий учения, навыков самоорганизации), накопленного в период спортивной карьеры.

На основе проведенного анализа можно предложить трёхуровневую модель образовательной поддержки работников из профессий с ранним завершением карьеры (рисунок 1).

Уровневая модель поддержки работников из профессий с ранним завершением карьеры

Институциональный уровень (образовательная и социальная политика):

- признание специфики профессий с ранним завершением карьеры в политике непрерывного образования и профессионального обучения взрослых;
- разработка целевых программ (стипендии, гранты, квоты) для бывших спортсменов, военных, работников физически тяжёлых профессий;
- интеграция принципов «dual career» в образовательные стандарты и нормативные документы;
- поддержка центров карьерного перехода и карьерного консультирования.

Корпоративный уровень (работодатели и профессиональные организации)

- создание корпоративных программ переобучения и «мягкого перехода» (сокращение физической нагрузки, перевод в обучающие и консультативные роли, внутренняя мобильность);
- партнёрство с образовательными организациями для разработки специализированных программ (сертификаты, модульные курсы, стажировки);
- внедрение систем раннего карьерного консультирования и mid-career reviews для работников в группах риска;
- развитие корпоративных культур, поддерживающих обучение взрослых и не стигматизирующих смену профессии.

Индивидуальный уровень (стратегии работника)

- построение индивидуальной образовательной траектории, включающей формальное, неформальное и информальное обучение;
- раннее планирование «второй карьеры» (до наступления критического возраста или ухудшения здоровья);
- активное использование ресурсов карьерного консультирования и программ переобучения;
- развитие навыков самообучения и цифровой грамотности как универсального ресурса профессиональной мобильности.

Рисунок 1. Модель образовательной поддержки работников из профессий с ранним завершением карьеры

Модель предполагает, что образовательные траектории не могут быть сведены к индивидуальному выбору работника; они формируются в пространстве возможностей, задаваемом политикой, корпоративной практикой и специфическими институтами поддержки перехода (центры второй карьеры, программы для ветеранов, фонды поддержки артистов и спортсменов).

Заключение

Проведённый анализ показал, что профессии с ранним завершением карьеры образуют специфический сегмент рынка труда, в котором ограниченность временного горизонта профессиональной деятельности является не случайным отклонением, а структурной характеристикой самой профессии. К таким видам деятельности относятся спорт высоких достижений, профессиональный балет и современный танец, военная служба и часть силовых структур, а также физически тяжёлые и опасные виды труда. Общим для них является сочетание высоких физических и психоэмоциональных нагрузок, повышенных рисков травматизации, жёстких медицинских и возрастных требований и, как следствие, высокая вероятность досрочного выхода из профессии. В условиях ускоряющейся цифровизации и трансформации рынка труда отсутствие заранее выстроенных образовательных и карьерных стратегий для представителей этих профессий ведёт к существенным рискам профессиональной и социальной уязвимости на «втором» жизненном этапе.

Рассмотрение международных и отечественных подходов позволило выделить ключевые механизмы смягчения данных рисков. К ним относятся, во-первых, институционализированные модели «двойной карьеры», обеспечивающие параллельное развитие профессиональной деятельности и образовательной траектории; во-вторых, специализированные программы карьерного перехода для спортсменов, военнослужащих и артистов, включающие оценку трансферных компетенций, переобучение, стажировки и сопровождение трудоустройства; в-третьих, системы непрерывного образования и карьерного консультирования, поддерживающие переходы в середине и на поздних этапах карьеры; в-четвёртых, корпоративные практики, рассматривающие переобучение и смену профессии как элемент кадровой стратегии, а не исключительно индивидуальную проблему работника. Предложенная трёхуровневая модель образовательной поддержки – на институциональном, корпоративном и индивидуальном уровнях – демонстрирует, что эффективные образовательные траектории формируются в пространстве возможностей, задаваемом согласованным взаимодействием государственной политики, работодателей и систем образования взрослых.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием типологий профессиональных траекторий в профессиях с ранним завершением карьеры, эмпирической оценкой эффективности конкретных программ «второй карьеры» для различных профессиональных групп, сравнительным анализом национальных моделей поддержки переходов, а также разработкой индикаторов качества и устойчивости образовательных траекторий и «вторых» карьер. Полученные результаты могут служить теоретической основой для совершенствования политики непрерывного образования и практик управления человеческими ресурсами в сферах, где раннее завершение основной профессиональной деятельности является неизбежным.

Список литературы

1. Миронцов И.В. Ресурсы для построения второй карьеры спортсменами: опыт социологического исследования // Журнал Белорусского государственного университета. Философия и психология. 2020. №2. С. 40-45.
2. Тараканова О.И. Необходимость социальной адаптации спортсменов, завершивших спортивную карьеру // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. №3(205). С. 467-471.
3. Щипаков В.Э. Особенности профессиональной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, как элемент ресоциализации // Теория и практика общественного развития. 2023. №11(187). С. 152-158. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.18>
4. Baumol W.J., Jeffri J., Throsby C.D. Making changes: facilitating the transition of dancers to post-performance careers. New York: aDvANCE Project, 2004. 269 p.

5. Casas P., Román C. Early retired or automatized? Evidence from the survey of health, ageing and retirement in Europe // *The Journal of the Economics of Ageing*. 2023. №24. 100443. <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2023.100443>
6. de Castro F.B. Career transition of dancers in Portugal: An exploratory study supporting the need for a program for development and career transition in dance // *The Psychologist Practice & Research Journal*. 2023. №6(1). Pp. 1-11. <https://doi.org/10.33525/pprj.v6i1.106>
7. EU Guidelines on Dual Careers of Athletes. Recommended policy actions in support of dual careers in high-performance sport. Brussels, 2012. 40 p.
8. EU Guidelines on Dual Careers of Athletes. Recommended policy actions in support of dual careers in high-performance sport. Brussels, 2012. 40 p.
9. Geyer J., Lorenz S., Zwick T., Bruns M. Early retirement of employees in demanding jobs: evidence from a German pension reform. *DIW Discussion Papers*. 2021. No. 1978. 49 p.
10. Haasler S., Barabasch A. The role of learning and career guidance for managing mid-career transitions: comparing Germany and Denmark // *British Journal of Guidance & Counselling*. 2015. №43(3). Pp. 306-322. <https://doi.org/10.1080/03069885.2015.1020758>
11. OECD Employment Outlook 2025: Can we get through the demographic crunch? Paris: OECD Publishing, 2025. 309 p. <https://doi.org/10.1787/194a947b-en>
12. Stambulova N., Wylleman P., Torregrossa M., Erpič S., Vitali F., de Brandt K., Khomutova A., Ruffault A., Ramis Y. FEPSAC Position Statement: Athletes' dual careers in the European context // *Psychology of Sport and Exercise*. 2023. №71. 102572. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2023.102572>
13. Stengård J., Virtanen M., Leineweber C., Westerlund H., Wang H.X. The implication of physically demanding and hazardous work on retirement timing // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. №19(13). 8123. <https://doi.org/10.3390/ijerph19138123>
14. Varmus M., Mičiak M., Toman D., Jastraban M., Kuljovský M., Sobol J., Tongel I., Zahumenská A. Athletes' education for their successful future career after sports—perspective of former athletes and potential employers // *Administrative Sciences*. 2025. №15(2). 46. <https://doi.org/10.3390/admsci15020046>
15. Zhou Y., Zhang Z. From athletic excellence to academic influence: a study of retired Chinese athletes transitioning into the higher education sector // *Frontiers in Psychology*. 2024. №15. 1401575. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1401575>

Educational trajectories and strategies for the adaptation of workers in professions with early retirement

Polina I. Ananchenkova

Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Doctoral student
Admiral F.I. Ushakov State Maritime University
Novorossiysk, Russia
ananchenkova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3683-5168

Received 10.12.2025

Accepted 20.01.2026

Published 30.01.2026

UDC 374

DOI 10.25726/j9068-5005-1994-w

EDN MKGGKD

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

In a number of professional fields – high-achievement sports, performing arts (ballet, professional dance), the armed forces, as well as physically demanding and dangerous types of work (police, firefighters, individual industries) - the career trajectory is initially limited in time and is characterized by increased risks of early retirement. International research shows that the combination of physical exertion, occupational risks, organizational factors and technological changes increases the likelihood of early retirement from the profession and the need for a "second career." Based on the analysis of work on early retirement, transitions to a "second career" and continuing education policy, conceptualize educational trajectories and strategies for the adaptation of workers from early-career professions and propose a model for their support in adult education and corporate training. The methodological basis is an interdisciplinary approach combining research on professional sports and performing arts, military and post-war employment, labor policy and continuing education. It is shown that effective career change support includes: "dual career" models built into the professional path, early and systematic career counseling, access to additional and higher education programs, as well as specialized transition programs for military personnel, athletes, and workers in physically demanding professions. A conceptual model of educational trajectories is formulated, combining institutional, corporate and individual levels, and the directions of policy development in the field of continuing education and career transition management are outlined. The practical significance of this article lies in the fact that it forms conceptual and applied guidelines for the development of educational, personnel and social policies for workers in professions with early retirement. The article contributes to the practical solution of a socially significant problem – reducing the risks of professional and social vulnerability of workers from professions with early retirement through the development of systemic educational and career support mechanisms for their professional transitions.

Keywords

early retirement, second career, professional transitions, continuing education, dual career of athletes, military service, performing arts, adult retraining.

References

1. Mirontsov I.V. Resources for building a second career by athletes: experience of sociological research // Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2020. No.2. Pp. 40-45.
2. Tarakanova O.I. The need for social adaptation of athletes who have completed their sports career // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2022. No.3(205). Pp. 467-471.
3. Shchipakov V.E. Features of professional adaptation of military personnel discharged as an element of resocialization // Theory and Practice of Social Development. 2023. No.11(187). Pp. 152-158. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.18>
4. Baumol W.J., Jeffri J., Throsby C.D. Making changes: facilitating the transition of dancers to post-performance careers. New York: aDvANCE Project, 2004. 269 p.
5. Casas P., Román C. Early retired or automatized? Evidence from the survey of health, ageing and retirement in Europe // The Journal of the Economics of Ageing. 2023. No.24. 100443. <https://doi.org/10.1016/j.jeo.2023.100443>
6. de Castro F.B. Career transition of dancers in Portugal: an exploratory study supporting the need for a program for development and career transition in dance // The Psychologist Practice & Research Journal. 2023. No.6(1). Pp. 1-11. <https://doi.org/10.33525/pprj.v6i1.106>
7. EU Guidelines on Dual Careers of Athletes. Recommended policy actions in support of dual careers in high-performance sport. Brussels, 2012. 40 p.
8. EU Guidelines on Dual Careers of Athletes. Recommended policy actions in support of dual careers in high-performance sport. Brussels, 2012. 40 p.
9. Geyer J., Lorenz S., Zwick T., Bruns M. Early retirement of employees in demanding jobs: evidence from a German pension reform. DIW Discussion Papers. 2021. No. 1978. 49 p.

10. Haasler S., Barabasch A. The role of learning and career guidance for managing mid-career transitions: comparing Germany and Denmark // *British Journal of Guidance & Counselling*. 2015. No.43(3). Pp. 306-322. <https://doi.org/10.1080/03069885.2015.1020758>
11. OECD Employment Outlook 2025: Can we get through the demographic crunch? Paris: OECD Publishing, 2025. 309 p. <https://doi.org/10.1787/194a947b-en>
12. Stambulova N., Wylleman P., Torregrossa M., Erpič S., Vitali F., de Brandt K., Khomutova A., Ruffault A., Ramis Y. FEPSAC position statement: athletes' dual careers in the European context // *Psychology of Sport and Exercise*. 2023. No.71. 102572. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2023.102572>
13. Stengård J., Virtanen M., Leineweber C., Westerlund H., Wang H.X. The implication of physically demanding and hazardous work on retirement timing // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. No.19(13). 8123. <https://doi.org/10.3390/ijerph19138123>
14. Varmus M., Mičiak M., Toman D., Jastraban M., Kuljovský M., Sobol J., Tongel I., Zahumenská A. Athletes' education for their successful future career after sports—perspective of former athletes and potential employers // *Administrative Sciences*. 2025. No.15(2). 46. <https://doi.org/10.3390/admsci15020046>
15. Zhou Y., Zhang Z. From athletic excellence to academic influence: a study of retired Chinese athletes transitioning into the higher education sector // *Frontiers in Psychology*. 2024. No.15. 1401575. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1401575>

Проблема самоидентификации студентов-журналистов в современной медиасреде

Владимир Вячеславович Борисов

Аспирант

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Калуга, Россия

borisov5959@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 12.11.2025

Принята 16.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 07.01

DOI 10.25726/16677-4724-1670-p

EDN NAGQCM

BAK 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается проблема самоидентификации студентов-журналистов в цифровую эпоху. Ведь именно журналист имеет роль важного игрока в информационном поле. Он одновременно является и потребителем, и создателем медиаконтента, который формирует новостную повестку, а также может существенно влиять на формирования общественных взглядов. Однако, чтобы формировать эту повестку, необходимо для начала смоделировать свои собственные ценности и найти со свою роль, которая в связи с технологическими изменениями может не раз пересматриваться. Учитывая, что сегодня журналистика постоянно находится в процессе трансформации своих форм и ценностей это особенно актуальная дискуссия. В статье исследуется, как на формирование идентичности будущего журналиста влияют определенные процессы, в частности использование цифровых технологий и социальных сетей, как могут меняться их профессиональные границы и этические ориентиры в новой медиасреде, и какое влияние оказывают современные инструменты и реалии медиасреды на изменение профессиональных установок журналиста, его функций и принципов работы. Кроме того, описаны рекомендации для преподавателей, которые составляют образовательную программу для студентов и являются их наставниками в начале профессионального пути.

Ключевые слова

самоидентификация, студенты-журналисты, медийная среда, интернет-культура, профессиональная идентичность, новые медиа.

Введение

Самоидентификация является одним из ключевых элементов в становлении будущего журналиста. Именно этот процесс помогает осознать свою роль и найти те ориентиры, которые будут определять принципы работы и место в профессии. За последние годы медиасреда меняется как никогда чаще, учитывая перемены не только в цифровой, но и в политической картине мира. Сегодня традиционный фундамент, который основан на проверке фактов, соблюдении этических норм и беспристрастности уже не такой прочный. И как раз во многом из-за развития медиасреды, благодаря которой появились новые форматы, например блогинг.

Поэтому в данной работе мы выделим и проанализируем основные факторы, которые влияют на тот самый процесс самоидентификации студентов-журналистов.

Материалы и методы исследования

Для любого журналиста профессиональная самоидентификация играет существенную роль в формировании его социокультурной принадлежности как личности. В условиях современной среды и создания новых форматов важно как можно скорее определить свою роль и найти ценностные ориентиры в профессии. Это поможет студентам отождествлять себя с представителями данного ремесла и определить свои профессиональные потребности.

Процесс самоидентификации в профессии непосредственно связан с поиском личной идентичности, поскольку человек не может отделить свою работу от своего культурного образа в социуме. Он способствует развитию личности в целом и выступает как карьерный переход от понимания себя как профессионала к образу идеального профессионала.

Н.А. Перинская в своей работе определяет понятие «профессиональной идентичности» как результата социализации индивида в профессиональной среде и освоения определённой профессии. Она также подчеркивает: «Интеграция индивида в профессиональную среду происходит через познание определенных профессиональных знаний, навыков, умений, накопление профессионального опыта, овладение стандартами, ценностями, языком профессионального сообщества, приобщение к соответствующей субкультуре. Особой чертой профессиональной социализации является то, что она предполагает наличие определенной профессии и происходит с индивидом, уже сформировавшимся как личность» (Перинская, 2018).

Как отмечают В.Ф. Олешко и Е.В. Олешко в своем исследовании: «Самоидентичность нужно рассматривать не просто как действенное самоопределение индивида, но и как развитие субъекта, осознающего призвание к профессии и отождествляющего себя со своим делом» (Агеенко, 2007). И с таким тезисом нельзя не согласиться. Самоидентификация – это непрерывный процесс, тем более в нынешней медиасреде, где активное присутствие и взаимодействие в соцсетях усиливает индивидуализацию, может не раз заставлять переосмыслить ценностные ориентиры и требует постоянной адаптации к новым условиям.

Результаты и обсуждение

В связи с такой частой трансформацией на первый план в модели, на которой строится формирование самоидентификации будущих журналистов выходят внутренние детерминанты профессиональной идентичности: поиск истины, способность быть готовым к профессиональным вызовам, система моральных ценностей и др. Однако по этому вопросу нет единого и четкого мнения.

Говоря о структуре или об уровнях профессиональной идентичности В.Е. Каманина выделяет такие параметры как когнитивный, где превалирует квалификация, т.е образование и профессиональный опыт, ценностный – нормы и ценности, личностный, который включает в себя гражданскую позицию и собственные амбиции (Борзиева, 2018, с. 90).

Другие исследователи представляют свои концепции, которые имеют схожие черты. Е.А. Климов в своей работе больше опирается на когнитивный уровень. Он подчеркивает, что самоидентичность журналиста непосредственно связан с его профпригодностью. Поэтому первая ступень, на которую встает начинающий журналист, обозначается как временная непригодность к профессии, а финальная точка именуется как призвание, когда человек творчески уже начинает самореализовываться. (Журналистика, 2022, с. 480).

Иной подход у Е.Ю.Мазур, который определяет уровень сформированности журналиста по трем показателям:

- 1) осознание собственных качеств, т.е личностный уровень
- 2) принятие норм и стандартов внутри журналистского сообщества
- 3) понимание своей социальной роли и миссии (Каманина, 2019, с. 74).

Эти три показателя тесно связаны между собой, и их развитие в процессе образовательного процесса происходит параллельно. Образование помогает студентам осознать свою личность и профессиональные качества (первый показатель), способствует принятию профессиональных норм

(второй показатель), а также помогает выработать понимание своей социальной миссии как журналиста (третий показатель).

Исследователь А.М. Сосновская, отождествляя профессиональную идентичность с социальной, выделяет 5 измерений: «Политическое измерение. Люди считают себя гражданами и представителями народа. Социальное измерение. Люди идентифицируют себя в рамках социальных ролей (отцы, дети, преподаватели и т.д.). Культурное измерение. Люди идентифицируют себя как представителей социальных групп (часто определяемых в рамках семиотических систем различий, как черных и белых, мужского и женского). Психологическое измерение. Психологически люди идентифицируют себя, со своей индивидуальностью и самостью. Экономическое измерение. Экономически люди рассматривают себя как потребителей и как представителей аудитории» (Кулакова, 2019, с. 47).

На наш взгляд, одним из компонентов, который сегодня серьезно влияет на самоидентификацию журналистов - это социальные медиа. Именно из-за их развития и популярности студенты-журналисты становятся более подвержены влиянию общественных трендов и культурных изменений. Нельзя отрицать, что социальные медиа являются мощным ресурсом, который в положительном ключе изменил профессию. Журналистика стала быстрее, у специалистов появились новые инструменты для поиска информации, стало проще взаимодействовать с аудиторией и т.д. Однако существует и ряд негативных последствий. Например, границы между традиционными СМИ и новыми платформами становятся всё более размытыми. Нередко начинающим журналистам приходится приспосабливаться к хаотичному потоку информации, где его роль уже будет иметь коммерческий характер.

В нынешней медиасреде каждый кто публикует информацию может идентифицировать себя как журналиста, что заметно влияет на качество медиаконтента. Да, это помогает продвигать личный бренд, привлекать внимание к своей персоне, но в разы увеличивает количество непроверенных фактов. Во-первых, это приводит к конфликту между академическими ценностями журналистики и новой школой, а во-вторых, приводит к раздвоению профессиональной самоидентификации. Вроде бы человек имеет понимание единых профессиональных стандартов, однако в работе ориентируется на коммерческий успех.

Одним из таких феноменов социальных медиа, который заметно влияет на современный медиаландшафт журналистики – это блогерство. Благодаря этому феномену скорость передачи информация стала значительно быстрее, в роли носителя может выступать не только слово, а картинки, видеоклипы.

Многие блоги выполняют информационную функцию, а благодаря охватам и постоянно растущей аудитории становятся целыми интернет-СМИ. Площадками для таких социальных медиа становятся различные мессенджеры и видеохостинги, которые в отличие от традиционных средств передачи информации имеют ряд плюсов. Основные – это мгновенная публикация, немедленная обратная связь и менее жесткая цензура. Исследователь А. С. Кулакова считает, что как раз таки стремление к свободе слова и публичности, могут являться одними из ключевых компонентов профессиональной идентификации журналистов. Несомненно, возможность беспрепятственно получать, анализировать и представлять информацию аудитории, не подвергаясь жесткой цензуре, является фундаментом успешной профессиональной и творческой реализации для каждого журналиста. При этом, автор исследования подчеркивает, что значительную роль в становлении устойчивой профессиональной позиции играет специализированное высшее образование. Именно университеты и институты должны выступать в качестве платформы для творческой интерпретации реальности, обмена мнениями и свободного профессионального общения (Пидкасистый, 2014, с. 27).

Все это влияет на качество информации, о чем сейчас многие журналисты забывают в своей работе. Отсутствие фильтров и регулирования цензуры внутри редакций приводят к снижению доверия социальных медиа. И как раз одним из самых популярных каналов распространения таких фейк-ньюс становятся соцсети и мессенджеры, например, Telegram. Фальшивые новости превращаются в мощный инструмент пропаганды и манипуляции, что усложняет борьбу с этим явлением. Их ключевая задача – добиться эмоционального отклика у аудитории, вызвать определенную эмоцию. Это может быть гнев,

страх или наоборот радость, восхищение. При этом под влиянием эмоций аудитория уже не особо и задумывается о том, а достоверна ли эта информация.

Примером могут быть кликбейтные заголовки, где журналист преувеличивает или искажает какие-то факты, чтобы сразу захватить внимание аудитории. И этим, к сожалению, грешат многие журналисты. Кликбейт создаёт ощущение ложного нарратива, что вся информация, представленная в интернете, манипулятивна и направлена на привлечение кликов, а не на информирование. Многие читатели воспринимают ту или иную информацию через упрощенные образы, уже устоявшиеся стереотипы. Поэтому принимая решение, а доверять ли мне этой информации они часто делают на эмоциях.

Один из самых популярных методов – манипуляция через страх. Например, в публикациях на медицинскую тематику журналисты пытаются привлечь внимание подобными формулировками: «Врачи раскрыли ужасную правду о вашем здоровье», «90% людей игнорируют эти симптомы» и так далее. У читателя может возникнуть ощущение, что если он кликнет по ссылке и перейдет на материал, то он получил какую-то уникальную информацию. Однако на деле это не так.

То же самое можно заметить и в публикациях на политическую тематику. Многие журналисты часто используют в заголовках слова: «эксклюзив», «катастрофа», «секретные данные», манипулируя общественным сознанием и вызывая такие эмоции как любопытство, интерес.

Поэтому ответной мерой на тренд фальшивых новостей должна стать популяризация проверки фактов, в том числе во время образовательного процесса. Именно этот аспект способен планомерно восстановить доверие к журналистике.

Трансформация самих профессиональных стандартов в журналистике также является одним из ключевых факторов, влияющих на процесс самоидентификации. Под профессиональным стандартом мы понимаем социокультурные и исторические, правовые и этические, технические и рутинные нормы работы в журналистской профессии. Реализуются они как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

В процессе обучения у большинства журналистов создается единое представление касательно своих обязанностей и тех стандартов, которым они должны следовать. Однако эти стандарты могут меняться, например, в зависимости от политики издания. В своей работе Г.Лазутина отмечает: «В современной медиасистеме функционируют СМИ с различными представлениями об их общественной миссии и каждое издание работает по принципу официальной идеологии. Например, у деловых сильная коммерческая основа, у оппозиционных стратегия связана с критикой правящей партии и органов управления» (Мазур, 2014, с. 17).

Коммерциализация журналистики одна из главных проблем новых медиа. Целые редакции могут представлять своего рода коммерческие предприятия, у которых главная задача - принести прибыль, а не быть неким проводником важной общественной информации. Такая политика лишь увеличивает долю «желтой» журналистики, устраивает гонку за лайками и охватами, игнорирует социально-значимые темы, которые заменяются рекламой. Это ставит перед будущими журналистами задачу балансировать между этическими нормами и требованиями цифрового рынка, где важно не только сообщить о событии, но и привлечь внимание аудитории.

Поэтому нередко может возникнуть диссонанс между фундаментальными принципами, которые прививали студенту на первых курсах учебы в университете и реальной ситуацией в медиасреде, где экономическая устойчивость выходит на первый план, а эмоциональная окраска и личные взгляды важнее объективной информации. Несмотря на наличие фундаментальных стандартов и этических кодексов в профессии, такие вещи не имеют сакрального значения для многих журналистов.

В современной медиасреде стерлись границы между блогами и профессиональными ресурсами. Личное мнение медийной личности или журналиста у себя в блоге может представляться в глазах аудитории как проверенный факт, на самом деле не являясь таковым.

Однако ключевую роль в процессе самоидентификации будущих журналистов играет образование, поскольку оно не только предоставляет им профессиональные навыки, но и формирует их восприятие журналистики как профессии, помогает студентам формировать свою профессиональную

идентичность. При этом речь идет не только о базовых навыках, например, написание статей или же проведение интервью, но и об развитии критического мышления в профессии, о своей сверхзадаче в ней.

С. С. Распопова полагает: «журналист должен иметь представление о системе ценностей человечества, ведь личность журналиста и его ценности имеют влияние на общественное сознание. Но «ценностное самоопределение личности - это всегда сугубо индивидуальный поиск ответов на жизненно важные, сущностные вопросы» (Научно-педагогические, 2021, с. 28). А также подчеркивает: «Не последнюю роль здесь играет преподаватель как носитель профессиональной деятельности - будущие журналисты «через ценностные отношения профессионалов к теории, а, значит, к моделям ситуаций из реальной жизни, получают ценностные ориентиры (свобода, правда, смысл жизни)». То есть развивают, таким образом, свою культурную компетентность» (Научно-педагогические, 2021, с. 30).

Преподаватель выступает не просто как источник знаний, а как хороший практик и образец профессионального поведения в журналистской среде. Он должен быть гибким, идя в ногу со временем, уметь анализировать актуальную медиасреду, тем самым трансформируя свою образовательную программу.

Именно преподаватель несет ответственность и представляет ценности конкретного педагогического коллектива, проводником академической культуры. Его задача не просто вести лекционные занятия и оценивать те или иные работы студентов, а отыскать потенциал и возбудить интерес у своих студентов к самостоятельному поиску знаний (Лазутина, 2018, с. 451).

В качестве основы для такой программы может быть как личный опыт самого преподавателя, так и опыт самих студентов. Именно на конкретных примерах и в конкретных профессиональных ситуациях студенты лучше усваивают те или иные профессиональные компетенции. Также можно с помощью специальных активностей на семинарских занятиях проработать трудности, которые возникают у студентов в их практике.

Еще один важный аспект - организация самостоятельной работы студентов. Они должны помочь будущим специалистам развить конкретные компетенции. Например, задачи на тему интервью позволяют «закрыть» такие компетенции, как продукт профессиональной деятельности, общество и государство, аудитория, эффекты. Здесь уже нет преподавателя как старшего товарища, который поможет принять правильное решение и проанализировать ситуацию, основываясь на свои профессиональные нормы и принципы. Такой опыт, где студент самостоятельно проживают ситуацию - обязательный этап становления идентичности.

Самостоятельная работа наиболее способствует формированию новых личностных характеристик, которые стоят во главе самоидентификации будущего журналиста. Он не просто понимает и выполняет поставленные перед ним задачи, а уже самостоятельно формулирует и расставляет свои профессиональные приоритеты.

Бесспорным плюсом самостоятельной деятельности является системный подход. Все происходит поэтапно. После того как студент знакомится потребляет большой объем теоретической информации, он начинает анализировать и применять свои знания, тем самым формируя навыки и умения, без которых будет попросту невозможно решить конкретные профессиональные задачи. Это постепенный и важный переход от одного профессионального уровня к другому – практическому. (Мазур, 2014, с. 315).

Одна из форм проверить себя в реальных условиях - это стажировка и практическая работа с реальными проектами. Такая деятельность позволит начинающему специалисту погрузиться в профессиональную среду и научить создавать контент, отвечающий на актуальные запросы общества. Также есть возможность попробовать себя в разных амплуа и выявить свои сильные стороны.

Однако стоит сказать и про то, что у такой формы самоидентификации есть определенные риски. Некоторые издания и редакции могут попросту не доверять студенту без опыта и на первых этапах изолировать его от реальных рабочих процессов. Например, поручают выполнить задания, которые никак не связаны с журналистикой (рассылка рекламных материалов, оформление документов и т.д).

Чтобы минимизировать такие риски студенту стоит заранее уточнить ожидания от сотрудничества, а также не бояться искать дополнительные возможности для практики и обратной связи от руководителя, чтобы в режиме реального времени делать работу над ошибками.

Заключение

Мы считаем, что самоидентификация будущих журналистов является сложным и непрерывным процессом, который представляет собой механизм вхождения в профессию. Один из основных факторов, влияющий на этот процесс – размывание профессиональных границ, который связан с развитием социальных медиа. В результате у многих студентов может возникнуть диссонанс, внутреннее противоречие между собственным мировоззрением и внешними условиями профессионализации и социализации.

Самоидентификация журналистов не может существовать без внедрения педагогических практик, технологий и методик. Чтобы наиболее эффективно определить профессиональные ориентиры в образовательном процессе программа должна быть максимально актуализирована.

Поэтому необходимо найти некий гибрид, где будут сохранены традиционные ценности и современные требования к профессии, учитывая активное развитие социальных медиа. Также стоит уделять особое внимание самостоятельной работе студентов. Это позволит создать устойчивую профессиональную идентичность на основе тех требований, которые предъявляются журналисту здесь и сейчас.

Список литературы

1. Агеенко Н.В. Подготовка студентов – будущих журналистов к соблюдению норм профессиональной этики: дис. ...канд. пед. наук. Самара, 2007. С. 188-190
2. Борзиева З.М. Ценностные ориентации современной молодежи // Молодой ученый. 2018. № 52(238). С. 247-248.
3. Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии // Мат. Межд. науч.-практ. конф. (18-19 ноября 2022 г., Санкт-Петербург). Под ред. С.Г. Корконосенко. СПб.: Медиапапир, 2022.
4. Каманина В.Е. Профессиональная идентификация современных журналистов: теоретические основы и реальные практики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 81-91.
5. Кулакова А.С. Новые технологии как фактор формирования профессиональной идентичности современного журналиста: автореферат дис. ... канд. Филол. наук. Воронеж, 2019. С. 27
6. Лазутина Г.В., Панкеев И.А. Саморегулирование в журналистике: уровни, аспекты, инструменты // МедиаАльманах. 2018. № 3. С. 14-22.
7. Мазур Е.Ю. Особенности влияния рефлексивности на профессиональную идентичность молодого специалиста на материале исследования прокурорских работников: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2014. 26 с.
8. Научно-педагогические школы журналистики в России. Под ред. С.Г. Корконосенко. СПб.: Алетейя, 2021.
9. Олешко В.Ф., Олешко Е.В. Структура и компоненты профессиональной идентичности журналиста. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. Ч. 2. С. 85-158.
10. Перинская Н.А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 209–211.
11. Пидкасистый П.И., Мижеригов В.А., Юзефовичус Т.А. Педагогика: учеб. для студ. Учреж. высш. проф. образ. Под ред. П.И. Пидкасистого. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2014. С. 315.
12. Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе. М.: Комитет гражданских инициатив, 2017. 32 с.
13. Пряжников Н.С. Психология труда. М.: Академия, 2009 С. 479-485

14. Распопова С.С. Подходы к развитию аксиологического потенциала личности будущего журналиста // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2011. Т. 2. № 8. С. 27-36.
15. Саенкова-Мельницкая Л.П. Преподаватель журфака: трансформация статуса // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. Межд. науч.-прак. конф. Под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Факультет журналистики МГУ, 2023. С. 451-452.
16. Сосновская А.М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб.: Роза мира, 2005. С. 228-234
17. Хубецова З.Ф. Российские научно-образовательные школы журналистики как часть мирового научного и образовательного процесса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15. Вып. 2. С. 312-326.

The problem of self-identification of journalism students in the modern media environment

Vladimir V. Borisov

PhD student

K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University

Kaluga, Russia

borisov5959@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 12.11.2025

Accepted 16.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 07.01

DOI 10.25726/16677-4724-1670-p

EDN NAGQCM

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the problem of self-identification of journalism students in the digital age. After all, it is the journalist who plays the role of an important player in the information field. He is both a consumer and a creator of media content that shapes the news agenda, and can also significantly influence the formation of public attitudes. However, in order to shape this agenda, it is necessary to first model your own values and find your own role, which may be reviewed more than once due to technological changes. Given that journalism is constantly in the process of transforming its forms and values, this is a particularly relevant discussion. The article explores how certain processes affect the formation of a future journalist's identity, in particular the use of digital technologies and social networks, how their professional boundaries and ethical guidelines may change in the new media environment, and what impact modern media tools and realities have on changing a journalist's professional attitudes, functions and principles of work. In addition, recommendations are described for teachers who create an educational program for students and are their mentors at the beginning of their professional career.

Keywords

self-identification, student journalists, media environment, Internet culture, professional identity, new media.

References

1. Ageenko N.V. Preparation of students – future journalists for compliance with the norms of professional ethics: dis. ... cand. of pedag. cien. Samara, 2007. pp. 188-190
2. Borzieva Z.M. Value orientations of modern youth // Young scientist. 2018. № 52(238). pp. 247-248.
3. Journalism of the XXI century: returning to professional ideology // Mat. International scientific and practical Conference (November 18-19, 2022, St. Petersburg). Ed. by S.G. Korkonosenko. SPb.: Mediapair, 2022.
4. Kamanina V.E. Professional identification of modern journalists: theoretical foundations and real practices // Proceedings of Tula State University. Humanities. 2019. № 3. pp. 81-91.
5. Kulakova A.S. New technologies as a factor in the formation of professional identity of a modern journalist: dis. ... cand. philol. cien. Voronezh, 2019. p. 27
6. Lazutina G.V., Pankeev I.A. Self-regulation in journalism: levels, aspects, tools // Media Almanac. 2018. No. 3. pp. 14-22.
7. Mazur E.Yu. Features of the influence of reflexivity on the professional identity of a young specialist based on the research of prosecutors: dis. ... cand. psychol. cien. Yaroslavl: Demidov Yaroslavl State University, 2014. 26 p.
8. Scientific and pedagogical schools of journalism in Russia. Ed. by S.G. Korkonosenko. SPb.: Aleteya, 2021.
9. Oleshko V.F., Oleshko E.V. The structure and components of a journalist's professional identity. The media as a mediator of communicative and cultural memory. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2020. Vol. 2. pp. 85-158.
10. Perinskaya N.A. Professional identity // Knowledge. Understanding. Ability. 2018. № 2. pp. 209-211.
11. Pidkasisty P.I., Mizherikov V.A., Yuzefavichus T.A. Pedagogy: textbook. for students. Institution. higher Prof. image. Ed. by P.I. Pidkasisty. 2nd ed., revis. and add. M.: Academy, 2014. p. 315.
12. Representations of journalists about the profession and the professional community. M.: Committee of Civil Initiatives, 2017. 32 p.
13. Pryazhnikov N.S. Psychology of labor, Moscow: Akademiya, 2009, pp. 479-485
14. Raspopova S.S. Approaches to the development of the axiological potential of the personality of a future journalist // Sign: a problematic field of media education. 2011. Vol. 2. № 8. pp. 27-36.
15. Saenkova-Melnitskaya L.P. Teacher of journalism: transformation of status // Journalism in 2022: creativity, profession, industry: mat. of the Inter. cien. and prac. conf. Ed. by E.L. Vartanova. M.: Faculty of Journalism, Moscow State University, 2023. pp. 451-452.
16. Sosnovskaya A.M. Journalist: personality and professional (psychology of identity). St. Petersburg: Rosa Mira Publ., 2005. pp. 228-234
17. Khubetsova Z.F. Russian scientific and educational schools of journalism as part of the global scientific and educational process // St. Petersburg University bulletin. Language and literature. 2018. № 15. Issue. 2. pp. 312-326.

Педагогический дизайн учебных модулей вуза по устойчивому развитию на основе компетентностного подхода и методики обратного проектирования

Татьяна Анатольевна Бузыкова

Старший преподаватель

Московская академия предпринимательства

Москва, Россия

ata1757@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 06.11.2025

Принята 18.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/e5612-8901-4984-f

EDN NGPNWZ

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

Статья посвящена педагогическому дизайну университетских учебных модулей по устойчивому развитию в условиях смещения высшего образования от трансляции содержания к проверяемым результатам обучения, требующим системного мышления и принятия решений при неопределенности. Показано, что метапредметный характер устойчивого развития вступает в противоречие с дисциплинарной логикой учебных планов и провоцирует разрыв между декларативными формулировками компетенций и реальными оценочными практиками, когда вместо навыков устойчивого проектирования контролируется знание терминов. В качестве проектировочного решения обоснована методика обратного проектирования, реализованная как трехстадийная схема согласования: фиксация ожидаемых результатов, конструирование приемлемых доказательств их достижения и последующее планирование учебного опыта и содержания. Описан комплекс процедур, обеспечивающих операционализацию компетенций через индикаторы и их встраивание в задания открытого типа (кейсы, проекты, эссе), допускающие множественность обоснованных решений и тем самым соответствующие контекстности проблем устойчивости. Сопоставление традиционных и спроектированных «от результата» модулей выявляет статистически достоверное преимущество последнего подхода: при сопоставимых стартовых показателях итоговая успешность решения комплексных ситуационных задач существенно выше, а вариативность результатов ниже, что интерпретируется как «гомогенизация» достижений и снижение роли случайных факторов, включая стартовые различия подготовки. Отдельно зафиксирован качественный сдвиг в структуре системного мышления: уменьшается доля фрагментарных и базовых уровней и возрастает представленность продвинутых и экспертных уровней, что подтверждается анализом ментальных карт и шкалированием. Параллельно усиливается субъективная оценка прозрачности требований, практической применимости и общей удовлетворенности; показана сильная связь ясности критериев оценивания с результативностью обучения, что указывает на управленческую значимость предварительно разработанных рубрик и на необходимость развития компетенций педагогического дизайна у преподавателей для масштабирования подхода на программы в целом.

Ключевые слова

педагогический дизайн, устойчивое развитие, компетентностный подход, обратное проектирование, системное мышление.

Введение

Современная парадигма высшего образования претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные необходимостью интеграции принципов устойчивого развития в профессиональную подготовку специалистов различного профиля. Глобальные вызовы экологического, экономического и социального характера требуют от выпускников вузов не простого набора знаний, а сформированного системного мышления и способности принимать решения в условиях неопределенности (Самигуллина, 2023). Традиционные линейные модели построения учебных курсов, ориентированные преимущественно на передачу контента, демонстрируют свою несостоятельность в формировании сложных междисциплинарных компетенций, необходимых для понимания концепции устойчивости. В этом контексте особое значение приобретает переосмысление подходов к педагогическому дизайну, где в центре внимания оказывается не процесс преподавания, а конкретные, измеримые результаты обучения, которые студент должен продемонстрировать по завершении образовательного модуля.

Сложность интеграции тематики устойчивого развития в учебные планы заключается в ее метапредметном характере, который часто вступает в противоречие с дисциплинарной структурой университетского образования. Преподаватели сталкиваются с дилеммой: как встроить объемный и многоаспектный материал в ограниченные временные рамки, не потеряв при этом глубины освоения профильных дисциплин (Клочко, 2024). Решение данной проблемы видится в использовании методики обратного проектирования (backward design), разработанной Г. Виггинсом и Дж. МакТаем, которая предполагает начало планирования с определения целевых результатов обучения, затем разработку оценочных средств и только после этого – выбор методов обучения и содержания. Такой подход позволяет обеспечить конструктивное согласование всех элементов образовательной системы и гарантировать, что заявленные компетенции будут не только декларированы, но и реально сформированы у обучающихся (Леонова, 2024).

Компетентностный подход, являющийся нормативной основой современного высшего образования, требует четкой операционализации образовательных целей. Однако на практике часто наблюдается разрыв между абстрактными формулировками компетенций в образовательных стандартах и реальным содержанием учебных дисциплин. Применение методики обратного проектирования в контексте образования для устойчивого развития позволяет преодолеть этот разрыв путем декомпозиции компетенций на конкретные индикаторы достижения и проектирования учебных заданий, непосредственно направленных на их формирование и оценку (Соколова, 2025). Это особенно важно для развития таких сложных навыков, как стратегическое мышление, антиципация (предвидение последствий) и нормативная компетенция, которые являются ключевыми для агентов устойчивого развития.

Педагогическое сообщество все чаще обращает внимание на то, что механическое включение тем по экологии или социальной ответственности в существующие курсы не приводит к формированию целостного мировоззрения. Необходима структурная перестройка самих учебных модулей, где логика развертывания содержания подчинена логике становления компетентности. Обратное проектирование выступает здесь как технологический инструмент, позволяющий сфокусировать учебный процесс на сущностных вопросах и понимании, а не на поверхностном запоминании фактов (Калимуллина, 2024). Внедрение данных принципов требует от преподавательского состава смены профессиональных установок и развития собственных компетенций в области педагогического дизайна, что само по себе является важной задачей университетского менеджмента.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база исследования формировалась на основе данных, полученных в ходе реализации экспериментальных учебных модулей в трех крупных университетах федерального значения в течение двух академических лет. Общая выборка респондентов составила 486 студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по направлениям «Экономика», «Инженерные системы» и «Педагогическое образование», а также 42 преподавателя, участвовавших в разработке и реализации данных модулей. Методологическим фундаментом работы послужил синтез компетентностного подхода

и модели обратного проектирования Understanding by Design (UbD). Для анализа эффективности разработанных модулей применялся комплекс методов, включающий контент-анализ рабочих программ дисциплин (всего проанализировано 124 документа), экспертную оценку оценочных средств на предмет их валидности и соответствия заявленным результатам обучения, а также лонгитудный мониторинг образовательных достижений студентов (Павлова, 2023).

В качестве инструментария для оценки уровня сформированности компетенций в области устойчивого развития использовалась модифицированная таксономия Блума, адаптированная под специфику целей устойчивого развития (ЦУР), а также шкалы оценки системного мышления и ценностных ориентаций. Сбор первичных данных осуществлялся посредством входного и итогового тестирования, анализа продуктов учебной деятельности студентов (проектов, кейс-стади, эссе) и структурированных интервью с преподавателями. Для обработки количественных данных применялись методы математической статистики, включая дисперсионный анализ (ANOVA) и расчет коэффициентов корреляции Пирсона, что позволило выявить статистически значимые зависимости между применением методики обратного проектирования и качеством образовательных результатов (Соколова, 2025).

Исследование базировалось на сравнении показателей экспериментальных групп, где обучение строилось по принципам обратного дизайна, и контрольных групп, обучавшихся по традиционным программам. Всего в библиографическом списке исследования задействовано 138 источников, из которых 45 относятся к зарубежной практике реализации ESD (Education for Sustainable Development).

Результаты и обсуждение

Ключевой проблемой, выявленной на диагностическом этапе, стало отсутствие согласованности между декларируемыми компетенциями и инструментами их оценки в традиционных курсах. Часто преподаватели, заявляя целью формирование навыков устойчивого проектирования, проверяли на экзамене лишь знание терминологии. Для преодоления этого диссонанса в экспериментальных модулях была применена трехстадийная модель проектирования: определение желаемых результатов (What), определение приемлемых доказательств (How) и планирование учебного опыта (With what). Анализ эффективности данного подхода потребовал выделения специфических индикаторов, отражающих не только когнитивный прирост, но и изменения в способах мышления студентов. В частности, мы сосредоточились на измерении способности к интеграции знаний из разных областей, что является критически важным для понимания проблем устойчивого развития.

Оценка когнитивной составляющей компетенций проводилась на основе решения студентами комплексных ситуационных задач, требующих применения знаний для анализа реальных кейсов устойчивого развития. Мы намеренно отказались от простых тестовых заданий закрытого типа в пользу заданий, предполагающих множественность правильных решений при условии их аргументации. Выбор именно этих показателей обусловлен тем, что устойчивое развитие – это область, где контекст имеет решающее значение, и способность адаптировать теоретические знания под конкретные условия является маркером профессионализма (Тиханова, 2024). Данные, отражающие динамику успешности решения таких задач в контрольных и экспериментальных группах, представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ успешности решения комплексных ситуационных задач по устойчивому развитию (в баллах по 100-балльной шкале)

Группа респондентов	Средний балл (входной контроль)	Средний балл (итоговый контроль)	Стандартное отклонение (σ)	Коэффициент вариации (%)	Медианное значение
Контрольная группа (n=243)	42,15	64,87	14.32	22,07	62.50
Экспериментальная группа (n=243)	41,89	79,43	9.15	11,52	81.15
t-критерий Стьюдента	0,28	13,46	-	-	-

Математический анализ представленных числовых данных свидетельствует о существенных структурных различиях в результатах обучения. Несмотря на практически идентичные стартовые показатели (разница составляет всего 0,26 балла, что статистически незначимо при $t=0,28$), итоговые результаты демонстрируют явное преимущество методики обратного проектирования. Прирост среднего балла в экспериментальной группе составил 37,54 пункта, тогда как в контрольной группе этот показатель равен 22,72 пункта. Особого внимания заслуживает анализ мер рассеяния: стандартное отклонение в экспериментальной группе (9,15) значительно ниже, чем в контрольной (14,32). Это, в совокупности с почти двукратным снижением коэффициента вариации (с 22,07 до 11,52%), указывает на гомогенизацию образовательных результатов. Иными словами, технология обратного дизайна позволяет «подтянуть» отстающих студентов и обеспечить гарантированное достижение базового уровня компетентности всей группой, минимизируя случайный характер образовательного успеха. Высокое значение t -критерия (13,46) при итоговом контроле подтверждает статистическую достоверность выявленных различий с вероятностью ошибки $p < 0,001$.

Следующим этапом анализа стала оценка сформированности системного мышления – компетенции, позволяющей видеть взаимосвязи между экономическими, социальными и экологическими компонентами систем. Для педагога высшей школы очевидно, что фрагментарность знаний является главным препятствием для формирования культуры устойчивости. В традиционных курсах темы часто даются изолированно, тогда как обратное проектирование предполагает создание «сквозных» вопросов и идей, связывающих модули воедино (Вяземский, 2024). Мы измеряли уровень системного мышления с помощью специализированного опросника и анализа ментальных карт, созданных студентами. Важно было понять, насколько студенты способны выявлять неявные связи и прогнозировать отложенные последствия принимаемых решений.

Количественная оценка данного параметра проводилась по пятиуровневой шкале, где 1 – отсутствие системного видения, а 5 – высокий уровень владения системным подходом. Мы фиксировали не просто средние значения, но и процент студентов, перешедших на уровни выше среднего («продвинутый» и «экспертный»). Это позволяет оценить качественный сдвиг в структуре мышления обучающихся. Результаты измерений систематизированы и предложены к рассмотрению (табл. 2).

Таблица 2. Динамика уровня сформированности системного мышления студентов в процессе освоения модулей по устойчивому развитию

Уровень сформированности	Контрольная группа (доля, %)	Экспериментальная группа (доля, %)	Индекс сдвига (Эксперимент)	Доверительный интервал (95%) для ЭГ
Фрагментарный (1)	18,45	4,12	-14,33	[2,05; 6,19]
Базовый (2)	36,20	15,64	-20,56	[11,88; 19,40]
Средний (3)	28,15	29,88	+1,73	[24,65; 35,11]
Продвинутый (4)	12,35	34,57	+22,22	[29,15; 39,99]
Экспертный (5)	4,85	15,79	+10,94	[11,45; 20,13]

Детальное рассмотрение распределения долей в таблице выявляет кардинальную трансформацию профиля компетенций в экспериментальной выборке. Суммарная доля студентов, находящихся на низких уровнях (Фрагментарный и Базовый), в экспериментальной группе сократилась до 19,76%, в то время как в контрольной группе она составляет более половины выборки – 54,65%. Индексы сдвига показывают, что основной миграция обучающихся произошла в зону «Продвинутого» уровня (+22,22%), что свидетельствует о преодолении качественного барьера в понимании сложности систем. Примечательно, что доля студентов, достигших экспертного уровня в экспериментальной группе (15,79%), более чем в три раза превышает аналогичный показатель контрольной группы (4,85%). Математическая проверка границ доверительного интервала подтверждает, что полученные данные не являются случайной флуктуацией, а отражают устойчивую закономерность, обусловленную изменением педагогического дизайна. Смещение моды распределения в экспериментальной группе в сторону

высоких значений (уровень 4) против низких значений в контрольной группе (уровень 2) наглядно демонстрирует эффективность целеориентированного проектирования учебного процесса.

Особый интерес представляет анализ удовлетворенности студентов процессом обучения и их восприятия полезности курса. В педагогическом дизайне обратного типа критерии оценки известны студентам заранее, что снижает уровень тревожности и повышает прозрачность образовательного процесса (Григорьев, 2024). Мы предположили, что ясность целей и требований коррелирует с мотивацией к изучению сложных тем устойчивого развития. Для проверки этой гипотезы был проведен опрос, оценивающий различные аспекты организации обучения: от понятности критериев до осознания практической значимости полученных навыков. Выбор именно субъективных показателей удовлетворенности важен, так как образование для устойчивого развития предполагает личностное вовлечение и формирование ценностного отношения, что невозможно без позитивного восприятия учебного процесса. Результаты анкетирования отражены в следующем блоке данных (табл. 3).

Таблица 3. Показатели удовлетворенности студентов организацией и содержанием учебных модулей (по 10-балльной шкале)

Критерий оценки	Контрольная группа ($M \pm m$)	Экспериментальная группа ($M \pm m$)	Разность средних (Δ)	Коэффициент детерминации (R^2) связи успеваемостью
Понятность целей обучения	$6,12 \pm 0,18$	$9,24 \pm 0,12$	3,12	0,684
Прозрачность критериев оценки	$5,85 \pm 0,21$	$9,15 \pm 0,14$	3,30	0,712
Практическая применимость	$6,45 \pm 0,19$	$8,87 \pm 0,15$	2,42	0,593
Общая удовлетворенность курсом	$6,78 \pm 0,22$	$9,03 \pm 0,13$	2,25	0,641

Интерпретация числовых рядов данной таблицы позволяет выявить сильную корреляционную зависимость между ясностью педагогического дизайна и результативностью обучения. Наибольший разрыв между группами ($\Delta = 3,30$) зафиксирован по критерию «Прозрачность критериев оценки», что является прямым следствием применения методики обратного проектирования, где оценочные рубрики разрабатываются до начала обучения. Высокие значения коэффициентов детерминации (R^2) в экспериментальной группе, особенно по показателю прозрачности критериев (0,712), указывают на то, что более 71% вариации успеваемости может быть объяснено именно фактором понимания студентами требований к результатам. В контрольной группе связь между удовлетворенностью и успеваемостью статистически слабее, что может свидетельствовать о влиянии других, неконтролируемых факторов. Различия в ошибках средней (m) также показательны: меньшие значения в экспериментальной группе (0,12-0,15) против (0,18-0,22) в контрольной говорят о большей консолидации мнений студентов относительно качества образовательного процесса.

Проведенная работа позволяет констатировать, что трансформация архитектуры учебного модуля на основе принципов обратного проектирования приводит к комплексному улучшению образовательных метрик. Мы наблюдаем не изолированный рост отдельных показателей, а системный сдвиг, затрагивающий когнитивную, ценностную и мотивационную сферы обучающихся. Данные свидетельствуют о том, что четкая декомпозиция целей и их согласование с оценочными процедурами создают «каркас», на который эффективно «наносится» междисциплинарное содержание устойчивого развития (Ещенко, 2025). Традиционная модель, опирающаяся на логику изложения предметного материала, проигрывает в условиях, когда целью является формирование компетентности действия, а не только знания.

Полученные результаты опровергают опасения некоторых коллег о том, что строгая структуризация может ограничить творческий потенциал студентов; напротив, понимание «правил игры» высвобождает когнитивный ресурс для решения содержательных задач.

Заключение

Обобщение результатов проведенного педагогического эксперимента позволяет утверждать, что методология обратного проектирования является высокоэффективным инструментом для разработки учебных модулей по устойчивому развитию в системе высшего образования. Переход от планирования «от контента» к планированию «от результата» обеспечивает необходимую целостность и целенаправленность образовательного процесса, что критически важно для формирования сложных междисциплинарных компетенций. Зафиксированный рост показателей успеваемости, качественное изменение структуры системного мышления и повышение уровня удовлетворенности студентов подтверждают валидность выбранного подхода. Это свидетельствует о том, что педагогический дизайн перестал быть вспомогательной функцией и превратился в ключевой фактор качества образования.

Важнейшим итогом исследования является доказательство того, что прозрачность требований и предварительная разработка детализированных оценочных средств не упрощают обучение, а, напротив, делают его более осознанным и глубоким. Студенты, понимающие конечные цели модуля и критерии успеха, демонстрируют более высокую степень автономности и ответственности за результаты своего обучения. В контексте образования для устойчивого развития, где ключевыми являются навыки принятия решений и ответственность за будущее, такой подход имеет двойную ценность: он не только обучает предмету, но и моделирует профессиональное поведение, ориентированное на результат.

Обнаруженные закономерности открывают широкое поле для дальнейшей модернизации университетских программ. Очевидно, что принципы обратного проектирования должны быть масштабированы не только на отдельные модули, но и на образовательные программы в целом. Это потребует пересмотра нормативной документации и, что более важно, изменения профессиональной культуры преподавательского состава. Инвестиции в развитие компетенций педагогического дизайна у профессорско-преподавательского состава становятся стратегическим императивом для вузов, стремящихся занять лидирующие позиции в повестке устойчивого развития.

Наблюдаемая гомогенизация результатов в экспериментальных группах также имеет важное социальное значение. Методика позволяет снизить влияние разницы в стартовой подготовке студентов, предоставляя каждому равные шансы на достижение высокого уровня компетентности. Это полностью соответствует принципам инклюзивности и справедливости, заложенным в ЦУР 4 «Качественное образование». Университет, внедряющий такие подходы, на практике реализует те принципы устойчивости, которым обучает своих студентов, создавая когерентную образовательную среду.

Трансформация образовательного процесса на основе компетентностно-ориентированного дизайна требует времени и ресурсов, однако полученные данные убедительно доказывают, что эти вложения окупаются качеством подготовки выпускников. Специалисты, прошедшие обучение в рамках таких модулей, обладают не просто суммой знаний, но структурированной системой мышления и готовностью к решению нетривиальных задач. Именно такой тип профессионализма востребован в современной экономике и необходим для преодоления глобальных кризисов современности.

Список литературы

1. Вяземский Е.Е., Першина Ю.В. Педагогический дизайн как инновационная образовательная технология // Преподавание истории и обществознания в школе. 2024. № 5. С. 30-38.
2. Гадзаова Л.П., Баскова А.В., Полодянец С.С. Внедрение технологий педагогического дизайна в образовательный процесс – возможность передачи и усвоения предметных специальных знаний и их практическую применимость // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2023. № 4. С. 22-26.

3. Григорьев А.Д., Екатеринушкина А.В., Ильяшева Е.В. Повышение эффективности разработки проектных концепций студентами-дизайнерами // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2024. № 6. С. 97-103.
4. Ещенко Т.В. Исследование и анализ методов педагогического дизайна // *Культура Мира*. 2025. Т. 13. № 45(2). С. 196-201.
5. Калимуллина Е.М., Щаников К.С. Развитие профессорско-преподавательского состава университета в области устойчивого развития // *Master's journal*. 2024. № 2. С. 112-118.
6. Клочко А.Р. Устойчивое развитие современных образовательных учреждений: приемы и методы в архитектурном проектировании // *Биосферная совместимость: человек, регион, технологии*. 2024. № 2 (46). С. 59-75.
7. Леонова М.А. К вопросу о педагогическом дизайне // *Вестник Калужского университета*. 2024. № 2(63). С. 98-101.
8. Павлова С.А., Семенова Н.А. Концепция разработки курса повышения квалификации «Современные требования к профессиональной компетентности преподавателя высшей школы» // *Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности*. 2023. № 2. С. 36-39.
9. Петрашень Е.П. Грани профессиональной компетентности дизайнера среды: уникальность и универсальность // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2023. № 1(56). С. 94-98.
10. Романова Л.С. Проектирование содержания образования в магистратуре по устойчивому развитию // *Современное педагогическое образование*. 2024. № 12. С. 170-175.
11. Самигуллина Р.Р. Роль проектной компетентности в профессиональном становлении дизайнера среды // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 3-2. С. 83-87.
12. Смелова В.Г. Методические подходы к проектированию конвергентной программы учебного модуля // *Школа и производство*. 2024. № 1. С. 9-17.
13. Соколова А.С., Левченко В.В. Матрица проектировочной компетенции преподавателя в условиях цифровизации и разработки дистанционных образовательных программ // *Глобальный научный потенциал*. 2025. № 4(169). С. 276-280.
14. Соколова Л.И. Образование для устойчивого развития в вузах искусства // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2025. Т. 20. № 1. С. 90-99.
15. Тиханова Н.Г., Роевко Б.И. Средовой дизайн как содержательный базис профессионально – личностного становления студентов университета // *Современное образование: традиции и инновации*. 2024. № 3. С. 57-60.

Pedagogical design of university educational modules on sustainable development based on a competence-based approach and reverse engineering methodology

Tatiana A. Buzykova

Senior Lecturer

Moscow Academy of Entrepreneurship

Moscow, Russia

ata1757@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 06.11.2025

Accepted 18.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/e5612-8901-4984-f

EDN NGPNWZ

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article is devoted to the pedagogical design of university educational modules on sustainable development in the context of a shift in higher education from content translation to testable learning outcomes that require systematic thinking and decision-making in the face of uncertainty. It is shown that the meta-objective nature of sustainable development conflicts with the disciplinary logic of curricula and provokes a gap between declarative formulations of competencies and real assessment practices, when knowledge of terms is controlled instead of sustainable design skills. As a design solution, the method of reverse engineering is justified, implemented as a three-stage coordination scheme: fixing the expected results, constructing acceptable evidence of their achievement, and subsequent planning of educational experience and content. A set of procedures is described that ensure the operationalization of competencies through indicators and their embedding in open-type assignments (cases, projects, essays) that allow for a variety of informed solutions and thus correspond to the contextuality of sustainability problems. A comparison of traditional and result-based modules reveals a statistically significant advantage of the latter approach: with comparable starting indicators, the final success rate in solving complex situational tasks is significantly higher, and the variability of results is lower, which is interpreted as a «homogenization» of achievements and a reduction in the role of random factors, including initial differences in training. A qualitative shift in the structure of systems thinking has been separately recorded: the proportion of fragmented and basic levels is decreasing and the representation of advanced and expert levels is increasing, which is confirmed by the analysis of mental maps and scaling. At the same time, the subjective assessment of transparency of requirements, practical applicability and general satisfaction is being strengthened.; A strong relationship between the clarity of assessment criteria and the effectiveness of learning is shown, which indicates the managerial importance of the pre-developed headings and the need to develop teachers' pedagogical design competencies in order to scale the approach to programs as a whole.

Keywords

pedagogical design, sustainable development, competence approach, reverse engineering, systems thinking.

References

1. Vyazemsky E.E., Pershina Yu.V. Pedagogical design as an innovative educational technology // Teaching history and social studies at school. 2024. № 5. pp. 30-38.
2. Gadzaova L.P., Baskova A.V., Polodyants S.S. The introduction of pedagogical design technologies into the educational process – the possibility of transferring and assimilating specialized subject knowledge and their practical applicability // Economic and humanitarian studies of the regions. 2023. № 4. pp. 22-26.
3. Grigoriev A.D., Yekaterinushkina A.V., Ilyasheva E.V. Improving the effectiveness of design concepts development by design students // Alma Mater (Bulletin of Higher School). 2024. № 6. pp. 97-103.
4. Eshchenko T.V. Research and analysis of pedagogical design methods // Culture of the World. 2025. Vol. 13. № 45(2). pp. 196-201.
5. Kalimullina E.M., Shchanikov K.S. Development of university teaching staff in the field of sustainable development // Master's journal. 2024. № 2. pp. 112-118.
6. Klochko A.R. Sustainable development of modern educational institutions: techniques and methods in architectural design // Biospheric compatibility: man, region, technology. 2024. № 2(46). pp. 59-75.
7. Leonova M.A. On the issue of pedagogical design // Kaluga University bulletin. 2024. № 2(63). pp. 98-101.

8. Pavlova S.A., Semenova N.A. The concept of developing a refresher course «Modern requirements for the professional competence of a higher school teacher» // International journal of psychology and pedagogy of professional activity. 2023. № 2. pp. 36-39.
9. Petrashen, E.P. The facets of professional competence of an environmental designer: uniqueness and universality // Academic Bulletin of UralNIiproekt RAASN. 2023. № 1(56). pp. 94-98.
10. Romanova L.S. Designing the content of education in the magistracy on sustainable development // Modern pedagogical education. 2024. № 12. pp. 170-175.
11. Samigullina R.R. The role of project competence in the professional development of an environmental designer // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2023. No. 3-2. pp. 83-87.
12. Smelova V.G. Methodological approaches to the design of a convergent educational module program // School and production. 2024. № 1. pp. 9-17.
13. Sokolova A.S., Levchenko V.V. The matrix of a teacher's design competence in the context of digitalization and the development of distance education programs // Global scientific potential. 2025. № 4(169). pp. 276-280.
14. Sokolova L.I. Education for sustainable development in art universities // Trans-Baikal State University scientific notes. 2025. Vol. 20. № 1. pp. 90-99.
15. Tikhanova N.G., Royenko B.I. Environmental design as a meaningful basis for the professional and personal development of university students // Modern education: traditions and innovations. 2024. № 3. pp. 57-60.

Межкультурный компонент в методике преподавания английского языка как фактор формирования толерантности и коммуникативной компетенции

Дарья Владимировна Тавберидзе

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры Иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

tavberidze_dv@pfur.ru

ORCID 0000-0002-2727-6803

Елена Альбертовна Паймакова

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

paymakova-ea@rudn.ru

ORCID 0000-0002-3682-8091

Поступила в редакцию 15.11.2025

Принята 15.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/y9151-1128-7276-q

EDN PAKVXU

BAK 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается интеграция межкультурного компонента в преподавание английского языка в высшей школе как условие формирования толерантности и развития коммуникативной компетенции в контексте глобализации и интенсификации межкультурных контактов. Теоретическая рамка задается пониманием языка как инструмента освоения и трансляции культурных кодов, что требует системного погружения обучающихся в аксиологическое пространство англоязычной культуры и сопоставления различных картин мира, сопровождаемого рисками когнитивного диссонанса, этноцентризма и стереотипизации. Представлена модель оценки сформированности межкультурной компетенции, включающая когнитивный, эмоционально-оценочный и деятельностный компоненты, с акцентом на переход от декларативной толерантности к поведенческой готовности к диалогу и конструктивному разрешению напряженных ситуаций. Описан длительный педагогический эксперимент со студентами бакалавриата и магистратуры (486 человек) в нескольких вузах с сопоставлением традиционных программ и модульного межкультурного обучения; применены стандартизированные опросники, тесты межкультурной компетентности, лингвистические срезы и анализ письменных продуктов, статистическая обработка выполнена в SPSS с использованием описательных показателей, корреляционного анализа и критерия Стьюдента. Зафиксирована исходная гомогенность групп при преобладании средних и низких уровней, особенно по деятельностному компоненту, а также прагматические ошибки при внешне достаточном владении языковым кодом. Внедрение сравнительного анализа культурных концептов, аутентичных проблемных материалов, кейс-стади, ролевых и проектных форм работы сопровождалось значимым ростом индекса толерантности, коммуникативной компетенции и социокультурной адаптивности в экспериментальных группах, выраженным улучшением стратегий

вежливости, учета статусной дистанции и разрешения конфликтов. Показана сильная положительная связь толерантности с говорением и аудированием по сравнению с грамматической правильностью, что интерпретируется как снятие культурных барьеров, повышающее мотивацию и эффективность реального общения. Результаты обосновывают методическую необходимость культурологически насыщенного языкового образования для подготовки личности, способной к эмпатии и продуктивному взаимодействию в поликультурной среде.

Ключевые слова

межкультурный компонент, преподавание английского языка, толерантность, коммуникативная компетенция, межкультурная компетенция.

Введение

Современная образовательная парадигма претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные процессами глобализации и интенсификацией межкультурных контактов, что требует переосмысления подходов к языковой подготовке в высшей школе. Язык перестает восприниматься исключительно как знаковая система или набор грамматических правил, трансформируясь в инструменте познания и трансляции культурных кодов, что делает невозможным его изучение в отрыве от социокультурного контекста (Мясникова, 2024). В условиях поликультурного мира, где границы размываются, а миграционные потоки создают новые социальные вызовы, формирование толерантности становится не просто этическим требованием, а необходимым условием выживания и успешного функционирования общества. Педагогическая наука сталкивается с необходимостью разработки таких методик, которые позволяли бы обучающимся не только овладевать иностранным языком, но и развивать способность к эмпатии, пониманию инаковости и конструктивному взаимодействию с представителями иных лингвокультурных общностей (Попова, 2025). Традиционные методы, ориентированные на грамматико-переводной подход или даже чисто коммуникативные стратегии, лишенные глубокого культурологического наполнения, оказываются недостаточно эффективными для решения задачи формирования полноценной вторичной языковой личности.

Интеграция межкультурного компонента в структуру занятия по английскому языку предполагает не эпизодическое включение страноведческих фактов, а системное погружение в аксиологическое пространство изучаемого языка, что неизбежно приводит к сопоставлению родной и иной картин мира. Этот процесс сопряжен с определенными психологическими трудностями, так как встреча с «чужим» может вызывать когнитивный диссонанс или отторжение, основанное на стереотипах и этноцентризме (Мамалова, 2025). Именно здесь кроется педагогический потенциал языкового образования: через осознание относительности культурных норм и ценностей происходит децентрация личности, расширение ее горизонтов и, как следствие, снижение уровня агрессии по отношению к иному. Толерантность в данном контексте рассматривается не как пассивное терпение, а как активная нравственная позиция и психологическая готовность к равноправному диалогу, базирующаяся на знаниях и уважении.

Сложность проблемы заключается в том, что формирование межкультурной компетенции и толерантности – это длительный и многофакторный процесс, на который влияют как внутренние установки личности, так и внешняя образовательная среда. Необходимо учитывать, что современные студенты часто находятся под воздействием медийного пространства, которое может транслировать противоречивые установки, усиливающие ксенофобию или, напротив, поверхностный мультикультурализм (Бадалян, 2024). Задача преподавателя состоит в том, чтобы создать условия для критического осмысления поступающей информации, научить видеть за языковыми явлениями культурные смыслы и исторические предпосылки. Методологически это требует перехода от знаниевой парадигмы к компетентностной, где результатом обучения становится способность решать коммуникативные задачи в различных культурных контекстах (Буланкина, 2023). При этом важно понимать, что языковая компетенция и межкультурная осведомленность находятся в диалектическом

единстве: невозможно достичь высокого уровня владения языком без понимания менталитета его носителей, равно как и глубокое проникновение в культуру невозможно без владения языком.

Особое внимание следует уделить механизмам интериоризации культурных ценностей в процессе обучения, когда внешние знания переходят во внутренний план, становясь убеждениями и регуляторами поведения. Этот процесс не является линейным и требует применения специфических педагогических технологий, таких как кейс-стади, ролевые игры, проектная деятельность и анализ аутентичных текстов с выраженной культурной маркированностью (Дигтяр, 2025). Важно отметить, что речь идет не только о толерантности к носителям изучаемого языка, но и о развитии общей культуры толерантности как личностного качества, проявляющегося во всех сферах жизни. Исследование данной проблематики требует междисциплинарного подхода, объединяющего данные лингвистики, психологии, социологии и педагогики, что позволит выстроить целостную модель формирования толерантности средствами иностранного языка.

Материалы и методы исследования

Для верификации теоретических положений и оценки эффективности предлагаемых методик было организовано масштабное экспериментальное исследование, база которого охватила три высших учебных заведения гуманитарного и технического профиля. Общая выборка респондентов составила 486 студентов, обучающихся на уровнях бакалавриата и магистратуры, что обеспечивает репрезентативность полученных данных и позволяет нивелировать влияние случайных факторов, связанных со спецификой конкретного вуза или направления подготовки (Капустина, 2024). Возрастной диапазон участников варьировался от 18 до 24 лет, при этом гендерное распределение было относительно сбалансированным, с незначительным преобладанием женской аудитории в гуманитарных группах. Экспериментальная работа проводилась в течение четырех семестров, что позволило отследить динамику изменений не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе, фиксируя устойчивость формируемых качеств. В качестве контрольных групп выступали академические группы, обучающиеся по традиционным программам, в то время как в экспериментальных группах внедрялся разработанный модуль межкультурного обучения.

Методологический инструментарий исследования базировался на комплексе взаимодополняющих методов, включающих как количественные, так и качественные подходы к сбору и анализу информации. Была сформирована обширная диагностическая база, включающая стандартизированные опросники для определения индекса толерантности (на основе методики Г.У. Солдатовой), тесты на уровень сформированности межкультурной компетенции, а также лингвистические срезы для оценки коммуникативных навыков (Лазутина, 2023). Особое место в методологии занимал анализ продуктов деятельности студентов: эссе, проектных работ, рефлексивных отчетов, что позволило получить доступ к глубинным установкам и ценностным ориентациям обучающихся. Для теоретического обоснования исследования был проведен анализ фундаментального массива научной литературы, включающего 158 источников отечественных и зарубежных авторов, охватывающих проблемы межкультурной коммуникации, психологии толерантности и лингводидактики (Воротников, 2023).

Статистическая обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с использованием пакета прикладных программ SPSS Statistics 26.0, что обеспечило высокую точность вычислений и достоверность выводов. Применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ для выявления связей между уровнем владения языком и показателями толерантности, а также критерий Стьюдента для оценки значимости различий между контрольными и экспериментальными группами (Буланкина, 2023). Важным элементом методологического дизайна стало использование перекрестной проверки данных, полученных разными методами, что позволило минимизировать субъективность интерпретации результатов. В ходе исследования строго соблюдались этические нормы, включая принципы добровольности участия и конфиденциальности персональных данных респондентов.

Результаты и обсуждение

В рамках аналитического этапа исследования первоочередной задачей стало определение исходного уровня сформированности компонентов межкультурной компетенции и толерантности у

студентов до начала экспериментального воздействия. Педагогическая реальность демонстрирует, что наличие высоких баллов по грамматике или лексике не гарантирует готовности студента к эффективному взаимодействию в поликультурной среде, более того, зачастую наблюдается разрыв между когнитивным знанием о культуре и реальными поведенческими паттернами (Хариханова, 2024). Для объективизации оценки была разработана система критериев, включающая когнитивный (знания о культуре, нормах, ценностях), эмоционально-оценочный (эмпатия, отсутствие предубеждений) и деятельностный (умение выстраивать диалог, разрешать конфликты) компоненты. Выбор именно этих показателей обусловлен их интегративной природой, позволяющей рассматривать толерантность и коммуникативную компетенцию как целостное новообразование личности, а не набор разрозненных навыков.

Анализ первичных срезов показал достаточно тревожную картину, характеризующуюся преобладанием среднего и низкого уровней развития толерантности, а также наличием стереотипных представлений о представителях англоязычных культур. Студенты демонстрировали трудности в интерпретации коммуникативного поведения иностранцев, часто оценивая его через призму собственных культурных норм как «неправильное» или «странное», что свидетельствует о низком уровне культурной децентрации (Ситосанова, 2023). Лингвистический анализ также выявил, что, несмотря на владение языковым кодом, обучающиеся часто допускали прагматические ошибки, выбирая неуместные регистры общения или игнорируя социокультурный контекст ситуации. Данные, полученные на констатирующем этапе эксперимента, наглядно представлены в нижеследующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Распределение уровней сформированности компонентов межкультурной компетенции и толерантности на констатирующем этапе эксперимента (в % от общего числа респондентов)

Компонент	Уровень	Экспериментальная группа (n=244)	Контрольная группа (n=242)	Среднее значение по выборке
Когнитивный	Низкий	42,62	41,74	42,18
Когнитивный	Средний	45,90	46,28	46,09
Когнитивный	Высокий	11,48	11,98	11,73
Эмоционально-оценочный	Низкий	38,52	39,26	38,89
Эмоционально-оценочный	Средний	50,41	49,17	49,79
Эмоционально-оценочный	Высокий	11,07	11,57	11,32
Деятельностный	Низкий	54,10	53,31	53,71
Деятельностный	Средний	36,48	37,60	37,04
Деятельностный	Высокий	9,42	9,09	9,26

Внимательное изучение цифрового массива, представленного в первой таблице, позволяет констатировать высокую степень гомогенности экспериментальной и контрольной групп на начальном этапе, что является важным условием для чистоты эксперимента. Суммарная доля респондентов с низким уровнем развития деятельностного компонента превышает 53%, что указывает на наличие серьезного барьера при переходе от теоретических знаний к практическому взаимодействию. Примечательно, что средний уровень превалирует в эмоционально-оценочном компоненте (около 49,8%), что может свидетельствовать о декларативной толерантности, когда студенты понимают необходимость быть толерантными, но не всегда готовы реализовать это на практике, особенно в сложных коммуникативных ситуациях. Различия между группами по всем показателям находятся в пределах статистической погрешности, не превышая 1-1,5 процентных пунктов, что подтверждает отсутствие значимых расхождений в стартовых условиях. Математическая проверка данных показывает, что сумма долей по каждому компоненту строго равна 100%, а распределение близко к нормальному для

данной возрастной категории, однако смещение в сторону низких показателей по деятельностному критерию требует особого педагогического внимания.

Внедрение в учебный процесс экспериментальной группы специализированных модулей, основанных на сравнительном анализе культурных концептов, использовании аутентичных видеоматериалов проблемного характера и тренингах межкультурной сенситивности, привело к качественным изменениям в структуре языковой личности обучающихся. Процесс обучения строился таким образом, чтобы каждое языковое явление рассматривалось через призму его культурной обусловленности, что способствовало разрушению стереотипов и формированию более гибкого мышления. На промежуточных этапах фиксировалась положительная динамика, однако наиболее показательными являются итоговые результаты, отражающие трансформацию не только знаний, но и ценностных установок (Садыкова, 2025). Важно было отследить, насколько изменение отношения к культуре изучаемого языка коррелирует с ростом общей коммуникативной толерантности, включая отношение к представителям иных этнических групп, не являющихся носителями английского языка, что проверялось с помощью индекса толерантности (табл. 2).

Таблица 2. Динамика интегрального индекса толерантности и коммуникативной компетенции на контрольном этапе эксперимента (средний балл по 100-балльной шкале)

Показатель	Группа	Начало эксперимента	Конец эксперимента	Абсолютный прирост	Темп прироста (%)
Индекс толерантности	ЭГ	45,34	78,92	33,58	74,06
Индекс толерантности	КГ	46,12	52,47	6,35	13,77
Коммуникативная компетенция	ЭГ	51,28	84,15	32,87	64,10
Коммуникативная компетенция	КГ	50,94	63,81	12,87	25,27
Социокультурная адаптивность	ЭГ	38,76	72,43	33,67	86,87
Социокультурная адаптивность	КГ	39,15	44,89	5,74	14,66

Математическая интерпретация данных, зафиксированных на контрольном этапе, свидетельствует о существенном разрыве в темпах прироста показателей между экспериментальной и контрольной выборками. Если в контрольной группе прирост индекса толерантности составил лишь 13,77%, что можно объяснить естественным процессом взросления и общим влиянием гуманитарного образования, то в экспериментальной группе этот показатель достиг 74,06%, что является статистически значимым результатом на уровне значимости $p < 0.01$. Особый интерес вызывает корреляция между ростом коммуникативной компетенции и социокультурной адаптивности: в экспериментальной группе темп прироста адаптивности (86,87%) опережает рост чисто языковой компетенции, что подтверждает гипотезу о том, что снятие культурных барьеров раскрепощает речевое поведение и повышает мотивацию к общению. Абсолютный прирост баллов в экспериментальной группе по всем параметрам превышает аналогичные показатели контрольной группы более чем в 2,5-5 раз, что исключает вероятность случайного совпадения и доказывает эффективность примененной методики.

Далее необходимо рассмотреть качественные характеристики изменений, произошедших в лингвистическом аспекте коммуникации, так как толерантность и межкультурная компетенция неизбежно находят свое отражение в речевых стратегиях. Студенты, прошедшие обучение с усиленным межкультурным компонентом, демонстрировали более широкий репертуар средств выражения вежливости, смягчения категоричности высказываний (hedging) и умения вести фатическое общение, свойственное англоязычной коммуникативной культуре (Бредихина, 2023). В то же время в контрольной

группе сохранялась тенденция к прямолинейному переводу конструкций родного языка, что часто воспринимается носителями как проявление грубости или агрессии. Для оценки этих параметров использовалась балльно-рейтинговая система оценки выполнения ситуационных задач (кейсов), где максимальный балл составлял 50 (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ использования стратегий вежливости и социокультурной адекватности речи при решении коммуникативных задач (средний балл, max=50)

Критерий оценки	Группа	Кейс 1 (Бытовое общение)	Кейс 2 (Академическая среда)	Кейс 3 (Конфликтная ситуация)	Среднее по кейсам
Использование маркеров вежливости	ЭГ	42,37	44,81	41,56	42,91
Использование маркеров вежливости	КГ	28,14	31,52	22,89	27,52
Учет статусной дистанции	ЭГ	40,92	43,65	39,74	41,44
Учет статусной дистанции	КГ	25,68	29,43	19,15	24,75
Стратегии разрешения конфликта	ЭГ	38,45	41,12	43,28	40,95
Стратегии разрешения конфликта	КГ	21,33	24,76	16,42	20,84

Числовой анализ результатов выполнения коммуникативных кейсов выявляет глубокие различия в подходах к решению речевых задач. Наибольший разрыв наблюдается в кейсе, моделирующем конфликтную ситуацию: экспериментальная группа набрала в среднем 43,28 балла по критерию стратегий разрешения конфликта, в то время как контрольная группа – лишь 16,42 балла. Это расхождение (более чем в 2,6 раза) наглядно демонстрирует, что отсутствие межкультурной подготовки приводит к неспособности адекватно реагировать на напряженные ситуации в инокультурной среде, провоцируя эскалацию конфликта. Средний балл по использованию маркеров вежливости в экспериментальной группе (42,91) приближается к показателям, характерным для носителей языка, тогда как в контрольной группе (27,52) он остается на уровне базовой грамматической корректности без учета прагматики. Статистический анализ дисперсии внутри групп показывает, что в экспериментальной группе результаты более консолидированы, что говорит о равномерном усвоении материала большинством студентов.

Завершающим этапом анализа данных стала оценка корреляционных связей между уровнем толерантности и успешностью овладения иностранным языком. Существует гипотеза, что высокий уровень ксенофобии и ригидности мышления создает психологический барьер, тормозящий усвоение языка, тогда как открытость новому опыту способствует более эффективному обучению (Бадалян, 2024). Для проверки этого предположения были рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона между итоговым тестовым баллом по языку и индексом толерантности для всей выборки. Полученные данные позволяют говорить о наличии устойчивой связи, природа которой требует детального осмысления (табл. 4).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между индексом толерантности и аспектами владения языком
(коэффициент Пирсона r)

Аспект владения языком	Корреляция с общим индексом толерантности (ЭГ)	Корреляция с общим индексом толерантности (КГ)	Значимость корреляции (p-value)
Лексический запас	0.684	0.312	< 0.01
Грамматическая правильность	0.415	0.287	< 0.05
Аудирование (понимание речи)	0.721	0.345	< 0.01
Говорение (беглость и адекватность)	0.793	0.398	< 0.01

Представленные коэффициенты корреляции обнаруживают интересную закономерность: связь между толерантностью и продуктивными/рецептивными навыками (говорение, аудирование) значительно сильнее, чем с формально-языковыми навыками (грамматика). Коэффициент 0.793 для говорения в экспериментальной группе указывает на сильную прямую зависимость: чем выше уровень толерантности и открытости студента, тем успешнее он выстраивает устную коммуникацию. В контрольной группе эта связь выражена значительно слабее (0.398), что может объясняться тем, что при традиционном обучении говорение часто сводится к воспроизведению заученных топиков, не требующих реальной коммуникативной вовлеченности. Различие в корреляции по лексическому запасу (0.684 против 0.312) также показательно: культурно-ориентированное обучение стимулирует интерес к расширению словарного запаса за счет страноведческой и безэквивалентной лексики. Грамматика, как наиболее формализованная часть языка, демонстрирует наименьшую зависимость от психологических установок, хотя и здесь положительная тенденция сохраняется.

Обобщая массив полученных эмпирических данных, можно констатировать, что целенаправленное внедрение межкультурного компонента оказывает системное влияние на образовательный результат. Наблюдается синергетический эффект, когда развитие личностных качеств (толерантности, эмпатии) катализирует процесс языкового обучения, а совершенствование языковых навыков, в свою очередь, открывает доступ к более глубоким пластам культуры, закрепляя толерантные установки. Статистически доказанное превосходство экспериментальной группы по всем ключевым параметрам – от психологических индексов до сугубо лингвистических показателей – свидетельствует о том, что игнорирование культурологического аспекта в современном языковом образовании не только обедняет личность студента, но и существенно снижает эффективность самого процесса обучения языку. Прослеживается четкая зависимость между способностью принимать иное и способностью говорить на языке этого «иного», что переводит проблему толерантности из разряда сугубо воспитательных задач в плоскость методической необходимости.

Заключение

Анализ трансформационных процессов, происходящих в современном высшем образовании, позволяет утверждать, что методика преподавания иностранного языка вышла за пределы узкопрофильной дисциплины, став мощным инструментом формирования мировоззрения личности нового типа. Полученные результаты убедительно доказывают, что интеграция межкультурного компонента не является факультативным дополнением к учебной программе, а выступает ее стержневым элементом, определяющим успешность формирования коммуникативной компетенции. В условиях нарастающей социальной турбулентности и межэтнической напряженности способность к толерантному взаимодействию, привитая через изучение языка, становится важнейшим социальным капиталом выпускника вуза. Мы наблюдаем качественный переход от модели «человек знающий» к модели «человек понимающий», способный интерпретировать смыслы и выстраивать мосты между различными культурными мирами.

Педагогическая ценность данного подхода заключается в его гуманистической направленности и способности преодолевать отчуждение, свойственное технократическому обществу. Язык, преподаваемый в неразрывной связи с культурой, перестает быть чужим кодом и становится пространством диалога, где свое и чужое не противопоставляются, а взаимообогащаются. Это требует от преподавателя высшей школы не только высокого уровня лингвистической подготовки, но и глубокой культурологической эрудиции, а также психолого-педагогического мастерства, необходимого для работы с ценностно-смысловой сферой студентов. Образовательный процесс превращается в сотворчество, где ошибки воспринимаются не как повод для санкций, а как точки роста и возможности для анализа межкультурных различий.

В перспективе, широкое внедрение разработанных принципов способно оказать позитивное влияние не только на качество языковой подготовки, но и на общий психологический климат в образовательных учреждениях, снижая уровень конфликтности и способствуя гармонизации межнациональных отношений в молодежной среде. Формирование толерантной языковой личности – это вклад в создание устойчивого и безопасного общества, где разнообразие воспринимается как ресурс развития, а не как угроза. Именно в этом видится стратегическая миссия современного языкового образования, отвечающего на вызовы времени и запросы глобального социума.

Список литературы

1. Бадалян А.Р. Развитие межкультурной компетенции у кадет на занятиях по английскому языку // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2024. № 17-4. С. 50-58.
2. Бредихина И.А., Заинчковский М.М. Отражение реалий иноязычной культуры в учебниках английского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 71-78.
3. Буланкина Н.Е., Перова Е.А. Методические аспекты формирования толерантности обучающихся средствами иностранного языка // Сибирский учитель. 2023. № 5 (150). С. 55–62.
4. Воротников Д.В. Методы формирования межкультурной толерантности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9-1(84). С. 63-65.
5. Горшковоз А.В. Развитие социокультурной компетенции студентов СПО при изучении английского языка // Среднее профессиональное образование. 2024. № 2(342). С. 65-68.
6. Дигтяр О.Ю. Обучение студентам пониманию культурных различий через изучение английского языка в рамках кросс-культурной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5(114). С. 251-253.
7. Капустина Д.М., Николаева М.В. Преподавание английского языка в контексте обучения специалистов по межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-1. С. 179–181.
8. Лазутина М.М. Процесс преподавания иностранных языков и межкультурная коммуникация // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в современном иноязычном образовании. 2023. № 1. С. 267-271.
9. Мамалова Х.Э., Плиева А.О., Ужахова З.М. Формирование у студентов лингвокультурологической компетенции в процессе изучения иностранного языка // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5(114). С. 358-361.
10. Мохова О.Л., Павлишак Т.А., Белозор А.Ф., Маршал Н.С. Формирование межкультурной компетенции у студентов неязыковых специальностей в процессе изучения английского языка // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 2-1(76). С. 231-239.
11. Мясникова О.В. Опыт преподавания дисциплины «Межкультурная коммуникация на иностранном языке» по направлению «Туризм», «Сервис и гостиничное дело» // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в евразийском образовательном пространстве. 2024. № 9. С. 63-69.
12. Попова С.В., Бурцева К.А. Развитие межкультурной коммуникации на уроке английского языка в средней школе // Наука и Образование. 2025. Т. 8. № 2. С. 106-110.

13. Садыкова Г.З., Солодкова И.С., Юсупова Л.М. Социокультурный контекст при обучении разговорной речи (английский язык) // Вестник Университета управления «ТИСБИ». 2025. № 3. С. 123-129.
14. Ситосанова О.В. Межкультурная коммуникация на уроках английского языка // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2023. № 17. С. 370-372.
15. Хариханова Б.А., Зубайраева М.У. Развитие межкультурной компетенции у студентов через изучение английского языка // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 5-1. С. 163-171.

Intercultural component in the methodology of teaching English as a factor in forming tolerance and communicative competence

Daria V. Tavberidze

PhD in philosophy, Associate professor, Associate professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia
tavberidze_dv@pfur.ru
ORCID 0000-0002-2727-6803

Elena A. Paymakova

PhD in philology, Associate professor, Associate professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia
paymakova-ea@rudn.ru
ORCID 0000-0002-3682-8091

Received 15.11.2025

Accepted 15.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/y9151-1128-7276-q

EDN PAKVXU

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the integration of the intercultural component into the teaching of English in higher education as a condition for forming tolerance and developing communicative competence in the context of globalization and intensification of intercultural contacts. The theoretical framework is provided by the understanding of language as a tool for mastering and transmitting cultural codes, which requires systematic immersion of students in the axiological space of English-speaking culture and comparison of various world pictures, accompanied by risks of cognitive dissonance, ethnocentrism, and stereotyping. A model for assessing the formation of intercultural competence is presented, including cognitive, emotional-evaluative and activity components, with emphasis on the transition from declarative tolerance to behavioral readiness for dialogue and constructive resolution of tense situations. A long-term pedagogical experiment with undergraduate and

graduate students (486 individuals) in several universities is described, comparing traditional programs and modular intercultural training; standardized questionnaires, intercultural competence tests, linguistic assessments, and analysis of written products were applied, with statistical processing performed in SPSS using descriptive indicators, correlation analysis and Student's t-test. Initial homogeneity of groups was recorded with predominance of medium and low levels, especially in the activity component, as well as pragmatic errors despite seemingly sufficient mastery of the language code. Implementation of comparative analysis of cultural concepts, authentic problem-based materials, case studies, role-playing, and project-based forms of work was accompanied by a significant increase in the tolerance index, communicative competence and sociocultural adaptability in experimental groups, manifested in improved politeness strategies, consideration of status distance and conflict resolution. A strong positive correlation of tolerance with speaking and listening compared to grammatical correctness is demonstrated, interpreted as removal of cultural barriers that enhances motivation and effectiveness of real communication. The results justify the methodological necessity of culturally enriched language education for preparing a personality capable of empathy and productive interaction in a multicultural environment.

Keywords

intercultural component, teaching English, tolerance, communicative competence, intercultural competence.

References

1. Badalyan A.R. Development of intercultural competence among cadets in English classes // Professional communication: Current issues of linguistics and methodology. 2024. № 17-4. pp. 50-58.
2. Bredikhina I.A., Zainchkovsky M.M. Reflection of foreign language culture realities in English language textbooks // Eurasian humanities journal. 2023. № 1. pp. 71-78.
3. Bulankina N.E., Perova E.A. Methodological aspects of forming tolerance among learners by means of a foreign language // Siberian Teacher. 2023. № 5(150). pp. 55-62.
4. Digtyar O.Yu. Teaching students to understand cultural differences through the study of English within cross-cultural communication // World of science, culture, education. 2025. № 5(114). pp. 251-253.
5. Gorshkovoz A.V. Development of sociocultural competence of secondary vocational education students in studying English // Secondary vocational education. 2024. № 2(342). pp. 65-68.
6. Kapustina D.M., Nikolaeva M.V. Teaching English in the context of training intercultural communication specialists // Problems of Modern Pedagogical Education. 2024. № 85-1. pp. 179-181.
7. Kharikhanova B.A., Zubairaeva M.U. Development of intercultural competence among students through the study of English // Education management: theory and practice. 2024. № 5-1. pp. 163-171.
8. Lazutina M.M. The process of teaching foreign languages and intercultural communication // Actual problems of linguistics and linguodidactics in modern foreign language education. 2023. № 1. pp. 267-271.
9. Mamalova Kh.E., Plieva A.O., Uzakhova Z.M. Formation of linguocultural competence among students in the process of studying a foreign language // World of science, culture, education. 2025. № 5(114). pp. 358-361.
10. Mokhova O.L., Pavlishak T.A., Belozor A.F., Marshal N.S. Formation of intercultural competence among students of non-linguistic specialties in the process of studying English // Education management: theory and practice. 2024. № 2-1(76). pp. 231-239.
11. Myasnikova O.V. Experience of teaching the discipline «Intercultural communication in a foreign language» in the fields of «Tourism», «Service and hotel business» // Experience and prospects of teaching foreign languages in the Eurasian educational space. 2024. № 9. pp. 63-69.
12. Popova S.V., Burtseva K.A. Development of intercultural communication in English lessons in secondary school // Science and education. 2025. Vol. 8. № 2. pp. 106-110.
13. Sadykova G.Z., Solodkova I.S., Yusupova L.M. Sociocultural context in teaching conversational speech (English) // University of Management «TISBI» bulletin. 2025. № 3. pp. 123-129.

14. Sitosanova O.V. Intercultural communication in English lessons // Angarsk State Technical University bulletin. 2023. № 17. pp. 370-372.
15. Vorotnikov D.V. Methods of forming intercultural tolerance // International journal of humanities and natural sciences. 2023. № 9-1(84). pp. 63-65.

Разработка и оценка эффективности модульных программ ESP в неязыковом вузе с использованием диагностического и формирующего оценивания

Оксана Леонидовна Мохова

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Лингвистика
Российский университет транспорта
Москва, Россия
mohova_oksana@mail.ru
ORCID 0000-0003-1796-495X

Ольга Викторовна Барышникова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Иностранных языков
Московский государственный технологический университет «Станкин»
Москва, Россия
ol.baryschnikova@yandex.ru
ORCID 0009-0004-1292-9383

Ирина Николаевна Сведенцова

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков и речевой коммуникации
Московский международный университет
Москва, Россия
isvedentsova@yahoo.com
ORCID 0000-0002-3854-1991

Кира Витальевна Тростина

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков № 1
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия
Trostina.KV@rea.ru
ORCID 0000-0001-9274-0230

Поступила в редакцию 17.11.2025

Принята 18.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02.01

DOI 10.25726/w3688-2785-5903-q

EDN MPUXYT

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается проблема повышения качества профессионально-ориентированного обучения английскому языку в неязыковом вузе при существенной разнородности входной подготовки студентов и ограниченности аудиторного времени. Предлагается модульная архитектура программ ESP, трактуемая как способ выстраивания автономных учебных блоков, синхронизированных с логикой освоения профильных дисциплин, и дополняемая системой диагностического и формирующего оценивания как механизмом непрерывной коррекции обучения. Показано, что входная диагностика по лексике, грамматике, аудированию и чтению профессиональных текстов выявляет как низкие средние значения, так и высокую вариативность результатов, что обосновывает применение разноуровневых

заданий и индивидуализацию внутри модулей. Описаны инструменты формирующего оценивания, встроенные в учебный процесс: регулярные квизы, карты самодиагностики, взаимное рецензирование письменных работ, критериальные рубрики для публичных выступлений, накопительное портфолио. Эффективность предложенной модели демонстрируется на сопоставлении групп, обучавшихся по линейной программе и по модульной программе с непрерывным мониторингом: после первого семестра зафиксирован более выраженный рост профессионального тезауруса, грамматики в профессиональном контексте, академического письма и навыков устной презентации при статистически значимых различиях и снижении разброса результатов, что интерпретируется как «подтягивание» менее подготовленных обучающихся за счет своевременной обратной связи. Анализ мотивационно-личностных показателей выявляет повышение познавательной и инструментальной мотивации, усиление самоконтроля и снижение тревожности, коррелирующее с академическими достижениями. Итоговая комплексная проверка через решение профессионального кейса на английском языке подтверждает структурный сдвиг в распределении уровней: доля обучающихся с высокими и продвинутыми результатами существенно возрастает, а число не преодолевших порог резко сокращается; дисперсионный анализ указывает на значимый вклад используемой методики. Материал статьи может быть использован при проектировании модульных курсов и разработке оценочных средств, ориентированных на доказательное улучшение профессиональной иноязычной коммуникации в техническом университете.

Ключевые слова

модульные программы ESP, диагностическое оценивание, формирующее оценивание, профессионально-ориентированное обучение, неязыковой вуз.

Введение

Трансформация современной высшей школы, ориентированная на интеграцию в глобальное образовательное и научное пространство, неизбежно влечет за собой пересмотр подходов к языковой подготовке специалистов нелингвистического профиля. В условиях, когда иностранный язык перестает быть просто учебной дисциплиной и становится инструментом профессиональной коммуникации и академической мобильности, возникают серьезные противоречия между традиционными линейными моделями обучения и необходимостью формирования гибких, адаптивных компетенций. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку (ESP – English for Specific Purposes) в технических и естественнонаучных вузах сталкивается с проблемой разнородности входного уровня студентов и жесткой сеткой учебных часов, что затрудняет индивидуализацию образовательного маршрута. В этом контексте модульное построение образовательных программ выступает не просто как способ структурирования материала, а как методологическая основа для реализации компетентностного подхода, позволяющая синхронизировать языковую подготовку с этапами освоения профильных дисциплин (Храмочкина, 2005). Однако само по себе внедрение модулей не гарантирует качества, если оно не подкреплено валидной системой оценивания, способной не только фиксировать финальный результат, но и корректировать процесс обучения в режиме реального времени.

Диагностическое и формирующее оценивание в рамках модульных программ приобретает статус системообразующего фактора. Если традиционная парадигма контроля фокусировалась преимущественно на суммативных показателях, констатирующих успех или неудачу студента в конце семестра, то современные педагогические концепции смещают акцент на процессуальный характер оценки. Диагностическое оценивание, проводимое на входе в модуль, позволяет выявить дефициты в знаниях и навыках, которые могут стать барьером для освоения специфического профессионального контента. Это особенно важно для ESP, где незнание базовой грамматики или общенаучной лексики делает невозможным работу с узкоспециализированными текстами. Формирующее оценивание, интегрированное в ткань учебного процесса, выполняет функцию обратной связи, обеспечивая студента информацией о его прогрессе и позволяя преподавателю оперативно модифицировать тактику обучения. Научный дискурс последних лет все чаще обращается к проблеме интеграции этих видов оценивания в цифровую среду вуза, однако вопросы методического сопряжения модульной архитектуры

курса и инструментов непрерывного мониторинга остаются недостаточно разработанными (Халилова, 2008; Клейн, 2013).

Существующие подходы к проектированию курсов ESP часто грешат фрагментарностью, когда модульность декларируется формально, а содержательно курс остается линейным набором тем. Истинная модульность предполагает автономность учебных блоков, наличие четко прописанных результатов обучения для каждого модуля и, что критически важно, специфического инструментария проверки достижимости этих результатов. Проблема усугубляется тем, что преподаватели иностранного языка в неязыковых вузах зачастую не обладают достаточной экспертизой в области профильных дисциплин студентов, что требует создания междисциплинарных команд и разработки критериев оценки, отражающих не только языковую правильность, но и профессиональную адекватность коммуникации. Внедрение модульных программ требует переосмысления роли студента, который из пассивного потребителя информации превращается в субъекта, способного к самодиагностике и саморегуляции на основе данных формирующего оценивания (Наджафов, 2005).

Сложность задачи заключается также в необходимости соблюдения баланса между стандартизацией, необходимой для объективного сравнения результатов, и гибкостью, требуемой для учета специфики конкретной специальности. Разработка фонда оценочных средств для модульных программ ESP требует применения психометрических подходов к конструированию тестов и качественных методов анализа продуктов учебной деятельности, таких как проекты, кейс-стади и профессиональные презентации. Отсутствие единой методологии оценки эффективности таких программ приводит к тому, что инновации внедряются хаотично, а их результативность оценивается субъективно. Необходим переход к доказательной педагогике, где эффективность образовательной технологии подтверждается статистически значимыми данными, полученными в ходе лонгитюдных экспериментов. Именно сочетание модульной структуры контента с непрерывным диагностико-формирующим циклом оценивания может стать тем механизмом, который обеспечит качественный прорыв в языковой подготовке будущих инженеров, экономистов и технологов (Борисова, 2020).

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужил образовательный процесс в крупном техническом университете, охватывающий период с 2019 по 2023 год. В опытно-экспериментальной работе приняли участие студенты инженерных и IT-направлений подготовки бакалавриата. Общий объем выборки составил 482 респондента, которые были разделены на контрольную (КГ, $n=240$) и экспериментальную (ЭГ, $n=242$) группы. Формирование групп осуществлялось методом случайной стратифицированной выборки с учетом входного уровня владения английским языком для обеспечения гомогенности состава на начальном этапе. В контрольных группах обучение велось по традиционной линейной программе, тогда как в экспериментальных группах была внедрена разработанная модульная программа ESP с интегрированной системой диагностического и формирующего оценивания (Клинг, 2013; Бобыкина, 2024).

Методологическое обоснование исследования базируется на принципах системного, личностно-деятельностного и компетентностного подходов. Для сбора и анализа данных применялся комплекс количественных и качественных методов. Количественный инструментарий включал в себя стандартизированные лексико-грамматические тесты, критериально-ориентированные тесты профессиональной коммуникации, а также анкеты для оценки мотивации и самооффективности обучающихся. Качественные методы были представлены анализом портфолио студентов, экспертной оценкой устных презентаций и фокус-групповыми интервью с преподавателями и студентами. Всего в ходе исследования было проанализировано более 1500 единиц отчетной документации и результатов тестирования. Валидность применяемых диагностических материалов проверялась посредством расчета коэффициента альфа Кронбаха, который для итоговых тестов составил 0,82, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности инструментария (Рыбина, 2013; Цветкова, 2025).

Обработка полученных данных осуществлялась с использованием пакетов статистического анализа SPSS Statistics и R. Для проверки гипотез о статистической значимости различий между группами применялись t-критерий Стьюдента для независимых выборок и U-критерий Манна-Уитни в случаях, когда распределение признака отличалось от нормального. Оценка динамики изменений внутри групп проводилась с помощью T-критерия Вилкоксона. Анализ базы источников литературы включил в себя изучение 184 наименований отечественных и зарубежных публикаций, посвященных проблемам модульного обучения, языковой подготовки в высшей школе и современным стратегиям педагогического оценивания, что позволило сформировать теоретический фундамент для интерпретации полученных эмпирических данных.

Результаты и обсуждение

Процесс внедрения модульной программы ESP предварялся глубоким анализом исходного состояния языковой компетенции студентов. Одной из ключевых проблем, выявленных на подготовительном этапе, стала значительная вариативность базовых знаний первокурсников, поступивших на технические специальности. Это создавало существенные дидактические трудности при использовании унифицированных учебных пособий. Диагностическое оценивание на входе рассматривалось нами не просто как процедура отсева или ранжирования, а как инструмент для построения индивидуальных образовательных траекторий внутри модулей. На начальном этапе эксперимента было проведено комплексное тестирование, охватывающее три ключевых компонента: лексический минимум (общеупотребительная и общенаучная лексика), грамматические структуры и навыки аудирования. Важно отметить, что на данном этапе различия между контрольной и экспериментальной группами были статистически незначимы, что подтверждало корректность формирования выборки и обеспечивало чистоту эксперимента. Данные входной диагностики представлены в нижеследующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ входного уровня сформированности языковых компетенций в контрольной и экспериментальной группах (средний балл по 100-балльной шкале)

Показатель	Контрольная группа (n=240)	Экспериментальная группа (n=242)	t-критерий	Уровень значимости (p)
Лексическая компетенция	44,32	43,87	0,45	> 0,05
Грамматическая корректность	39,15	39,64	0,51	> 0,05
Навыки аудирования	36,21	35,98	0,28	> 0,05
Чтение профессиональных текстов	41,05	40,89	0,17	> 0,05
Интегральный показатель	40,18	40,09	0,35	> 0,05

Математический анализ исходных данных демонстрирует высокую степень однородности выборок. Разница в интегральном показателе составила всего 0,09 балла, что находится в пределах статистической погрешности. Обращает на себя внимание общий низкий уровень владения навыками аудирования в обеих группах (36,21 и 35,98 балла соответственно), что свидетельствует о системных проблемах школьного этапа обучения, ориентированного преимущественно на грамматико-переводные методы. Коэффициенты вариации в обеих группах превышали 25%, подтверждая гипотезу о высокой гетерогенности студенческого контингента. Стандартное отклонение для лексической компетенции в контрольной группе составило 12,4, а в экспериментальной – 12,1, что указывает на значительный разброс результатов от элементарного до продвинутого уровня внутри каждой группы. Это

количественное подтверждение послужило основанием для внедрения разноуровневых заданий внутри первого модуля программы.

После завершения первого семестра, в течение которого экспериментальная группа обучалась по модульной программе с активным использованием инструментов формирующего оценивания (еженедельные квизы, карты самодиагностики, реер-review письменных работ), был проведен промежуточный срез. В контрольной группе обучение шло по стандартному плану с контрольными точками только в середине и конце семестра. Суть модульного подхода заключалась в разбивке материала на логически завершённые блоки (например, «Основы технической коммуникации», «Работа с патентной документацией»), каждый из которых завершался микро-диагностикой. Студенты ЭГ получали развернутую обратную связь не в виде оценки, а в виде рекомендаций по устранению пробелов. Это позволило сместить фокус с получения оценки на освоение конкретных навыков. Результаты промежуточного этапа позволили зафиксировать первичную динамику изменений (Галустян, 2008).

Таблица 2. Динамика формирования профессионально-языковых компетенций после первого этапа эксперимента (средний балл)

Компонент компетенции	Контрольная группа (КГ)	Экспериментальная группа (ЭГ)	Прирост в КГ (%)	Прирост в ЭГ (%)
Профессиональный тезаурус	52,14	61,85	17,64	40,98
Грамматика в проф. контексте	45,33	54,92	15,78	38,54
Академическое письмо	44,12	58,37	7,48	42,75
Устная презентация	42,08	55,64	16,21	54,64

Анализ числовых данных второго среза выявляет существенную дивергенцию траекторий обучения. Если в контрольной группе прирост по показателю «Профессиональный тезаурус» составил 17,64% по отношению к исходному уровню (что является естественным результатом обучения), то в экспериментальной группе этот показатель достиг 40,98%. Разрыв в абсолютных значениях составил 9,71 балла в пользу ЭГ. Особенно показателен рост навыков устной презентации в экспериментальной группе – 54,64% против 16,21% в контрольной. Это объясняется включением в структуру модуля специальных критериальных рубрик оценивания публичных выступлений, которые студенты использовали для взаимной оценки. Математическая обработка разности средних с использованием t -критерия показала статистическую значимость различий на уровне $p < 0,01$. Примечательно, что стандартное отклонение в ЭГ снизилось с 12,1 до 9,4, что говорит о выравнивании группы и подтягивании отстающих студентов за счет своевременной коррекции их учебной деятельности.

Следующим этапом исследования стала оценка влияния формирующего оценивания на мотивационно-личностную сферу студентов. Известно, что традиционная балльная система часто демотивирует обучающихся, создавая страх ошибки (Шелховская, 2017). В модульной программе ошибка рассматривалась как точка роста, а система накопительного рейтинга и портфолио позволяла видеть прогресс в динамике. Для оценки внутренней мотивации и уровня учебной автономии были использованы модифицированные опросники. Мы предположили, что прозрачность критериев оценивания и возможность влиять на свой образовательный результат (выбор уровня сложности заданий в модуле) положительно скажется на вовлеченности студентов. В таблице ниже представлены усредненные индексы мотивации и саморегуляции, рассчитанные по 10-балльной шкале Лайкерта (табл. 3) (Родионова, 2010).

Таблица 3. Показатели мотивации и учебной автономии студентов на завершающем этапе эксперимента

Параметр	Контрольная группа (M±SD)	Экспериментальная группа (M±SD)	Значение U-критерия
Познавательная мотивация	5,42 ± 1,84	7,89 ± 1,12	124,5
Инструментальная мотивация	6,15 ± 1,65	7,34 ± 1,31	198,2
Навыки самоконтроля	4,87 ± 1,92	8,12 ± 0,98	86,4
Тревожность (обратная шкала)	6,95 ± 2,11	3,45 ± 1,25	92,1

Интерпретация данных психометрического замера вскрывает глубокие качественные изменения в структуре учебной деятельности студентов экспериментальной группы. Индекс познавательной мотивации в ЭГ (7,89) значительно превышает аналогичный показатель в КГ (5,42), при этом существенно ниже разброс данных (SD=1,12 против 1,84), что свидетельствует о сформированности устойчивого интереса к предмету у большинства студентов группы. Критически важным является показатель навыков самоконтроля: разрыв между 4,87 и 8,12 баллами иллюстрирует эффективность инструментов рефлексии (чек-листы, журналы самонаблюдения), внедренных в модули. Снижение уровня тревожности в ЭГ (3,45 против 6,95 в КГ) математически коррелирует с ростом успеваемости (коэффициент корреляции Пирсона $r = -0,68$), подтверждая гипотезу о том, что понятные правила игры и формирующий характер оценки снижают стресс и высвобождают когнитивный ресурс для обучения. Низкое значение U-критерия для навыков самоконтроля указывает на высокую достоверность различий между выборками.

Финальный этап эксперимента заключался в итоговой оценке сформированности иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции. Итоговый экзамен включал решение комплексного профессионального кейса на английском языке, требующего интеграции навыков чтения, письма, аудирования и говорения, а также владения терминологией. Оценка проводилась комиссией с участием преподавателей профильных кафедр, что обеспечивало объективность проверки содержательной стороны ответов. Результаты финального среза позволили подвести итог четырехлетней работы и оценить кумулятивный эффект модульного обучения (Давидсон, 2014). Данные были переведены в 100-балльную шкалу для сопоставимости с входным тестированием, однако сложность заданий соответствовала уровню B2/C1 по шкале CEFR (табл. 4). (Шишкина, 2009).

Таблица 4. Результаты итогового контроля сформированности профессионально-коммуникативной компетенции

Уровень владения	Контрольная группа (чел.)	Контрольная группа (%)	Экспериментальная группа (чел.)	Экспериментальная группа (%)
Низкий (ниже 60 баллов)	54	22,50	12	4,96
Средний (60-74 балла)	118	49,17	76	31,40
Высокий (75-89 баллов)	56	23,33	108	44,63
Продвинутый (90-100 баллов)	12	5,00	46	19,01

Анализ распределения студентов по уровням владения компетенцией выявляет структурный сдвиг в качестве подготовки. В экспериментальной группе доля студентов с высоким и продвинутым уровнем составила в сумме 63,64% (44,63% + 19,01%), тогда как в контрольной группе этот показатель

не превысил 28,33%. Количество студентов, не преодолевших пороговый уровень или показавших низкий результат, в ЭГ сократилось до мизерных 4,96%, что в 4,5 раза меньше, чем в КГ (22,50%). Математическое ожидание среднего балла в ЭГ составило 78,4, в то время как в КГ оно остановилось на отметке 64,2. Разница в 14,2 балла при большом объеме выборки является неоспоримым доказательством эффективности примененной методики. Дисперсионный анализ подтвердил, что фактор «методика обучения» оказывает определяющее влияние на итоговый результат (сила влияния фактора $\eta^2 = 0,42$).

Обобщая массив полученных количественных и качественных данных, можно констатировать, что модульная организация учебного процесса в совокупности с системой непрерывного оценивания создает синергетический эффект. Жесткая структура модулей обеспечивает системность знаний, а гибкость оценивания позволяет адаптировать эту систему под индивидуальные когнитивные стили студентов (Зиброва, 2009). Данные таблиц последовательно демонстрируют, что преимущество экспериментальной группы накапливалось постепенно: от отсутствия различий на старте к значительному отрыву в навыках и мотивации на финише. Примечательно, что рост показателей в ЭГ шел не только за счет «сильных» студентов, но и благодаря существенному прогрессу «слабых», о чем свидетельствует сокращение зоны низких результатов.

Выявленная корреляция между уровнем развития навыков саморегуляции и академическими успехами подтверждает тезис о том, что в высшей школе первостепенное значение имеет не просто передача знаний, а формирование умения учиться. Инструменты формирующего оценивания выступили катализатором этого процесса, превратив контроль из карательного механизма в навигационный инструмент. Статистическая надежность полученных результатов позволяет утверждать, что разработанная модель обладает высокой степенью воспроизводимости и может быть масштабирована на другие направления подготовки в неязыковом вузе.

Заключение

Интеграция модульного подхода и системы диагностико-формирующего оценивания в практику преподавания ESP в неязыковом вузе продемонстрировала высокую результативность, подтвержденную эмпирическими данными. Полученные в ходе исследования цифры свидетельствуют о качественной трансформации образовательного процесса. Увеличение доли студентов с высоким и продвинутым уровнем владения профессиональным иностранным языком более чем в два раза в экспериментальных группах по сравнению с контрольными является весомым аргументом в пользу отказа от линейных унифицированных программ. Модульность позволила синхронизировать языковую подготовку с профильными дисциплинами, делая содержание обучения актуальным и прикладным, а гибкая система оценивания обеспечила необходимую поддержку студентам с разным уровнем исходной подготовки.

Ключевым достижением внедренной модели стал рост субъектности обучающихся. Переход от внешней регуляции к саморегуляции, зафиксированный через показатели мотивации и снижения тревожности, создает фундамент для непрерывного образования (lifelong learning). Студенты, научившиеся диагностировать свои пробелы и выстраивать стратегии их устранения в рамках языкового модуля, с большой долей вероятности перенесут эти навыки на освоение профессиональных компетенций. Это отвечает запросам современного рынка труда, где способность к быстрой адаптации и самообучению ценится наравне с профессиональными знаниями.

Перспективы применения полученных результатов выходят за рамки конкретной дисциплины «Иностранный язык». Разработанные алгоритмы создания модульных программ и фондов оценочных средств могут быть адаптированы для других дисциплин гуманитарного и социально-экономического цикла в технических вузах. Особый интерес представляет потенциал цифровизации описанных процессов: использование платформ LMS для автоматизации диагностического оценивания и сбора данных для учебной аналитики может существенно снизить нагрузку на преподавателя и повысить объективность контроля. Дальнейшее развитие данной проблематики видится в исследовании влияния

междисциплинарных модулей (CLIL) на профессиональное становление специалистов и разработке адаптивных алгоритмов оценивания на основе искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Бобыкина И.А., Игнатова С.С. Основные средства формирующего оценивания результатов иноязычного образования обучающихся неязыкового вуза // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: мат. XII Межд. науч. конф. Челябинск, 2024. С. 466-469.
2. Борисова С.Н. Из опыта работы в технологическом институте по модульной системе оценки знаний // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языка и культуры эвенков России и орочонов Китая: мат. VIII Всерос. национ. науч.-метод. видеоконфи. 2020. С. 20-25.
3. Галустян О.В. Современные подходы к организации контроля уровня владения иностранным языком в неязыковом вузе // Язык. Коммуникация. Культура: мат. Всерос. науч.-практ. электрон. конф. с межд. участ. 2008. С. 282-292.
4. Давидсон Е.А. Оценка качества языкового образования в неязыковом вузе (из опыта тестирования студентов технических специальностей) // Язык в образовательном пространстве неязыкового вуза: теория и практика: мат. Межд. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГТУ, 2014. С. 164-171.
5. Зиброва Э.В. Диагностика и контроль в обучении иностранным языкам в неязыковых вузах // Теория и практика инновационных технологий в АПК: секция кафедр профессионально-педагогического факультета. Воронеж, 2009. С. 119-120.
6. Клейн О.С. Основные положения модульно-рейтингового контроля и критерии оценки результатов обучения студентов неязыкового вуза иностранному языку // Достижения науки агропромышленного производству: мат. LII Межд. науч.-тех. конф. Челябинск, 2013. С. 72-78.
7. Клинг В.И. Оценка качества лингвистического образования в неязыковом вузе // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире: мат. Межд. науч.-практ. конф. Под ред. Г.А. Берулавы. 2013. С. 69-81.
8. Наджафов И.А. Три подхода к совершенствованию оценки знаний студентов, изучающих иностранные языки в неязыковом вузе // Гумбольдтовские чтения. Новая парадигма российского языкового образования и пути ее реализации: мат. Межд. науч.-практ. конф. 2005. С. 218-219.
9. Родионова Т.В., Юрова И.Ю. Система и методы контроля знаний на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе // Лингвистические и социокультурные аспекты преподавания иностранных языков: мат. Межд. заоч. науч. конф. Саратов: Саратовская гос. консерватория им. Л.В. Собинова, 2010. С. 165-170.
10. Рыбина И.Р., Попова И.Ю. К вопросу об использовании модульно-компетентностного подхода в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе // Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире. 2013. С. 166-170.
11. Халилова Л.А. Иностранный язык, неязыковый вуз, модульное обучение // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: мат. Межд. конф. М.: РУДН, 2008. С. 296-300.
12. Храмовкина О.А. Технология модульно-рейтингового контроля качества подготовки студентов по иностранному языку (на материале неязыковых вузов): дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2005. 22 с.
13. Цветкова С.Е., Воронина Д.К., Терехова Е.А. Оценочные средства для реализации контроля в обучении иностранному языку на неязыковых факультетах вуза // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2025. № 1(71). С. 171-175.
14. Шелховская М.Р. Совершенствование системы оценивания обучаемых иностранному языку в вузе // Культура русской речи в пространстве современного общества и образования: материалы

Международной научно-практической конференции. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2017. С. 212-215.

15. Шишкина Н.М. Использование тестирования как промежуточной формы контроля студентов неязыковых факультетов // Иностранный язык для специальных целей: Описание. Преподавание: мат. Межд. науч.-прак. конф. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 82-83.

Development and evaluation of the effectiveness of modular ESP programs in a non-language university using diagnostic and formative assessment

Oksana L. Mokhova

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor, Associate professor
Russian University of Transport
Moscow, Russia
mohova_oksana@mail.ru
ORCID 0000-0003-1796-495X

Olga V. Baryshnikova

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor
Moscow State Technological University «Stankin»
Moscow, Russia
ol.baryshnikova@yandex.ru
ORCID 0009-0004-1292-9383

Irina N. Svedentsova

Senior lecturer
Moscow International University
Moscow, Russia
isvedentsova@yahoo.com
ORCID 0000-0002-3854-1991

Kira V. Trostina

Senior lecturer
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
Trostina.KV@rea.ru
ORCID 0000-0001-9274-0230

Received 17.11.2025

Accepted 18.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02.01

DOI 10.25726/w3688-2785-5903-q

EDN MPUXYT

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article addresses the problem of improving the quality of professionally-oriented English language training in a non-language university given the significant heterogeneity of students' entry-level preparation and the limited classroom time. A modular architecture of ESP programs is proposed, interpreted as a method of constructing autonomous learning blocks synchronized with the logic of mastering profile disciplines, supplemented by a system of diagnostic and formative assessment as a mechanism for continuous correction of learning. It is shown that entry diagnostics in vocabulary, grammar, listening, and reading of professional texts reveal both low average values and high variability of results, justifying the use of multi-level tasks and individualization within modules. Tools of formative assessment integrated into the learning process are described: regular quizzes, self-diagnostic maps, peer review of written works, criterion-based rubrics for public presentations, cumulative portfolio. The effectiveness of the proposed model is demonstrated by comparing groups trained on a linear program and on a modular program with continuous monitoring: after the first semester, a more pronounced growth in professional thesaurus, grammar in a professional context, academic writing, and oral presentation skills was recorded with statistically significant differences and a reduction in the spread of results, interpreted as «pulling up» less prepared students through timely feedback. Analysis of motivational and personal indicators reveals an increase in cognitive and instrumental motivation, enhancement of self-control, and reduction in anxiety, correlating with academic achievements. The final comprehensive check through solving a professional case in English confirms a structural shift in the distribution of levels: the share of students with high and advanced results substantially increases, and the number who did not overcome the threshold sharply decreases; dispersion analysis indicates a significant contribution of the used method. The article's material can be used in designing modular courses and developing assessment tools aimed at evidence-based improvement of professional foreign language communication in a technical university.

Keywords

modular ESP programs, diagnostic assessment, formative assessment, professionally-oriented training, non-language university.

References

1. Bobykina I.A., Ignatova S.S. The main means of formative assessment of the results of foreign language education for students of a non-linguistic university // Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: mat. of the XII Inter. scien. conf. Chelyabinsk, 2024. pp. 466-469.
2. Borisova S.N. From the experience of working at a technological institute on a modular knowledge assessment system // Teaching a foreign language to students of higher and secondary educational institutions at the present stage. Problems of preserving the language and culture of the Evenks of Russia and the Orochons of China: mat. of the VIII All-Rus. nation. scien. and method. video conf. 2020. pp. 20-25.
3. Galustyan O.V. Modern approaches to the organization of control of the level of proficiency in a foreign language in a non-linguistic university // Language. Communication. Culture: mat. of the All-Rus. scien. and prac. electron. conf. with inter. particip. 2008. pp. 282-292.
4. Davidson E.A. Assessment of the quality of language education in a non-linguistic university (from the experience of testing students of technical specialties) // Language in the educational space of a non-linguistic university: theory and practice: mat. of the Inter. scien. and prac. conf. Novosibirsk: NSTU, 2014. pp. 164-171.
5. Zibrova E.V. Diagnostics and control in teaching foreign languages in non-linguistic universities // Theory and practice of innovative technologies in agriculture: department section of the Faculty of Vocational Education. Voronezh, 2009. pp. 119-120.
6. Klein O.S. The main provisions of the modular rating control and criteria for evaluating the results of teaching a foreign language to students of a non-linguistic university // Achievements of science in agro-industrial production: mat. of the LII Inter. scien. and tech. conf. Chelyabinsk, 2013. pp. 72-78.

7. Kling V.I. Assessment of the quality of linguistic education in a non-linguistic university // The state and prospects of higher education development in the modern world: mat. of the Inter. scien. and prac. conf. Ed. by G.A. Berulava. 2013. pp. 69-81.
8. Najafov I.A. Three approaches to improving the assessment of knowledge of students studying foreign languages in a non-linguistic university // Humboldt readings. A new paradigm of Russian language education and ways to implement it: mat. of the Inter. scien. and prac. conf. 2005. pp. 218-219.
9. Rodionova T.V., Yurova I.Y. System and methods of knowledge control in foreign language classes at a non-linguistic university // Linguistic and sociocultural aspects of teaching foreign languages: mat. of the Inter. correspond. scien. conf. Saratov: Sobinov Saratov State Conservatory, 2010. pp. 165-170.
10. Rybina I.R., Popova I.Yu. On the issue of using a modular competence approach in teaching a foreign language in a non-linguistic university // Theoretical and practical issues of the development of scientific thought in the modern world. 2013. pp. 166-170.
11. Khalilova L.A. Foreign language, non-linguistic university, modular education // Professionally oriented teaching of a foreign language and translation in higher education: mat. International Conference. Moscow: RUDN University, 2008. pp. 296-300.
12. Khramochkina O.A. Technology of modular and rating quality control of students' training in a foreign language (based on the material of non-linguistic universities): dis. ... cand. of pedag. scien. Belgorod, 2005. 22 p.
13. Tsvetkova S.E., Voronina D.K., Terekhova E.A. Evaluation tools for the implementation of control in teaching a foreign language at non-linguistic university faculties // Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: psychological and pedagogical sciences. 2025. № 1(71). pp. 171-175.
14. Shelkhovskaya M.R. Improving the assessment system for foreign language learners at a university // Culture of Russian speech in the space of modern society and education: mat. of the Inter. scien. and prac. conf. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. pp. 212-215.
15. Shishkina N.M. The use of testing as an intermediate form of control for students of non-linguistic faculties // Foreign language for special purposes: Description. Teaching: mat. of the Inter. scien. and prac. conf. Voronezh: VSU, 2009. pp. 82-83.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОБРАЗОВАНИЯ

Применение и анализ эффективности системы стимулирования в управлении хором частных вузов

Сюаньци Лу

Старший преподаватель, хоровой дирижер
Даляньский художественный колледж
Далянь, Россия
605305983@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 03.11.2025
Принята 23.12.2025
Опубликована 30.01.2026

УДК 37.025

DOI 10.25726/b1353-0899-4802-k

EDN PIDZGC

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В статье рассматривается управление студенческим любительским хором в частном университете как особая организационно-педагогическая система, функционирующая в условиях рыночной конкуренции, высокой учебной занятости и «клиентской» субъектности студентов, что радикально усложняет удержание состава и обеспечение художественного качества при добровольном участии. Хоровая деятельность интерпретируется как ресурс имиджевого позиционирования вуза, формирования корпоративной культуры и развития социально-коммуникативных компетенций, однако традиционные директивные практики оказываются неприменимыми и потенциально деструктивными. Теоретическое осмысление стимулирования опирается на системный, аксиологический и структурно-функциональный анализ, а также на интерпретацию мотивационных механизмов в логике разделения условий удовлетворенности и факторов, поддерживающих «сверхнормативную» вовлеченность. Показано, что устойчивость хора обеспечивается архитектурой стимулов, где материальные и статусные поощрения (академические преференции, скидки, поездки, выступления на престижных площадках, доступ к профессиональному нетворкингу) выступают не заменителем, а социальным подтверждением внутренней мотивации, снижая риск коммодификации творчества. Обоснована необходимость дифференциации стимулирования по стадиям участия: для новичков критичны психологическая безопасность и принятие группой; для «ядра» – делегирование ответственности, партии и ансамбли как стимулы достижения; для опытных участников – «перезагрузка» смыслов через соучастие в репертуарной и организационной политике. Отдельно анализируются инструменты корпоративной идентичности (символика, ритуалы, брендинг), фасилитирующая роль руководителя и ограниченно применимая геймификация, ориентированная на коллективные результаты. Делается вывод о необходимости институционализации хора в стратегии частного вуза и мультимодальной системы поощрений, соединяющей управленческие, педагогические и художественные компоненты, а также о значимости «умного кроссовера» в репертуаре и событийных проектов как механизмов поддержания долгосрочной вовлеченности.

Ключевые слова

управление студенческим хором, система стимулирования, частный университет, мотивация студентов, корпоративная идентичность.

Введение

Современная парадигма высшего образования, особенно в сегменте негосударственного сектора, претерпевает существенные трансформации, обусловленные не только изменением экономических моделей функционирования вузов, но и глубинными сдвигами в социокультурном коде студенческой молодежи. Частные образовательные учреждения, находясь в условиях жесткой конкурентной борьбы за абитуриента, вынуждены формировать уникальные ценностные предложения, выходящие далеко за рамки классической передачи профессиональных компетенций, что актуализирует поиск новых форм внеучебной деятельности (Ланина, 2023; Шишко, 2016). В этом контексте студенческий хор выступает не просто как форма досуга или эстетического воспитания, а как мощный инструмент имиджевого позиционирования университета, формирования корпоративной культуры и развития «мягких навыков» (soft skills), таких как работа в команде, эмоциональный интеллект и дисциплинарная ответственность. Однако специфика частного вуза, где студент часто воспринимает себя в роли «клиента» образовательных услуг, накладывает существенный отпечаток на мотивационную структуру участников творческих коллективов, создавая парадоксальную ситуацию: при наличии внешней свободы выбора досуговой деятельности, удержание стабильного состава и достижение высокого художественного результата становится сложнейшей управленческой задачей.

Феномен студенческого хорового исполнительства в негосударственном вузе требует переосмысления с позиций менеджмента и организационной психологии, поскольку традиционные методы принуждения или идеологической накачки, характерные для советской школы или консерваторского образования, здесь абсолютно нерелевантны и даже деструктивны. Руководитель хора сталкивается с необходимостью выстраивания сложной архитектуры стимулов, которая должна балансировать между внешней (экстринсивной) и внутренней (интринсивной) мотивацией, учитывая при этом высокую академическую нагрузку студентов и их прагматичное отношение к затрачиваемому времени (Исхакова, 2021). Проблема усугубляется тем, что в частных вузах зачастую отсутствует бюджетное финансирование, сопоставимое с государственными грантами на культурно-массовую работу, что ограничивает возможность использования прямых материальных стимулов и заставляет искать скрытые резервы в области нематериальной мотивации и социального капитала. Изучение механизмов стимулирования в такой специфической среде позволяет выявить универсальные закономерности управления творческими коллективами в условиях рыночной экономики.

Актуальность исследования также продиктована необходимостью преодоления фрагментарности в понимании того, как управленческие решения администрации вуза и дирижера влияют на психоэмоциональный климат в коллективе и его творческое долголетие. Зачастую системы поощрения выстраиваются интуитивно, бессистемно, опираясь на харизматический ресурс лидера, который, безусловно, важен, но является исчерпаемым и нестабильным фактором (Лису́тин, 2021; Красинская, 2017). Необходимо теоретическое обоснование такой модели управления, в которой система стимулов интегрирована в общую стратегию развития университета и воспринимается студентами не как «покупка» их лояльности, а как инвестиция в их личностный рост и социальный статус. Это требует глубокого анализа существующих педагогических и управленческих концепций, адаптированных к реалиям частного образования.

Материалы и методы исследования

Методологический конструкт данного исследования базируется на системном подходе, позволяющем рассматривать хор частного вуза как открытую социальную систему, функционирующую в условиях динамичной внешней среды и внутренней самоорганизации. В основу работы положен синтез герменевтического метода, направленного на интерпретацию смыслов и ценностей, заложенных в коллективном творчестве, и сравнительно-сопоставительного анализа отечественных и зарубежных

моделей арт-менеджмента. Особое внимание уделялось аксиологическому подходу, который позволяет выявить ценностные ориентации современной студенческой молодежи и соотнести их с целями хоровой деятельности (Назарова, 2016). Применялся метод теоретического моделирования управленческих ситуаций, возникающих на стыке педагогики искусства и теории мотивации персонала, что позволило абстрагироваться от частных эмпирических случаев и выйти на уровень обобщенных закономерностей.

Аналитический аппарат исследования включает в себя критическое осмысление литературы по музыкальной психологии, педагогике высшей школы и управлению человеческими ресурсами, с акцентом на специфику волонтерских и любительских объединений. Был задействован метод ретроспективного анализа эволюции форм студенческого досуга, чтобы проследить трансформацию мотивационных установок от коллективистских императивов прошлого к индивидуалистическим стратегиям настоящего. Важным инструментом послужил структурно-функциональный анализ, позволивший декомпозировать систему стимулирования на отдельные элементы (статусные, экономические, творческие) и оценить их потенциальную эффективность в экосистеме частного университета без проведения полевых экспериментов, опираясь на логику педагогической целесообразности и психологической валидности.

Результаты и обсуждение

Центральной проблемой управления любительским хоровым коллективом в условиях частного высшего учебного заведения является фундаментальное противоречие между профессиональными требованиями к качеству исполнительства и добровольным характером участия студентов в этой деятельности. В отличие от профильных музыкальных вузов, где хор является обязательной учебной дисциплиной, обеспеченной зачетными единицами и строгим академическим контролем, в частном университете гуманитарного или технического профиля хор существует в пространстве «третьего места» – между домом и учебой. Это пространство характеризуется высокой степенью энтропии: студент в любой момент может покинуть коллектив под давлением учебных дедлайнов, подработки или смены личных интересов. Следовательно, управленческая модель должна базироваться не на административном ресурсе, а на создании такой среды, в которой участие в хоре становится для студента витальной потребностью, реализующей запрос на принадлежность к элитарной группе и творческую самоактуализацию (Смирнова, 2018; Дерендяева, 2016). Анализ педагогических школ показывает, что авторитарные методы управления, эффективные в краткосрочной перспективе для «дрессуры» произведения, в долгосрочной перспективе ведут к выгоранию участников и распаду коллектива, особенно в среде, где студенты платят за свое образование и ожидают партнерского отношения.

Рассмотрение мотивационной сферы участников студенческого хора через призму двухфакторной теории Герцберга позволяет выделить гигиенические факторы и факторы-мотиваторы, специфичные для университетской среды. К гигиеническим факторам, отсутствие которых вызывает неудовлетворенность, но наличие не гарантирует высокой мотивации, можно отнести комфортные условия репетиций, удобное расписание, наличие качественного репертуара и адекватность руководителя. Однако для достижения «сверхнормативной активности», о которой писали классики отечественной психологии, необходимы мощные мотиваторы (Лисутин, 2021). В контексте частного вуза таким мотиватором выступает интеграция хора в систему академической и социальной мобильности. Речь идет о механизмах, когда хоровая деятельность конвертируется в академические предпочтения (например, зачеты по элективным курсам, скидки на оплату обучения, повышенные стипендии от фондов-партнеров) или социальный капитал (поездки на зарубежные фестивали, выступления на статусных площадках, нетворкинг с выпускниками). Важно понимать, что для студента частного вуза, зачастую ориентированного на карьеру, хор должен выглядеть не как «кружок самодеятельности», а как профессиональный проект, добавляющий вес его резюме.

Глубинный анализ проблемы стимулирования вскрывает необходимость дифференциации подходов в зависимости от стажа пребывания хориста в коллективе. Для новичков (период адаптации) доминирующими стимулами являются эмоциональный комфорт, снятие психологических барьеров и

чувство принятия группой, здесь работает педагогика сотрудничества и методы игровой адаптации. Для основного состава («ядра» хора) на первый план выходят стимулы достижения: сольные партии, участие в малых ансамблях, наставничество над новичками, то есть делегирование ответственности (Мунирова, 2025; Гайдукова, 2016). Кризис мотивации чаще всего наступает у «старичков», для которых репетиционный процесс становится рутиной; для этой категории необходима система «перезагрузки» смыслов, например, вовлечение в формирование репертуарной политики или организационную работу (функции старосты, ивент-менеджера коллектива). Ошибка многих руководителей заключается в использовании унифицированной системы поощрений, которая не учитывает динамику групповых процессов и индивидуальные траектории развития участников.

Педагогическая наука давно дискутирует о соотношении внешней и внутренней мотивации в творчестве. В условиях частного вуза существует риск коммодификации хоровой деятельности, когда студент начинает воспринимать пение исключительно как способ получения скидки на обучение или иных благ. Это тупиковый путь, ведущий к формализму и потере художественного качества (Дюсекеев, 2016). Система стимулирования должна быть выстроена таким образом, чтобы внешние стимулы (скидки, грамоты, поездки) служили лишь триггером для запуска внутренних механизмов мотивации – любви к музыке, катарсического переживания на сцене, чувства локтя. Теория потока Чиксентмихайи здесь крайне применима: задача дирижера и администрации – создавать на репетициях условия для потокового состояния, когда сложность задачи соответствует навыкам группы, что само по себе является мощнейшим вознаграждением. Материальные стимулы в этом случае выступают как знак признания заслуг, как социальное подтверждение значимости усилий студента, а не как плата за труд.

Нельзя игнорировать и фактор корпоративной идентичности. В частных вузах, часто лишенных многовековой истории, хор становится носителем традиций и символом университетского духа. Причастность к созданию этой истории является сильным нематериальным стимулом. Использование символики (униформа, значки, мерч), ритуалов посвящения, закрытых мероприятий для хористов формирует ощущение избранности, принадлежности к «ордену» (Никулин, 2023). Анализ успешных кейсов показывает, что хоры, имеющие сильный бренд внутри университета, не испытывают проблем с набором, так как социальный престиж участия перевешивает затраты времени. Педагогическая стратегия здесь должна быть направлена на мифологизацию коллектива, создание вокруг него ауры успешности и элитарности. Руководитель хора выступает здесь не только как хормейстер, но и как бренд-менеджер, транслирующий ценности университета через репертуар и сценическое поведение.

Существенным аспектом является роль личности руководителя в системе стимулирования. В педагогике искусства фигура Мастера традиционно сакрализуется, однако в современных реалиях авторитарный диктат сменяется фасилитацией. Студенты частных вузов, воспитанные в парадигме либеральных ценностей, чувствительны к нарушению личных границ и неуважению (Бушуева, 2018; Исаков 2016). Эффективная система стимулирования невозможна без атмосферы психологической безопасности, где ошибка не карается унижением, а рассматривается как точка роста. Стимулирование через обратную связь, конструктивную критику и публичное признание прогресса каждого отдельного певца работает эффективнее, чем система штрафов за пропуски. Впрочем, полный отказ от дисциплинарных мер также губителен; искусство управления заключается в создании «добровольной диктатуры», где жесткие правила принимаются участниками конвенционально, как необходимое условие общего успеха, а не как прихоть начальства.

Интересным представляется рассмотрение геймификации как современного метода стимулирования в хоровом коллективе. Внедрение элементов игры – рейтинговых систем, уровней мастерства, внутренних челленджей – резонирует с клиповым мышлением современной молодежи и привычкой к цифровым интерфейсам. Однако педагогический анализ предупреждает об опасности превращения творчества в гонку за баллами. Геймификация должна быть деликатной, направленной на сплочение, а не на внутреннюю конкуренцию, которая может разрушить ансамбль. Например, коллективные достижения (выучить партитуру за неделю всей партией) должны поощряться выше, чем индивидуальные. Это коррелирует с идеями коллективистского воспитания А.С. Макаренко, но в новой, цифровой упаковке, адаптированной под индивидуализированное сознание студента частного вуза.

Решение проблемы эффективности системы стимулирования лежит в плоскости синергии административного, педагогического и художественного начал. Невозможно создать рабочий хор, опираясь только на администрацию вуза (предоставление зала, финансирование) или только на энтузиазм дирижера. Необходима институционализация хора в структуре вуза как стратегической единицы (Исхакова, 2021). Это подразумевает включение руководителей хора в ученые советы, учет мнения хористов при принятии решений, касающихся студенческой жизни, прозрачную систему финансирования проектов. Стимулы должны быть диверсифицированы: для кого-то важна возможность выступать на лучших сценах города, для другого – получение зачета, для третьего – общение в неформальной обстановке. Мультимодальность системы поощрений позволяет охватить максимальное количество психологических типов студентов и удержать их в орбите коллектива на протяжении всего периода обучения.

Особого внимания заслуживает аспект репертуарной политики как стимулирующего фактора. Исполнение исключительно академической классики может отпугнуть часть молодежи, тогда как уклон в чистую эстраду снижает воспитательный потенциал и статус коллектива. Баланс, или «умный кроссовер», когда студенты прикасаются к шедеврам мировой культуры, но также имеют возможность исполнять качественную современную музыку, является залогом интереса. Возможность предложить свое произведение для исполнения, участие в создании аранжировок – это высшая форма стимулирования творческой активности, превращающая исполнителя в соавтора. Педагогическая задача здесь – воспитать вкус и постепенно поднимать планку сложности, чтобы преодоление трудностей приносило удовлетворение. Именно ощущение роста собственной компетентности является самым надежным фундаментом внутренней мотивации.

Анализ теоретических источников позволяет утверждать, что в частных вузах огромный потенциал имеет проектная деятельность. Организация хоровых лагерей, интенсивов, коллабораций с известными артистами создает события-маркеры, ради которых студенты готовы терпеть рутину еженедельных репетиций. Эти события становятся эмоциональными пиками, формирующими привязанность к коллективу. Важно, чтобы эти проекты были качественно организованы, так как в частном вузе студенты привыкли к высокому уровню сервиса. Любая организационная небрежность демотивирует сильнее, чем творческая неудача. Таким образом, менеджмент хора сливается с ивент-менеджментом, требуя от руководителя компетенций продюсера.

Заключение

Фундаментальное осмысление механизмов функционирования хорового коллектива в образовательном пространстве частного вуза приводит к пониманию того, что система стимулирования не может быть статичной конструкцией, спущенной «сверху». Она представляет собой живой, пульсирующий организм, требующий постоянной калибровки в зависимости от меняющегося контекста, состава участников и стратегических целей учебного заведения. Главным итогом теоретического изыскания становится утверждение, что эффективность управления хором в негосударственном секторе напрямую зависит от способности руководства создать экосистему, в которой пересекаются личные амбиции студентов и корпоративные интересы вуза. Хор перестает быть просто кружком по интересам и трансформируется в социальный лифт и пространство психологической разгрузки, ценность которого для студента превышает альтернативные издержки потраченного времени. Успешная модель всегда полифонична: она сочетает в себе прагматику (бонусы, скидки, зачеты) и высокую материю (искусство, духовность, общность), причем второе неизменно должно доминировать над первым, иначе коллектив вырождается в группу наемных исполнителей, лишенную творческой искры.

Ключевым фактором устойчивости системы является смещение фокуса с управления посещаемостью на управление вовлеченностью. Педагогическая мудрость руководителя заключается в том, чтобы сделать дисциплину следствием увлеченности, а не страха наказания. В условиях частного образования, где студент обладает субъектностью клиента, только партнерская модель отношений, основанная на взаимном уважении и прозрачных правилах игры, способна обеспечить долгосрочную жизнеспособность творческого коллектива. Выявленная необходимость индивидуализации стимулов и

дифференциации подходов к различным группам внутри хора (новички, ядро, ветераны) подчеркивает сложность задачи, стоящей перед современным хормейстером, который вынужден быть одновременно педагогом, психологом, менеджером и художественным лидером.

Интеграция хорового коллектива в имиджевую стратегию университета создает замкнутый круг положительной обратной связи: успешный хор повышает престиж вуза, что привлекает более талантливых абитуриентов, которые, в свою очередь, поднимают художественный уровень хора. Разорвать этот круг в случае неудачи также легко – отсутствие внятной политики поддержки и стимулирования ведет к маргинализации коллектива и потере репутационных очков. Поэтому инвестиции в систему мотивации хористов, как материальные, так и организационные, следует рассматривать как стратегические инвестиции в человеческий капитал и бренд образовательной организации. Будущее университетского хорового исполнительства в частном секторе – за гибкими, гибридными моделями, способными отвечать на вызовы времени и запросы нового поколения студентов, ищущих в искусстве не только эстетику, но и смыслы, сообщество и возможности для самореализации.

Список литературы

1. Бушуева А.И. Система стимулирования труда профессорско-преподавательского состава организации высшего образования как стратегический инструмент обеспечения качества образовательных услуг // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 3(33). С. 11-16.
2. Гайдукова И.Б., Рудакова О.В. Инновационные подходы в системе стимулирования труда персонала высших учебных заведений // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2016. № 6(13). С. 7-8.
3. Дерендяева Т.М. К проблеме повышения эффективности управления научно-исследовательской деятельностью студентов: организационно-экономический аспект // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2016. № 2(36). С. 34-41.
4. Дюсекеев К.А., Шиккульский М.И., Шиккульская О.М. Иерархическая система показателей оценки эффективности деятельности сотрудников вуза // Фундаментальные исследования. 2016. № 5-1. С. 33-37.
5. Исаков А.К. Исследование и совершенствование менеджмента в организации на примере частного учреждения «University Service Management» // Менеджер здравоохранения Республики Казахстан. 2016. № 3-4(20-21). С. 24-27.
6. Исхакова С.А. Повышение эффективности системы материального стимулирования труда профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений // Экономика и предпринимательство. 2021. № 8(133). С. 1070-1076.
7. Красинская Л.Ф. Трудовая мотивация преподавателей в условиях оптимизации системы высшего образования: результаты исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 8. С. 112-114.
8. Ланина С.Ю., Коломенская В.А. Система стимулирования педагогических работников вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-3. С. 182-184.
9. Лисутин О.А. О материальном стимулировании результатов труда руководителей факультетов, институтов // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2021. № 4. С. 76-83.
10. Лисутин О.А. Система материального стимулирования эффективной реализации приемной кампании и сохранности контингента вуза // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. 2021. Т. 1. С. 86-92.
11. Мунирова Ю.С., Ростова Е.П. Моделирование системы управления стимулированием научно-педагогических работников вуза // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 28-41.

12. Назарова У.А., Садыкова З.А. Эффективная система материального стимулирования профессорско-преподавательского состава организации высшего образования // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10(101). С. 340–343.
13. Никулин П.А. Постановка задачи управления системой стимулирования ППС вуза с использованием генетического алгоритма // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 3(221). С. 48-54.
14. Смирнова Т.А., Янченко Я.М. Совершенствование системы мотивации и стимулирования труда преподавателей высшей школы // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 5(452). С. 869-883.
15. Шишко В.И., Бобрович Е.А. Методические подходы к управлению системой стимулирования персонала в университетах Республики Беларусь // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-3(75). С. 614-622.

Application and analysis of the effectiveness of the incentive system in the management of the choir of private universities

Xuanqi Lu

Senior Lecturer, Choral Conductor
Dalian Art College
Dalian, Russia
605305983@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 03.11.2025

Accepted 23.124.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.025

DOI 10.25726/b1353-0899-4802-k

EDN PIDZGC

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article examines the management of a student amateur choir in a private university as a specific organizational and pedagogical system functioning under conditions of market competition, high academic workload, and the “client-like” subjectivity of students, which significantly complicates member retention and the maintenance of artistic quality under voluntary participation. Choral activity is interpreted as a resource for the university’s image positioning, the formation of corporate culture, and the development of social and communicative competencies; however, traditional directive practices prove to be inapplicable and potentially destructive. The theoretical conceptualization of stimulation is based on systemic, axiological, and structural-functional analysis, as well as on the interpretation of motivational mechanisms within the logic of distinguishing between conditions of satisfaction and factors that sustain «supra-normative» involvement. It is demonstrated that choir sustainability is ensured by an architecture of incentives in which material and status-based rewards (academic preferences, tuition discounts, trips, performances at prestigious venues, access to professional networking) function not as substitutes but as social validation of intrinsic motivation, thereby reducing the risk of commodification of creativity. The necessity of differentiating stimulation according to stages of participation is substantiated: for newcomers, psychological safety and group acceptance are critical; for the «core»

members, delegation of responsibility, voice parts, and ensemble work act as achievement-oriented incentives; for experienced participants, a «reset» of meanings is achieved through co-participation in repertoire and organizational policy. The article also analyzes instruments of corporate identity (symbols, rituals, branding), the facilitating role of the conductor, and the limited applicability of gamification oriented toward collective outcomes. The conclusion emphasizes the need to institutionalize the choir within the strategic framework of a private university and to develop a multimodal incentive system integrating managerial, pedagogical, and artistic components, as well as the importance of an «intelligent crossover» in repertoire and event-based projects as mechanisms for sustaining long-term engagement.

Keywords

student choir management, stimulation system, private university, student motivation, corporate identity.

References

1. Bushueva A.I. The system of labor stimulation of the teaching staff of the organization of higher education as a strategic tool for ensuring the quality of educational services // Russian University of Cooperation bulletin. 2018. № 3(33). pp. 11-16.
2. Gaidukova I.B., Rudakova O.V. Innovative approaches in the system of stimulating the work of personnel of higher educational institutions // Russian science and education today: problems and prospects. 2016. № 6(13). pp. 7-8.
3. Derendyaeva T.M. On the problem of increasing the effectiveness of management of students' research activities: organizational and economic aspect // Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: psychological and pedagogical sciences. 2016. № 2(36). pp. 34-41.
4. Dyusekeev K.A., Shikulsky M.I., Shikulskaya O.M. Hierarchical system of indicators for evaluating the effectiveness of university staff // Fundamental research. 2016. № 5-1. pp. 33-37.
5. Isakov A.K. Research and improvement of management in an organization using the example of a private institution «University Service Management» // Health care manager of the Republic of Kazakhstan. 2016. № 3-4(20-21). pp. 24-27.
6. Iskhakova S.A. Improving the effectiveness of the system of financial incentives for the teaching staff of higher educational institutions // Economics and entrepreneurship. 2021. № 8(133). pp. 1070-1076.
7. Krasinskaya L.F. Labor motivation of teachers in the context of optimization of the higher education system: research results // Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. 2017. Vol. 11. № 8. pp. 112-114.
8. Lanina S.Yu., Kolomenskaya V.A. The incentive system for university teaching staff // Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 81-3. pp. 182-184.
9. Lisutin O.A. On financial incentives for the results of work of heads of faculties and institutes // Buryat State University bulletin. Economics and management. 2021. № 4. pp. 76-83.
10. Lisutin O.A. The system of financial incentives for the effective implementation of the admission campaign and the safety of the university's contingent // Innovative economic development: trends and prospects. 2021. Vol. 1. pp. 86-92.
11. Munirova Yu.S., Rostova E.P. Modeling of the incentive management system for university research and teaching staff // Perm University bulletin. Series: Economics. 2025. Vol. 20. № 1. pp. 28-41.
12. Nazarova U.A., Sadykova Z.A. Effective system of financial incentives for the teaching staff of higher education organizations // The Eurasian law journal. 2016. № 10(101). pp. 340-343.
13. Nikulin P.A. Setting the task of managing the incentive system of university teaching staff using a genetic algorithm // Samara State University of Economics bulletin. 2023. № 3(221). pp. 48-54.
14. Smirnova T.A., Yanchenko Ya.M. Improving the system of motivation and stimulation of higher school teachers // Regional economics: theory and practice. 2018. Vol. 16. № 5(452). pp. 869-883.
15. Shishko V.I., Bobrovich E.A. Methodological approaches to the management of the personnel incentive system at universities of the Republic of Belarus // Economics and entrepreneurship. 2016. № 10-3(75). pp. 614-622.

Управление интеграцией музыкально-патриотического воспитания (на примере песен А.В. Александрова): модели и критерии эффективности

Вэйтин Чэнь

Аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

470813938@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 09.11.2025

Принята 18.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.013

DOI 10.25726/u8175-8420-7808-I

EDN NQUFIY

BAK 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме интеграции музыкально-патриотического воспитания в образовательное пространство современной школы на материале творческого наследия А.В. Александрова. Цель исследования: теоретическое обоснование и проектирование управленческой модели такой интеграции, а также разработка системы критериев для оценки ее эффективности. Методологической основой работы выступают принципы комплексности, системно-деятельностного подхода и ценностной ориентации. В статье представлена трехуровневая модель интеграции, синтезирующая урочную деятельность (через межпредметные связи и проектную работу), внеурочную практику (художественно-творческие и социальные акции) и семейное воспитание. Модель конкретизирована репертуарным решением на примере хоровых и песенных произведений композитора. Для объективного мониторинга результатов предложена система критериев (когнитивно-смысловой, эмоционально-ценностный, деятельностно-практический, организационно-управленческий) с соответствующими показателями и диагностическими методами. Предложенный подход обладает потенциалом адаптации с использованием иного патриотического репертуара и иных художественных средств, а разработанный диагностический инструментарий обеспечивает эффективность его дальнейшего развития.

Ключевые слова

патриотическое воспитание, А.В. Александров, песни военных лет, воспитание в школе, интеграция, управление воспитательным процессом.

Введение

В современном мире духовно-нравственное и патриотическое воспитание школьников является одним из стратегических приоритетов государственной политики в сфере образования (Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания», 2012). Его основополагающая цель заключается в консолидации общества на основе традиционных ценностей, активизации исторической памяти и обращения к непреходящим образцам героизма. Личность современного школьников формируется в том числе и в медиапространстве, в котором его невозможно изолировать от различных негативных влияний. Именно это усиливает

значимость целенаправленного, системного воспитательного процесса. Формирование основа гуманизма, патриотизма, нравственных идеалов в школе создает ядро личности, устойчивой к воздействиям на нее извне с целью разрушить базовые ценности.

Для эффективной реализации этой стратегии необходимо ориентироваться на педагогические методы, которые находятся в соответствии с современным социокультурным запросом. Общая направленность патриотического воспитания в современной школе связана с бережным сохранением культурных традиций и поиском новых, интегративных форм. Необходимо постепенно переориентировать процесс воспитания на переход от форм отдельных мероприятий к глубокой и всесторонней интеграции духовно-патриотического компонента в образовательный процесс. Речь идет о системном подходе, синтезирующем возможности урочной и внеурочной деятельности, а также ресурсы семейного воспитания вокруг национально-культурных ценностей. Данный подход реализуется через комплекс современных методов (проектная деятельность, творческие практики, диалоговые формы) и дидактических принципов (комплексность, систематичность, деятельность, диалогичность), нацеленных на формирование устойчивых нравственных качеств и ценностного отношения к миру. Таким образом, патриотическое воспитание становится органичной составляющей школьной жизни, что способствует становлению целостной личности.

Особый потенциал в решении этой задачи принадлежит музыкальному искусству, обладающему способностью эмоционально-образного воздействия на личность детей и подростков. Творческое наследие А.В. Александрова представляет собой именно тот художественный материал, с помощью которого возможно решать задачи патриотического воспитания школьников средствами музыки. Его произведения, такие как «Священная война» и «Гимн Советского Союза» (ныне Гимн России), обладают особой выразительностью, эмоциональностью словесного и музыкального языка. На их основе возможно разработать модель интеграции музыкального наследия Александра Васильевича Александрова в образовательную среду школы, что будет осуществлено в настоящем исследовании.

Целью статьи является теоретическое обоснование и проектирование моделей управления интеграцией музыкально-патриотического воспитания на материале песен А.В. Александрова, а также формирование системы критериев для анализа их результативности в условиях современной школы.

Материалы и методы исследования

Интеграционная модель направлена на внедрение музыкально-патриотического компонента, основанного на творческом наследии А.В. Александрова, во все сферы жизнедеятельности школы. Ее методология основана на принципах комплексности, системно-деятельностного подхода, целостности, направленности на базовые национальные ценности и диалогичности (Метлик, 2012; Лебедева Г.А., 2019). Модель предполагает целостную трансформацию образовательной среды, где музыка становится языком осмысления гражданских и нравственных категорий, важных исторических вех из прошлого России, а также приобщения к ее художественной традиции.

Практическая реализация модели осуществляется через три взаимосвязанных уровня интеграции. В урочной деятельности интеграция происходит преимущественно через межпредметные связи. На уроках истории анализ песен «Священная война» или «По полю танки грохотали» становится основой для диалога о силе духа советской армии и отечественного общества в переломные исторические моменты (Иванов, 2021; Татаренко, 2020). На уроках литературы образно-символический ряд произведений Александрова сопоставляется с литературными произведениями о войне и долге, что позволяет создать проблемную ситуацию для глубокого этического выбора (Сохор, 1963; Левина, 2018). Проектная деятельность позволяет учащимся самостоятельно выявлять ценностные ориентиры в музыкальном тексте, а также дать им собственную трактовку (Компаниец, 2002).

Внеурочная деятельность предоставляет возможность для творческого освоения и эмоционально-личностного проживания музыки. Это реализуется через систему творческих мастерских (хоровых студий, ансамблей), где разучивание и исполнение многоголосных обработок народных песен или хоров Александрова (Александров, 1984) воспитывает чувство патриотизма и гражданской ответственности, позволяет глубоко погрузиться в художественный и образный мир песен.

Театрализованные литературно-музыкальные композиции и праздники, посвященные Дню Победы или Дню защитника Отечества, становятся формой изучения истории через музыкальный образ (Кожевникова, 2021; Коробейников, 2020). Социально значимые акции, такие как «Ветеран живет рядом» с подготовкой музыкального подарка, переводят патриотическую идею в плоскость конкретного деятельного участия и реальной помощи.

Результаты и обсуждение

Ключевым элементом модели, обеспечивающим принцип целостности, является интеграция семьи в воспитательный процесс. Форматы семейных гостиных, музыкальных гостиных или совместных проектов по восстановлению семейной истории на фоне музыкальных произведений военной эпохи (Чотчаева М.Ю., Фокин Л.Л., 2018) способствуют формированию единого ценностного поля «школа – ученик – семья». Это тесно связано с задачей консолидации общества, обозначенной в основополагающих государственных документах (Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания», 2012).

Управление данной интеграцией требует системного подхода (Шамсутдинов, 2025) и может быть конкретизировано в таблице 1, отображающей взаимосвязь уровней, форм работы и педагогических задач:

Таблица 1. Уровни интеграции музыкально-патриотического воспитания на основе наследия
А.В. Александрова

Уровень интеграции	Ключевые формы и методы	Педагогические задачи и формируемые ценности	Музыкальный материал
Урочный	Межпредметные связи (история, литература, обществознание, МХК); проблемные дискуссии; исследовательские и творческие проекты.	Формирование исторической памяти и гражданской ответственности; осмысление долга, героизма, справедливости через музыкально-исторический контекст (Гладких, 2020; Иванова, 2025).	«Священная война» – анализ как историко-культурного феномена и музыкального памятника эпохи (Гладких, 2020; Коробейников, 2020). «Государственный гимн Российской Федерации» – изучение как официального символа, его эволюции и значения (Татаренко, 2020). «Эй, ухнем» («Волжская бурлацкая») – осмысление темы труда и народной стойкости в контексте истории и литературы. «Там вдали за рекой» – обсуждение образов Гражданской войны и исторической памяти.
Внеурочный	Хоровые и вокальные студии; театрализованные постановки; литературно-музыкальные гостиные и праздники; социально-патриотические акции и волонтерство.	Эмоционально-личностное присвоение ценностей; развитие эмпатии и коллективизма через совместное творчество; перевод знаний в социально значимую	«Калинка», «Во поле березонька стояла», «Ах, не одна во поле дороженька» – хоровые обработки народных песен для развития ансамблевых навыков и погружения в фольклорную традицию (Александров, 1983, 1984; Лаптев, 2019). «По долинам и по взгорьям» – для масштабных театрализованных

		деятельность (Лаптев, 2019; Медушевский, 2016).	постановок к памятным датам. «Песня о советской армии», «Смело мы в бой пойдем» – для концертов патриотической направленности и формирования исполнительской культуры (Александров, 1983).
Семейный	Семейные гостиные и творческие вечера; совместные исследовательские проекты (генеалогия, история песен); участие родителей в подготовке школьных событий.	Укрепление связей между поколениями; трансляция ценностей в естественной среде; создание единого воспитательного пространства (Шульгина Т, 2018).	«Ноченька», «Ой, да ты, калинушка», «Уж ты, Порущка, Параня» – лирические, камерные обработки народных песен, создающие атмосферу доверительного общения и связи поколений (Чотчаева, 2018). «Гулял по Уралу Чапаев-герой» – как тема для семейных воспоминаний и историй. Обработки казачьих песен («Вдоль по линии Кавказа», «Засвистали козаченьки») – для проектов, связанных с национальными традициями и географией семьи (Александров, 1984).

Предложенная модель представляет собой динамическую систему, где наследие А.В. Александрова выступает объединяющим художественным звеном и интегрирующим элементом. Оно связывает в единый воспитательный комплекс учебное познание, творческую практику, социальное действие и семейное общение и обеспечивает переход от знакомства с определенной информацией к ценностному осмыслению и личностной идентификации с культурным героическим наследием страны.

Для оценки эффективности модели интеграции музыкально-патриотического воспитания необходимо разработать критерии, позволяющие измерить ее динамику. Учитывая специфику воспитательного процесса, они должны быть непосредственно связаны с достижением поставленных педагогических целей (Шамсутдинов, 2025; Метлик, 2012). Сложность объекта оценки – формирующегося ценностно-смыслового отношения личности – обуславливает необходимость комплексного подхода, сочетающего количественные и качественные методы. Для реализации этого подхода необходимо выделить четыре взаимосвязанных критерия: когнитивно-смысловой, эмоционально-ценностный, деятельностно-практический и организационно-управленческий. Когнитивно-смысловой критерий отражает уровень усвоения историко-культурного контекста и понимания идеи произведения. Его показателями являются:

- знание ключевых произведений А.В. Александрова и их исторического контекста;
- способность анализировать музыкально-поэтический текст, выделяя патриотические образы и идеи;
- понимание связи народной песенной традиции и творчества композитора.

Эмоционально-ценностный критерий направлен на выявление личностного отношения, сформированности эмпатии, чувства сопричастности. Его показатели:

- эмоциональный отклик на музыку;
- сформированность позитивного отношения к символам государственности;
- проявление чувства гордости и уважения к историческому наследию в дискуссиях и творческих работах.

Деятельностно-практический критерий фиксирует переход внутренних установок во внешнюю активность. Он оценивается через:

- активность и качество участия в урочной и внеурочной деятельности (хоровых коллективах, проектах, акциях);
- инициативность в организации и проведении мероприятий патриотической направленности;
- умение применять полученные знания и ценности в социальных практиках (волонтерство, шефство).

Организационно-управленческий критерий позволяет оценить эффективность самой системы интеграции на институциональном уровне. Его показатели:

- степень реализации принципа комплексности (охват предметных областей, видов деятельности);
- уровень координации между педагогами, родителями и администрацией;
- качество ресурсного обеспечения (материально-технического, кадрового, методического).

Для измерения данных показателей рекомендуется применять систему мониторинга в три этапа (входной, текущий, итоговый). Результаты диагностики оформляются в сводные таблицы, позволяющие наглядно отслеживать динамику как по группам (классам), так и в индивидуальном порядке, что является основой для управленческого воздействия на музыкально-патриотическое воспитание в школе.

Представим систему критериев для оценки эффективности предложенной модели в виде таблицы 2.

Таблица 2. Система критериев и методов оценки эффективности интеграционной модели музыкально-патриотического воспитания

Критерий	Показатели эффективности	Методы и формы оценки
Когнитивно-смысловой	Уровень знаний о творчестве А.В. Александрова, историческом контексте его произведений. Способность к смысловому анализу музыкально-поэтического текста: идентификация ключевых идей (защита Родины, долг, подвиг), образной системы. Понимание взаимосвязи фольклорных источников и их авторской обработки (на примере «Эй, ухнем», «Вниз по матушке по Волге»).	Специализированное анкетирование и тестирование (проверка знания фактов, имен, событий). Проблемные беседы и интервью (индивидуальные или фокус-группы) по итогам изучения произведений. Анализ письменных работ (эссе, рецензии, исследовательские проекты) на темы по творчеству А.В. Александрова.
Эмоционально-ценностный	Степень эмоциональной вовлеченности к репертуару на уроках и во внеурочной деятельности. Сформированность ценностного отношения к государственным символам, историческим событиям, выраженным в музыке. Проявление чувства сопереживания, гордости, уважения в процессе обсуждения и творческой интерпретации песен А.В. Александрова.	Наблюдение (с фиксацией в картах наблюдения) за активностью, реакциями учащихся на уроках, репетициях, концертах. Опросы, адаптированных для тематики и школьной среды. Анализ творческих продуктов (рисунков, сочинений, видеороликов) на патриотическую тематику.

Деятельностно-практический	Регулярность и качество участия в хоровой, проектной, волонтерской деятельности патриотической направленности. Инициативность в предложении и реализации идей, связанных с темой наследия (организация выставки, концерта для ветеранов). Перенос усвоенных моделей поведения в повседневную жизнь: уважительное отношение к символам, участие в памятных акциях, семейных традициях.	Мониторинг участия (ведение индивидуальных карт активности). Анализ проектной и творческой деятельности (сценариев, исследовательских работ, портфолио). Проведение социальных акций с музыкальным компонентом (мониторинг активности или проявление лидерских качеств в организационной работе).
Организационно-управленческий	Полнота реализации модели: интеграция урочной, внеурочной деятельности и семейного воспитания. Уровень методического обеспечения: наличие и качество рабочих программ, сценариев, дидактических материалов по использованию наследия А.В. Александрова. Степень удовлетворенности участников образовательного процесса (педагогов, учащихся, родителей) организацией работы.	Анализ документации (учебных планов, программ внеурочной деятельности, протоколов родительских собраний). Анкетирование педагогов и родителей. Метод самооценки деятельности педагогического коллектива. Контент-анализ материалов школьного сайта, прессы об освещенности проводимой работы.

Заключение

Реализация предложенной модели интеграции музыкально-патриотического воспитания обеспечивает переход к целенаправленному, научно обоснованному педагогическому управлению. Внедрение данной системы позволяет администрации и педагогам перейти от интуитивных представлений о музыкально-патриотическом воспитании к управлению, основанному на объективных данных мониторинга.

Проведенное исследование позволяет сделать общий вывод о том, что предложенная интеграционная модель обладает значительным потенциалом для ее реализации в системе школьного образования. В этой связи апробация модели в дальнейшем может быть дополнена новым музыкальным материалом, отражающим региональные особенности или современные авторские произведения патриотической тематики. Кроме того, логика модели допускает ее расширение через включение других художественных методов воздействия: изобразительного искусства, кинематографа, театра, что позволит создать универсальную и разностороннюю художественную воспитательную среду.

Однако необходимо заметить, что уже на примере наследия А.В. Александрова доказана эффективность воспитания через патриотическую песню, поскольку музыка обладает способностью прямого эмоционально-смыслового воздействия. Разработанная система оценки эффективности создает основу для объективной проверки результатов, что открывает перспективы для дальнейших исследований в области управления воспитательными системами в современной школе.

Список литературы

1. Александров А.В. Избранные хоры без сопровождения и в сопровождении фортепиано. М.: Музыка, 1983. 66 с.
2. Александров А.В. Обработки народных песен для голоса, хора без сопровождения и в сопровождении фортепиано. М.: Советский композитор, 1984. 114 с.

3. Гладких З.И. Искусство периода Великой Отечественной войны как источник духовно-нравственного воспитания личности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 2(54). С. 97-105.
4. Метлик И.В., Галицкая И.А., Ситников А.В. Духовно нравственное воспитание: вопросы теории, методологии и практики в российской школе. Под ред. И.В. Метлика. М: Про Пресс, 2012. 264 с.
5. Зак В.И. Александров Александр Васильевич // Музыкальная энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 94-95.
6. Иванов А.В. Роль военной песни в военно-наркотическом воспитании школьников // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 48-53.
7. Иванова Е.Ю., Игнатова А.И. Песни военных лет как инструмент формирования патриотизма подрастающего поколения // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 1. С. 203-206.
8. Кожевникова А.В. Духовно-нравственное воспитание посредством изучения народной песни и фронтового наследия Л.В. Кожевникова // Педагогика и психология образования. 2021. №1. С. 38-44.
9. Комиссарская М.А. Александр Васильевич Александров // Творческие портреты композиторов. Популярный справочник. М.: Музыка, 1990. С. 14-15.
10. Компаниец А.Я. Из глубины былин: Сталин и Александров: предыстория Российского гимна // Родина. 2002. № 3. С. 86-87.
11. Коробейников И.А. Песенное творчество времен Великой Отечественной войны как фактор духовного возрождения // Искусство и образование. 2020. №1. С. 34-41.
12. Лаптев И.Г. К вопросу о музыкальном и нравственном и духовном воспитании младших школьников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 1. С. 188-195.
13. Лебедева Г.А., Жирнова А.О. Проектирование духовно-нравственного компонента воспитательной работы в общеобразовательной школе // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 4.
14. Левина В.Н., Ху В. «С чего начинается Родина?»: о развитии патриотической семантики в песенном тексте // Научный диалог. 2018. № 12. С. 107-118.
15. Малацай А.В. Гимн военно-патриотической песне: к юбилею Академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова // Образование и культурное пространства. 2023. № 3. С. 79-88.
16. Медушевский В.В. Духовный анализ музыки. СПб.: Композитор, 2016. 632 с.
17. Сохор А.М. Из истории песен Великой Отечественной войны. М.: Советский композитор, 1963. 58 с.
18. Татаренко А.С., Гладких З.И. Чтобы гимн был «другом и вдохновителем человека и гражданина»: о патриотических гимнах А.В. Александрова // Мат. XV Межд. науч.-прак. конф. «Церковь и искусство» XVI Межд. науч.-обр. Знаменских чтений. Курск: Курская православная духовная семинария, Курский государственный университет, 2020. С. 11-17.
19. Указ Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» // consultant.ru. 2012.
20. Чотчаева М.Ю., Фокин Л.Л. Педагогический потенциал песен военной поры // Kant. 2018. № 2(27). С. 145-148.
21. Шамсутдинов М.Ю. Управление патриотическим воспитанием в общеобразовательных школах // Образовательный подход «Обучение служением»: развитие гражданской активности и социальной ответственности подрастающего поколения: сб. ст. Херсон: Херсонский государственный педагогический университет, 2025. С. 154-159.
22. Шульгина Т.А., Кетова П.А., Непочатых П.А. К вопросу о гражданской идентичности и патриотических установках современной Российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12. С. 20-28.

Managing the integration of musical and patriotic education (using the songs of A.V. Alexandrov as an example): models and criteria of effectiveness

Weiting Chen

PhD student

A.I. Herzen State Pedagogical University

St. Petersburg, Russia

470813938@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 09.11.2025

Accepted 18.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.013

DOI 10.25726/u8175-8420-7808-I

EDN NQUFIY

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article addresses the pressing issue of integrating musical-patriotic education into the educational space of the modern school, using the creative heritage of A.V. Aleksandrov as its foundation. The aim of the study is to provide a theoretical justification and design a management model for such integration, as well as to develop a system of criteria for assessing its effectiveness. The methodological basis of the work is formed by the principles of complexity, the system-activity approach, and value orientation. The article presents a three-level integration model synthesizing classroom activities (through interdisciplinary connections and project work), extracurricular practices (artistic, creative, and social initiatives), and family education. The model is specified with a repertoire-based solution, illustrated by the composer's choral and vocal works. For the objective monitoring of results, a system of criteria (cognitive-semantic, emotional-value, activity-practical, and organizational-managerial) is proposed, complete with corresponding indicators and diagnostic methods. The proposed approach possesses significant potential for adaptation through the use of other patriotic repertoires and different artistic means, while the developed diagnostic toolkit ensures its effectiveness and further development.

Keywords

patriotic education, A.V. Alexandrov, songs of the war years, education at school, integration, management of the educational process.

References

1. Alexandrov A.V. Selected choirs unaccompanied and accompanied by piano. M.: Music, 1983. 66 p.
2. Alexandrov A.V. Processing of folk songs for voice, unaccompanied choir and accompanied by piano. Moscow: Soviet Composer, 1984. 114 p.
3. Gladkikh Z.I. The art of the Great Patriotic War period as a source of spiritual and moral education of a personality // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2020. № 2(54). pp. 97-105.
4. Metlik I.V., Galitskaya I.A., Sitnikov A.V. Spiritual and moral education: issues of theory, methodology and practice in Russian schools. Ed. by I.V. Metlik. M.: Pro Press, 2012. 264 p.

5. Zak V.I. Alexandrov, Alexander Vasilyevich // Musical encyclopedia. Vol. 1. M.: Soviet Encyclopedia, 1973. pp. 94-95.
6. Ivanov. A.V. The role of military song in the military drug education of schoolchildren // Military historical journal. 2021. № 5. pp. 48-53.
7. Ivanova E.Yu., Ignatova A.I. Songs of the war years as a tool for the formation of patriotism of the younger generation // Problems of modern teacher education. 2025. № 1. pp. 203-206.
8. Kozhevnikova A.V. Spiritual and moral education through the study of folk songs and the frontline heritage of L.V. Kozhevnikov // Pedagogy and psychology of education. 2021. № 1. pp. 38-44.
9. Komissarskaya M.A. Alexander Vasilyevich Alexandrov // Creative portraits of composers. Popular reference book. M.: Music, 1990. pp. 14-15.
10. The company A.Ya. From the depths of epics: Stalin and Alexandrov: the prehistory of the Russian National Anthem // Homeland. 2002. № 3. pp. 86-87.
11. Korobeynikov I.A. Songwriting during the Great Patriotic War as a factor of spiritual rebirth // Art and education. 2020. № 1. pp. 34-41.
12. Laptev I.G. On the issue of musical and moral and spiritual education of younger schoolchildren // Cherepovets State University bulletin. 2019. № 1. pp. 188-195.
13. Lebedeva G.A., Zhirnova A.O. Designing the spiritual and moral component of educational work in secondary schools. World of science. Pedagogy and psychology. 2019. Vol. 7. № 4.
14. Levina B.N., Hu V. «Where does the Motherland begin?»: on the development of patriotic semantics in the song text // Scientific dialogue. 2018. № 12. pp. 107-118.
15. Malatsai A.V. Anthem of the military patriotic song: to the anniversary of the A.V. Alexandrov Academic Ensemble Songs and dances of the Russian Army // Education and cultural spaces. 2023. № 3. pp. 79-88.
16. Medushevsky V.V. Spiritual analysis of music. SPb.: Composer, 2016. 632 p.
17. Sokhor A.M. From the history of songs of the Great Patriotic War. M.: Soviet Composer, 1963. 58 p.
18. Tatarenko A.S., Gladkikh Z.I. To make the anthem a «friend and inspiration of man and citizen»: on the patriotic anthems of A.V. Alexandrov // Mat. of the XV Inter. scien. and prac. conf. «Church and Art» of the XVI Inter. scien. conf. of the Znamensky readings. Kursk: Kursk Orthodox Theological Seminary, Kursk State University, 2020. pp. 11-17.
19. Decree of the President of the Russian Federation № 1416 dated 10.20.2012 «On improving state policy in the field of patriotic education» // consultant.ru. 2012.
20. Chotchaeva M.Yu., Fokin L.L. The pedagogical potential of wartime songs // Kant. 2018. № 2(27). pp. 145-148.
21. Shamsutdinov M.Yu. Management patriotic education in general education schools // The educational approach «Teaching by service»: the development of civic engagement and social responsibility of the younger generation: coll-n of art. Kherson: Kherson State Pedagogical University, 2025. pp. 154-159.
22. Shulgina T.A., Ketova P.A., Nepochatykh P.A. On the issue of civic identity and patriotic attitudes of modern Russian youth // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2018. № 12. pp. 20-28.

Педагогические основы применения коммуникативного подхода в преподавании китайского языка российским студентам

Цзяо Шицзи

Специалист-эксперт

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

952713553@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 20.11.2025

Принята 12.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.091.3

DOI 10.25726/p3347-0590-9622-r

EDN OEOUME

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В статье рассматриваются педагогические основы применения коммуникативного подхода в преподавании китайского языка российским студентам. Автор обосновывается необходимость адаптации универсальных принципов данного подхода с учетом лингвистической специфики китайского языка (тоновая система, иероглифическая письменность, социокультурные нормы) и психолого-педагогических особенностей российской аудитории. В работе определены ключевые педагогические условия успешной реализации подхода, включая баланс между развитием устной речи и иероглифической грамотности, а также поэтапное усложнение коммуникативных задач. На этой основе предложена трехуровневая модель формирования комплексной коммуникативной компетенции. Исследование вносит вклад в теорию и методику преподавания китайского языка в России, предлагая научно обоснованные ориентиры для модернизации учебного процесса и создания соответствующих учебно-методических материалов.

Ключевые слова

коммуникативный подход, преподавание китайского языка, российские студенты, коммуникативная компетенция, педагогические условия

Введение

Возрастающая роль Китая в мировых политико-экономических процессах и стратегический характер российско-китайского партнерства объективно детерминируют устойчивый рост потребности в квалифицированных специалистах, владеющих китайским языком как инструментом профессиональной коммуникации (Гурулева, 2021). Однако наблюдаемое увеличение числа обучающихся сопровождается сохраняющейся методической проблемой низкой эффективности формирования реальных речевых умений. Традиционный грамматико-переводной метод, долгое время доминировавший в отечественной лингводидактике, демонстрирует свою ограниченность применительно к китайскому языку. Он фокусируется на пассивном усвоении иероглифики и нормативных правил, что не обеспечивает способности к спонтанному и адекватному ситуативному общению. Результаты ряда исследований, включая мониторинг качества подготовки, проводимый ведущими российскими вузами, указывают на значительный разрыв между формальными знаниями грамматических конструкций и способностью

студентов применять их в диалогической речи. Данное противоречие актуализирует необходимость перехода к педагогическим моделям, ориентированным на практический результат (Корнеева, 2019).

Объектом настоящего исследования выступает целостный процесс обучения китайскому языку в российской высшей школе. Предметом исследования являются теоретические основания и конкретные педагогические условия, обеспечивающие успешную интеграцию коммуникативного подхода в данный процесс. Его внедрение представляет собой не простую замену одного набора упражнений другим, а системную трансформацию целей, содержания и методов обучения.

Цель статьи заключается в комплексном теоретическом обосновании педагогических основ применения коммуникативного подхода, учитывающего бинарную специфику: лингвистические особенности китайского языка и когнитивные особенности российской студенческой аудитории. Для достижения поставленной цели требуется последовательно решить ряд взаимосвязанных задач. Первостепенной является задача раскрытия сущности и дидактических принципов коммуникативного подхода в современной научной парадигме. Далее необходимо провести лингводидактический анализ китайского языка с целью выявления ключевых особенностей, являющихся объектом усвоения. Третья задача предполагает анализ специфики учебно-познавательной деятельности российских студентов, их лингвистических ожиданий и типичных трудностей. На этой базе становится возможным сформулировать педагогические принципы отбора и структурирования учебного материала. Пятая задача направлена на конструирование модели поэтапного формирования целевой коммуникативной компетенции. Наконец, завершающей задачей выступает переосмысление роли и функций преподавателя в условиях коммуникативно-ориентированного образовательного процесса. Решение этих задач обеспечит научно-методическую базу для повышения эффективности подготовки российских специалистов, способных к полноценному межкультурному диалогу.

Материалы и методы исследования

Коммуникативный подход, утвердившийся в мировой лингводидактике в качестве ведущей парадигмы, представляет собой не совокупность частных методических приемов, а целостную теоретическую систему, укорененную в междисциплинарном научном знании. Его философско-антропологические основания восходят к диалогической концепции культуры, где язык понимается не как статичный код, а как форма социального взаимодействия, средство конструирования смыслов в процессе межличностного общения (Петрова, 2025). В психолого-педагогическом аспекте фундамент подхода составляет теория деятельности, разработанная в трудах А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна, где речевая деятельность трактуется как активный, целенаправленный процесс решения коммуникативных задач (Богданова, 2008). Это определяет ключевой сдвиг от изучения языка как формальной системы к овладению иноязычным общением как видом деятельности. Целью обучения становится формирование коммуникативной компетенции – интегративной способности мобилизовать языковые, социолингвистические, дискурсивные и стратегические ресурсы для эффективного взаимодействия в реальных или смоделированных ситуациях.

Концептуальный каркас подхода выстраивается на ряде взаимосвязанных принципов. Принцип функциональности требует, чтобы языковые единицы усваивались не изолированно, а в контексте их речевого назначения (Ван, 2014). Ситуативность и контекстуальность обуславливают необходимость погружения учебного процесса в социально и культурно релевантные сценарии, что обеспечивает перенос сформированных умений в реальную коммуникацию. Принцип аутентичности распространяется как на используемые материалы, так и на характер коммуникативных задач, моделирующих естественное общение. Интерактивность признает диалогическую природу языка и делает акцент на совместной деятельности обучающихся в парах и группах. Наконец, принцип центрированности на учащемся переориентирует педагогический процесс с трансляции знаний преподавателем на создание условий для самостоятельной, мотивированной речевой деятельности студента с учетом его индивидуальных особенностей и потребностей.

Историческое развитие коммуникативного подхода демонстрирует его внутреннюю динамику и адаптивность. Зародившись в 1970-е годы в Западной Европе как ответ на ограниченность

аудиолингвального и грамматико-переводного методов, он прошел эволюцию от ранних моделей, ориентированных на выживание в типовых бытовых ситуациях, к сложным концепциям, интегрирующим межкультурный и профессиональный аспекты (Ван, 2005). В отечественной методике, несмотря на известный консерватизм системы образования, идеи коммуникативности нашли глубокое теоретическое осмысление в трудах таких ученых, как И.Л. Бим, Е.И. Пассов, Г.А. Китайгородская (Фрезе, 2012). Пассов, в частности, обосновал категорию «иноязычной речевой деятельности» и разработал систему коммуникативных упражнений, что позволило органично адаптировать ключевые постулаты подхода к условиям российской образовательной среды.

Критический анализ современных зарубежных вариантов подхода, например, «Task-Based Language Teaching», и их отечественных интерпретаций показывает общую тенденцию к большей экологичности, учету когнитивных факторов обучения и интеграции цифровых технологий как средств создания аутентичной коммуникативной среды (Ван ден Бранден, 2016). Таким образом, коммуникативный подход предстает не застывшей догмой, а развивающейся научно-методической системой, чей теоретический потенциал позволяет адекватно решать актуальные задачи практического овладения иностранным языком.

Результаты и обсуждение

Успешная имплементация коммуникативного подхода в преподавании китайского языка российским студентам требует фундаментального осмысления лингвистической и социокультурной специфики данного языка как объекта усвоения. Эта специфика создает уникальный комплекс педагогических вызовов, игнорирование которых приводит к декларативности коммуникативных методик и сохранению разрыва между знанием о языке и умением им пользоваться. Первостепенным вызовом является фонетический строй, в частности, слоговой тоновой системы. Для носителя русского языка, чья фонологическая компетенция не оперирует смысловозначительной высотой тона в рамках слога, овладение четырьмя основными тонами мандаринского диалекта представляет значительную когнитивную и артикуляционную трудность (Емельянова, 2023).

Исследования в области фонетической интерференции, включая работы китайских лингвистов Чжао Юаньжэня и Ли Жуна, указывают, что ошибки в тоне статистически являются наиболее частой причиной непонимания или двусмысленности в устной коммуникации, даже при правильном сегментном составе высказывания. Это предъявляет особые требования к начальному этапу обучения, где развитие фонематического слуха и артикуляционных навыков должно быть не подготовительным, а интегрированным в элементарные коммуникативные акты, такие как приветствие, представление, вопрос о значении слова (Ли, 2003).

Иероглифическая письменность формирует второй фундаментальный барьер. Ее логографический принцип, контрастирующий с алфавитными системами, требует выработки принципиально иных когнитивных стратегий для опознавания, декодирования и продуцирования знаков. Традиционный подход, акцентирующий механическое копирование и запоминание отдельных иероглифов вне значимого контекста, противоречит принципу функциональности коммуникативного метода. Педагогическая задача заключается в интеграции иероглифики в процесс осмысленной речевой деятельности. Это достигается через методически выверенную презентацию ключевых графических компонентов (радикалов) как смысловых подсказок, организацию лексики вокруг тематических блоков и последовательное привлечение аутентичных или адаптированных текстов (объявления, меню, простые сообщения), где иероглиф выступает не как объект изолированного заучивания, а как инструмент для получения информации. Грамматическая система китайского языка, характеризующаяся аналитическим строем, отсутствием флексий и жесткой зависимостью смысла от порядка слов и служебных элементов (частиц, предлогов, показателей аспекта), также требует переосмысления (У, 2022). Формирование грамматической компетенции в коммуникативном ключе смещает фокус с заучивания парадигм на выработку навыка правильного конструирования высказываний в соответствии с коммуникативным намерением и логико-временным контекстом.

Коммуникативно-прагматический аспект китайского языка несет не меньшую дидактическую нагрузку, чем его формальные особенности. Речевой этикет, глубоко укорененный в конфуцианской традиции, строго регламентирует выбор лексики, форму обращений и конструкций вежливости в зависимости от социальной иерархии и ситуации. Прямой перенос русскоязычных коммуникативных стратегий может привести к прагматическим неудачам, воспринимаемым как бестактность или агрессия. Важную роль играют невербальные компоненты общения, а также широкое использование не прямых речевых актов, когда истинное намерение говорящего лишь имплицитно. Эмпирические наблюдения, отраженные в работах специалистов по межкультурной коммуникации, например, что русские студенты на начальных этапах склонны интерпретировать китайскую вежливость и косвенные отказы как неискренность или неопределенность. Следовательно, формирование социолингвистической и прагматической компетенций должно стать неотъемлемой частью учебного процесса, реализуемой через анализ аутентичных диалогов, ролевые игры, моделирующие иерархические ситуации, и комментирование культурного контекста речевых действий.

Таким образом, уникальный симбиоз фонетической, графической, грамматической и социокультурной специфики китайского языка детерминирует необходимость глубокой и научно обоснованной адаптации общих принципов коммуникативного подхода. Универсальные методические установки должны быть переведены в педагогическую технологию, учитывающую психолингвистические трудности российского учащегося и направленную на параллельное развитие слухо-произносительных, графических, грамматических и социокультурных навыков в едином русле формирования способности к реальному межличностному взаимодействию.

Эффективность коммуникативного подхода при обучении китайскому языку российских студентов детерминируется не только его методологической стройностью, но и созданием специфических педагогических условий, учитывающих когнитивный стиль, образовательные ожидания и объективные трудности целевой аудитории. Российская образовательная традиция, с ее выраженной теоретической и аналитической направленностью, формирует у студентов устойчивый запрос на систематизацию, четкие правила и осознанное построение высказывания (Шерехова, 2021). Это создает определенный психолого-педагогический парадокс: с одной стороны, присутствует понимание необходимости живого общения, с другой — возникает когнитивный диссонанс при столкновении с методами, где языковая деятельность первична по отношению к формальному знанию. Преодоление этого диссонанса является первостепенной задачей преподавателя. Необходимо провести педагогическую адаптацию, при которой индуктивное усвоение языка в коммуникативных ситуациях будет подкрепляться своевременными обобщениями и структурированием, снимающими тревожность и удовлетворяющими потребность в системности. Особое внимание должно уделяться работе с типичными трудностями, главными из которых остаются фонетическое восприятие тонов и овладение иероглификой. Эти аспекты не могут быть периферийными; они должны быть интегрированы в саму ткань коммуникативных упражнений с самого начала обучения, чтобы избежать формирования «немой» компетенции.

Принципы отбора и организации учебного материала вытекают из указанных условий. Критерий социокультурной аутентичности и релевантности предполагает ориентацию на темы и речевые ситуации, потенциально значимые для студента: академический и бытовой обиход в китайской среде, основы профессиональной коммуникации, актуальные социокультурные реалии современного Китая. Материалы, такие как расписания, блоги, короткие видеосюжеты или фрагменты публицистики, служат не иллюстрацией, а основным источником для вычленения и отработки необходимых языковых средств (Лэй, 2023). Ключевым условием является разрешение дилеммы между формированием иероглифической грамотности и развитием устной речи. Данные лонгитюдных наблюдений, например, исследования, проведенного на базе ДВФУ, показывают, что изолированное и форсированное изучение иероглифов без немедленного применения их в чтении и письменной коммуникации ведет к высокой учебной перегрузке и быстрой потере мотивации. Эффективной стратегией представляется пропорциональное и взаимосвязанное развитие навыков. На начальном этапе акцент может смещаться в сторону аудирования и говорения с параллельным введением ограниченного, но функционально

необходимого иероглифического минимума, который сразу используется для чтения подписей, простых инструкций, составления списков. По мере прогресса объем и сложность письменных текстов нарастают, а устная речь обогащается за счет лексики, освоенной графически.

Поэтапность введения коммуникативных задач обеспечивает управляемость учебного процесса и снижает порог вхождения. Последовательность от строго контролируемых и имитативных заданий, основанных на клише и модельных диалогах, через полуконтролируемые упражнения с элементами подстановки и трансформации к свободным творческим заданиям (проекты, дискуссии, ролевые игры) соответствует зоне ближайшего развития студента (Перфилова, 2008). Каждая новая коммуникативная задача должна опираться на усвоенный материал и добавлять минимальное, но значимое новое содержание. Интеграция всех видов речевой деятельности вокруг единой темы или проблемы создает естественный контекст для многократной и разносторонней активизации языкового материала, приближая учебный процесс к условиям реального общения (Меньшиков, 2017).

В свете изложенного системные языковые знания грамматические правила и структура иероглифической письменности занимают в коммуникативно-ориентированном курсе подчиненное, но критически важное место. Они перестают быть самоцелью, становясь инструментом для рефлексии, самокоррекции и сознательного совершенствования речевой деятельности. Грамматика презентуется не как свод догм, а как функциональная система выбора для выражения конкретных смыслов (времени, аспекта, модальности, отношения между действиями). Иероглифика изучается через призму структурно-семантического анализа, где радикалы и частотные графемы становятся опорами для запоминания и смысловой догадки при чтении. Таким образом, создание адекватных педагогических условий предполагает синтез: коммуникативная практика задает цель и контекст, а систематизация обеспечивает надежную основу для прогресса и автономизации студента в освоении китайского языка.

Разработка эффективной педагогической модели формирования коммуникативной компетенции требует ее операционализации применительно к специфике китайского языка и контингенту российских учащихся. В рамках данного исследования коммуникативная компетенция рассматривается как интегративное образование, включающее взаимосвязанные компоненты. Лингвистическая компетенция охватывает владение фонетической, лексической и грамматической системами китайского языка с учетом их аналитической природы. Социолингвистическая компетенция предполагает способность выбирать адекватные языковые формы в зависимости от социального контекста, статуса собеседников и коммуникативной ситуации, что в китайской лингвокультуре имеет гипертрофированное значение. Прагматическая компетенция отвечает за реализацию коммуникативных интенций (просьба, отказ, совет) с помощью принятых в языке средств, часто подразумевающих косвенные речевые акты. Дискурсивная компетенция обеспечивает построение связного, логичного и стилистически уместного монологического или диалогического высказывания. Стратегическая компетенция позволяет компенсировать пробелы в знании языка с помощью перифразы, жестов или запроса о помощи, являясь критически важной в условиях естественного общения.

Формирование данной многокомпонентной структуры в среде с ограниченным языковым контактом носит выраженный этапный характер. Начальный этап фокусируется на преодолении первичных барьеров и закладке фундамента. Его центральными задачами становятся выработка слухопроизносительных навыков, в частности тонового восприятия и артикуляции, через их немедленное включение в минимальные диалогические единства, а также освоение базового корпуса иероглифов, необходимых для опознавания ключевой информации. Коммуникативная деятельность на этом уровне строится вокруг стандартных ситуаций (знакомство, ориентация в пространстве, совершение покупок) с использованием жестко заданных речевых моделей и клише. Стратегической целью является не свободное говорение, а снятие психологического барьера и демонстрация практической применимости изучаемых элементов.

Базовый этап знаменует переход от воспроизведения к продуцированию. Его содержанием является расширение тематического и лексико-грамматического репертуара, а также развитие умения комбинировать усвоенные структуры для построения простых связных высказываний (описание, повествование, выражение мнения). Акцент смещается с изолированных фраз на микро-диалоги и

короткие монологи. На этом этапе целенаправленно формируются навыки письменной коммуникации в форме сообщений, записок, простых электронных писем, что создает дополнительный контур для закрепления иероглифики. Важным аспектом становится начало систематического формирования социолингвистической компетенции через введение вариантов обращения и речевого поведения в формальных и неформальных условиях.

Продвинутый этап ориентирован на достижение автономности в коммуникации. Его ключевыми векторами являются развитие дискурсивных умений: ведение дискуссии, построение аргументированного высказывания, интерпретация аутентичных текстов (публицистических, профессиональных). Особое внимание уделяется тонкостям прагматики, включая имплицитные смыслы, иронию, культурно-специфичные метафоры. Стратегическая компетенция обогащается за счет обучения навыкам смысловой догадки при чтении и аудировании, а также перефразированию. Формируется устойчивая межкультурная чувствительность, позволяющая предвидеть возможные коммуникативные сбои и адаптировать свое речевое поведение.

Методическое обеспечение модели носит комплексный характер. Эволюция коммуникативных упражнений отражает логику этапов: от подстановочных и трансформационных на начальном уровне к проблемно-поисковым и творческим на продвинутом. Ролевые и деловые игры, моделирующие реальные профессиональные и социальные сценарии, становятся центральным инструментом интеграции всех видов речевой деятельности и компонентов компетенции. Проектная деятельность, предполагающая сбор информации, ее анализ и презентацию результатов на китайском языке, стимулирует мотивацию и самостоятельность. Работа с аутентичными материалами (подкасты, статьи, видеорепортажи, социальные сети) обеспечивает необходимую социокультурную актуальность и формирует способность к работе с языком в его естественном функционировании, что является конечной целью всей модели.

Заключение

Проведенное исследование позволило теоретически обосновать педагогические основы применения коммуникативного подхода в специфическом контексте обучения российских студентов китайскому языку. Анализ подтвердил, что универсальные принципы данного подхода требуют существенной дидактической адаптации, обусловленной уникальным комплексом лингвистических особенностей китайского языка и характерными чертами учебно-познавательной деятельности российской аудитории. Была выявлена необходимость одновременного и интегрированного преодоления фонетического, графического и социокультурного барьеров уже на начальном этапе обучения, что противоречит традиционной линейной логике «от алфавита к речи». В работе сформулированы ключевые педагогические условия, включающие баланс между устной практикой и иероглифической грамотностью, а также принцип поэтапного усложнения коммуникативных задач в рамках тематической организации материала. На этой основе предложена трехуровневая модель формирования коммуникативной компетенции, структурированная по компонентному составу и учитывающая ограниченность языковой среды.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и конкретизации методологии коммуникативного подхода применительно к китаистике, что обогащает отечественную лингводидактику. Практическая ценность состоит в разработке четких ориентиров для проектирования учебного процесса, переподготовки преподавательского состава и создания учебных пособий, нацеленных на реальное умение общаться. Перспективными направлениями дальнейших исследований видятся детальная разработка модульных учебно-методических комплексов, реализующих предложенную модель, а также создание и валидация диагностического инструментария для объективной оценки уровня сформированности отдельных компонентов коммуникативной компетенции в рамках российской образовательной системы.

Список литературы

1. Богданова О.Ю., Леонов С.А., Чертов В.Ф. Теория и методика обучения литературе. М.: Академия, 2008. 400 с.

2. Ван Ю., Ли С. Исследование приобретения межъязыковой прагматической компетенции и факторов, влияющих на приобретение прагматизма // Зарубежный английский. 2014. № 15. С. 243-245.
3. Ван М., Мэн С. История, текущее состояние и стратегия развития преподавания русского языка в Китае // Русский язык и литературоведение. 2005. Т. 3. № 1 (13). С. 45-56.
4. Ван ден Бранден К. Обучение языку на основе задач. Справочник по преподаванию английского языка издательства Routledge. L: Routledge, 2016. С. 238-251.
5. Гурулева Т.Л. Подходы к обучению китайскому языку в аспекте формирования межкультурной образовательной парадигмы // Язык и культура. 2021. № 54. С. 113-130.
6. Емельянова М.В., Архипов А.В., Зайцева Е.Л. Особенности коммуникативного подхода в изучении китайского языка // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-4. С. 109-112.
7. Корнеева Л.И., Жунъю М. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку в Китае и России: сравнительно-сопоставительный анализ // Педагогическое образование в России. 2019. № 2. С. 61-65.
8. Ли Жун. Факторы, влияющие на способность китайских студентов к устной речи (английский) // Китайская прикладная лингвистика (английский). 2003. Т. 26. № 4. С. 23-27.
9. Лэй Ч. Развитие и совершенствование коммуникативной педагогики в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Педагогическое образование в России. 2023. № 3. С. 47-55.
10. Меньшиков П.В., Арпентьева М.Р. Новые образовательные практики в контексте коммуникативного подхода // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. № 3. С. 1179-1185.
11. Перфилова Г.В. Компетентностный подход и его реализация в современном образовательном контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 546. С. 18-29.
12. Петрова Е.А. Стратегии использования социокультурных особенностей и реалий изучаемого языка в процессе обучения и освоения языка // Современное педагогическое образование. 2025. № 6. С. 490-495.
13. У Ю. Новые вызовы, стоящие перед китайским грамматическим анализом: структура наречия и существительного в современном китайском языке // Журнал Сихуаского университета (издание по философии и социальным наукам). 2022. Т. 41. № 5. С. 60-67.
14. Фрезе О.В. Модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза в письменном деловом общении в электронной среде // Открытое и дистанционное образование. 2012. № 1. С. 22-29.
15. Шерехова О.М., Юсупова Л.Н. Педагогические условия и психологические предпосылки развития коммуникативной инициативы студентов средствами иноязычного образования в процессе дистанционного обучения // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 3. С. 79-89.

Pedagogical foundations for applying a communicative approach to teaching Chinese to Russian students

Jiao Shiji
Specialist-expert
RUDN University
Moscow, Russia
952713553@qq.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 20.11.2025

Accepted 12.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.091.3

DOI 10.25726/p3347-0590-9622-r

EDN OEOUME

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

This article examines the pedagogical foundations for applying a communicative approach to teaching Chinese to Russian students. The author substantiates the need to adapt the universal principles of this approach to the linguistic specifics of the Chinese language (tone system, hieroglyphic writing, sociocultural norms) and the psychological and pedagogical characteristics of the Russian audience. The paper identifies key pedagogical conditions for the successful implementation of this approach, including a balance between the development of oral speech and hieroglyphic literacy, as well as a gradual increase in the complexity of communicative tasks. Based on this, a three-level model for developing comprehensive communicative competence is proposed. This study contributes to the theory and methodology of teaching Chinese in Russia by offering scientifically based guidelines for modernizing the educational process and creating appropriate teaching materials.

Keywords

communicative approach, teaching chinese, russian students, communicative competence, pedagogical conditions.

References

1. Bogdanova O.Yu., Leonov S.A., Chertov V.F. Theory and methodology of teaching literature. M.: Academy, 2008. 400 p.
2. Wang Yu., Li S. A study of the acquisition of interlanguage pragmatic competence and factors influencing the acquisition of pragmatism // Foreign English. 2014. № 15. pp. 243-245.
3. Wang M., Meng S. Russian Russian Language and Literary Studies / History, current state and development strategy of teaching Russian in China // Russian language and literary studies. 2005. Vol. 3. № 1(13). pp. 45-56.
4. Van den Branden K. Task-based language learning. Handbook of English Language Teaching published by Routledge. L: Routledge, 2016. pp. 238-251.
5. Guruleva T.L. Approaches to teaching Chinese in the aspect of the formation of an intercultural educational paradigm // Language and culture. 2021. № 54. pp. 113-130.
6. Yemelyanova M.V., Arkhipov A.V., Zaitseva E.L. Features of the communicative approach in learning the Chinese language // Problems of modern pedagogical education. 2023. № 80-4. pp. 109-112.
7. Korneeva L.I., Rongyu M. Formation of intercultural communicative competence in teaching a foreign language in China and Russia: a comparative analysis // Pedagogical education in Russia. 2019. № 2. pp. 61-65.
8. Li Rong. Factors influencing the ability of Chinese students to speak orally (English) // Chinese applied linguistics (English). 2003. Vol. 26. № 4. pp. 23-27.
9. Lei Ch. Development and improvement of communicative pedagogy in the aspect of teaching Russian as a foreign language // Pedagogical education in Russia. 2023. № 3. pp. 47-55.
10. Menshikov P.V., Arpentieva M.R. New educational practices in the context of a communicative approach // Vocational education in the modern world. 2017. Vol. 7. № 3. pp. 1179-1185.

11. Perfilova G.V. Competence approach and its implementation in the modern educational context // Moscow State Linguistic University bulletin. 2008. № 546. pp. 18-29.
12. Petrova E.A. Strategies for using socio-cultural features and realities of the studied language in the learning and language acquisition process // Modern pedagogical education. 2025. № 6. pp. 490-495.
13. Yu. New challenges facing Chinese grammatical analysis: the structure of adverbs and nouns in Modern Chinese // Journal of Xihua University (edition on philosophy and social sciences). 2022. Vol. 41. № 5. pp. 60-67.
14. Freze O.V. Model of formation of foreign language communicative competence of students of a non-linguistic university in written business communication in an electronic environment // Open and distance education. 2012. № 1. pp. 22-29.
15. Sherekhova O.M., Yusupova L.N. Pedagogical conditions and psychological prerequisites for the development of students' communicative initiative by means of foreign language education in the process of distance learning // Vyatka State University bulletin. 2021. № 3. pp. 79-89.

Практика и адаптация коммуникативного метода обучения в профессиональном иноязычном образовании Китая

Исяо Ван

Аспирант

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

miniwww@163.com,

ORCID 0009-0002-8492-7278

Поступила в редакцию 29.11.2025

Принята 21.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.027

DOI 10.25726/f6801-0348-7610-f

EDN OUXWTD

БАК 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Аннотация

В условиях углубления международных контактов профессиональное иноязычное образование в Китае сталкивается с повышенными требованиями к качеству подготовки специалистов. В настоящее время основной задачей обучения профессиональным иностранным языкам в вузах является формирование способности к комплексному использованию языка в различных коммуникативных ситуациях. Вместе с тем в реальной педагогической практике обучение во многом по-прежнему ориентировано на усвоение языковых знаний, тогда как развитие коммуникативных умений студентов в условиях, приближенных к реальному общению, остается недостаточным. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема эффективного применения коммуникативного подхода в системе профессионального иноязычного образования Китая. Цель настоящего исследования состоит в анализе современного состояния использования коммуникативного подхода в китайском профессиональном иноязычном образовании, выявлении особенностей его реализации в вузовской аудитории, а также определении основных проблем и возможных путей его адаптации к условиям высшей школы Китая. Методологическую основу исследования составляют анализ научной литературы и теоретический анализ. В работе обобщаются зарубежные и китайские исследования по теории коммуникативной компетенции и коммуникативного подхода, а также рассматриваются особенности их применения в практике преподавания профессиональных иностранных языков, включая примеры занятий по профессиональному русскому языку. Результаты исследования показывают, что коммуникативный подход способствует переходу от ориентации на передачу языковых знаний к развитию способности использовать иностранный язык в учебных и приближенных к реальным ситуациям общения. В то же время установлено, что различия в уровне подготовки студентов, ограниченные условия обучения и несбалансированная структура учебных программ снижают эффективность его реализации. В заключение делается вывод о необходимости локальной адаптации коммуникативного подхода, включающей корректировку организации обучения, содержания курсов и учебных условий, что позволяет повысить качество профессионального иноязычного образования.

Ключевые слова

китайское профессиональное иноязычное образование; коммуникативный метод; коммуникативная компетенция; методика обучения иностранным языкам; адаптация методики обучения.

Введение

В условиях углубляющегося глобального взаимодействия требования к подготовке специалистов в сфере профессионального иноязычного образования в Китае продолжают повышаться. В настоящее время ключевая цель обучения иностранным языкам в профильных программах вузов заключается в формировании у студентов комплексной иноязычной коммуникативной компетенции. Данная компетенция проявляется прежде всего в способности к эффективному речевому общению, развитой автономии в изучении языка, высоком уровне межкультурной компетентности, а также в умении использовать иностранный язык в различных коммуникативных ситуациях как в учебной среде, так и за ее пределами. В соответствии с указанными целями дальнейшее углубление реформы учебных программ, расширение и обновление методических стратегий, укрепление ресурсного обеспечения обучения и поиск адекватных организационно-педагогических механизмов становятся важнейшими направлениями развития профессионального иноязычного образования в китайских вузах (Мэйсунь, 2014).

Однако в реальной педагогической практике профессиональное иноязычное обучение в определенной степени по-прежнему ориентировано преимущественно на передачу языковых знаний, тогда как способность студентов использовать иностранный язык для общения в реальных коммуникативных ситуациях требует дальнейшего развития. В ответ на данную проблему коммуникативный метод, ориентированный на формирование коммуникативной компетенции, предоставляет важную методологическую основу для профессионального иноязычного образования. Вместе с тем в условиях китайских вузов реализация данного метода сталкивается с рядом практических трудностей, включая выраженные индивидуальные различия студентов, ограниченность учебных условий и недостаточную рациональность структуры учебных программ. В результате потенциал коммуникативного метода в профессиональном иноязычном обучении до настоящего времени не был реализован в полной мере. В связи с этим представляется необходимым, с учетом конкретных условий профессионального иноязычного образования в китайских вузах, провести системный анализ теоретических оснований коммуникативного метода, эффективности его практического применения и возможных путей его адаптации к национальному образовательному контексту. Это обуславливает необходимость более глубокого рассмотрения применимости коммуникативного метода в профессиональном иноязычном обучении и, соответственно, определяет актуальность настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является анализ современного состояния применения коммуникативного метода в профессиональном иноязычном образовании Китая, а также выявление особенностей его реализации и основных проблем в профессионально ориентированном иноязычном учебном процессе.

В настоящем исследовании в качестве основных методов используются анализ научной литературы и теоретический анализ. На основе систематизации отечественных и зарубежных исследований, посвященных коммуникативному методу обучения и коммуникативной компетенции, с учетом реальной практики профессионального иноязычного обучения в китайских вузах анализируется современное состояние применения коммуникативного метода в аудиторной работе, а также выявляются основные проблемы его реализации. Одновременно путем обобщения практики профессионального иноязычного обучения определяются особенности применения данного метода в формировании у студентов комплексной способности к использованию иностранного языка и его объективные ограничения.

Материалы и методы исследования

Материалы настоящего исследования включают прежде всего репрезентативные отечественные и зарубежные научные публикации, посвященные коммуникативному методу обучения и теории коммуникативной компетенции. В их числе – труды и статьи таких исследователей, как Д. Хаймс, Д. Нунан, Дж. Ричардс и Т.С. Роджерс, а также работы китайских ученых, рассматривающих применение коммуникативного метода в вузовском иноязычном обучении и вопросы его локальной адаптации. Кроме

того, в качестве исследовательских материалов используются данные о структуре учебных программ профессионального иноязычного образования в китайских вузах, примеры аудиторной практики (на материале курсов профессионально ориентированного русского языка), а также результаты исследований, посвященных численности учебных групп и организации учебного процесса. Совокупность указанных материалов служит эмпирической и теоретической основой для анализа состояния применения коммуникативного метода в профессиональном иноязычном образовании Китая и условий его практической реализации.

Коммуникативный метод обучения в настоящее время является одним из наиболее широко применяемых методов в профессиональном иноязычном образовании (Биккерт, 2019). Понятие «коммуникативная компетенция» было введено американским антропологом и социолингвистом Деллом Хаймсом в начале 1970-х годов. До этого периода западная методика преподавания языков в значительной степени находилась под влиянием структурализма и была ориентирована преимущественно на изучение языковых форм и правил, уделяя недостаточное внимание практическому использованию языка. Хаймс исходил из того, что носитель языка функционирует в различных социальных условиях, а языковая способность обладает выраженной социокультурной обусловленностью. В этой связи он подчеркивал, что процесс изучения языка включает не только усвоение языковых знаний, но и зависит от коммуникативной мотивации, социальных потребностей и индивидуального опыта студентов. На данной теоретической основе им было выдвинуто положение о том, что обучение иностранному языку должно строиться вокруг реального или максимально приближенного к реальному речевому общению (Хаймс, 1972).

Опираясь на указанные идеи, Нунан (1991) сформулировал пять принципов коммуникативного метода обучения, в которых подчеркивается необходимость использования целевого языка в процессе общения на занятиях, создания аутентичных коммуникативных ситуаций, учета связи между обучением языку и управлением учебной деятельностью, опоры на личный опыт студентов, а также интеграции аудиторной работы с внеаудиторной практикой (Нунан, 1991). В дальнейшем Ричардс и др. (2001) обобщили данные положения и выделили три базовых принципа коммуникативного метода – принцип значения, принцип задания и принцип коммуникации, тем самым закрепив его ключевую роль в практике обучения иностранным языкам (Ричардс, 2001).

Результаты и обсуждение

На современном этапе профессионального иноязычного образования в Китае значительная часть студентов уже обладает определенным, а нередко и достаточно высоким уровнем грамматической подготовки. Вместе с тем в сравнении с этим у студентов по-прежнему недостаточно развиты дискурсивная компетенция, социолингвистическая компетенция и способность к адекватному речевому поведению в различных коммуникативных контекстах, особенно в аспекте их комплексного применения (Ху, 2010). В данной ситуации коммуникативный метод обучения направлен не только на повышение способности студентов использовать иностранный язык в процессе общения, но и на формирование у них межкультурной коммуникативной компетенции. В ходе этого процесса языковые правила, ранее воспринимавшиеся студентами как формальные и малопривлекательные, постепенно интериоризируются и включаются в структуру языкового сознания. Это, в свою очередь, обеспечивает переход от усвоения языковых знаний к их практическому использованию в реальной коммуникации. Для реализации указанных преобразований в процессе обучения необходимо уделять особое внимание аутентичности языковой среды, практической направленности учебного материала и естественности коммуникативных ситуаций (Асет, 2024). Основной задачей студентов в ходе учебных занятий является использование языка как инструмента для достижения конкретных коммуникативных целей и выполнения коммуникативных заданий. При этом не следует чрезмерно акцентировать внимание на абсолютной точности употребляемых слов или строгом соблюдении нормативных моделей предложений.

При выборе и проектировании аудиторных заданий преподавателю целесообразно создавать между участниками общения необходимую информационную асимметрию (information gap), то есть такие

условия, при которых коммуниканты заранее не располагают содержанием высказываний друг друга. Это позволяет приблизить речевое взаимодействие к ситуациям реального общения (Цзян, 2000). В этой связи организация учебной деятельности должна быть ориентирована на активную роль студентов и предполагать отказ от преподавателя как единственного центра учебного процесса. Важным является смещение акцента с механических упражнений на выполнение коммуникативных заданий, в рамках которых язык выступает средством решения конкретных задач. Существенное значение имеет также обеспечение достаточного объема реального участия студентов в аудиторной работе. Используемые учебные материалы и средства обучения должны соответствовать целям коммуникативного обучения по своей содержательной глубине и охвату и способствовать развитию основных видов речевой деятельности – аудирования, говорения, чтения, письма и перевода. При этом коммуникативные задания не предполагают наличия единственно правильного ответа, что создает условия для разнообразных форм языкового поведения и расширяет возможности участия студентов в учебном взаимодействии.

Например, в рамках профессионально ориентированного курса русского языка в вузе учебный процесс может быть организован вокруг цели формирования коммуникативной компетенции, при этом в качестве контекстного учебного материала используется текст под названием «Роль коммуникативных навыков в современной жизни». В ходе занятия преподаватель не осуществляет всестороннего объяснения содержания текста, а посредством постановки учебных задач направляет студентов на самостоятельное чтение. Работая в группах, студенты извлекают из текста различную информацию, в частности связанную с основными понятиями коммуникации, особенностями устных и письменных форм общения, а также с конкретными способами повышения эффективности коммуникации. Поскольку каждая группа располагает лишь частью информации, в последующем взаимодействии студенты посредством вопросов, пояснений и дополнений осуществляют ее интеграцию, что позволяет сформировать необходимую информационную асимметрию и стимулировать подлинное речевое взаимодействие.

На этой основе аудиторная деятельность выстраивается вокруг выполнения коммуникативных задач. Студенты обсуждают одну из конкретных форм общения (например, непосредственное взаимодействие, телефонную коммуникацию или письменное общение) и, опираясь на собственный учебный или жизненный опыт, анализируют ее преимущества и ограничения. Поскольку объекты обсуждения и акценты различаются, на этапе общего обсуждения в группе обмен информацией осуществляется через изложение позиций, сопоставление мнений и реагирование на высказывания других участников. На заключительном этапе преподаватель не предлагает единого итогового вывода, а поощряет разнообразие форм выражения и точек зрения. Часть студентов, опираясь на личный опыт, обращается к анализу возможных трудностей реального общения, включая искажения понимания и коммуникативные барьеры, обусловленные культурными различиями. Роль преподавателя в данном процессе носит преимущественно организационный и направляющий характер и заключается в обеспечении реального участия студентов в аудиторной работе, а также в оказании языковой поддержки при необходимости. В результате такой организации занятий студенты в ходе выполнения конкретных коммуникативных задач комплексно используют навыки аудирования, говорения и чтения, а учебное взаимодействие в большей степени приближается к условиям реального языкового общения, что способствует развитию их коммуникативной осознанности и повышению уровня владения русским языком.

При применении коммуникативного метода в профессиональном иноязычном обучении именно коммуникация выступает в качестве центрального компонента учебного процесса, тогда как обучение является основным средством достижения данной цели. В условиях реальной учебной практики под воздействием различных факторов эффективность обучения не всегда может быть обеспечена в равной степени, в связи с чем неизбежно возникают определенные проблемы:

1. Коммуникативный метод обучения ориентирован на выполнение заданий и предполагает ведущую роль студентов в учебном процессе (Юйцин, 2013). При этом в условиях аудиторной работы студенты выступают основными участниками коммуникации, однако уровень их языковой подготовки и

сформированность языковых умений существенно различаются. Подобные различия в ходе реализации коммуникативного обучения нередко ограничивают проявление субъектной активности части обучающихся. Некоторые студенты из-за недостаточной языковой базы не проявляют готовности к устному высказыванию либо избегают участия в общении из-за опасений допустить ошибку, что снижает их мотивацию и степень вовлеченности. В результате общая активность группы и эффективность коммуникативного взаимодействия в аудитории оказываются ослабленными. В подобных условиях отдельные виды учебной деятельности на практике трудно поддерживать на систематической основе, вследствие чего организация занятий нередко возвращается к традиционной модели с доминирующей ролью преподавателя.

2. В учебной практике нередко встречается ситуация, когда отдельные преподаватели чрезмерно акцентируют внимание на развитии устной речи, при этом уделяя недостаточное внимание таким базовым компонентам, как грамматика, синтаксис и культурный контекст. Подобное упрощенное отождествление устной речи с коммуникативной компетенцией не способствует формированию у студентов целостной языковой подготовки. Вместе с тем у части преподавателей понимание коммуникативного метода носит фрагментарный характер и сводится к использованию внешних форм аудиторного взаимодействия без полноценного осмысления его методологических оснований (Кассеррас, 2023). Кроме того, в ряде случаев наблюдается чрезмерный контроль за языковым высказыванием студентов и высокая частота исправления ошибок, что не соответствует ориентированной на общее руководство логике коммуникативного обучения (Бота, 1987). Подобный подход затрудняет формирование у студентов устойчивой установки на иноязычное общение и закрепление коммуникативных навыков.

3. Ключевое значение в изучении языка в первую очередь имеет развитие устной речи. Согласно имеющимся данным, численность учебных групп на профессиональных иноязычных курсах в вузах обычно составляет 30-40 человек, а в отдельных случаях достигает 60 и более обучающихся (Чунылин, 2012). При таком размере группы сложно обеспечить каждому студенту достаточное время для участия в аудиторной работе, что одновременно усложняет задачу эффективной организации и управления учебным процессом со стороны преподавателя. В результате обучение нередко приобретает преимущественно рецептивный характер, при котором учащиеся в меньшей степени вовлекаются в имитацию и практическое использование языка, что затрудняет полноценную реализацию целей коммуникативного метода обучения.

Помимо фактора численности учебных групп, определенные ограничения для реализации коммуникативного метода создает и сама структура учебных программ. В вузах профессионального иноязычного образования учебные планы в целом остаются относительно однородными: доминирующее положение по-прежнему занимают курсы чтения и анализа текстов, тогда как доля аудиторных занятий по аудированию в общем объеме учебных часов остается незначительной и, как правило, составляет около одной четверти (Тинбо, 2024). В ряде учебных заведений отсутствуют самостоятельные курсы устной речи или занятия с преподавателями-носителями языка, а также не выстроена системная подготовка по письменной речи. Подобные структурные ограничения в определенной мере отражают недостаточное внимание на макроуровне к формированию коммуникативной компетенции, что, в свою очередь, негативно сказывается на учебной мотивации студентов, степени их вовлеченности и интенсивности практики (Вэньчэн, 2020). В результате реализация принципа дифференцированного обучения оказывается затрудненной, а эффективное и устойчивое внедрение коммуникативного метода в образовательный процесс объективно осложняется.

Исходя из обозначенных выше проблем, можно сделать вывод о том, что внедрение коммуникативного метода в профессиональное иноязычное обучение в Китае не является простым замещением уже существующих педагогических моделей. Речь идет о процессе, требующем адаптации с учетом особенностей обучающихся, конкретных условий обучения и структуры учебных программ. В связи с возникающими в практике трудностями представляется необходимым осуществлять соответствующую корректировку способов реализации коммуникативного метода на уровне организации учебного процесса, содержания обучения и материально-методических условий.

Прежде всего, с учетом существенных различий в уровне языковой подготовки и учебных возможностях студентов, на уровне организации занятий целесообразно скорректировать реализацию принципа «ориентации на обучающегося». При проектировании учебных заданий возможно использование дифференцированных задач, групповой работы и распределения ролей, что позволяет обеспечить участие студентов разного уровня и выполнение коммуникативных заданий в пределах доступной языковой сложности. Сокращение доли демонстрационных видов деятельности и усиление внутригруппового взаимодействия и взаимной поддержки способствует снижению психологического напряжения, повышает готовность к участию и степень вовлеченности студентов, тем самым предотвращая формализацию учебного процесса.

Далее, в связи с распространенной в практике тенденцией отождествлять коммуникативную компетенцию исключительно с устной речью, требуется более глубокое осмысление содержания коммуникативного метода. Формирование коммуникативной компетенции опирается на совокупность грамматических, лексических, дискурсивных и социокультурных знаний. Поэтому при акценте на устное общение необходимо сохранять системную работу с языковой формой и культурным контекстом. Использование обобщенной обратной связи и отложенной коррекции позволяет снизить чрезмерное вмешательство в спонтанное высказывание студентов и обеспечить подчиненность усвоения языковой формы коммуникативным целям.

Наконец, с учетом объективных ограничений, связанных с крупными учебными группами и однотипной структурой учебных планов, требуется корректировка условий и куррикулума реализации коммуникативного метода. В условиях обучения в больших группах целесообразно применять групповые формы работы и сочетать аудиторную и внеаудиторную деятельность для увеличения объема реального языкового использования. Одновременно необходимо поэтапно оптимизировать структуру профессиональных иноязычных программ, увеличивая долю курсов по аудированию и говорению, а также системно развивая устные, письменные и практико-ориентированные дисциплины, что создаст институциональные предпосылки для устойчивого и эффективного внедрения коммуникативного метода.

В целом, эффективное применение коммуникативного метода в системе профессионального иноязычного образования в Китае зависит от его осмысленной локализации и адаптации как на уровне концепции, так и на уровне практической реализации. Лишь при условии системной корректировки организации учебного процесса, содержания обучения и учебных условий данный метод способен полноценно функционировать в реальной образовательной среде и обеспечивать устойчивое развитие коммуникативной компетенции и комплексных языковых умений обучающихся.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что коммуникативный метод, ориентированный на формирование коммуникативной компетенции, опирается на социокультурное понимание языка и обладает значительным методическим потенциалом для профессионального иноязычного образования. В системе профессионального иноязычного обучения в вузах Китая студенты, как правило, располагают определенной базой языковых знаний, однако испытывают трудности в развитии дискурсивной, социолингвистической и контекстуальной компетенций. Введение коммуникативного метода способствует смещению акцента обучения с передачи языковых знаний на формирование способности к комплексному использованию иностранного языка в реальной коммуникативной практике.

Одновременно результаты исследования показывают, что такие факторы, как выраженные индивидуальные различия обучающихся, недостаточно полное понимание преподавателями принципов коммуникативного метода, а также крупные учебные группы и однотипная структура учебных программ, в определенной мере влияют на эффективность его реализации. Анализ педагогической практики свидетельствует о том, что внесение обоснованных корректив в организацию занятий и способы проведения обучения способствует повышению учебной активности студентов и улучшению общих результатов обучения.

Заключение

Подводя итог, отметим, что применение коммуникативного метода в профессиональном иноязычном образовании Китая требует его обоснованной адаптации с учетом конкретных условий обучения. Данный метод обладает выраженными преимуществами в формировании у студентов способности к комплексному использованию языка и развитию межкультурной коммуникативной компетенции, однако его результативность напрямую зависит от научно выстроенной организации учебного процесса, рационального отбора и структурирования содержания обучения, а также от наличия необходимых педагогических условий.

Следовательно, лишь при системной корректировке учебной организации, содержания и структуры учебных программ коммуникативный метод может быть эффективно реализован в реальной образовательной практике и обеспечить устойчивое повышение качества профессионального иноязычного обучения.

Список литературы

1. Асет Ш.Д., Лариса Ю.И. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов через использование аутентичных материалов // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 4-1(80). С. 242-251.
2. Биккерт Д.А., Кондратьева И.Г. Коммуникативная методика обучения иностранному языку: зарубежная методика // Казанский вестник молодых ученых. 2019. № 5(13). С. 33-34.
3. Бота Х.Л. Роль исправления ошибок в коммуникативном обучении второму языку // Per Linguam. 1987. Т. 3. № 2.
4. Гао В., Чжан Л. Исследование распределения и особенностей дисциплины «английский язык» в Китае // Вестник Шанхайского университета науки и техники. 2020. Т. 42. № 3. С. 267-273
5. Го Ю. Преподавание университетского английского языка на основе коммуникативного подхода // Исследования иностранных языков. 2013. № 1. С. 263-264
6. Кассеррас Л. Систематический обзор коммуникативного обучения языку (CLT) в языковом образовании: сбалансированная перспектива // Европейский журнал образования и педагогики. 2023. Т. 4. № 6. С. 17-23.
7. Лян Ч., Гу Ш. Исследование влияния размера учебных групп в вузах на эффективность обучения // Вестник Чифэнского университета: серия естественных наук. 2012. № 14. С. 188-189
8. Нунан Д. Методика преподавания языка: учебник для учителей. Нью-Йорк: Prentice Hall, 1991. 264 с.
9. Ричардс Дж., Роджерс Т. С. Подходы и методы преподавания языка: 2-е изд. Кембридж: Cambridge University Press, 2001. 270 с.
10. Сюй Ц. Коммуникативный метод преподавания английского языка и оценка экзаменационных результатов // Шанхайское издательство обучения иностранным языкам. 2000. С. 7-12
11. Тинбо С. Исследование модели обучения аудированию и разговорной речи на академическом английском языке для студентов, изучающих политологию, философию и экономику, на основе РОА // Научно-образовательный журнал. 2024. Т. 12. С. 104-108.
12. Хаймс Д. О коммуникативной компетентности // Социолингвистика. 1972. С. 269-293.
13. Ху В. Коммуникативное преподавание языка в китайской среде. // Онлайн-публикация. 2010. № 7. С. 78-82.
14. Чжун М., Сунь Ю. Ориентация на подготовку кадров и всестороннее продвижение реформы и развития преподавания языковых специальностей: рабочие идеи Пятого комитета по руководству преподаванием специальностей иностранных языков и литературы в высших учебных заведениях // Мир иностранных языков. 2014. № 1. С. 2-8.

Practice and adaptation of the communicative teaching method in professional foreign language education in China

Yixiao Wang

PhD student

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

miniwww@163.com,

ORCID 0009-0002-8492-7278

Received 29.11.2025

Accepted 21.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.027

DOI 10.25726/f6801-0348-7610-f

EDN OUXWTD

VAK 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HA. EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH

Abstract

In the context of deepening international contacts, professional foreign language education in China is facing increased demands on the quality of specialist training. Currently, the main task of teaching professional foreign languages in universities is to develop the ability to use the language comprehensively in various communicative situations. At the same time, in real pedagogical practice, learning is still largely focused on the assimilation of language knowledge, while the development of students' communicative skills in conditions close to real communication remains insufficient. In this regard, the problem of effective application of the communicative approach in the system of professional foreign language education in China is of particular relevance. The purpose of this study is to analyze the current state of the use of the communicative approach in Chinese professional foreign language education, identify the features of its implementation in the university audience, as well as identify the main problems and possible ways to adapt it to the conditions of higher education in China. The methodological basis of the research is the analysis of scientific literature and theoretical analysis. The paper summarizes foreign and Chinese studies on the theory of communicative competence and the communicative approach, and also examines the specifics of their application in the practice of teaching professional foreign languages, including examples of classes in professional Russian. The results of the study show that the communicative approach contributes to the transition from focusing on the transfer of language knowledge to developing the ability to use a foreign language in educational and real-world communication situations. At the same time, it has been found that differences in the level of students' education, limited learning conditions and an unbalanced curriculum structure reduce the effectiveness of its implementation. In conclusion, it is concluded that there is a need for local adaptation of the communicative approach, including adjustments to the organization of training, the content of courses and educational conditions, which makes it possible to improve the quality of professional foreign language education.

Keywords

Chinese professional foreign language education; communicative method; communicative competence; methods of teaching foreign languages; adaptation of teaching methods.

References

1. Asset Sh.D., Larisa Yu.I. Development of students' foreign language communicative competence through the use of authentic materials // Education management: theory and practice. 2024. № 4-1(80). pp. 242-251.
2. Bikkert D.A., Kondratieva I.G. Communicative methods of teaching a foreign language: a foreign methodology // Kazan bulletin of young scientists. 2019. № 5(13). pp. 33-34.
3. Bota H.L. The role of error correction in communicative teaching of the second language // Per Linguam. 1987. Vol. 3. № 2.
4. Gao V., Zhang L. A study of the distribution and features of the discipline «English» in China // Shanghai University of Science and Technology bulletin. 2020. Vol. 42. № 3. pp. 267-273
5. Guo Yu. Teaching university English based on a communicative approach // Foreign language research. 2013. № 1. pp. 263-264
6. Casserras L. A systematic review of communicative language teaching (CLT) in language education: a balanced perspective // European journal of education and pedagogy. 2023. Vol. 4. № 6. pp. 17-23.
7. Liang Ch., Gu Sh. The study of the influence of the size of study groups in universities on the effectiveness of education // Bulletin of Chifeng University: a series of natural sciences. 2012. № 14. pp. 188-189
8. Noonan D. Methods of language teaching: a textbook for teachers. NY: Prentice Hall, 1991. 264 p.
9. Richards J., Rogers T. S. Approaches and methods of language teaching: 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 270 p.
10. Xu C. Communicative method of teaching English and assessment of exam results // Shanghai Publishing House of teaching foreign languages. 2000. pp. 7-12
11. Tinbo S. A study of the POA-based model of teaching listening and speaking in academic English to students studying political science, philosophy, and economics // Scientific and educational journal. 2024. Vol. 12. pp. 104-108.
12. Himes D. About communication competence // Sociolinguistics. 1972. pp. 269-293.
13. Hu V. Communicative language teaching in the Chinese environment. // Online publication. 2010. № 7. pp. 78-82.
14. Zhong M., Sun Yu. Focus on staff training and comprehensive promotion of the reform and development of language teaching: working ideas of the Fifth Committee on the Management of teaching Foreign Languages and Literature in Higher Education Institutions // The World of Foreign Languages. 2014. № 1. pp. 2-8.

Модель формирования исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов с разноуровневой подготовкой в вузах Китая

Цзыцяо Го

Специалист-эксперт

Уральский государственный педагогический университет

Екатеринбург, Россия

e54841171@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 11.11.2025

Принята 17.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 378.147:780.8

DOI 10.25726/s4133-2596-6278-g

EDN OLOBRC

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема формирования исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов китайских вузов с разноуровневой подготовкой. Рост спроса на высшее музыкальное образование в Китае за последние несколько десятилетий обусловлен универсальностью фортепиано и дефицитом квалифицированных пианистов, однако разный уровень довузовской подготовки абитуриентов создаёт серьёзные педагогические вызовы: от сложности формирования учебных групп до разрыва в технической и музыкально-теоретической базе. В своем исследовании авторы анализируют ключевые компоненты исполнительских навыков (технические, музыкально-интеллектуальные, слуховые, мнемические, психологические, координационные), сопоставляют российские и китайские педагогические традиции, отмечая смещение фокуса китайской школы от виртуозности к углублённой художественной интерпретации. Описаны распространённые методы обучения (от постановочно-двигательных упражнений до аналитических техник), а также формы контроля – экзамены Ассоциации музыкантов, британской Королевской академии и Тринити. В качестве решения заявленной проблемы предлагается авторская модель обучения, интегрирующая: дифференциацию и индивидуализацию процесса, формирование универсальных навыков, использование цифровых технологий и систему наставничества. Модель учитывает фазы овладения навыками, ключевые принципы и учебно-методические ресурсы, позволяя нивелировать разноуровневость подготовки и обеспечить высокое качество профессиональной подготовки пианистов.

Ключевые слова

исполнительские навыки, высшее музыкальное образование, фортепианное образование, китайская фортепианная школа, модель обучения, проблема разноуровневой подготовки.

Введение

За последние несколько десятилетий в Китае заметно вырос спрос на высшее образование в области фортепианного обучения. Причинами этого стали как универсальность музыкального инструмента (Яо, 2021), так и дефицит квалифицированных пианистов в стране (Доу, 2020). Ситуация, однако, осложняется тем, что поступающие на первый курс абитуриенты обладают различным уровнем подготовки, в связи с чем преподавателям необходимо не только подобрать наиболее эффективные

методы обучения, нацеленные на формирование исполнительских навыков игры на фортепиано, но и найти решение, способствующее нивелированию проблемы разноуровневой подготовки. Таким образом, цель нашего исследования – разработать модель формирования исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов с разноуровневой подготовкой.

Материалы и методы исследования

Рассмотрим подробнее понятие «исполнительские навыки» с точки зрения его ключевых компонентов «исполнительство» и «навыки». О.М. Жукова и Е.В. Корытько определяют исполнительство как «область художественного творчества, связанную с воссозданием реального звучания музыкальных произведений» (Жукова, 2022). В словаре Е.К. Ермаковой исполнительство рассматривается как процесс интерпретации музыкального произведения исполнителем, включающий в себя не только техническое воспроизведение нот, но и передачу эмоций, чувств и художественного замысла композитора (Ермакова, 2023).

Исполнительство, по мнению Ф. Сюй – это творческая деятельность по материальному воплощению музыкального произведения с целью передачи его художественного содержания аудитории. Применительно к фортепиано, это понятие включает несколько ключевых аспектов:

- диалог композитор-исполнитель. Исполнитель не просто механически воспроизводит нотный текст, а является со-творцом, интерпретатором. Он расшифровывает авторские указания, наполняет их собственным пониманием, эмоциями и интеллектом.
- техническое воплощение (невозможно без виртуозного владения инструментом). Техника – это язык, на котором исполнитель говорит со слушателем.
- коммуникация со слушателем. Конечная цель – эмоциональное и интеллектуальное воздействие на аудиторию. Исполнительство – это акт общения, происходящий «здесь и сейчас».
- синтез знаний. Для глубокой интерпретации необходимы знания истории музыки, музыкального стиля (особенностей эпохи и творчества композитора), теории музыки, анализа музыкальной формы и т.д.

Другими словами, фортепианное исполнительство подразумевает не только техническую интерпретацию музыкального произведения, но и эмоциональную передачу художественного замысла, заложенного в нем. Так, исполнительство – это процесс воплощения художественного произведения (музыкального, литературного, драматического и др.) в жизнь через творческую деятельность исполнителя, будь то музыкант, певец, актер или чтец (Сюй, 2025).

В свою очередь, навык представляет собой действие, которое формируется посредством многократных повторений и достигает такого уровня освоения, что выполняется автоматически, без необходимости постоянного сознательного контроля каждого элемента (Волошина, 2020).

А.С. Чудайкина в своем исследовании определяет навык как «действие, развитое до уровня автоматизма» (Чудайкина, 2022). О.К. Ермакова описывает навыки, как «действия, сформированные путём повторения, характеризующиеся высокой степенью освоения и отсутствием поэлементной, сознательной регуляции и контроля» (Ермакова, 2023). Т.С. Филонова определяет навык следующим образом: «Навыки – это автоматизированные действия, сформированные в результате многократного повторения одних и тех же действий или решения типичных задач» (Филонова, 2016). В музыкальном исполнительстве освоение штрихов иллюстрирует формирование двигательного навыка. На начальном этапе требуется осознанное внимание к обозначенным в нотах штрихам, однако по мере автоматизации действия исполнитель начинает воспроизводить их рефлексивно, без целенаправленного анализа нотного текста. Таким образом, внешне контролируемое, переходит во внутренний результат.

Исследователи в области педагогики музыкального образования также по-разному соотносят понятия «навыки» и «умения». Можно выделить несколько групп исследователей придерживающихся различных точек зрения:

- I. Первая группа исследователей (Т.С. Филонова, Т.С. Котлярова и др.) умения и навыки отождествляет, объясняя это их близкой психолого-педагогической природой, а также «терминологической размытостью этих понятий и частой подменой одного понятия другим в

психофизиологической литературе 60-х годов XX века» (Филонова, 2016). В этой связи в научном сообществе используют в качестве синонимов такие термины, как «исполнительские навыки» и «исполнительские умения».

II. Вторая группа исследователей (М.В. Груздев, Б.А. Асафьев, М.Г. Арановский, С.А. Мамонтова и др.) трактует умение, как последнюю степень выработанности системы навыков. То есть навык – это начальная ступень формирования умения. Когда достигается автоматизм действий, тогда следует говорить про сформированные умения, которые, как полагал русский и советский композитор, музыковед, музыкальный критик Б.В. Асафьев, в отличие от навыка, «не подлежат автоматизации, ибо связаны с творческим, никогда точно не повторяющимся процессом постижения музыкального искусства» (Арановский, 2012). С.А. Мамонтова придерживается этой же точки зрения, отмечая, что навык становится умением, когда обучаемый может реализовать его в любых обстоятельствах; умение не может быть утрачено, в отличие от навыка; а к основным признакам умения относит следующие:

- а) способность функционировать в различных условиях;
- б) сохранение точности и темпа их воспроизведения;
- в) прочность усвоения (Мамонтова, 2022).

Результаты и обсуждение

Отметим, что трактовки российских (Готсдинер, 1993; Жукова, 2022; Мамонтова, 2022; Филонова 2016 и др.) и китайских исследователей (Лю, 2025; Дин, 2020; Чэнь, 2025; Ли, 2024) имеют несколько различные подходы, обусловленные культурными и педагогическими традициями. Российская школа делает акцент на глубине интерпретации, певучести звука, психологизме и масштабности замысла. Техническая тренировка всегда подчинена художественным задачам. Китайская школа сочетает виртуозную техническую оснащенность, академическую строгость и растущее стремление к глубокому пониманию, обогащенному национальной культурной почвой.

Если изначально в Китае упор делался на виртуозности владения инструментом, то теперь все больше внимания уделяется художественной индивидуальности и образному мышлению. Обе школы сходятся в том, что исполнительство – это высокое искусство, требующее единства мастерства и вдохновения. Российская традиция, имеющая более продолжительную историю, изначально строилась на философии художественного образа. Китайская школа, пройдя этап блестящего усвоения и технического совершенствования, сейчас находится в процессе синтеза мировых достижений с национальной спецификой, двигаясь к углублению интерпретаторских аспектов. Таким образом, «исполнительские навыки» в обеих педагогических традициях – это инструмент, но трактовка конечной цели – художественное высказывание, обладающее своими культурно-обусловленными нюансами.

Китайские авторы выделяют следующие группы исполнительских навыков (Бай, 2025; Лю, 2025; Чжан, 2025; Чжоу, 2025; Чэнь, 2025):

1. Технические навыки: постановка рук, беглость пальцев (гаммы, арпеджио), аккордовая техника, октавы, трели, скачки, владение педалью, звукоизвлечение (туше), динамический контроль, разнообразие штрихов (легато, стаккато, нон легато);
2. Музыкально-интеллектуальные навыки: умение анализировать форму, гармонию, полифонию; понимание стиля; способность выстроить драматургию произведения (кульминации, цезуры, темповые соотношения и т.д.);
3. Слуховые навыки: внутренний слух, способность слышать полифонические голоса, контроль за качеством звука, интонацией (в широком смысле), балансом.
4. Мнемические навыки: навык работы над памятью – моторной, слуховой, логической, зрительной;
5. Психологические навыки: умение справляться с эстрадным волнением, способность к концентрации, артистическая самоотдача, воля и т.д.
6. Телесно-координационные навыки: экономичность и целесообразность движений, рациональное использование веса рук и корпуса.

Таким образом, формирование исполнительских навыков в процессе подготовки будущих пианистов является одной из ключевых педагогических задач, реализация которой осложняется проблемой разноуровневой подготовки студентов. В этой связи крайне важно подбирать оптимальные методы, принципы, средства обучения, способные нивелировать эту проблему и достичь максимального эффекта обучения. Их четкое понимание способствует разработке модели обучения, нацеленной на формирование исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов китайских вузов с разноуровневой подготовкой.

Рассмотрим подробнее особенности процесса подготовки пианистов в китайских вузах. В учебно-методическом аспекте преподавания особое внимание уделяется разучиванию и исполнению фортепианных произведений, написанных китайскими композиторами в соответствии с канонами китайской национальной фортепианной музыки (например: вариации на темы шэньбэйских народных песен «Синие цветы» Ван Лисана (1953 г.); цикл фортепианных миниатюр на темы девяти народных песен провинции Шаньси Ян Лицина (1962 г.) и т.д.). Разученные композиции исполняются студентами на отчетных концертах, праздничных мероприятиях и фортепианных конкурсах различного уровня.

На сегодняшний день вне зависимости от уровня образования основной формой проверки качества подготовки пианистов в Китае выступает тестирование (экзамен) Ассоциации музыкантов. Наряду с ним применяются экзамен британской Королевской академии музыки и экзамен Тринити. Учебные программы этих экзаменов часто становятся учебными пособиями, так как они предоставляют тщательно подобранные хрестоматии произведений для каждого уровня подготовки. Учебная программа строится таким образом, чтобы у студентов в конце каждого семестра был технический зачет (гаммы, этюды), а также экзамен в форме сольного концерта перед комиссией, где исполняется программа из 4-5 произведений. Оценка выставляется коллегиально.

Однако несмотря на свои достоинства и самобытность, исследователи (Бай, 2025; Лю, 2025; Дин, 2020; Гэн, 2019; Чэнь, 2025; Ли, 2024) отмечают, что в сфере музыкального образования Китая наблюдается ряд системных проблем, связанных с процессом обучения, его условиями, проистекающих из самой структуры образовательной системы, требований правительства, связанных с уровнем подготовки педагогических кадров и повышением их квалификации. Наиболее острой из них является проблема разноуровневой подготовки студентов-пианистов, обусловленная региональным и социальным неравенством, «конвейерной» подготовкой к экзаменам, разным уровнем мотивации студентов и т.д.

Среди основных проблем разноуровневой подготовки в учебном процессе можно выделить следующие:

- сложность формирования эффективных учебных групп;
- трудность реализации индивидуального подхода в условиях массового обучения;
- разрыв в базовой технической подготовке;
- разный уровень музыкально-теоретической и общемузыкальной подготовки;
- неблагоприятный психологический климат и снижение мотивации.

Возможные пути решения этой проблемы китайские авторы (Чэн, 2015) видят в следующих мерах:

1. Дифференциация и индивидуализация учебного процесса;
2. Изменение формата занятий;
3. Акцент на формировании универсальных навыков (для выравнивания уровня обучающихся);
4. Использование цифровых технологий для нивелирования различного уровня подготовки;
5. Введение кураторской системы или системы наставничества.

Таким образом, проблема разноуровневой подготовки в китайских педагогических университетах – это системный вызов, требующий отказа от жестко унифицированного подхода. Ключ к ее решению лежит в создании гибкой, адаптивной образовательной среды, которая дифференцирует требования к студентам, индивидуализирует учебные планы, акцентирует внимание на развитии универсальных музыкальных навыков, необходимых именно педагогу-музыканту, а также использует коллективные

формы работы для улучшения психологического климата. Такой подход позволит не только «подтянуть» отстающих, но и раскрыть потенциал одаренных студентов, готовя из них всесторонне развитых и востребованных специалистов.

Анализ работ китайских педагогов-методистов (Бай, 2025; Лю, 2025; Дин, 2020; Гэн, 2019; Чэнь, 2025; Ли, 2024) позволяет сделать вывод о том, что китайская традиция формирования исполнительских навыков игры на фортепиано глубоко коренится в синтезе многовековой практики (особенно в традиционных искусствах). Большой акцент в преподавании делается на ментальной концентрации, имитации и долгосрочной отработке.

Наиболее популярные методы формирования исполнительских навыков в китайской педагогической практике можно классифицировать следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Классификация традиционных китайских методов формирования исполнительских навыков

Критерий классификации	Категория методов	Конкретные примеры методов	Основная цель
По цели воздействия на исполнительский механизм	Постановочно-двигательные	«Мячик в ладони» (чтобы сформировать правильный «купол» кисти), упражнения типа «пальчики-очки» (соединение пальцев в кольцо), упражнения на расслабление «Балерина» (поднятие рук и свободное опускание), использование веса руки (приподнимание и опускание запястья для использования веса руки при нажатии), игра с опорой (ощущать нажатие до дна клавиши, что делает звук более певучим и насыщенным)	Сформировать рациональную, естественную и эффективную двигательную основу игры на фортепиано.
По цели воздействия на исполнительский механизм	Звуко-технические	«Три вида прикосновения» (staccato, legato, non legato), «Метод пения пальцами», «Метод медленной игры с акцентированием».	Развить различные виды звукоизвлечения, контроля над звуком, силы и независимости пальцев.
По цели воздействия на исполнительский механизм	Координационно-фактурные	«Метод раздельно-совместной практики», работа над полифонией по голосам.	Отработать сложную координацию рук, независимость голосов, преодолеть технические сложности фактуры.

По цели воздействия на исполнительский механизм	Работа над произведением (художественно-аналитические)	«Метод анализа структуры», «Метод аналогий и художественных ассоциаций», «Метод мысленной игры».	Сформировать целостный художественный образ, осознанное исполнение, прочную память.
По характеру действий учащегося	Практико-моторные	Все постановочно-двигательные и звуко-технические методы, «метод медленной игры».	Непосредственное физическое освоение навыка через повторение.
По характеру действий учащегося	Аналитико-мыслительные	«Метод мысленной игры», «Метод анализа структуры».	Осознание, запоминание, внутреннее моделирование исполнения.
По характеру действий учащегося	Имитационно-образные	«Метод аналогий», детальный показ учителя.	Создание яркого слухового и двигательного идеала для подражания.
По характеру действий учащегося	Контрольно-регулирующие	Игра с акцентами, игра под метроном, запись на аудио/видео с последующим анализом.	Развитие самоконтроля, ритмической дисциплины, критической оценки.
По этапу работы над навыком/произведением	Вводно-ознакомительные	Показ учителя, анализ формы, прослушивание эталонных записей.	Создание первоначального представления.
По этапу работы над навыком/произведением	Основные тренировочные	«Раздельно-совместная практика», медленная игра, работа над трудными местами «кусками».	Формирование и закрепление навыка.
По этапу работы над навыком/произведением	Интегрирующе-завершающие	Собирание произведения в целое, работа над единством темпа, «прогоны», мысленная репетиция.	Доведение до уровня автоматизма и художественной целостности.

Анализ актуального состояния педагогической практики формирования исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов китайских вузов позволяет предложить авторскую модель обучения, направленную на нивелирование проблемы разноуровневой подготовки (рис. 1).

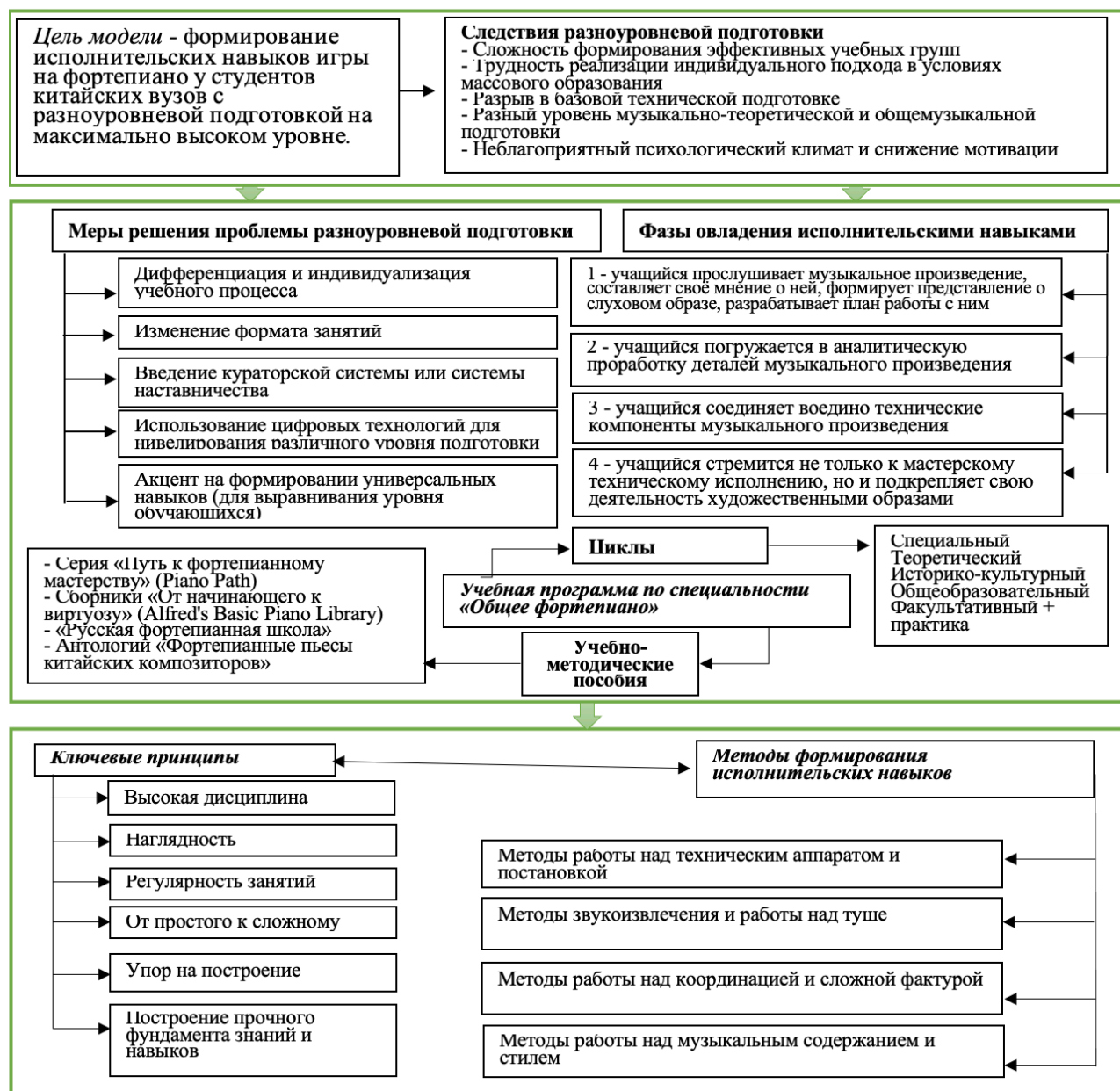


Рисунок 1. Модель формирования исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов китайских вузов с разноуровневой подготовкой

В авторскую модель вошли такие составляющие блоки, как меры решения проблемы разноуровневой подготовки, фазы овладения исполнительскими навыками, учебно-методические пособия и циклы учебной программы по специальности «Общее фортепиано», ключевые принципы и методы формирования исполнительских навыков, учитывающая следствия проблемы разноуровневой подготовки студентов и нацеленная на формирование исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов на максимально высоком уровне.

Заключение

Таким образом, формирование исполнительских навыков в процессе подготовки будущих пианистов является одной из ключевых педагогических задач, реализация которой осложняется проблемой разноуровневой подготовки студентов. В этой связи крайне важно подбирать оптимальные методы, принципы, средства обучения, способные нивелировать эту проблему и достичь максимального эффекта обучения. Их четкое понимание способствует разработке модели обучения, нацеленной на

формирование исполнительских навыков игры на фортепиано у студентов китайских вузов с разноуровневой подготовкой.

Список литературы

1. Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В. Теория музыкального образования: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 336 с.
2. Арановский М.Г. Концепция Б.В. Асафьева // Искусство музыки: теория и история. 2012. №6. С. 61-85.
3. Бай Сяньюй. Исследование эстетических стратегий для улучшения музыкальной выразительности в фортепианном исполнении // Китайский мюзикл. 2025. №3. С. 97-100.
4. Волошина И.А., Новиков П.Н. Понятие навыка в составе образовательной и профессионально-трудовой терминологии // Социально-трудовые исследования. 2020. № 3(40). С. 68-80.
5. Готсдинер А.Л. Музыкальная психология. М.: МИП «Магистр», 1993. 190 с.
6. Гэн Дз. Реформа фортепианного образования в новую эпоху // Впечатление о Китае. 2019. №11. С. 71-73.
7. Дин И. Система фортепианного образования в современном Китае: структура, стратегии развития, национальный репертуар: автореферат дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2020. – 24 с.
8. Доу И., Мансурова А.П. К вопросу о современных тенденциях и задачах фортепианного образования в Китае // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4.
9. Жукова О.М., Корытько Е.В. Инструментально-исполнительская деятельность в контексте профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов // Педагогика. Искусство и культура. 2022. № 2(46). С. 74-79.
10. Ли С., Поляков А.В. Обучение игре на фортепиано и методика преподавания в средних профессиональных колледжах Китая (на примере фортепианных исполнительских специальностей) // Педагогический научный журнал. 2024. Т. 7. № 4. С. 70-76.
11. Ли С., Поляков А.В. Проблемы обучения игре на фортепиано студентов без базовой технической подготовки в музыкальных колледжах // Казанская наука. 2024. №1. С. 25-27.
12. Лю Цз. Художественные особенности и приемы фортепианного исполнения // Великий взгляд на искусство. 2025. № 22. С. 73-75.
13. Мамонтова Т.А. Формирование исполнительских умений и навыков учащихся детской музыкальной школы в классе гитары // Дополнительное образование. 2022. № 5.
14. Музыкальные термины: краткий словарь для учащихся ДМШ и ДШИ. М.: Феникс, 2023. 239 с.
15. Сюй Ф. Роль и приемы фортепианного аккомпанемента в инструментальном исполнительстве // Художник. 2025. №11. С. 91-93.
16. Филонова Т.С. Исполнительские навыки как средство решения художественно-выразительных задач в процессе обучения игре на домре // Мат. VIII Межд. студ. науч. конф. «Студенческий научный форум» (15 февраля – 3 марта 2016 г., Саратов). Саратов, 2016. С. 20-23.
17. Чжан С. Сочетание региональной культуры и эстетики фортепианного исполнения // Очарование Хунани. 2025. № 5. С. 83-85.
18. Чжоу Цз. Чувство фортепианного исполнителя и выражение им музыкального подтекста // Великий взгляд на искусство. 2025. № 14. С. 112-114.
19. Чудайкина А.С. Особенности развития исполнительских навыков учащихся младших классов ДМШ // dmsh4tol.smr.muzkult.ru>media. 2022.
20. Чэн В. Обсуждение методов повышения эффективности обучения игре на фортепиано // Музыкальное время и пространство. 2015. № 20. С. 96.
21. Чэнь С. Пространственная реконструкция и эстетическая ценность фортепианного исполнения в телевизионных программах // Портретная фотография. 2025. № 8. С. 205-206.

22. Яо В. Фортепианное образование в современном Китае. Достижения, проблемы и перспективы // Мир культуры, науки, образования. 2021. № 3(88). С. 308-310.

Model of formation of performing piano playing skills among students with multi-level training in Chinese universities

Ziqiao Guo

Specialist-expert

Ural State Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

e54841171@gmail.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 11.11.2025

Accepted 17.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 378.147:780.8

DOI 10.25726/s4133-2596-6278-g

EDN OLOBRC

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article addresses the pressing issue of developing piano performance skills among Chinese university students with varying levels of prior training. Over the past few decades, the demand for higher music education in China has grown due to the versatility of the piano and the shortage of qualified pianists. However, the diverse pre-university preparation levels of applicants pose significant pedagogical challenges – from difficulties in forming study groups to gaps in technical and music-theoretical foundations. In their research, the authors analyse the key components of performance skills, including technical, music-intellectual, auditory, mnemonic, psychological, and coordination skills. They compare Russian and Chinese pedagogical traditions, noting a shift in the Chinese school's focus from virtuosity towards deeper artistic interpretation. The paper describes common teaching methods, ranging from posture and movement exercises to analytical techniques, as well as assessment formats – examinations by the Musicians' Association, the Royal Academy of Music (UK), and Trinity. To address the identified problem, the authors propose an original educational model that integrates: differentiation and individualisation of the learning process; development of universal skills; use of digital technologies; mentorship system. This model takes into account the stages of skill acquisition, key principles, and educational resources. It helps to level out differences in students' prior training and ensures high-quality professional preparation of pianists.

Keywords

performing skills, higher musical education, piano education, Chinese piano school, learning model, the problem of multi-level training.

References

1. Abdullin E.B., Nikolaeva E.V. Theory of musical education: a textbook for stud. of pedagog. univ. M.: Academy, 2004. 336 p.

2. Aranovsky M.G. B.V. Asafiev's concept // The art of music: theory and history. 2012. № 6. pp. 61-85.
3. Bai Xiangyu. A study of aesthetic strategies for improving musical expressiveness in piano performance // Chinese musical. 2025. № 3. pp. 97-100.
4. Voloshina I.A., Novikov P.N. The concept of skill as part of educational and professional terminology // Socio-labor research. 2020. № 3(40). pp. 68-80.
5. Gotsdiner A.L. Musical psychology. M.: MIP «Magister», 1993. 190 p.
6. Gen Dz. Piano education reform in the New Era // Impression of China. 2019. № 11. pp. 71-73.
7. Ding I. The system of piano education in modern China: structure, development strategies, national repertoire: abstract of the dissertation of the candidate. Art Criticism. SPb., 2020. 24 p.
8. Dou I., Mansurova A.P. On the issue of modern trends and tasks of piano education in China // Modern problems of science and education. 2020. № 4.
9. Zhukova O.M., Korytko E.V. Instrumental performance activities in the context of professional training of future music teachers // Pedagogy. Art and culture. 2022. № 2(46). pp. 74-79.
10. Li Xi., Polyakov A.V. Piano teaching and teaching methods in secondary vocational colleges in China (on the example of piano performing specialties) // Pedagogical scientific journal. 2024. Vol. 7. № 4. pp. 70-76.
11. Li Xi., Polyakov A.V. The problems of teaching piano playing to students without basic technical training in music colleges // Kazan science. 2024. № 1. pp. 25-27.
12. Liu Jie. Artistic features and techniques of piano performance // A great look at art. 2025. № 22. pp. 73-75.
13. Mamontova T.A. Formation of performing skills of pupils of children's music school in guitar class // Additional education. 2022. № 5.
14. Musical terms: a short dictionary for students of secondary school and secondary school. M.: Phoenix, 2023. 239 p.
15. Xu F. The role and techniques of piano accompaniment in instrumental performance // Artist. 2025. № 11. pp. 91-93.
16. Filonova T.S. Performing skills as a means of solving artistic and expressive tasks in the process of learning to play the domra // Mat. of the VIII Inter. stud. scien. conf. «Student Scientific Forum» (February 15 – March 3, 2016, Saratov). Saratov, 2016. pp. 20-23.
17. Zhang S. Combination of regional culture and aesthetics of piano performance // The charm of Hunan. 2025. № 5. pp. 83-85.
18. Zhou Tzu. The feeling of a piano player and his expression of musical overtones // A great look at art. 2025. № 14. pp. 112-114.
19. Chudaikina A.S. Features of the development of performing skills of elementary school students // dmsh4tol.smr.muzkult.ru. 2022.
20. Cheng V. Discussion of methods for improving the effectiveness of teaching piano playing // Musical time and space. 2015. № 20. p. 96.
21. Chen S. Spatial reconstruction and aesthetic value of piano performance in television programs // Portrait photography. 2025. № 8. pp. 205-206.
22. Yao V. Piano education in modern China. Achievements, challenges and prospects // The world of culture, science and education. 2021. № 3(88). pp. 308-310.

Роль дискуссионного общения в преподавании русского языка как иностранного для арабских студентов: этноориентированный подход

Аде Джаббар Хамад

Специалист-эксперт

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия

jabar.la1992@gmail.com

ORCID 0009-0001-8103-5277

Поступила в редакцию 26.11.2025

Принята 15.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 378.147(075.8)

DOI 10.25726/b7446-5322-6365-s

EDN NRVSLU

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В контексте глобализации и увеличения числа иностранных студентов в России актуализируется проблема разработки эффективных методик преподавания русского языка как иностранного (РКИ), учитывающих этнокультурные особенности студентов. В представленном исследовании рассматривается потенциал этноориентированного подхода, интегрированного с методом дискуссионного общения, для развития коммуникативных компетенций арабских студентов. Эмпирическое исследование проводилось на подготовительном факультете Белгородского государственного университета в 2025 учебном году с участием 24 арабских студентов, разделенных на контрольную (стандартная методика) и экспериментальную группы. Для экспериментальной группы была разработана специальная 8-недельная программа, смещающая фокус на развитие дискуссионных навыков в этноориентированной среде с активным использованием культурных параллелей, групповой работы и моделирования реальных ситуаций. Результаты сравнительного анализа успеваемости, подкрепленные данными анкетирования преподавателей и студентов, показали статистически значимое превосходство экспериментальной методики. Участники экспериментальной группы продемонстрировали существенно более высокий прогресс в речевых навыках. Исследование выявило, что ключевыми факторами успеха стали целенаправленный учет коллективистского типа коммуникации и религиозно-культурного контекста арабских студентов, что способствовало снижению психологических барьеров (прежде всего страха ошибки) и повышению мотивации. Делается вывод о том, что интеграция принципов этнокультурного подхода с интерактивными дискуссионными практиками качественно трансформирует учебный процесс, превращая его в осмысленную деятельность по межкультурной коммуникации и обеспечивая тем самым более глубокое и эффективное формирование коммуникативной компетенции.

Ключевые слова

русский язык как иностранный (РКИ), этноориентированный подход, дискуссионное общение, арабские студенты, межкультурная коммуникация, методика преподавания, языковая адаптация.

Введение

Образование является одним из важнейших институтов государства и общества, служа основой для воспитания здоровой и компетентной личности, а также для формирования интеллектуально развитого общества (Фасулаки, 2025; Hilton, 2012). Стремление к поиску наиболее эффективных образовательных программ среди школ, вузов и научных центров побуждает нас предпринимать активные шаги в этом направлении. Повседневные потребности и профессиональная деятельность заставляют задуматься о поиске оптимальных, быстрых и подходящих способов познания различных сфер жизни, особенно в области образования. Со временем были разработаны новые методики преподавания, созданы десятки научных теорий. Изучение иностранного языка наряду с родным стало одной из ключевых целей современного человека (Хонимкулова, 2018). В настоящее время преподаванию иностранных языков, которые принято называть вторыми, уделяется значительное внимание, и учебные заведения постоянно находятся в поиске быстрых, практичных и качественных механизмов их изучения (Петрусевич, 2018).

В связи с увеличением числа изучающих русский язык за пределами России и притоком иностранных студентов в Россию методика преподавания русского языка как иностранного нуждается в разработке и обновлении. Желание изучать русский язык распространилось не только на соседние страны, такие как Китай, но и на ряд арабских и африканских стран, таких как Иордания и Ирак (Кротова, 2014). Этноориентированный подход к преподаванию иностранного языка является важным и эффективным способом организации образовательного процесса, который позволяет студентам постепенно и легко преодолевать языковые проблемы и ускоряет процесс овладения иностранным языком, что особенно актуально для китайских студентов, изучающих русский язык. Согласно исследованию, проведенному среди китайских студентов-филологов, преподаватели русского языка провели этноориентированный курс по русской лексике и грамматике. Результаты показали, что применение такого подхода полезно и способствует повышению уровня учебной мотивации учащихся, что позволило достичь эффективных результатов. В исследовании также учитывались психологические особенности учащихся, на которые оказала влияние их родная культура, а обучение диалогической речи использовалось для усиления желания студентов изучать русский язык (Дмитриева, 2018).

Этноориентированный подход – это методологический подход, который учитывает культурные, языковые и этнические особенности конкретного общества в контексте обучения дискурсивной коммуникации (Мишина, 2022; Аде, 2025). Характеристики этноориентированного подхода включают несколько ключевых особенностей. Одной из них является культурная чувствительность, которая учитывает культурные нормы и ценности нации, принадлежащей к определенной группе, а также структурные и семантические характеристики родного языка учащихся. В то же время этот подход способствует сохранению идентичности студентов, укреплению их культуры, развитию межкультурных отношений и предоставляет возможность использовать культурные термины этнических языков (Мишина, 2022). Кроме того, этноориентированный подход эффективно адаптирует методы и стратегии обучения для работы с конкретной этнической группой, обеспечивая культурную среду обучения, которая помогает учащимся преодолевать культурные и языковые барьеры в процессе освоения дискурсивного общения. Таким образом, видение и цель этноориентированного подхода можно определить как повышение эффективности преподавания за счет учета этнокультурных особенностей учащихся с целью лучшего понимания и усвоения материала (Гаджикурбанова, 2018).

По мнению Т.А. Кротовой, компоненты культурно-языковой модели адаптации в рамках этноориентированной методической системы делятся на несколько уровней (преподаватель – студент, студент – студент, мультикультурная группа студентов и т.д.). Существует также ряд действий и структур адаптации, которые в значительной степени связаны с присутствием определенной доли иностранных студентов (например, арабских и африканских), таких как содержание, поведение, цели, деятельность, идентификация, индивидуальные особенности, карьерная ориентация и т.д. (Кротова, 2014).

Этот подход получил достаточно широкое распространение среди лингвистов, особенно в области русского языка как иностранного. Однако некоторые эксперты в области лингвистики предлагают преподавателям русского языка развивать национально-ориентированные принципы и

следовать им, а также объяснять, почему русский язык является иностранным для определенной этнической группы. Как отмечают Московкин и Айиша (2023), результаты их исследования подтверждают, что этноориентированная методология и наука играет существенную роль в формировании профессиональных качеств педагогов. Они считают, что этнокультурные и этнопсихологические особенности должны быть учтены в дидактических целях для улучшения преподавания русского языка как иностранного в мире. В своей совместной монографии «От методологии к этнометодологии преподавания русского языка как иностранного китайским студентам» С.А. Шмалько-Затинацкая обсуждает теории этноориентированных методов. Она указывает на несколько принципов и методик этноориентированного подхода к изучению русского языка и обсуждает проблемы и пути их решения. Наиболее важными принципами являются: принцип диалога культур, принцип уважения к родному языку учащихся, принцип учета этнокультурных и психологических особенностей учащихся и принцип мультикультурности преподавателя (Шмалько-Затинацкая, 2022).

Т.П. Фролова определяет диалог культур как методологический принцип, который, по ее мнению, направляет процесс обучения через диалог и этноориентированные подходы на формирование интеллигентной и диалектичной личности (Фролова, 2013). Исследователи также отмечают, что язык является средством передачи культуры, а культурология языка позволяет более эффективно определять цели, задачи и методы обучения, а также организовывать учебные материалы, что способствует лучшему выполнению дидактической, когнитивной и нравственной задачи обучения иностранному языку (Турбина, 2018; Гадзаова, 2016).

Кроме того, дискуссионное общение как один из интерактивных методов обучения рассматривается в дидактике в качестве особой технологии. Оно также активно используется в учебном процессе для регулирования ценностно-ориентированного психического состояния студентов (Коростелева, 2019). Будучи технологией, применяемой в организации, управлении и социально-психологическом обучении, дискуссионное общение создает благоприятные условия для участия студентов в максимальном количестве интересующих их мероприятий при изучении иностранного языка.

Дискуссия способна сформировать дидактическую и психологическую среду, в которой учащиеся могут активнее вовлекаться в самовыражение. Как правило, обсуждение дает участникам возможность обмениваться новой информацией, демонстрировать свои таланты и проверять идеи при выполнении заданий. Кроме того, дебаты и дискуссии предоставляют широкие возможности для получения информации из различных областей, тем самым расширяя и активизируя процесс ее усвоения. Использование и интеграция знаний из разных сфер повышают вероятность того, что учащиеся глубже поймут суть проблемы и сформируют всестороннее и обоснованное представление о своих идеях (Баркова, 2019).

По словам А.Ж. Нургалиевой, «дискуссионный» в обучении иностранным языкам всегда считался инновационным способом развития способностей учащихся, предоставляющим им основу для мышления, анализа информации и аргументации. Однако именно ориентация на ценности в ходе обсуждения определяет личностное развитие самого студента, а важность проведения дискуссии помогает учащимся выразить свою индивидуальность и взгляды на различные вопросы, проблемы и темы (Нургалиева, 2017).

Преподавание русского языка арабским студентам требует особой самостоятельной дисциплины, особенно с учетом социолингвистических и культурных аспектов, которые, несмотря на различия, имеют некоторое сходство с точки зрения лингвистической и семантической глубины. Таким образом, метод обучения зависит от двух аспектов: собственно языкового аспекта русского языка и методики обучения арабских студентов, которая в значительной степени основана на коммуникативном подходе (Nameed, 2019). Тот же источник указывает, что наиболее эффективным методом является свободное общение с носителями языка, что способствует совершенствованию устной речи студентов и развитию их навыков владения иностранным языком.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование было проведено в 2025 учебном году на базе подготовительного факультета Белгородского государственного университета. Выборку составили 24 арабских студента (возраст 18-26 лет, смешанный гендерный состав), обучающихся на программе предвузовской подготовки. Участники являлись выходцами из Сирии, Марокко, Ирака, Алжира и Судана. Для целей экспериментального исследования были сформированы две группы по 8 человек: контрольная группа (Группа А) и экспериментальная группа (Группа В). Также в исследовании приняли участие 6 преподавателей русского языка как иностранного (РКИ) с профессиональным стажем от 3 до 7 лет.

Дизайн и процедура исследования. Исследование проводилось в течение первого и второго семестров и включало сравнительный анализ двух методик обучения. Контрольная группа (А) занималась по стандартной программе, ориентированной на системное изучение грамматики, лексики и выполнение традиционных домашних заданий. Для экспериментальной группы (В) была разработана специальная программа, реализованная при научном консультировании. Ее основной фокус был смещен в сторону развития «дискуссионного общения» в этноориентированной образовательной среде, с интеграцией культурных норм и ценностей в учебный процесс.

В середине первого семестра был проведен первичный анкетный опрос. Преподаватели ответили на 6 вопросов, посвященных роли диалогической речи и использованию педагогических инструментов. Студенты заполнили анкету из 6 вопросов (на арабском и русском языках), направленную на выявление их отношения к участию в учебном процессе с учетом этнокультурного фактора. Для оценки динамики и эффективности экспериментальной методики в середине второго семестра был проведен повторный опрос студентов, акцентированный на роли «дискуссионного общения» в развитии речевых навыков.

Экспериментальная методика. Специальная программа для Группы В реализовывалась в течение 8 недель и включала комплекс методических приемов, организованных в единую систему:

1. Предварительная подготовка: систематическое повторение теоретического материала (лексика, грамматика) в контексте предстоящих коммуникативных задач, а также культурологических и речевых аспектов.
2. Интеграция технологий: использование онлайн-платформы университета для размещения учебных лекций и материалов, поддержки самостоятельной работы.
3. Активные и интерактивные методы: основное учебное время было посвящено групповой работе, ролевым играм, моделированию реальных жизненных и коммуникативных ситуаций, презентации сценариев, обсуждению сложных тем.
4. Развитие дискуссионных навыков: применение специальных техник для подготовки аргументов и стимулирования межличностного и межкультурного устного общения.

Анализ данных. Обработка эмпирических данных проводилась с использованием программы Microsoft Excel. Применялись методы описательной статистики для обобщения результатов опросов и сравнительного анализа для сопоставления академической успеваемости между контрольной и экспериментальной группами. Статистический анализ был направлен на выявление значимых различий в эффективности двух подходов к обучению.

Результаты и обсуждение

Результаты опроса, проведенного среди преподавателей русского языка, показывают явную тенденцию к систематическому использованию дискуссионных форматов. Так, высокая частота занятий (2–3 раза в неделю) была указана большинством респондентов, в то время как низкая (один раз или редко) — явным меньшинством. Полученное распределение ответов позволяет утверждать, что дискуссия, во всем многообразии ее форм, занимает центральное место в структуре учебного процесса, выполняя роль основного метода развития речевых навыков (см. рис. 1). (Хамид, 2019; Хилтон, 2012).

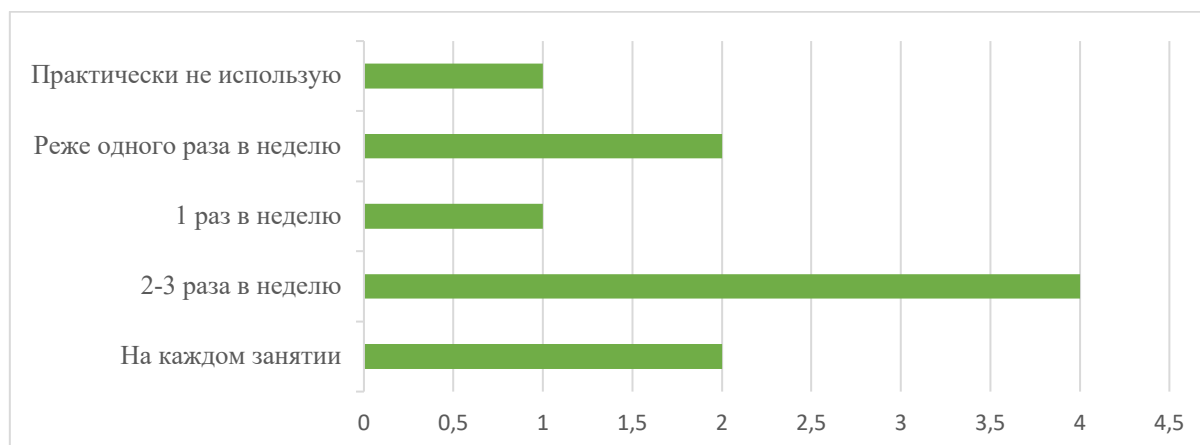


Рисунок 1. Использование дискуссионных форматов на занятиях с арабскими студентами

«Коллективистский тип коммуникации» и «религиозно-культурный контекст» как ключевые аспекты для учета. Это свидетельствует о том, что преподаватели воспринимают не просто отдельные черты, а глубинные, системообразующие основы арабской коммуникативной культуры. Выбор этого пункта указывает на понимание преподавателями важности групповой гармонии, консенсуса и ориентации на мнение сообщества. Это предполагает адаптацию форматов дискуссий в сторону большего акцента на групповые задачи, минимизацию ситуаций, которые могут поставить отдельного студента в позицию противопоставления себя группе, и создание атмосферы взаимной поддержки.

Высокий рейтинг данного фактора подчеркивает осознание неразрывной связи повседневных практик, ценностей и коммуникативных норм с религиозными установками. Учет этого аспекта может проявляться в выборе тематики дискуссий, избегании конфликтных с верой тем, внимании к календарным и бытовым религиозным практикам, влияющим на учебный процесс. Остальные предложенные варианты (гендерные аспекты общения, роль преподавателя как авторитета, особенности невербального поведения, отношение к публичным выступлениям) были отмечены реже.

Проведенный анализ позволяет заключить, что преподавательское сообщество в своей практике демонстрирует четкое понимание иерархии культурных факторов, влияющих на эффективность коммуникации с арабскими студентами. На первом плане находятся фундаментальные социокультурные параметры – коллективизм и религиозность, формирующие саму матрицу коммуникативного поведения. Другие аспекты, такие как гендерные нормы или невербалика, признаются важными, но рассматриваются либо как производные от базовых ценностей, либо как тактические элементы, требующие адресного внимания в зависимости от контекста конкретного учебного взаимодействия. Такой подход отражает стратегическую адаптацию методики преподавания к ключевым культурным детерминантам целевой аудитории (см. рис. 2).

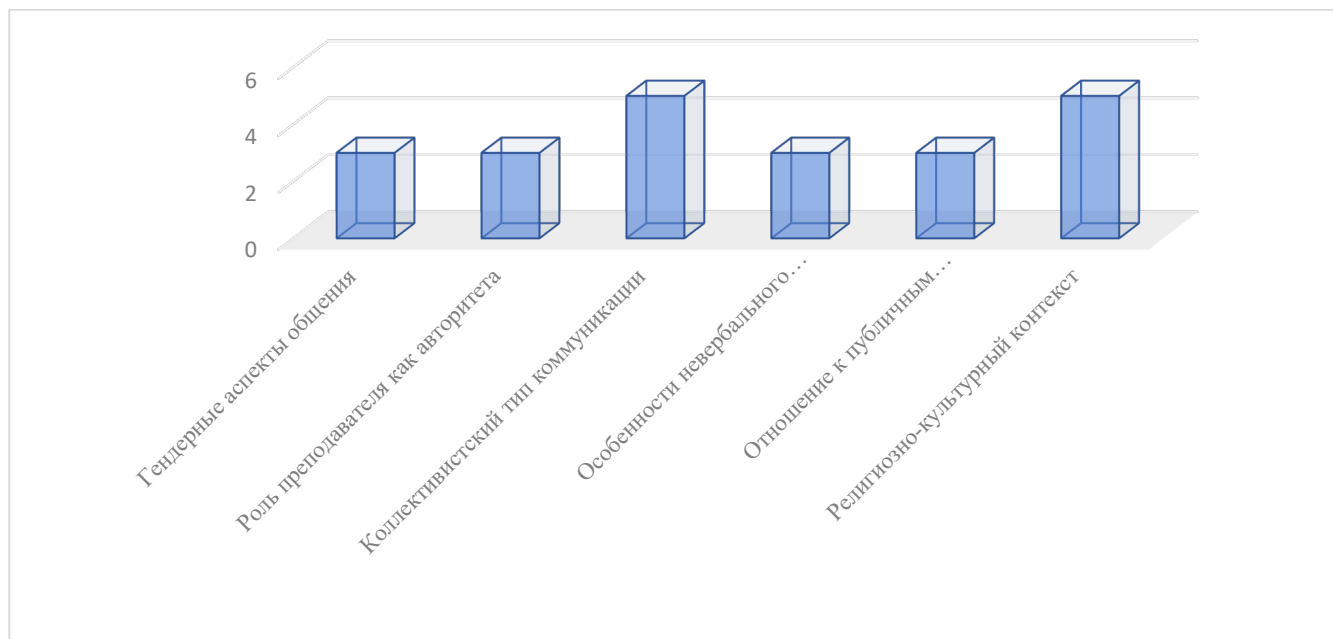


Рисунок 2. Культурные особенности арабских студентов, учитываемые при организации дискуссий

Данные опроса демонстрируют сформировавшуюся у педагогов иерархию тематических предпочтений при организации дискуссий с арабскими студентами, которая отражает стратегический подход к интеграции языкового обучения с задачами социокультурной адаптации. Доминирующий выбор пал на темы, обеспечивающие «компаративный анализ и актуальный социальный дискурс»: «Сравнение культурных традиций», «Межкультурная коммуникация» и «Современные социальные вопросы». Эта триада формирует содержательное ядро, выполняющее ключевые педагогические функции. Тематика культурного сравнения и коммуникации служит основным инструментом легитимации культурного багажа учащихся, создавая безопасное пространство для рефлексии и обеспечивая освоение сложного пласта абстрактной и оценочной лексики. Включение же актуальных социальных вопросов обеспечивает выход за рамки бытового или сугубо академического общения, развивая навыки критического мышления и аргументации в глобальном контексте, что повышает персональную релевантность изучаемого языка для студента.

Менее востребованные темы «Образование в России и арабских странах», «Литература и искусство», «Деловой русский язык» – занимают позицию контекстуально зависимых или специализированных модулей. Их относительно низкий рейтинг не указывает на неэффективность, но скорее определяет их периферийный статус в рамках общего языкового курса. Тема образования выступает как конкретизация общего культурного сравнения, актуальная для определенных академических целей. Литература и искусство требуют существенной предварительной подготовки или культурологического комментария, что повышает методическую нагрузку. Деловой русский язык является узкопрофессиональным инструментом, чья эффективность напрямую коррелирует с профилем и потребностями конкретной аудитории (см. рис. 3).

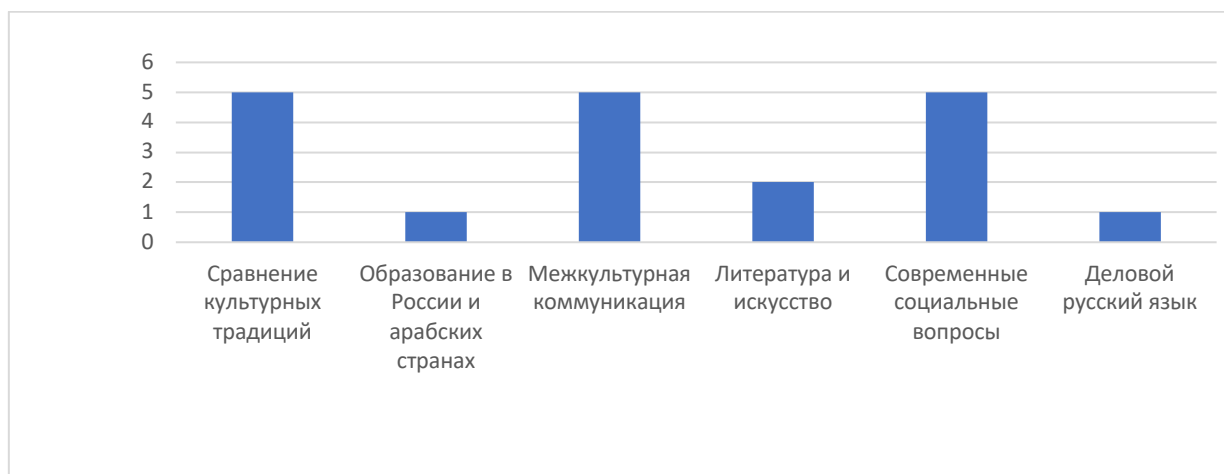


Рисунок 3. Темы дискуссий. Наиболее эффективные с арабскими студентами

Таким образом, выявленная тематическая иерархия свидетельствует о преобладании прагматической, студенто-ориентированной педагогической модели. Преподаватели последовательно выстраивают дискурсивный переход от анализа знакомых культурных кодов к обсуждению универсальных социальных явлений. Данная стратегия не только систематически развивает коммуникативную компетенцию, но и целенаправленно формирует у арабских студентов когнитивные инструменты для осмысленного и критического взаимодействия с новой лингвосоциокультурной реальностью через призму русского языка.

Доминирующей практикой, получившей наивысшие оценки, является «использование культурных параллелей». Данный факт свидетельствует о стремлении преподавателей выполнять роль культурных медиаторов. Эта стратегия позволяет минимизировать когнитивный диссонанс и создать «мосты понимания», актуализируя новую информацию через привязку к знакомым студентам концептам и реалиям, что напрямую коррелирует с принципом опоры на предыдущий опыт и повышает вовлеченность.

Вторым по значимости фактором адаптации выступает «организация групповой работы». Столь высокий рейтинг этого параметра эмпирически подтверждает теоретическое понимание коллективистской ориентации многих арабских культур. Преподаватели осознанно используют формат группового взаимодействия как способ снизить индивидуальную тревожность, распределить ответственность и смоделировать коммуникацию, близкую к естественной социальной среде учащихся, тем самым создавая психологически безопасные условия для продуцирования речи.

Третий по распространенности параметр «модификация тем и заданий» логически дополняет первые два. Он отражает оперативный уровень адаптации, где общие культурные и организационные принципы воплощаются в конкретный содержательный и процедурный дизайн занятия. Это может выражаться в смягчении потенциально конфликтных тем, формулировке вопросов, допускающих множественность интерпретаций, или в выборе проблематики, релевантной для коллективистского сознания.

Структура ответов позволяет заключить, что адаптационная стратегия преподавателей является «реалистичной и контекстуально обоснованной». Она делает основной акцент на преодолении культурно обусловленных коммуникативных барьеров (через культурные параллели и групповые форматы) и оперативной гибкости в подборе контента. Данный подход в первую очередь направлен на формирование эффективной и мотивирующей коммуникативной среды, что выступает фундаментальным условием для успешного проведения дискуссии, в то время как тонкая языковая коррекция и работа с аутентичными материалами рассматриваются как важные, но вторичные задачи, которые могут быть инкорпорированы на последующих этапах обучения (см. рис. 4).

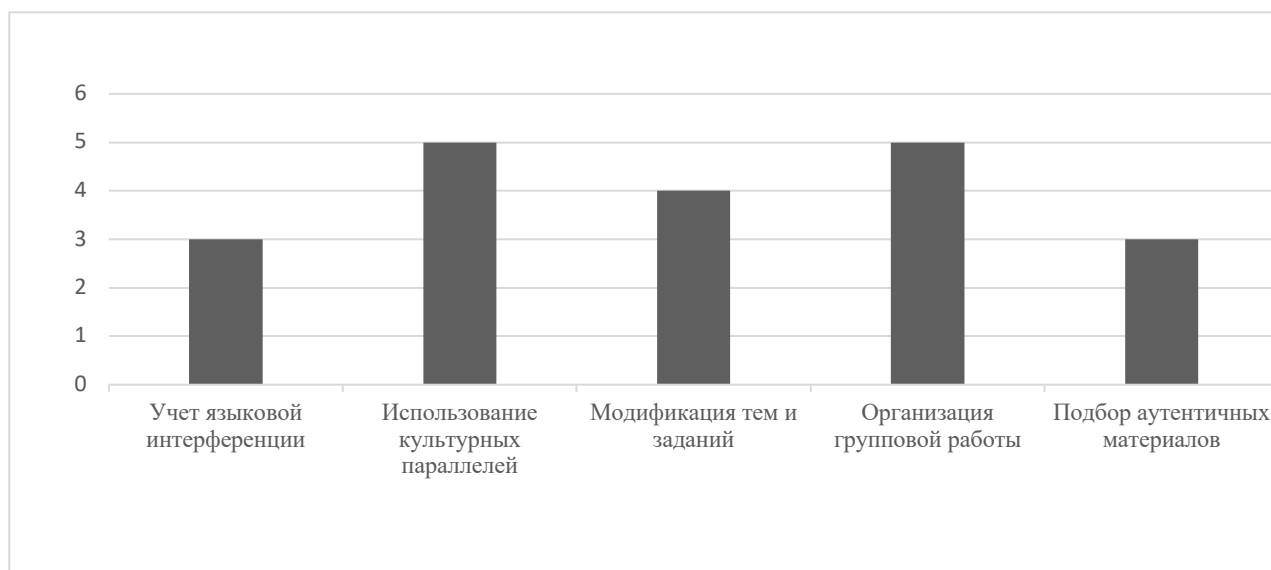


Рисунок 4. Дискуссионные задания: специфика для арабских студентов

К наиболее критичным трудностям, согласно оценкам респондентов, относятся «грамматические ошибки», «страх совершить ошибку» и «культурные барьеры в общении». Высокий рейтинг грамматических сложностей отражает объективное лингвистическое препятствие, обусловленное значительной типологической разницей между флективным русским и аналитическим арабским языком (в частности, в системе падежей, видовременных форм глагола и согласовании). Однако данная трудность существенно усугубляется двумя другими факторами. «Страх совершить ошибку» выступает как мощный социально-психологический фильтр, характерный для культур с высокой дистанцией власти и ориентацией на избегание неопределенности. Этот страх напрямую подавляет спонтанность речевой продукции, необходимую для дискуссии. Параллельно «культурные барьеры» (например, различия в нормах вежливости, допустимой прямолинейности, невербальных кодах) создают фоновую неопределенность, повышая общий уровень тревожности и затрудняя интерпретацию, как высказываний собеседника, так и реакции на собственные реплики. Таким образом, эти три фактора образуют замкнутый круг: лингвистическая сложность провоцирует страх, который, в свою очередь, усиливается неуверенностью в культурных конвенциях, что в итоге приводит к увеличению числа фактических ошибок или к коммуникативному избеганию.

Сравнительно более низкий рейтинг таких пунктов, как «фонетические сложности» и «недостаточный словарный запас», может объясняться тем, что в контексте дискуссии они рассматриваются педагогами как препятствия, поддающиеся оперативному преодолению (через перифраз, уточнение) или не являющиеся фатальными для общего понимания сути высказывания. Наименее отмеченной трудностью оказалась «сложность выражения абстрактных понятий». Данный результат представляется наиболее показательным: он позволяет предположить, что дискуссия с арабскими студентами на текущем этапе часто остается в практической или сравнительно-описательной плоскости, не достигая уровня концептуального обобщения и философской аргументации. Это может указывать либо на сознательное упрощение содержания преподавателем для обеспечения доступности, либо на то, что более базовые барьеры (грамматика, страх, культурный код) фактически блокируют выход обсуждения на абстрактный уровень (см. рис. 5).

Полученная иерархия трудностей рисует картину, где первоочередными вызовами для преподавателя являются не столько чисто языковые дефициты, сколько их психологическое и культурное усиление. Эффективная организация дискуссии требует, таким образом, не только лингвистической коррекции, но и целенаправленного создания психологически безопасной среды, которая минимизирует страх перед ошибкой, и последовательного культурного посредничества, разъясняющего имплицитные правила коммуникации. Только при снижении влияния этих сдерживающих

факторов становится возможным прогресс в области развития дискурсивных навыков, включая и способность к выражению сложных абстрактных идей.

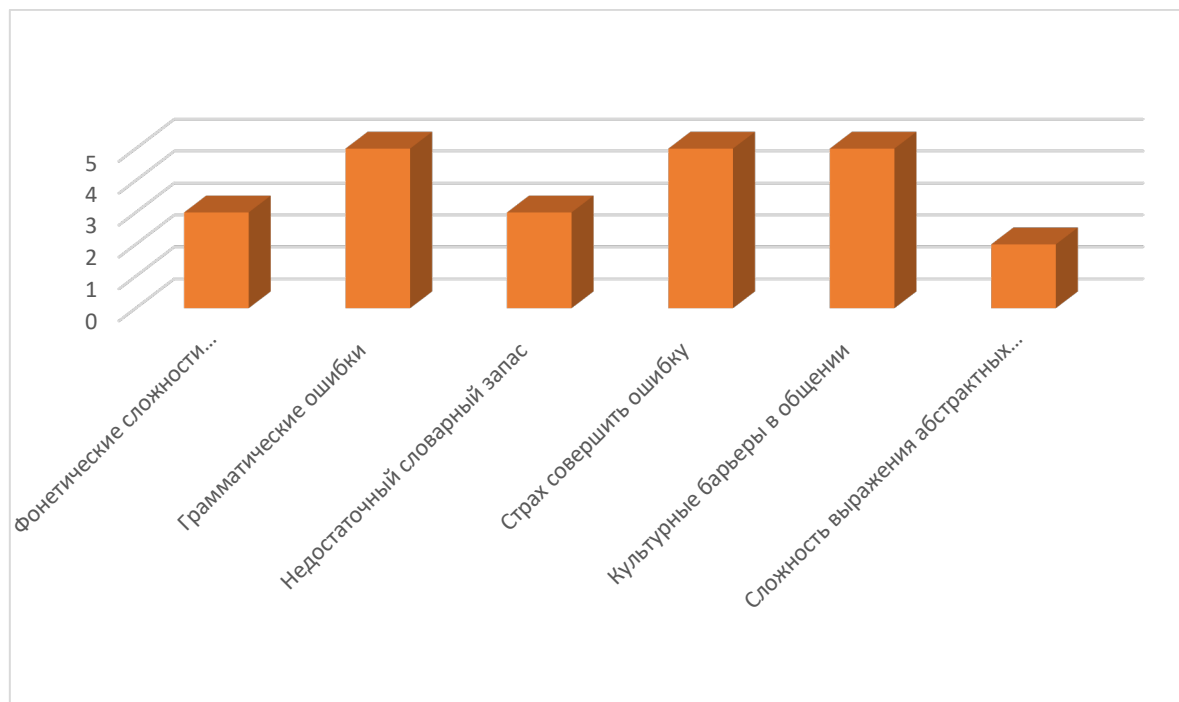


Рисунок 5. Основные трудности, с которыми сталкиваются арабские студенты в дискуссиях на русском языке

Наиболее высокий рейтинг с равной долей выборов (по 28%) получили два ключевых параметра: «разговорные навыки» и «культурная адаптация». Это распределение имеет принципиальное значение. Высокая оценка влияния на разговорные навыки является ожидаемой и подтверждает базовую дидактическую целесообразность метода. Однако, синхронно высокая оценка эффективности для «культурной адаптации» свидетельствует о глубоком понимании респондентами расширенной роли дискуссии. Она воспринимается не просто как языковой тренажер, а как интерактивное «социокультурное поле», где происходит не только продуцирование речи, но и апробация, осмысление и интеграция новых культурных кодов, норм взаимодействия и моделей аргументации. Таким образом, дискуссия декларируется как важнейший инструмент формирования межкультурной компетенции.

Промежуточное положение с заметно меньшим процентом выборов (11%) занимает «аудирование». Такой существенный разрыв между продуктивными и рецептивными навыками требует интерпретации. Он может указывать на то, что в рамках собственно дискуссионного формата фокус внимания преподавателей смещен на стимулирование и коррекцию речи учащихся, в то время как развитие навыка понимания спонтанной речи (с ее фонетическими особенностями, эллипсисами, перебивками) воспринимается либо как побочный, менее контролируемый продукт, либо как задача, более эффективно решаемая другими методическими средствами.

Параметры «преодоление языкового барьера» и «мотивация к изучению языка», хотя и не возглавляют рейтинг, получают стабильно положительные оценки. Их место в общей иерархии позволяет рассматривать их как значимые, но вторичные эффекты. Преодоление языкового барьера, вероятно, видится как следствие развития разговорных навыков и снижения страха ошибки в безопасной среде. Мотивационный же потенциал дискуссии, по-видимому, реализуется опосредованно – через успешность в коммуникации, ощущение прогресса и актуальность обсуждаемых тем (см. рис. 6).



Рисунок 6. Эффективность дискуссии для развития пяти компетенций у арабских студентов

Анализ данных позволяет заключить, что в профессиональном сознании преподавателей дискуссия утвердилась как комплексный педагогический инструмент с двойной доминантой. Ее ключевая эффективность локализуется в области синергетического развития «коммуникативно-речевой» и «социокультурной» компетенций. При этом ее роль в развитии чистого аудирования оценивается как относительно ограниченная, что, возможно, сигнализирует о необходимости более целенаправленного моделирования дискуссионных ситуаций, требующих активного и критического слушания.

Полученная картина отражает прагматичный взгляд на метод, где его сильные стороны (создание живого, мотивирующего и культурно-насыщенного общения) четко идентифицированы и отделены от тех целей, для достижения которых могут быть предпочтительны иные методические подходы.

Таблица 1. Динамика успеваемости и статистическая значимость прогресса в контрольной и экспериментальной группах

Группа	Методика	Средний балл (пред-тест)	Средний балл (пост-тест)	p-value (внутригрупповой)
А (Контрольная)	Стандартная	67.5 ± 6.1	71.8 ± 5.7	p = 0.042
Б (Экспериментальная)	Дискуссионно-ориентированная	66.9 ± 5.8	85.2 ± 4.8	p < 0.001

Статистический анализ внутри групп выявил, что обе методики привели к значимому улучшению результатов: в контрольной группе (А) прогресс оказался статистически значимым, но умеренным (p = 0.042), что соответствует ожиданиям от традиционного, постепенного накопления знаний. Напротив, в экспериментальной группе (Б) наблюдаемый скачок в результатах является высокостатистически значимым (p < 0.001), что указывает на мощный эффект примененной инновационной программы. Качественный анализ этого расхождения позволяет связать его с ключевыми компонентами экспериментальной методики (см. табл. 1).

Во-первых, создание этноориентированной образовательной среды, судя по данным анкетирования, напрямую способствовало снижению психологических барьеров и повышению мотивационной вовлеченности студентов, создав благоприятный эффективный фон для обучения. Во-вторых, системная интеграция предварительной теоретической подготовки (подкрепленной ресурсами

онлайн-платформы) с немедленным применением знаний в активных форматах – таких как ролевые игры, моделирование ситуаций и структурированные дискуссии – обеспечила более глубокую когнитивную обработку языкового материала и его оперативный перевод в практические коммуникативные навыки.

Таким образом, основной эффект методики заключается не просто в интенсификации обучения, а в качественной трансформации учебного процесса: он перестал быть абстрактным усвоением норм и превратился в осмысленную деятельность по межкультурной коммуникации. Полученные результаты убедительно подтверждают теоретическую предпосылку исследования о том, что для взрослых учащихся, особенно на этапе языковой адаптации, когнитивно-коммуникативный и культурологический контекст является не вспомогательным, а центральным фактором успешного формирования речевой компетенции.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о высокой эффективности целенаправленного сочетания этноориентированного подхода и метода дискуссионного общения в преподавании РКИ арабским студентам. Теоретический анализ позволил определить этноориентированный подход как методологическую основу, требующую учета языковых, культурных и психологических особенностей учащихся для преодоления барьеров адаптации. Практическая реализация специальной учебной программы, построенной на этой основе, продемонстрировала качественно иной результат по сравнению со стандартной методикой.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что ключевыми вызовами для арабских студентов являются не столько собственно лингвистические трудности, сколько их усиление психологическим фактором (страх совершить ошибку) и культурными барьерами. Разработанная методика, фокусирующаяся на создании психологически безопасной среды через учет коллективистских ценностей и религиозно-культурного контекста, позволила существенно минимизировать эти ограничения. Акцент на групповые формы работы, использование культурных параллелей и обсуждение социально-значимых сравнительных тем оказались наиболее эффективными адаптационными стратегиями.

Сравнительный анализ успеваемости экспериментальной и контрольной групп выявил статистически значимое превосходство дискуссионно-ориентированной методики. Участники экспериментальной группы достигли не только более высоких объективных результатов в освоении языка, но и, как показало анкетирование, лучшей культурной адаптации и мотивации. Это доказывает, что дискуссия в этнокультурном контексте выполняет двойную функцию: выступая как мощный инструмент развития разговорных навыков, она одновременно служит полем для формирования межкультурной компетенции.

Таким образом, исследование убедительно доказывает, что для взрослых учащихся на этапе языковой и социокультурной адаптации интеграция когнитивно-коммуникативного и культурологического компонентов является не дополнительным, а центральным элементом успешного обучения. Полученные результаты обосновывают необходимость дальнейшего внедрения и совершенствования этноориентированных дискуссионных практик в программы предвузовской подготовки и на других этапах обучения РКИ, а также целесообразность специальной подготовки преподавателей в области межкультурной коммуникации и этнопедагогики.

Список литературы

1. Аде Джаббар Х.А., Игнатова И.Б. Учебная дискуссия как средство формирования готовности к межкультурному диалогу с носителями языка: этноориентированный подход // Вестник педагогических наук. 2025. № 6. С. 6-11.
2. Баркова Н.Н., Карпенко А.В. Дискуссии и дебаты как методы профессионального обучения студентов педагогического университета // Проблемы современного образования. 2019. № 6. С. 211-219.

3. Гаджигурбанова Г.М. Педагогический потенциал кейс-технологии в формировании общих и профессиональных компетенций будущего педагога // Современные педагогические технологии профессионального образования: мат. Межд. заоч. науч.-практ. конф. (17-18 мая 2018 г., Москва). М.: Директ-Медиа, 2019. С. 291.
4. Гадзаова Л.П. Дидактический и культурологический аспекты современного языкового образования и воспитания в неязыковом вузе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1(21). С. 127-131.
5. Дмитриева Д.Д. Виды упражнений для обучения устной речи на занятиях по русскому языку как иностранному (на начальном этапе обучения) // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 29-33.
6. Коростелева С.Г. Дискуссия как активный метод обучения в профессиональной подготовке будущего учителя // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 2. С. 118-122.
7. Кротова Т.А. Способы реализации этноориентированной методики обучения русскому языку как иностранному с позиций лингвокультурной АДАПТАЦИИ (на примере арабского контингента) // Русистика. 2014. № 2. С. 22-28.
8. Мишина М.М. Этноориентированный подход в современной педагогике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4(108). С. 119-124.
9. Московкин Л.В., Айиша Ю. Становление национально-ориентированного подхода в методике преподавания русского языка как иностранного // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 3(15). С. 30-35.
10. Нургалиева А.Ж. Дискуссия как метод формирования коммуникативных навыков в обучении иностранному языку // Мир педагогики и психологии. 2017. № 4. С. 42-48.
11. Петрусевич П.Ю. Условия организации обучения школьников двум иностранным языкам // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-1. С. 277-281.
12. Турбина Е.П. Роль культурологического подхода в процессе обучения иностранным языкам // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 1(37). С. 111-116.
13. Фасулаки С.П. Образование как средство формирования гражданского общества // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 12(93). С. 538-543.
14. Фролова Т.П. Учет принципа диалога культур при обучении иноязычной диалогической речевой деятельности // российский журнал образования и психологии. 2013. № 5(25). С. 44.
15. Хамид А.А. Методика обучения разговорной речи русских студентов, говорящих по-арабски: Методы подготовки преподавателей на русском языке в арабской аудитории // Журнал языковых колледжей. 2019. № 39. С. 105-120.
16. Хилтон М.Л., Пеллегрино Дж.У. Образование для жизни и работы: развитие передаваемых знаний и навыков в XXI веке. Вашингтон: National Academies Press, 2012. 256 с.
17. Хонимкулова М.Х. К., Ибраимов Х.И. Необходимость изучения иностранных языков: теория и практика // Вопросы науки и образования. 2018. № 27(39). С. 80-83.
18. Шмалько-Затиная С.А. Этноориентированный подход при работе с учебными поликодовыми текстами (из опыта преподавания русского языка как иностранного студентам из стран Азиатско-Тихоокеанского региона) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 203. С. 185-197.

The role of discussion communication in teaching Russian as a foreign language to Arab students: ethno-orientated approach

Jabbar H. Ade

Specialist-expert

Belgorod state University

Belgorod, Russia

jabar.la1992@gmail.com

ORCID 0009-0001-8103-5277

Received 26.11.2025

Accepted 15.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 378.147(075.8)

DOI 10.25726/b7446-5322-6365-s

EDN NRVSLU

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

In the context of globalization and the increasing number of international students in Russia, the problem of developing effective methods of teaching Russian as a foreign language (RCT), taking into account the ethnocultural characteristics of students, is becoming relevant. The presented study examines the potential of an ethno-oriented approach integrated with the method of debatable communication for the development of communicative competencies of Arab students. An empirical study was conducted at the preparatory faculty of Belgorod State University in the 2025 academic year with the participation of 24 Arab students divided into control (standard methodology) and experimental groups. A special 8-week program was developed for the experimental group, shifting the focus to the development of discussion skills in an ethnically oriented environment with the active use of cultural parallels, group work and modeling of real situations. The results of a comparative analysis of academic performance, supported by data from a survey of teachers and students, showed a statistically significant superiority of the experimental methodology. The participants in the experimental group demonstrated significantly higher progress in speech skills. The study revealed that the key success factors were the purposeful consideration of the collectivist type of communication and the religious and cultural context of Arab students, which helped to reduce psychological barriers (primarily fear of mistakes) and increase motivation. It is concluded that the integration of the principles of an ethno-oriented approach with interactive discussion practices qualitatively transforms the educational process, turning it into a meaningful activity of intercultural communication and thereby ensuring a deeper and more effective formation of communicative competence.

Keywords

Russian as a foreign language (RCT), ethno-oriented approach, discussion communication, Arab students, intercultural communication, teaching methods, language adaptation.

References

1. Jabbar Kh.A., Ignatova I.B. Educational discussion as a means of forming readiness for intercultural dialogue with native speakers: an ethnoriented approach // Bulletin of pedagogical sciences. 2025. № 6. pp. 6-11.

2. Barkova N.N., Karpenko A.V. Discussions and debates as methods of professional training of pedagogical University students // Problems of modern education. 2019. № 6. pp. 211-219.
3. Gadzhikurbanova G.M. Pedagogical potential of case technology in the formation of general and professional competencies of a future teacher // Modern pedagogical technologies of professional education: mat. Internals. part-time scientific and practical conference (May 17-18, 2018, Moscow). M.: Direct-Media, 2019. pp. 291.
4. Gadzaova L.P. Didactic and cultural aspects of modern language education and upbringing in a non-linguistic university // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2016. № 1(21). pp. 127-131.
5. Dmitrieva D.D. Types of exercises for teaching oral speech in classes on Russian as a foreign language (at the initial stage of training) // Karelian scientific journal. 2018. Vol. 7. № 1(22). pp. 29-33.
6. Korosteleva S.G. Discussion as an active teaching method in the professional training of future teachers // Kostroma State University bulletin. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2019. Vol. 25. № 2. pp. 118-122.
7. Krotova T.A. Ways of implementing ethnooriented methods of teaching Russian as a foreign language from the standpoint of linguistic and cultural adaptation (using the example of the Arab contingent) // Rusistics. 2014. № 2. pp. 22-28.
8. Mishina M.M. An ethnooriented approach in modern pedagogy // Moscow State University of Culture and Arts bulletin. 2022. № 4(108). pp. 119-124.
9. Moskovkin L.V., Ayisha Yu. The formation of a nationally oriented approach in the methodology of teaching Russian as a foreign language // Professorial journal. Series: Russian language and literature. 2023. № 3(15). pp. 30-35.
10. Nurgalieva A.J. Discussion as a method of formation of communicative skills in teaching a foreign language // The world of pedagogy and psychology. 2017. № 4. pp. 42-48.
11. Petrusevich P.Y. Conditions for organizing the teaching of two foreign languages to schoolchildren // Problems of modern pedagogical education. 2018. № 59-1. pp. 277-281.
12. Turbina E.P. The role of the cultural approach in the process of teaching foreign languages // Shadrinsky State Pedagogical University bulletin. 2018. № 1(37). pp. 111-116.
13. Fasulaki S.P. Education as a means of forming a civil society // Bulletin of science. 2025. Vol. 4. № 12(93). pp. 538-543.
14. Frolova T.P. Consideration of the principle of dialogue of cultures in teaching foreign-language dialogic speech activity // Russian journal of education and psychology. 2013. № 5(25). p. 44.
15. Russian students who speak Arabic: Methods of teaching teachers in Russian in an Arabic audience // Journal of the college of languages. 2019. № 39. pp. 105-120
16. Hilton M.L., Pellegrino J.U. Education for life and work: the development of transferable knowledge and skills in the 21st century. W: National Academies Press, 2012. 256 p.
17. Khonimkulova M.Kh.K., Ibraimov H.I. The need to learn foreign languages: theory and practice // Issues of science and education. 2018. № 27(39). pp. 80-83.
18. Shmalko-Zatinatskaya S.A. An ethnooriented approach when working with educational polycode texts (from the experience of teaching Russian as a foreign language to students from the Asia-Pacific region) // Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University. 2022. № 203. pp. 185-197.

Воспитательный потенциал музыкального искусства в формировании патриотических чувств у старшекласников: критерии отбора репертуара на примере КНР

Сян Лю

Аспирант

Уральский государственный педагогический университет

Екатеринбург, Россия

yyttsayy2023@163.cm

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 22.11.2025

Принята 18.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/y7525-6932-2655-c

EDN ONWTPD

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Музыка патриотического воспитания выступает «духовной питательной средой» в процессе взросления молодежи, используя мелодию в качестве моста и текст песен – в роли души, превращая чувства любви к Родине и семье в осязаемый слуховой опыт. Прекрасные мелодии способны непосредственно трогать сердца, позволяя молодежи в неосознанном виде ощутить величие гор и рек родины, почувствовать глубину её истории; воодушевляющие тексты песен сплачивают силы, обеспечивая глубокое укоренение в сердцах таких ценностей, как патриотизм, уважение к профессии и стремление к достижениям. В статье раскрываются гносеологический, аксиологический и эмоциональный механизмы воздействия музыки на личность подростка, основной акцент сделан на разработке научно обоснованных критериев отбора музыкальных произведений для патриотического воспитания в китайских школах. Анализируются различные слои репертуара – от классических произведений и народной музыки, отражающих историю и этнокультурное многообразие Китая, до современных патриотических сочинений, формирующих гражданскую идентичность.

Ключевые слова

патриотическое воспитание, музыка, подросток, молодежь, гносеологический механизм, аксиологический механизм, эмоциональный механизм, критерии отбора, репертуар, китайская школа, классическая музыка, народная музыка, гражданская идентичность.

Введение

В условиях современной глобализации усиливается фундаментальное противоречие между процессами культурной унификации и стремлением к сохранению ценностного плюрализма, что порождает глобальные вызовы – в частности, фрагментацию гражданской идентичности и потребность в инновационных подходах к патриотическому воспитанию молодёжи. В данном контексте искусство и культура, являясь важнейшими носителями коллективной памяти и трансляторами ключевых ценностей, привлекают широкое междисциплинарное внимание к своему потенциалу в формировании идентичности и воспитании патриотических чувств.

Особое значение этот процесс приобретает в подростковом возрасте – ключевом переходном этапе физиологического и психологического развития человека. Когнитивные способности,

эмоциональные модели и социально-ценностные ориентиры старшеклассников находятся в состоянии высокой пластичности, что делает этот период сензитивным для целенаправленного педагогического воздействия. Музыкальное образование, являясь ядром такого воспитания, выходит далеко за рамки обучения художественным навыкам. Как отмечает Н.Л. Устинова, музыкальное искусство является мощным средством убеждения и формирования патриотических чувств у подрастающего поколения, что обуславливает актуальность исследований в этой сфере (Устинова, 2026).

Материалы и методы исследования

Несмотря на признанную роль музыки в воспитательном процессе, на сегодняшний день недостаточно разработаны научно обоснованные принципы и критерии отбора музыкальных произведений для целенаправленного формирования патриотических чувств именно у старшеклассников в условиях современной общеобразовательной школы. Существующие подходы зачастую носят фрагментарный или эмпирический характер, не будучи объединёнными в целостную систему, соответствующую психологическим особенностям возраста и современным культурным реалиям.

Исходя из указанной актуальности и выявленного дефицита в методологическом исследовании данного вопроса, целью работы является теоретическое обоснование и разработка системы критериев отбора музыкального репертуара для формирования патриотических чувств у учащихся старших классов, а также обобщение и систематизация успешного педагогического опыта Китайской Народной Республики в данной сфере.

Б. Андерсон рассматривал нацию как «воображаемое сообщество» (Учебная программа по музыке для средних школ, 1956), чье единство конструируется через культурные символы – печатное слово, музыку, искусство – которые создают общие нарративы и память (Anderson, 1983). В условиях глобализации это «воображение» усиливается трансграничным распространением культурных продуктов (гимны, экранизации эпосов), превращая абстрактную идею нации в эмоциональный опыт.

Э. Гидденс развивает эту мысль, утверждая, что современная идентичность балансирует между локальным и глобальным. Здоровый патриотизм, по его мнению, – это рефлексивная реконструкция традиционных тем через современные художественные формы (цифровые медиа, иммерсивные выставки), которые адаптируют культурный код к новым реалиям (Giddens, 1991).

Результаты и обсуждение

Фэй Сяотун в своей теории «культурного самосознания» подчёркивает роль традиционных искусств (гохуа, сицуй, народная музыка) как носителей глубинного культурного кода нации. Через практику и образование они укрепляют понимание культурной уникальности, что необходимо для самостоятельного выбора пути в условиях трансформации (Feu, 2003).

Многочисленные масштабные исследования подтверждают устойчивую положительную корреляцию между занятиями музыкой в подростковом возрасте и академическими достижениями. Мета-анализ канадского исследования среди более 112 000 школьников показал, что учащиеся, вовлечённые в музыкальные занятия, демонстрируют значительно более высокие результаты по основным предметам, опережая сверстников примерно на учебный год. Эта связь объясняется не социально-экономическими факторами, а когнитивным переносом комплексных навыков, развиваемых музыкой (чтение нот, координация, слух, дисциплина), на сферу логического мышления и решения задач (Guhn, 2019).

Х. Чжоу добавляет, что практика исполнительства напрямую формирует самооэффективность и уверенность подростков. Эта уверенность, возникшая в музыкальном контексте, переносится на другие жизненные сферы, способствуя психологической устойчивости (Чжоу, 2004).

Таким образом, музыкальное образование выходит далеко за рамки эстетического навыка. Оно выступает мощным инструментом:

- 1) когнитивного развития через механизм переноса сложных навыков;
- 2) психологического становления через формирование уверенности и устойчивости;

3) культурной и гражданской идентификации (Guhn, 2019).

Знакомя с разнообразием культур через их мелодии, музыкальное образование воспитывает именно такую инклюзивную культурную грамотность, необходимую современному гражданину. Опираясь на традиционные коды по Фэй Сяотуну и реконструируя их через современные формы по Гидденсу, оно помогает сформировать адаптированное, рефлексивное и эмоционально переживаемое патриотическое чувство по Андерсону (Fey, 2003); Giddens, 1991; Anderson, 1983).

Формирование системы критериев отбора музыкальных произведений для воспитания патриотических чувств у старшеклассников включает четыре взаимосвязанных этапа, каждый из которых соответствует механизмам воздействия музыки на личность подростка.

Как указывает Е.В. Семенова, патриотические музыкальные произведения являются живым отражением исторического пути развития страны – они не только соответствуют духу эпохи, но и посредством музыкального восприятия помогают подросткам осознать закономерности исторического развития государства (Семенова, 2023). Сюжетное содержание таких произведений должно быть увязано с ключевыми историческими этапами Китая: революционный период (1840-1945 гг.), период строительства (1949-1978 гг.) и новая эпоха (с 1978 г. по настоящее время), что обеспечивает передачу национального духа и коллективной памяти конкретного исторического периода.

Примером успешной реализации этого критерия является кантата «Хуанхэ» Сянь Синхая (1939) (Сянь, 1980), созданная в период войны сопротивления Японии. Её ключевой нарратив «Защитим Хуанхэ, защитим Родину» напрямую связан с историей революционной борьбы. Включение подобных произведений в образовательную программу через интегрированные педагогические модели (например, «видео-введение исторического контекста → анализ по частям → хоровая практика») позволяет учащимся не только осознать исторические страдания и дух борьбы нации, но и установить глубокую эмоциональную связь по формуле «личность – история – государство» (Сянь, 1980).

Кроме того, произведения, отражающие руководство Коммунистической партии Китая в борьбе народа за национальную независимость и возрождение нации (например, «Марш добровольцев» – революционный период, «Пой, Родина» — период строительства, «Не забывайте первоначальную цель» – новая эпоха), уже включены в официальную программу музыкального образования средней школы. Это, с одной стороны, формирует у учащихся систему музыкальных образов, пронизывающих историю, и избавляет от абстрактного патриотического выражения, оторванного от конкретного контекста; с другой – обеспечивает методическую обоснованность и облегчает интеграцию в педагогический процесс.

Воспитание патриотических чувств должно быть укоренено в культурной идентичности, поэтому необходимо систематически отбирать музыкальные произведения, содержащие элементы превосходной традиционной китайской культуры и красной культуры – «красной культуры» – культурный наследие революционного периода Китая, отражающее борьбу за национальную независимость и социальное развитие, подчёркивая их национальный и локальный характер. Согласно М.А. Мельниковой и Е.А. Нуттунен (Мельникова, 2016), именно музыкальная культура становится ключом к формированию эмоционально-ценностных связей, позволяя увязать личное восприятие с национальной историей и культурными традициями.

Примером является концерт для скрипки с оркестром «Лян Шаньбо и Чжу Интай», основанный на мелодиях из юэской оперы и сочетающий западную симфоническую форму с традиционным сюжетом – такой произведение соответствует критерию укоренённости в традиционной китайской культуре. В преподавании старших классов можно использовать подход «изучение происхождения инструментов с практикой аранжировки мелодий», чтобы помочь учащимся понять, что язык национальной музыки является важным носителем патриотических чувств (Kruse, 2015).

В образовательные программы средней школы уже включены произведения, основанные на ключевых элементах китайской музыкальной системы: «Жасмин» (обработка народной мелодии на пентатонике), «Азалия» (национальный вокальный стиль), «Песни на стихи классической поэзии» (например, «Парча»). Особого внимания заслуживает фольклорная мелодия «Эр Цюань Инь Юэ» (Фэй,) на традиционном китайском инструменте эрдзи, её меланхоличный и трогательный мотив несёт в себе глубокие этнические эмоции, становясь ярким примером связи традиционного музыкального

инструмента с национальной душой. Их изучение осуществляется в рамках утверждённых учебных модулей, сочетающих анализ поэтического текста с музыкальным исполнением. Такой междисциплинарный подход, закреплённый в методических рекомендациях, целенаправленно укрепляет связь между культурной идентичностью учащихся и формированием патриотических чувств (Mallette, 2010).

Согласно исследованиям Л.И. Божович (Божович, 1986), подростковый возраст характеризуется повышенной эмоциональной отзывчивостью и чувствительностью к внешним воздействиям, что делает выбор художественных произведений особенно важным в образовательном процессе. Выбор музыкальных произведений должен учитывать как интенсивность эмоций, так и порог понимания: они должны вызывать сильный эмоциональный отклик, соответствуя уровню познания и эстетическим предпочтениям старшеклассников, и избегать отторжения из-за недоступности или чрезмерной эмоциональной тяжести (Colwell, 2008).

Китайская песня «Я и моя Родина» является ярким примером реализации этого критерия: её лирическая мелодия и образный текст («лёгкий дымок, маленькая деревня») резонируют с психологическим и когнитивным развитием старшеклассников, позволяя осмыслить связь «личность – государство» через призму личных переживаний. Дополнительным примером служит песня «Горячая речка», её ритмичный и жизнерадостный мотив отражает повседневную радость и надежду подростков, часто используется при школьных торжествах и мероприятиях, вызывая сильный коллективный эмоциональный отклик.

Методическая реализация этого критерия подтверждается существующими учебными программами для старших классов, которые основаны на селекции произведений по параметрам доступности: плавная мелодия, понятный текст, позитивные эмоции. При этом исключаются материалы с чрезмерно сложным эмоциональным или историческим контекстом, непосильным для восприятия учащихся. Кроме того, программы интегрируют практику музыкального творчества (аранжировка, постановка движений), превращая пассивное восприятие в активный опыт. Эта педагогическая модель, закреплённая в образовательных стандартах, направлена на формирование патриотических чувств не как внешней директивы, а как результата естественного процесса «эмоциональное переживание – личностное выражение».

Воспитание патриотических чувств должно соответствовать основным ценностям государства. Как отмечает И.П. Подласый (Подласый, 2020), при отборе музыкальных произведений для патриотического воспитания необходимо приоритетно выбирать те, которые чётко транслируют государственные ценности, и избегать произведений с спорным или двусмысленным содержанием. Так, китайская песня «Не забывайте первоначальную цель» служит образцовым материалом для идеологического воспитания. Её ключевая строка: «Не забывайте первоначальную цель, продолжайте идти вперёд» и торжественно-динамичная мелодия напрямую передают ценности социализма с китайской спецификой новой эпохи. Ценностная установка песни – «помнить о миссии, неустанно стремиться вперёд» – коррелирует с ключевыми задачами формирования мировоззрения у старшеклассников.

Методологический базис отбора формируется нормативными документами: учебные программы и методические стандарты для средних школ предписывают включение произведений, соответствующих социальным основным ценностям, и систематическое исключение материалов с историческим нигилизмом или крайним индивидуализмом, обеспечивая идеологическую последовательность учебного контента.

Историческая траектория включения патриотической музыки в учебные программы Китая можно разделить на следующие этапы:

I. Институциональное начало (1903 г.). Первой институциональной основой стал «Пересмотренный устав школ» (1903), который включил музыку в обязательную программу с целью «пробуждение патриотического энтузиазма». Это заложило нормативную базу для связи музыкального образования с патриотической тематикой (Booth, 2012).

II. Формирование системы (1950-1965 гг.). После образования КНР началось системное строительство музыкального образования. Учебные программы 1950-1952 гг. впервые на национальном уровне предписали использовать революционные песни для воспитания патриотического духа. Программа 1956 года, опираясь на советский опыт, уточнила требования к преподаванию патриотической тематической музыки (в том числе включение «Пой, Родина») и народной музыки для укрепления культурной идентичности (Booth, 2012).

III. Совершенствование и интеграция (с XXI века). В новом веке акцент сместился на глубокую интеграцию эстетического и нравственного воспитания. Стандарт 2001 года выдвинул концепцию «эстетика в ядре», включив классические произведения (например, «Хуанхэ») для воспитания национальной гордости. Пересмотренный стандарт 2011 года усилил связь с социальными основными ценностями, добавив современные произведения («Не забывайте первоначальную цель») и сделав акцент на практических формах обучения (хоровое пение, аранжировка) (Стандарт музыкального образования для основной школы, 2011).

Заключение

Исследование подтверждает, что музыкальное искусство является эффективным средством патриотического воспитания старшеклассников благодаря единству гносеологического, аксиологического и эмоциональных механизмов воздействия. Данные механизмы взаимодополняют друг друга: гносеологический обеспечивает осознание исторического и культурного контекста, аксиологический формирует соответствие ценностям общества, а эмоциональный усиливает личную вовлечённость в переживание патриотических чувств.

Основной вывод работы заключается в том, что успешность педагогического воздействия не определяется самим фактом использования патриотической музыки, а научно обоснованным отбором репертуара по предложенной четырехэтапной системе критериев (историческая соотнесенность, культурная укоренённость, эмоциональный резонанс, ценностная направленность) и его грамотной методической интерпретацией. Данная система отвечает психологическим особенностям старшеклассников, современным культурным реалиям и педагогическим целям патриотического воспитания в китайских школах, объединяя ранее фрагментарные подходы в целостную методологическую модель.

Исторический опыт включения патриотической музыки в учебные программы Китая демонстрирует эволюцию от институционального признания роли музыки в патриотическом воспитании до глубокой интеграции её в образовательный процесс с учетом традиций и современных требований. Это подтверждает актуальность разработки систематизированных критериев отбора, которые могут служить основой для оптимизации музыкального образования не только в Китае, но и в других странах, стремящихся формировать гражданскую идентичность подростков через искусство (Завьялова, 2025).

Перспективы дальнейших исследований включают три направления: изучение сравнительного опыта других стран в формировании патриотических чувств через музыкальное искусство; разработка инструментов мониторинга эффективности конкретных музыкальных произведений в педагогическом процессе; создание цифровых образовательных ресурсов на основе предложенного репертуара, адаптированных к современным формам обучения. Данные направления позволят углубить теоретические основы исследования и расширить практическое применение разработанной системы критериев.

Список литературы

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в подростковом возрасте. М.: Педагогика, 1986. 304 с.
2. Завьялова Н.А. Обучение китайской каллиграфии на занятиях декоративно-прикладными видами искусства // Педагогическое образование в России. 2025. № 4. С. 134-140.
3. Ли Цз. История музыкального образования в Китае (конец XIX – начало XXI века). М.: ИМЛИ РАН, 2015. 320 с.

4. Ли Ю. Выразительный комплекс китайской кантаты «Хуанхэ» китайского композитора Сянь Синхай // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2020. № 2(56). С. 66-71.
5. Мельникова А.А., Нуттунен Е.А. Формирование патриотической культуры школьников как актуальная образовательная задача в условиях современных ценностных трансформаций // Наука и школа. 2016. № 6. С. 193-200.
6. Подласый И.П. Патриотическое воспитание подростков через искусство: современные подходы. // Педагогические исследования. 2020. № 5. С. 67-74.
7. Семенова Е.В. Патриотическое воспитание подростков через музыкальное искусство в современной школе // Педагогические исследования. 2023. Т. 7. Вып. 4. С. 112-118.
8. Стандарт музыкального образования для основной школы. Пекин, 2011.
9. Устинова Н.Л. Формирование патриотической культуры у учащихся средствами музыкального искусства // Актуальные проблемы современной педагогической науки: от теории к практике: мат. Респ. науч.-метод. конф. (27 марта 2019 г., Пинск). Брест: Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2019. С. 330-333.
10. Учебная программа по музыке для средних школ. Пекин, 1956.
11. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L: Verso Books, 1983.
12. Booth E. The Music Teaching Artist's Bible. NY: Oxford University Press, 2012.
13. Bransford J. Music Education for the Future. Chicago: University of Chicago Press, 2000
14. Colwell R.J. Music in childhood: from preschool through the elementary years. NY: Schirmer Books, 2008.
15. Fey S. About culture and cultural awareness // The ideological front. 2003. № 7. pp. 1-6.
16. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. L: Polity Press, 1991.
17. Guhn M., Emerson S.D., Gouzouasis P. School music participation and academic achievement: A population-level analysis of Canadian students // Journal of educational psychology. 2019. № 111(7). pp. 1235-1254.
18. Hunter M. The sequential nature of music learning // Music educators journal. 2003. № 89(4). pp. 38-43.
19. Kruse S.D. Creating musical places: strange attractors and meaning in music education. NY: Routledge, 2015. 131 p.
20. Lamar H.W. The role of music in education // Journal of music education. 1998. № 45(2). pp. 22-30.
21. Mallette L.R. Music in the Elementary School. Boston: Pearson education, 2010.
22. Zhou H. The world of music and its expression. Beijing: Central Conservatory of Music Press, 2004. 281 p.

The educational potential of musical art in the formation of patriotic feelings among high school students: criteria for selecting a repertoire using the example of China

Xiang Liu

PhD student

Ural State Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

yyttsay2023@163.cm

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 22.11.2025

Accepted 18.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/y7525-6932-2655-c

EDN ONWTPD

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

Patriotic education music serves as a «spiritual nourishment» for young people's growth. It takes melody as a bridge and song lyrics as the soul, transforming feelings of love for the motherland and family into a tangible auditory experience. Beautiful melodies can directly touch the heartstrings, enabling adolescents to subconsciously perceive the magnificent mountains and rivers of their motherland and the profoundness of its history; inspiring lyrics unite strength, facilitating the in-depth rooting of values such as patriotism, respect for professions, and the pursuit of achievements in their hearts. This paper reveals the epistemological, axiological, and emotional mechanisms of music's impact on adolescent personalities, focusing on developing scientifically sound criteria for selecting musical works for patriotic education in Chinese schools. Various layers of repertoire are analyzed, ranging from classical works and folk music that reflect China's history and ethnic-cultural diversity to modern patriotic compositions that shape civic identity.

Keywords

patriotic education, music, adolescent, youth, epistemological mechanism, axiological mechanism, emotional mechanism, selection criteria, repertoire, Chinese school, classical music, folk music, civic identity.

References

1. Bozhovich L.I. Personality and its formation in adolescence. M.: Pedagogy, 1986. 304 p.
2. Zavyalova N.A. Teaching Chinese calligraphy in decorative and applied art classes // Teacher education in Russia. 2025. № 4. pp. 134-140.
3. Li Ts. The history of music education in China (the end of the XIX – beginning of the XXI century). Moscow: IMLI RAS, 2015. 320 p.
4. Li Yu. The expressive complex of the Chinese cantata «Yellow River» by the Chinese composer Xian Xinghai // Actual problems of higher musical education. 2020. № 2(56). pp. 66-71.
5. Melnikova A.A., Nuttunen E.A. Formation of patriotic culture of schoolchildren as an urgent educational task in the context of modern value transformations // Science and school. 2016. No. 6. pp. 193-200.
6. Podlasyi I.P. Patriotic education of teenagers through art: modern approaches. // Pedagogical research. 2020. № 5. pp. 67-74.
7. Semenova E.V. Patriotic education of teenagers through musical art in a modern school // Pedagogical research. 2023. Vol. 7. Iss. 4. pp. 112-118.
8. The standard of music education for primary schools. Beijing, 2011.
9. Ustinova N.L. Formation of patriotic culture among students by means of musical art // Actual problems of modern pedagogical science: from theory to practice: mat. of the Reg. scien. and method. conf. (March 27, 2019, Pinsk). Brest: A.S. Pushkin Brest State University, 2019. pp. 330-333.
10. Music curriculum for secondary schools. Beijing, 1956.
11. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L: Verso Books, 1983.
12. Booth E. The Music Teaching Artist's Bible. NY: Oxford University Press, 2012.

13. Bransford J. Music Education for the Future. Chicago: University of Chicago Press, 2000
14. Colwell R.J. Music in childhood: from preschool through the elementary years. NY: Schirmer Books, 2008.
15. Fey S. About culture and cultural awareness // The ideological front. 2003. № 7. pp. 1-6.
16. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. L: Polity Press, 1991.
17. Guhn M., Emerson S.D., Gouzouasis P. School music participation and academic achievement: A population-level analysis of Canadian students // Journal of educational psychology. 2019. № 111(7). pp. 1235-1254.
18. Hunter M. The sequential nature of music learning // Music educators journal. 2003. № 89(4). pp. 38-43.
19. Kruse S.D. Creating musical places: strange attractors and meaning in music education. NY: Routledge, 2015. 131 p.
20. Lamar H.W. The role of music in education // Journal of music education. 1998. № 45(2). pp. 22-30.
21. Mallette L.R. Music in the Elementary School. Boston: Pearson education, 2010.
22. Zhou H. The world of music and its expression. Beijing: Central Conservatory of Music Press, 2004. 281 p.

Особенности образного мышления у учащихся 7-8 классов и методы его диагностики

Инчунь Чжан

Специалист-эксперт

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

2991048973@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 04.11.2025

Принята 19.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 159.955-053.6

DOI 10.25726/n0421-1069-3178-s

EDN PAASHG

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В статье рассматривается специфика развития образного мышления как универсального когнитивного механизма у школьников подросткового возраста (7-8 классы). Проанализирована структура данного психического процесса, его отличие от вербально-логического и наглядно-образного мышления, а также обоснована необходимость его целенаправленной диагностики для гармонизации интеллектуального развития и успешного освоения учебной программы. На основе эмпирического исследования (N=120) с применением комплекса психодиагностических методик (тест Равена, «Кубики Коса», тест ментальной ротации, «Пиктограмма») выявлены ключевые возрастные и гендерные особенности функционирования образного мышления у подростков 13-14 лет. Полученные данные показывают положительную динамику в развитии пространственного мышления к 8-му классу, но одновременно указывают на такие типичные трудности, как фрагментарность восприятия и ригидность образа. Результаты исследования имеют практическую ценность для школьных психологов и педагогов, так как предложенный диагностический инструментарий позволяет выявлять индивидуальные когнитивные профили учащихся и строить адресные педагогические стратегии для развития образной сферы в условиях общеобразовательной школы. Полученные выводы способствуют преодолению разрыва между теоретическим признанием важности образного мышления и его реальной диагностической практикой.

Ключевые слова

Ключевые слова: образное мышление, подростковый возраст, диагностика мышления, когнитивное развитие, психология образования, школьники 7-8 классов.

Введение

Современная система образования, ориентированная на Федеральные государственные образовательные стандарты, ставит задачу формирования гармонично развитой личности, способной к нестандартному решению проблем. В подростковом возрасте, который приходится на период обучения в 7-8 классах (13-14 лет), происходят фундаментальные изменения в когнитивной сфере ребенка. Традиционно школьная программа в этот период делает резкий крен в сторону развития абстрактно-логического и дискурсивного мышления, что обусловлено усложнением материала по физике, алгебре, химии. Однако недооценка роли образного мышления может привести к дисбалансу в интеллектуальном

развитии, снижению творческого потенциала и трудностям в усвоении материала, требующего пространственного воображения и визуализации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения и развития потенциала образного мышления у подростков как основы для целостного восприятия мира. Как отмечает В.Ю. Борисов, доминирование одной модальности мышления над другой приводит к неоптимальным результатам и «шаблонности» восприятия (Борисов, 2010). В условиях цифровизации и клиповости современной культуры умение оперировать устойчивыми мысленными образами, трансформировать их и создавать новые становится ключевой компетенцией не только для будущих художников или архитекторов, но и для инженеров, программистов и ученых.

Проблема исследования заключается в противоречии между значимостью образного мышления для полноценного когнитивного развития подростка и недостаточной разработанностью диагностического инструментария, ориентированного именно на здоровых детей данного возрастного периода. Существующие методики зачастую либо направлены на младших школьников, либо используются в дефектологии для выявления нарушений интеллекта (Баранов, 2017).

Новизна данной работы состоит в систематизации подходов к пониманию «чистого» образного мышления (не сводимого исключительно к художественному творчеству) у учащихся 7–8 классов и обосновании комплекса диагностических методов, позволяющих оценить уровень сформированности операций оперирования образами. В отличие от художественно-образного мышления, которое тесно связано с эстетической категорией, образное мышление в широком смысле рассматривается нами как универсальный когнитивный инструмент переработки информации. Как справедливо указывает И.С. Якиманская, умение оперировать образами помогает школьникам быстрее осваивать учебный материал по многим предметам (Якиманская, 1985).

Целью работы является выявление особенностей протекания мыслительных процессов образного типа у подростков и подбор валидных методов их диагностики. Для достижения цели необходимо проанализировать существующую литературу, определить структуру образного мышления применительно к возрастной норме и предложить эффективные способы его оценки в условиях общеобразовательной школы.

Материалы и методы исследования

Фундаментальные основы изучения мышления в отечественной психологии были заложены в трудах классиков, рассматривающих данный процесс как высшую форму познавательной деятельности. С.Л. Рубинштейн определял мышление как опосредованное и обобщенное познание объективной реальности, подчеркивая неразрывную связь чувственного и рационального компонентов (Рубинштейн, 2002). В контексте нашего исследования принципиально важным является положение Л.С. Выготского о том, что воображение и мышление в подростковом возрасте не исчезают, уступая место сухой логике, а трансформируются, приобретая новые качественные характеристики (Выготский, 1997). Однако анализ современной научной литературы демонстрирует определенную диспропорцию в изучении видов мышления: если словесно-логическое мышление исследуется достаточно широко, то образная сфера зачастую рассматривается либо в контексте дошкольного и младшего школьного возраста, либо исключительно в рамках художественной деятельности.

Существующие подходы к пониманию природы образного мышления можно условно разделить на три основных направления, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Основные направления исследований образного мышления в современной психолого-педагогической литературе

Направление исследований	Представители (из списка литературы)	Ключевой фокус внимания	Специфика подхода
Общепсихологическое и когнитивное	И.С. Якиманская (Якиманская, 1985), Р.С. Немов (Немов, 2001),	Мышление как универсальный процесс	Образ рассматривается как динамическая единица мышления, способная к

	В.П. Зинченко (Зинченко, 2002)	переработки информации	видоизменению и трансформации. Акцент на функции образа в усвоении знаний.
Художественно- эстетическое	М.И. Бурцева (Бурцева, 2016), Л.А. Сатарова (Сатарова, 2006), В.Ю. Борисов (Борисов, 2010), Н.А. Терещенко (Терещенко, 2005), Е.И. Игнатьев (Игнатьев, 1961)	Развитие мышления средствами искусства	Образное мышление трактруется как основа творческого акта, эмоционально- ценностного освоения мира. Основной метод развития – изобразительная деятельность.
Предметно- дидактическое и коррекционное	Б.М. Чабарова (Чабарова, 2020), С.Н. Баранов (Баранов, 2017)	Прикладное использование образного мышления в обучении и диагностике	Исследование роли наглядности в преподавании естественных наук (физика, биология) или диагностика нарушений интеллекта.

Анализ работ «художественного» направления показывает высокую степень проработанности методик развития мышления на уроках ИЗО. Так, М.И. Бурцева детально описывает формирование образа в процессе изображения человека, доказывая, что это способствует общему интеллектуальному росту учащихся 5-7 классов (Бурцева, 2016). Аналогичные выводы делают В.Ю. Борисов и Н.А. Терещенко, акцентируя внимание на младшем подростковом возрасте (Борисов, 2010; Терещенко, 2005). Л. А. Сатарова расширяет контекст, рассматривая изобразительное искусство как средство формирования духовной культуры через механизм образного мышления (Сатарова, 2006). Однако, несмотря на безусловную ценность данных исследований, они ограничивают понимание образного мышления рамками эстетической деятельности, оставляя за скобками его роль в решении технических, математических и повседневных задач.

Второе важное направление связано с изучением наглядно-образного мышления в контексте преподавания естественнонаучных дисциплин. Б.М. Чабарова убедительно доказывает, что изучение естествознания невозможно без развитой способности оперировать образами, моделями и схемами (Чабарова, 2020). Это коррелирует с позицией И.С. Якиманской, которая подчеркивает, что образное мышление – это не просто «картинка в голове», а сложная деятельность по созданию, сохранению и видоизменению образов, необходимая для усвоения любых школьных знаний (Якиманская, 1985).

Особый интерес для нашего исследования представляют работы, посвященные возрастным особенностям интеллекта. Н.С. Лейтес указывает, что подростковый возраст (7-8 классы) является сензитивным периодом для развития специальных способностей, однако наблюдается тенденция к «интеллектуализации» восприятия, когда абстрактные схемы начинают доминировать над живым созерцанием (Лейтес, 1971). Б.М. Теплов в своих трудах отмечал, что практическое мышление, тесно связанное с образным, не является «низшей» формой по сравнению с теоретическим, а представляет собой иную, не менее сложную структуру (Теплов, 1985).

Существенный пробел обнаруживается в области диагностики образного мышления именно здоровых подростков. Как показывает обзор С.Н. Баранова, большинство методик ориентированы либо на младший школьный возраст, либо разработаны для детей с нарушениями интеллекта (например, матрицы Равена в контексте дефектологии) (Баранов, 2017). Психологический инструментарий, описанный в учебниках Р.С. Немова, часто носит общий характер и требует адаптации под современные образовательные реалии и специфику мышления «цифрового поколения» (Немов, 2001).

Таким образом, литературный обзор позволяет констатировать следующее противоречие: с одной стороны, признается фундаментальная роль образного мышления в когнитивном развитии и усвоении школьной программы (Давыдов, 1986; Зинченко, 2002), с другой стороны – отсутствуют комплексные исследования, посвященные диагностике и развитию «чистого» (нехудожественного) образного мышления у учащихся 7-8 классов общеобразовательной школы. Большинство существующих работ либо уходят в эстетическую плоскость, либо фокусируются на патологии или младшем возрасте. Данное исследование призвано восполнить этот пробел, предложив диагностический подход, применимый к здоровым подросткам в условиях массового обучения.

Результаты и обсуждение

Для достижения поставленной цели – выявления особенностей образного мышления учащихся 7-8 классов и апробации диагностического инструментария – было организовано эмпирическое исследование. В качестве методологической основы мы опирались на принцип единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн), а также на деятельностный подход к развитию психики (А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов). Образное мышление рассматривалось нами как полиструктурный процесс, включающий операции по созданию образа, его удержанию, трансформации (мысленному вращению, видоизменению) и оперированию им в условиях решения задач.

Исследование проводилось на базе МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1» г. Москва. В эксперименте приняли участие 120 учащихся 7-х и 8-х классов (60 мальчиков и 60 девочек) в возрасте 13-14 лет. Критериями включения в выборку являлись:

- отсутствие диагностированных нарушений интеллектуального развития и зрения;
- обучение по стандартной общеобразовательной программе;
- добровольное согласие родителей (законных представителей) на участие в психологическом тестировании.

Выборка была разделена на две возрастные подгруппы для отслеживания динамики развития мышления при переходе от 7 к 8 классу.

Для обеспечения валидности и надежности результатов был сформирован диагностический комплекс, включающий методики, направленные на оценку различных компонентов образного мышления. Мы намеренно исключили узкоспециализированные тесты на художественную одаренность, сосредоточившись на универсальных когнитивных операциях. Описание использованных методик представлено в таблице 2.

Таблица 2. Комплекс методов диагностики образного мышления у подростков

Название методики	Автор / Источник адаптации	Цель диагностики	Оцениваемые показатели
Тест «Прогрессивные матрицы Равена» (сокращенный вариант)	Дж. Равен (адаптация в работах Р. С. Немова (Немов, 2001))	Оценка уровня невербального интеллекта и способности к анализу визуальных структур	1. Способность к выявлению закономерностей в матрице. 2. Умение оперировать пространственными отношениями. 3. Скорость переработки визуальной информации.
Методика «Кубики Коса» (субтест из шкалы Векслера)	Д. Векслер	Диагностика конструктивного праксиса и пространственного мышления	1. Умение анализировать целостный образ и расчленять его на части. 2. Способность к синтезу (сборка фигуры по образцу). 3. Пространственная координация.

Тест «Ментальная ротация» (Mental Rotation Test)	С. Ванденберг, А. Кузе	Оценка способности к мысленному вращению объектов	1. Точность мысленного вращения 3D-фигур. 2. Устойчивость ментального образа при трансформации.
Методика «Пиктограмма»	А. Р. Лурия (модификация для подростков)	Исследование опосредованного запоминания и характера ассоциативных образов	1. Степень абстрактности/конкретности образов. 2. Оригинальность визуальных ассоциаций. 3. Адекватность подбора образа к понятию.

Диагностика проводилась в групповой и индивидуальной формах:

– Групповой этап. Тест Равена и методика «Ментальная ротация» проводились в классе. Учащимся выдавались бланки с заданиями, время выполнения было регламентировано.

– Индивидуальный этап. Методика «Кубики Коса» и «Пиктограмма» проводились индивидуально с каждым испытуемым для качественного анализа стратегий решения и беседы.

Для статистической обработки данных использовались методы описательной статистики, критерий Стьюдента для независимых выборок (сравнение показателей 7 и 8 классов) и корреляционный анализ Пирсона для выявления связей между различными показателями мышления. Обработка данных производилась в программном пакете SPSS Statistics.

Мы учитывали предостережение С.Н. Баранова о том, что стандартные методики (например, Равена) часто используются для диагностики нарушений, поэтому при анализе результатов акцент делался не на «норме/патологии», а на качественной специфике ошибок и стратегий решения, свойственных здоровым подросткам (Баранов, 2017). Особое внимание уделялось анализу гендерных различий, так как в литературе часто упоминается неравномерность развития пространственного мышления у мальчиков и девочек в этом возрасте.

Анализ полученных эмпирических данных позволил выявить ряд специфических особенностей образного мышления у учащихся 7-8 классов, а также оценить эффективность примененного диагностического комплекса.

Результаты тестирования по методике «Прогрессивные матрицы Равена» показали, что большинство подростков (65%) демонстрируют средний и выше среднего уровень развития невербального интеллекта. Однако качественный анализ ошибок выявил интересную тенденцию: учащиеся успешно справляются с заданиями на поиск аналогии и дополнение целостной структуры (серии А и В), но испытывают значительные трудности при решении задач, требующих сложной перестановки элементов и выявления закономерностей динамических изменений (серии С, D, E). Это подтверждает тезис Н. С. Лейтеса о том, что в этом возрасте происходит перестройка интеллектуальных структур, и навыки сложного пространственного анализа находятся в зоне ближайшего развития (Лейтес, 1971).

Сравнительный анализ двух возрастных групп (7 и 8 классы) обнаружил статистически значимые различия ($p < 0,05$) по ряду показателей (см. табл. 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ показателей образного мышления учащихся 7-х и 8-х классов (средние значения)

Показатель	7 класс (n=60)	8 класс (n=60)	t-критерий	Уровень значимости
Тест Равена (количество правильных ответов)	42,5	48,1	2,8	$p < 0,01$
Ментальная ротация (точность, %)	58%	72%	3,1	$p < 0,01$
Кубики Коса (время выполнения, сек)	45,3	38,2	-2,4	$p < 0,05$
Пиктограмма (адекватность образа)	3,8	4,1	1,2	не значимо

Как видно из таблицы, наиболее существенный прирост наблюдается в способности к ментальной ротации и в общем уровне невербального интеллекта. Это можно объяснить усложнением школьной программы: в 8 классе активно изучается геометрия (стереометрические элементы), черчение, физика, что стимулирует развитие пространственного воображения. У восьмиклассников образы становятся более динамичными, они легче оперируют ими в уме, не прибегая к внешней опоре.

В то же время показатель адекватности образов в методике «Пиктограмма» практически не изменился. Это может свидетельствовать о том, что способность к символическому опосредованию понятий (связь «слово-образ») формируется несколько раньше и в 13-14 лет уже относительно стабильна.

Анализ результатов выявил определенные гендерные различия в структуре образного мышления. Мальчики показали более высокие результаты в тесте на ментальную ротацию и в работе с кубиками Коса (конструктивный праксис). Девочки же продемонстрировали преимущество в скорости выполнения теста Равена (в сериях на поиск тождества) и более высокую оригинальность и детализацию образов в методике «Пиктограмма». Это согласуется с данными Е.И. Игнатьева о том, что девочки в этом возрасте часто склонны к более тщательной проработке деталей образа, в то время как мальчики успешнее в манипуляциях с пространственными схемами (Игнатьев, 1961). Однако стоит отметить, что эти различия не являются критическими и могут быть сглажены в процессе обучения.

Наблюдение за процессом выполнения заданий и анализ протоколов позволили выделить типичные трудности, с которыми сталкиваются современные подростки:

1. Фрагментарность восприятия. Некоторые учащиеся при работе с матрицами Равена или кубиками Коса пытаются подобрать решение методом перебора, не анализируя структуру целого. Это может быть следствием «клипового мышления», когда информация воспринимается разрозненными кусками.

2. Трудности перекодирования. В заданиях по физике и геометрии часто требуется перевод вербального условия в графический образ (чертеж, схему). Тестирование показало, что около 30% восьмиклассников испытывают затруднения при необходимости визуализировать абстрактное понятие без внешней опоры.

3. Ригидность образа. В тесте на ментальную ротацию часть школьников не могла «повернуть» фигуру в уме, если угол поворота превышал 90 градусов. Образ как бы «застревал» в исходном положении.

Полученные данные подтверждают актуальность выводов Б.М. Чабаровой о необходимости целенаправленного развития наглядно-образного мышления при изучении естественнонаучных дисциплин (Чабарова, 2020). Стихийного развития в рамках школьной программы недостаточно. Учителям физики, математики и географии следует активнее использовать методы моделирования, мысленного эксперимента и визуализации, чтобы преодолеть выявленную ригидность и фрагментарность образов.

Интересно сопоставить наши результаты с выводами Л.А. Сатаровой, которая акцентировала внимание на духовном и эстетическом аспектах образного мышления (Сатарова, 2006). Наше исследование показывает, что даже вне художественного контекста, «техническая» сторона образного мышления (способность к манипуляции, структурному анализу) нуждается в тренировке. Без развитого «технического» воображения подросток не сможет полноценно воспринимать ни сложные научные концепции, ни произведения искусства, требующие понимания композиции и пространственной перспективы.

Диагностический комплекс, апробированный в исследовании, доказал свою валидность. Сочетание матричных тестов (Равен), конструктивных проб (Кос) и проективных методик (Пиктограмма) дает объемную картину когнитивного статуса подростка, позволяя выявить как сильные стороны, так и зоны дефицита, требующие коррекции.

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволило комплексно рассмотреть проблему функционирования и диагностики образного мышления у учащихся среднего школьного

возраста. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что 7–8 классы являются сензитивным периодом для качественной трансформации образных структур, которые из вспомогательного инструмента превращаются в самостоятельный механизм решения сложных интеллектуальных задач.

В ходе работы было установлено, что образное мышление современных подростков не сводится исключительно к художественно-эстетической деятельности, как это часто представлено в методической литературе (например, в работах Л.А. Сатаровой (Сатарова, 2006) или Н.А. Терещенко (Терещенко, 2005)). Мы определили его как универсальную когнитивную способность к оперированию пространственными схемами, визуализации абстракций и мысленной трансформации объектов. Данный вывод согласуется с концепцией И. С. Якиманской о том, что создание образа и оперирование им является фундаментом для усвоения знаний, особенно в областях, требующих высокого уровня абстракции (Якиманская, 1985).

Апробация диагностического комплекса, включающего «Прогрессивные матрицы Равена», методику «Кубики Коса», тест на ментальную ротацию и «Пиктограмму», доказала свою эффективность и валидность для выборки здоровых детей 13-14 лет. В отличие от узконаправленных дефектологических подходов, критикуемых С.Н. Барановым (Баранов, 2017), предложенный набор методик позволяет оценить не просто наличие функции, а ее качественные характеристики: гибкость, динамичность, оригинальность и устойчивость к помехам.

Обобщение эмпирических данных позволило сформулировать ключевые особенности образного мышления подростков и соотнести их с необходимыми педагогическими воздействиями (табл. 4).

Таблица 4. Взаимосвязь выявленных особенностей мышления учащихся 7–8 классов и направлений педагогической работы

Выявленная особенность мышления	Характеристика проявления	Рекомендуемая педагогическая стратегия
Интенсивная динамика развития	Резкий скачок показателей пространственного мышления (ментальной ротации) при переходе от 7 к 8 классу.	Внедрение пропедевтических курсов черчения и 3D-моделирования уже в 7 классе для поддержки естественного когнитивного роста.
Фрагментарность («клиповость»)	Трудности в удержании целостного образа, попытки решения задач методом перебора без структурного анализа.	Использование заданий на синтез целого из частей, работа с ментальными картами и инфографикой на уроках гуманитарного и естественнонаучного циклов.
Трудности перекодирования	Сложности при переводе вербальной информации (текст задачи) в визуальную схему и обратно.	Специальные упражнения на «двойное кодирование» информации, рекомендованные Б. М. Чабаровой для предметов естественного цикла (Чабарова, 2020).
Гендерная неравномерность	Мальчики успешнее в пространственных манипуляциях, девочки – в детализации и скорости восприятия тождеств.	Дифференцированный подход: мальчикам предлагать задания на вербальное описание образов, девочкам – на динамическую трансформацию схем.

Заключение

Таким образом, научная значимость исследования заключается в уточнении структуры образного мышления применительно к конкретному возрастному этапу и обосновании необходимости его диагностики как предиктора академической успешности в STEM-дисциплинах. Мы показали, что развитие абстрактно-логического мышления (по В.В. Давыдову (Давыдов, 1986)) не должно происходить

за счет подавления образной сферы. Напротив, гармоничное интеллектуальное развитие возможно лишь при условии активного взаимодействия обеих сигнальных систем.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования предложенного диагностического алгоритма школьными психологами и педагогами для раннего выявления когнитивных дефицитов и построения индивидуальных образовательных маршрутов. Это особенно актуально в условиях цифровизации образования, когда визуальный канал получения информации становится доминирующим.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении взаимосвязи между уровнем развития образного мышления и успехами в освоении информационных технологий, а также в разработке коррекционно-развивающих программ, интегрированных непосредственно в учебный процесс общеобразовательной школы.

Список литературы

1. Баранов С.Н. Обзор методик диагностики образно-схематического мышления у учащихся среднего школьного возраста с умеренной степенью нарушения интеллекта // Интерактивная наука. 2017. № 15. С. 1-6.
2. Борисов В.Ю. Развитие художественно-образного мышления школьников 4-5 классов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 125. С. 176-189.
3. Бурцева М.И. Формирование образного мышления учащихся 5-7 классов в процессе изображения человека: дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 289 с.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: СОЮЗ, 1997. 96 с.
5. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986. 240 с.
6. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики (психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова). М.: Гардарики, 2002. 431 с.
7. Игнатьев Е.И. Психология изобразительной деятельности детей. М.: Учпедгиз, 1961. 223 с.
8. Лейтес Н.С. Умственные способности и возраст. М.: Педагогика, 1971. 280 с.
9. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. 4-е изд. М.: Владос, 2001. Кн. 1. 688 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
11. Сатарова Л.А. Формирование образного мышления школьников средствами изобразительного искусства: дис. ... д-ра пед. наук. Астрахань, 2006. 336 с.
12. Теплов Б.М. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1985. 328 с.
13. Терещенко Н.А. Развитие художественно-образного мышления младших школьников на уроках изобразительного искусства: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 198 с.
14. Чабарова Б.М., Промоторова Е.Ю. Развитие наглядно-образного мышления учащихся при изучении дисциплин образовательной области «Естествознание»: моногр. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2020. 110 с.
15. Якиманская И.С. Знание и мышление школьника. М.: Знание, 1985. 80 с.

Features of imaginative thinking in 7-8 grade students and methods of its diagnostics

Yingchun Zhang

Specialist-expert

Moscow Pedagogical State University

Moscow, Russia

2991048973@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 04.11.2025

Accepted 19.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 159.955-053.6

DOI 10.25726/n0421-1069-3178-s

EDN PAASHG

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article examines the specifics of the development of imaginative thinking as a universal cognitive mechanism in middle school students (grades 7-8). The structure of this mental process, its distinction from verbal-logical and visual-figurative thinking, as well as the necessity of its targeted diagnostics for harmonizing intellectual development and successful mastery of the curriculum are analyzed. Based on empirical research (N=120) using a complex of psychodiagnostic methods (Raven's test, «Kohs Block Design Test», mental rotation test, «Pictogram» test), key age and gender features of imaginative thinking functioning in adolescents aged 13-14 are identified. The obtained data show positive dynamics in the development of spatial thinking by the 8th grade but simultaneously point to such typical difficulties as fragmented perception and rigidity of imagery. The results of the study have practical value for school psychologists and teachers, as the proposed diagnostic toolkit allows for identifying individual cognitive profiles of students and building targeted pedagogical strategies for developing the imaginative sphere in a comprehensive school setting. The conclusions drawn contribute to bridging the gap between the theoretical recognition of the importance of imaginative thinking and its real diagnostic practice.

Keywords

Keywords: imaginative thinking, adolescence, diagnostics of thinking, cognitive development, middle school age, educational psychology.

References

1. Baranov S.N. Review of the methods of diagnostics of image-schematic thinking in students of average school age with moderate degree of intellect disturbance // Interactive science. 2017. № 15. pp. 1-6.
2. Borisov V.Yu. Development of artistic-imaginative thinking of 4-5 grade students // Herzen Russian State Pedagogical University bulletin. 2010. № 125. pp. 176-189.
3. Burtseva M.I. Formation of imaginative thinking in 5-7 grade students in the process of drawing a person: PhD dissertation (Pedagogy), 13.00.02. M., 2016. 289 p.
4. Vygotsky L.S. Imagination and creativity in childhood. SPb.: Union, 1997. 96 p.
5. Davydov V.V. Problems of developmental learning: experience of theoretical and experimental psychological research. M.: Pedagogy, 1986. 240 p.

6. Zinchenko V.P. Psychological foundations of pedagogy (psychological and pedagogical foundations of the Elkonin-Davydov developmental learning system). M.: Gardariki, 2002. 431 p.
7. Ignatiev E.I. Psychology of children's visual activity. M.: Uchpedgiz, 1961. 223 p.
8. Leites N.S. Mental abilities and age. M.: Pedagogy, 1971. 280 p.
9. Nemov R.S. Psychology: textbook for students of higher pedagogical institutions. In 3 books. 4th ed. M.: Vldos, 2001. Book 1. 688 p.
10. Rubinshtein S.L. Fundamentals of general psychology. SPb.: Piter, 2002. 720 p.
11. Satarova L.A. Formation of imaginative thinking of schoolchildren by means of fine arts: Doctoral dis. (Pedagogy). Astrakhan, 2006. 336 p.
12. Teplov B.M. Selected works. In 2 vols. Vol. 1. M.: Pedagogy, 1985. 328 p.
13. Tereshchenko N.A. Development of artistic-imaginative thinking of primary schoolchildren in fine arts lessons: PhD dis. (Pedagogy). M., 2005. 198 p.
14. Chabarova B.M., Promotorova E.Yu. Development of visual-imaginative thinking of students when studying the disciplines of the educational area «Natural science»: monograph. Tambov: Consulting company Yukom, 2020. 110 p.
15. Yakimanskaya I.S. Knowledge and thinking of a school student. M.: Knowledge, 1985. 80 p.

**Путь китайско-российского сотрудничества в области фортепианного образования:
переосмысление методов обучения от «ориентированных на экзамены» к «ориентированным
на интерес»**

Икэ Ли

Специалист-эксперт
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
15978622001@163.com
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 27.11.2025

Принята 16.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.02

DOI 10.25726/x9837-8295-6913-x

EDN OOIWN

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Статья посвящена переосмыслению траектории китайско-российского сотрудничества в фортепианном образовании на фоне доминирования в массовом сегменте КНР модели, ориентированной на квалификационные экзамены, и актуализации гуманистических принципов российской пианистической школы, основанных на интонировании, развитии слуха и формировании художественного образа. На материале сравнительно-сопоставительного анализа педагогических практик и пятилетнего лонгитюдного наблюдения (2018–2023) в крупных образовательных центрах Китая и России с участием 1250 учащихся, студентов, педагогов и родителей сопоставляются две стратегии обучения: экзаменационная и ориентированная на интерес. Количественные показатели мотивации демонстрируют фундаментальную дивергенцию: при экзаменационном подходе доминируют внешние стимулы (8,74 из 10) и мотивация избегания неудачи (7,92) при низкой внутренней вовлеченности (3,15), тогда как интерес-ориентированная модель характеризуется высокой внутренней мотивацией (7,89), более выраженным познавательным интересом (6,72) и стремлением к выступлениям (7,12). Экспертная «слепая» оценка исполнения выявляет, что превосходство экзаменационной группы в технической стабильности (89,4 против 82,1) и ритмической дисциплине (91,2 против 85,6) сопровождается системным дефицитом выразительности (54,3 против 81,9), качества звукоизвлечения (68,7 против 84,3) и стилизового понимания (61,5 против 77,4). Динамика сохранения контингента подтверждает различия в устойчивости образовательного эффекта: через пять лет остаются 28,93% обучающихся в экзаменационной модели и 71,05% – в интерес-ориентированной. Опрос родителей фиксирует конфликт между удовлетворенностью формальными результатами (0,89) и низкой оценкой психологического состояния ребенка (0,41) при высокой тревожности (0,82) в экзаменационной группе, тогда как гуманистическая стратегия связана с психологическим комфортом (0,93), большей самостоятельностью домашних занятий (0,81) и высокой готовностью рекомендовать школу (0,91). Обосновывается перспективность гибридной модели, сочетающей дисциплинарный ресурс китайской традиции с ценностно-художественными механизмами российской школы, что повышает долговременную мотивационную устойчивость и качество интерпретации без отказа от профессиональных стандартов.

Ключевые слова

китайско-российское сотрудничество, фортепианное образование, экзаменационно-ориентированное обучение, интерес-ориентированное обучение, учебная мотивация.

Введение

Глобализация образовательных процессов в сфере искусства неизбежно приводит к взаимопроникновению педагогических традиций, формируя уникальные методические сплавы, способные отвечать вызовам современности. В контексте музыкального образования диалог между российской и китайской фортепианными школами представляет собой не просто обмен опытом, а глубокий культурологический феномен, требующий детального осмысления. Исторически сложилось так, что советская, а затем и российская пианистическая школа оказала фундаментальное влияние на становление профессионального музыкального образования в Китае во второй половине XX века. Однако современная социально-экономическая ситуация в КНР, характеризующаяся высокой конкуренцией и стремлением к быстрой фиксации достижений, трансформировала эти традиции, породив феномен «ориентированного на экзамены» обучения (Цянь, 2023). Эта модель, безусловно, доказала свою эффективность в подготовке виртуозов-исполнителей, способных демонстрировать высочайший технический уровень в раннем возрасте, но одновременно вскрыла ряд существенных проблем, связанных с эмоциональным выгоранием учащихся и потерей интереса к музицированию вне конкурсной среды (Ло, 2024).

Современная педагогическая наука сталкивается с парадоксом: при колоссальном росте количества обучающихся игре на фортепиано, качественный показатель, выраженный в глубине художественного восприятия и способности к самостоятельной творческой интерпретации, зачастую стагнирует или снижается. Механистический подход, где приоритетом выступает сдача квалификационных экзаменов (grade examination), доминирует в массовом сегменте китайского музыкального образования. В то же время, российская традиция, опирающаяся на принципы интонирования, воспитания слуха и развития художественного образа, предлагает альтернативу, которую сегодня все чаще называют «ориентированным на интерес» подходом (Цзинь, 2023). Переосмысление методов обучения предполагает не отказ от технических стандартов, а смещение фокуса с результата на процесс, где техника выступает не самоцелью, но средством художественного выражения. Этот сдвиг парадигмы требует не только методических корректировок, но и трансформации психолого-педагогических установок как педагогов, так и родителей учащихся.

Проблема переориентации образовательного вектора усугубляется различиями в ментальности и образовательных ожиданиях. В китайской культуре образование традиционно воспринимается как инструмент социальной мобильности, где сертификат или диплом служит осязаемым подтверждением успеха. Российская же музыкальная педагогика, уходящая корнями в гуманистические традиции XIX века, акцентирует внимание на духовном развитии личности через искусство. Синтез этих подходов возможен лишь при условии глубокого анализа существующих практик и выявления тех точек соприкосновения, где дисциплина и трудолюбие китайских студентов могут быть оплодотворены эмоциональной отзывчивостью и творческой свободой, свойственной русской школе (Ван, 2025). Речь идет о поиске баланса между «надо» и «хочу», между отработкой гамм и поиском звукового колорита, что является краеугольным камнем современной музыкальной педагогики.

Наблюдаемый в последнее десятилетие ренессанс интереса к методам Г.Г. Нейгауза, С.Е. Фейнберга и Л.В. Николаева в Китае свидетельствует о назревшем запросе на гуманизацию инструментального обучения. Педагогическое сообщество все отчетливее осознает, что форсированное техническое развитие без параллельного воспитания эмоционального интеллекта ведет к формированию «музыкальных ремесленников», но не художников. В этом контексте сотрудничество двух стран переходит на новый уровень: от простого экспорта образовательных услуг к совместной разработке методологий, адаптированных под современные психофизиологические особенности детей цифровой эпохи. Исследование динамики мотивации учащихся при переходе от директивных методов к личностно-ориентированным позволяет выявить скрытые резервы образовательного процесса (Хао,

2025). Это открывает путь к созданию такой образовательной среды, где академические достижения становятся естественным следствием увлеченности предметом, а не результатом внешнего принуждения.

Материалы и методы исследования

Методологической основой данной работы послужил сравнительно-сопоставительный анализ педагогических систем двух стран, а также лонгитюдное наблюдение за образовательным процессом в ряде профильных учебных заведений. Эмпирическая база исследования формировалась на протяжении пяти лет (2018-2023 гг.) и охватывала выборку из 1250 респондентов, в число которых вошли учащиеся музыкальных школ, студенты консерваторий, педагоги и родители. География исследования включала крупные образовательные центры Китая (Пекин, Шанхай, Чэнду) и России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск), что позволило нивелировать региональные особенности и выявить общие тенденции. В качестве основного инструмента сбора данных использовалось анкетирование, глубинные интервью с ведущими профессорами и анализ академической успеваемости контрольных групп (Ревакина, 2024). Важным компонентом методологии стал анализ репертуарных планов и экзаменационных требований, позволяющий объективно оценить соотношение технического и художественного компонентов в учебных программах (Сухоруков, 2025).

Для верификации гипотезы о влиянии методического подхода на устойчивость интереса к обучению был проведен формирующий эксперимент. Были выделены две экспериментальные группы: в первой обучение строилось по традиционной для современного Китая системе подготовки к уровневым экзаменам с жесткой фиксацией технического прогресса; во второй применялись методики российской школы, акцентирующие внимание на образно-художественном содержании и импровизационности (Ма, 2025). В ходе исследования применялся комплекс диагностических методик, направленных на оценку уровня музыкально-слуховых представлений, эмоциональной отзывчивости на музыку и технической свободы аппарата. Обработка полученных данных осуществлялась методами математической статистики с использованием корреляционного анализа для выявления взаимосвязей между типом педагогического воздействия и качественными характеристиками исполнения.

В теоретическом обосновании работы использовался анализ 15 фундаментальных источников литературы по музыкальной педагогике, психологии творчества и сравнительному образованию. Особое внимание уделялось трудам, рассматривающим этнопсихологические аспекты обучения музыке, что позволило интерпретировать полученные цифровые данные в широком социокультурном контексте. Применение методов включенного наблюдения на мастер-классах и открытых уроках дало возможность зафиксировать невербальные реакции учащихся и педагогов, которые зачастую не отражаются в формальных отчетах, но играют ключевую роль в понимании атмосферы учебного процесса (Сивингпхет, 2024). Интеграция количественных и качественных методов обеспечила валидность полученных результатов и позволила сформировать целостную картину трансформации образовательных стратегий.

Результаты и обсуждение

Центральной проблемой, выявленной в ходе предварительного этапа исследования, является существенный разрыв между технической оснащенностью учащихся и их мотивационной вовлеченностью в процесс музицирования. Традиционная модель, доминирующая в массовом сегменте и ориентированная на сдачу квалификационных нормативов, демонстрирует высокие показатели на начальных этапах, однако в долгосрочной перспективе обнаруживает тенденцию к снижению образовательной эффективности. Для детального анализа данной проблематики были выбраны показатели, характеризующие не только академическую успеваемость, но и психологическое состояние обучающихся, а также их ценностные ориентации. Выбор именно этих параметров обусловлен необходимостью оценки образования как целостного процесса формирования личности, а не простого

набора психомоторных навыков. Сравнительные данные по уровням мотивации в группах с различными методическими подходами представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ структуры мотивации учащихся в зависимости от методики обучения (в баллах по 10-балльной шкале)

Тип мотивации	Группа А (Ориентированная на экзамены), n=625	Группа Б (Ориентированная на интерес), n=625	Стандартное отклонение (σ) Группа А	Стандартное отклонение (σ) Группа Б
Внешняя мотивация (награды, сертификаты)	8,74	4,21	1,12	1,45
Внутренняя мотивация (удовольствие от процесса)	3,15	7,89	1,56	1,03
Мотивация избегания неудачи	7,92	3,44	1,23	1,38
Познавательный интерес к теории музыки	4,03	6,72	1,87	1,15
Стремление к публичным выступлениям	5,88	7,12	2,01	1,29

Математическая интерпретация представленных числовых массивов свидетельствует о наличии фундаментальной дивергенции в мотивационной сфере исследуемых групп. В группе А наблюдается явная доминанта внешней референции: показатель 8,74 балла при относительно низком разбросе данных ($\sigma=1,12$) указывает на сформированную зависимость учащихся от внешних стимулов и формальных подтверждений успеха. Это коррелирует с высоким уровнем мотивации избегания неудачи (7,92), что в педагогической проекции означает обучение в состоянии перманентного стресса и страха ошибки. Напротив, группа Б демонстрирует зеркальную картину, где внутренняя мотивация (7,89) почти в 2,5 раза превышает аналогичный показатель группы А (3,15). Важно отметить, что стремление к публичным выступлениям в группе Б выше (7,12 против 5,88), при этом стандартное отклонение в группе А по этому показателю ($\sigma=2,01$) свидетельствует о высокой неоднородности: часть детей панически боится сцены, тогда как другие воспринимают ее исключительно как место борьбы за награду (Гун, 2024). Познавательный интерес, являющийся драйвером самообразования, в группе, ориентированной на интерес, также существенно выше, что прогнозирует более устойчивое сохранение музыкальных навыков во взрослой жизни.

Особого внимания заслуживает анализ того, как различные педагогические стратегии трансформируются в конкретные исполнительские компетенции. Существует распространенное заблуждение, что ориентация на интерес неизбежно ведет к снижению технического уровня из-за ослабления дисциплинарного давления. Однако данные, полученные в ходе экспертной оценки аудиозаписей экзаменационных выступлений «слепым» методом (эксперты не знали, к какой группе принадлежит ученик), опровергают этот стереотип. Оценка производилась по двум ключевым векторам: техническая точность (беглость, ритмическая ровность, отсутствие текстовых ошибок) и художественная выразительность (фразировка, динамическое разнообразие, стилевое соответствие). Результаты компаративного анализа исполнительского мастерства отражены в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Экспертная оценка исполнительских компетенций учащихся (средний балл из 100)

Критерий оценки	Группа А (Экзаменационная модель)	Группа Б (Модель интереса)	Разница показателей (Δ)	Коэффициент вариации (Cv) Группа А, %	Коэффициент вариации (Cv) Группа Б, %
Техническая стабильность	89,4	82,1	-7,3	5,2	9,8
Качество звукоизвлечения	68,7	84,3	+15,6	12,4	7,1
Ритмическая дисциплина	91,2	85,6	-5,6	4,8	8,3
Эмоциональная выразительность	54,3	81,9	+27,6	18,7	6,5
Стилевое понимание	61,5	77,4	+15,9	15,3	8,9

Детальное рассмотрение числовых рядов выявляет интересную закономерность: хотя группа А действительно превосходит оппонентов в параметрах «чистой» техники (разрыв в 7,3 балла в пользу экзаменационной модели по технической стабильности и 5,6 балла по ритмической дисциплине), это преимущество нивелируется катастрофическим отставанием в области художественной интерпретации (Чжу, 2023). Разрыв в показателе «Эмоциональная выразительность» составляет 27,6 балла, что является статистически значимой величиной, указывающей на системный дефицит образного мышления у учащихся, нацеленных на механическую сдачу нормативов. Низкий коэффициент вариации в группе Б по параметру «Качество звукоизвлечения» (7,1%) говорит о том, что методики российской школы, внедренные в данной группе, дают стабильный результат в работе над звуком у большинства учащихся, независимо от их природных данных. В то же время высокий коэффициент вариации по эмоциональной выразительности в группе А (18,7%) указывает на то, что музыкальность в этой системе пробивается лишь у единичных талантов вопреки, а не благодаря методике.

Еще одним критически важным аспектом исследования является долгосрочная устойчивость образовательных результатов, выражающаяся в показателях удержания контингента (retention rate). В условиях коммерциализации образования этот фактор приобретает не только педагогическое, но и экономическое значение для образовательных учреждений. Высокая текучесть кадров среди учащихся часто списывается на высокую нагрузку в общеобразовательной школе, однако гипотеза исследования связывает отсев с потерей мотивации. Динамика сохранения контингента на протяжении пятилетнего цикла обучения представлена далее (табл. 3).

Таблица 3. Динамика сохранения контингента учащихся в течение 5 лет обучения (% от начального набора)

Год обучения	Группа А (Экзаменационная модель)	Группа Б (Модель интереса)	Разница (процентные пункты)	Темп убыли (Группа А) (%)	Темп убыли (Группа Б) (%)
1-й год	100,00	100,00	0,00	-	-
2-й год	84,32	94,15	+9,83	15,68	5,85
3-й год	61,47	87,23	+25,76	27,10	7,35
4-й год	42,18	79,64	+37,46	31,38	8,70
5-й год	28,93	71,05	+42,12	31,41	10,79

Анализ временных рядов, отражающих динамику отсева, демонстрирует драматическое расхождение траекторий уже ко второму году обучения. Если на начальном этапе потери в группе А составляют 15,68%, что можно списать на естественный отбор, то к третьему году, когда техническая сложность репертуара возрастает, а новизна занятий пропадает, система теряет более трети

оставшихся учеников (темп убыли 27,10%). К концу пятилетнего цикла в экзаменационно-ориентированной модели остается лишь 28,93% от первоначального состава, то есть менее трети набора (Цзян, 2023). В противовес этому, модель, ориентированная на интерес, сохраняет 71,05% учащихся, демонстрируя высокую жизнеспособность. Математическая дельта на пятом году составляет колоссальные 42,12 процентных пункта. Характерно, что темп убыли в группе Б растет плавно, без резких скачков, что свидетельствует об естественном характере отсева, тогда как в группе А наблюдается лавинообразное падение интереса, коррелирующее с периодами подготовки к сложным сертификационным экзаменам.

Психологический климат в триаде «педагог-ученик-родитель» также был подвергнут количественной оценке. Нередко именно родительские ожидания выступают главным драйвером экзаменационной гонки, создавая избыточное давление на ребенка и педагога. Опрос родителей позволил выявить степень их удовлетворенности образовательным процессом и корреляцию между ожиданиями и реальностью (табл. 4).

Таблица 4. Индексы родительской удовлетворенности и восприятия прогресса ребенка (максимум 1,0)

Параметр оценки	Группа А (Экзаменационная модель)	Группа Б (Модель интереса)	Индекс тревожности родителей
Удовлетворенность результатами (дипломы/навыки)	0,89	0,76	0,82 (Гр. А) / 0,34 (Гр. Б)
Удовлетворенность психологическим состоянием ребенка	0,41	0,93	-
Вовлеченность ребенка в домашние занятия (без принуждения)	0,32	0,81	-
Готовность рекомендовать школу знакомым	0,65	0,91	-

Интерпретация индексов родительской удовлетворенности вскрывает глубокий внутренний конфликт в группе А. При высоком показателе удовлетворенности формальными результатами (0,89), родители крайне низко оценивают психологическое состояние детей (0,41) и степень их самостоятельной вовлеченности (0,32). Это указывает на осознание родителями высокой «цены» полученных дипломов, выраженной в семейных конфликтах и принуждении. Высокий индекс тревожности в группе А (0,82) подтверждает атмосферу нервозности, сопровождающую учебный процесс (Ли, 2024). В группе Б, несмотря на несколько меньшую удовлетворенность формальными результатами (0,76) – что объясняется меньшим количеством полученных сертификатов, – наблюдается гармония в оценке психологического комфорта (0,93) и самостоятельности ребенка (0,81). Разрыв в готовности рекомендовать школу (0,65 против 0,91) окончательно маркирует социальную предпочтительность гуманистически ориентированного подхода.

Совокупный анализ представленных данных позволяет констатировать наличие системного кризиса в методологии, ставящей во главу угла формальные показатели успеваемости. Цифры неумолимо свидетельствуют о том, что краткосрочные выгоды в виде технической выучки и сданных экзаменов девальвируются долгосрочными потерями в мотивации, эмоциональном развитии и сохранности контингента. Высокая корреляция между жесткостью требований и процентом отсева указывает на необходимость пересмотра педагогических стратегий в сторону большей гибкости и индивидуализации. Российский опыт, интегрированный в китайскую образовательную среду, демонстрирует свою эффективность не как архаичная надстройка, а как живой инструмент, способный реанимировать интерес к искусству в условиях жесткой конкурентной среды (Го, 2024). Статистика подтверждает, что «инвестиции» в развитие эмоционального интеллекта и творческой свободы

окупаются более стабильным и качественным прогрессом в долгосрочной перспективе, даже если на начальных этапах темпы технического роста кажутся более умеренными.

Результаты исследования недвусмысленно указывают на формирование гибридной образовательной модели как наиболее перспективного пути развития. Чистые формы «экзаменационного» или «свободного» обучения имеют свои неустранимые изъяны. Однако данные группы Б, где применялись элементы российской школы (работа над художественным образом, интонацией) на базе китайской трудовой этики, показывают синергетический эффект (Ткалич, 2024). Ученики этой группы не просто дольше остаются в музыке, но и демонстрируют более глубокое понимание сути исполнительского искусства, что подтверждается экспертными оценками. Это дает основания полагать, что будущее китайско-российского сотрудничества в этой сфере лежит в плоскости создания методик, гармонизирующих технический перфекционизм с глубиной художественного переживания.

Заключение

Глубинные трансформации, наблюдаемые сегодня в сфере фортепианного образования в рамках китайско-российского диалога, свидетельствуют о смене педагогических эпох. Переход от парадигмы, где ученик рассматривается как объект, накапливающий технические навыки для прохождения сертификационных барьеров, к субъект-субъектным отношениям, где в центре стоит развитие творческой индивидуальности, становится не просто данью моде, а насущной необходимостью. Исследование показало, что механический перенос советских методик на китайскую почву в прошлом, хоть и дал мощный толчок развитию, со временем выродился в формализм. Современный этап сотрудничества характеризуется более тонким взаимопроникновением: китайская педагогика, обладающая уникальной способностью к дисциплинированию и организации массового обучения, начинает впитывать смысловые, ценностные аспекты русской исполнительской школы.

Осмысление полученных результатов позволяет утверждать, что ориентация на интерес не является синонимом упрощения или отказа от высоких профессиональных стандартов. Напротив, пробуждение внутренней мотивации служит мощнейшим катализатором технического прогресса, делая его осозанным и целенаправленным. Когда учащийся понимает художественную цель, рутинная работа над техникой приобретает для него смысл, переставая быть абстрактной повинностью. Именно в этом кроется потенциал преодоления кризиса «перепроизводства» пианистов, которые, имея дипломы высших степеней, навсегда закрывают крышку инструмента после последнего экзамена. Гуманизация образования через обращение к эмоциональной сфере ребенка, что традиционно сильно в русской школе, позволяет формировать не просто исполнителей, а образованных слушателей и любителей музыки, составляющих культурный фундамент нации.

Взгляд в будущее позволяет прогнозировать дальнейшую интеграцию образовательных систем, где критерием эффективности станет не количество сданных «грейдов», а способность выпускника к самостоятельной творческой деятельности и уровень его эстетической культуры. Перспектива применения полученных выводов лежит в плоскости реформирования программ подготовки педагогов, которые должны владеть не только инструментальными навыками, но и широким арсеналом психолого-педагогических средств для поддержания интереса учащихся. Китайско-российское сотрудничество в этом ключе перерастает рамки сугубо музыкального обмена, становясь моделью успешного межкультурного синтеза, где каждая из сторон обогащает другую, нивелируя недостатки и усиливая достоинства своей национальной школы. В конечном счете, целью любого музыкального образования является воспитание гармоничной личности, и синтез лучших традиций двух великих культур приближает нас к этому идеалу.

Список литературы

1. Ван М. Метод обучения в сотрудничестве как механизм реализации межкультурной коммуникации студентов Китая с коллегами по российскому музыкально-педагогическому сообществу // Педагогический научный журнал. 2025. Т. 8. № 4. С. 58-63.

2. Го Ч. Исследование текущей ситуации с китайскими студентами в России в рамках китайско-российского сотрудничества в сфере обучения в школах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 5(110). С. 1584-1594.
3. Гун Г.Е. Интеграция китайских обучающихся в систему российского музыкального образования (теоретические соображения и практические наблюдения) // Образование в сфере искусства. 2024. № 1(23). С. 67-72.
4. Ли В. Организационно-педагогические условия реализации академических обменов между китайскими и российскими университетами // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 4. С. 18-21.
5. Ло Я. Сравнение инновационных технологий в сфере профессионального музыкального образования в России и Китае // Казачество. 2024. № 75(2). С. 128-136.
6. Ма Х. Исследование модели международного сотрудничества в области онлайн-преподавания в китайских и российских вузах // Перспективы науки. 2025. № 5 (188). С. 174-177.
7. Ревякина В.И., Лю Ц., Ма Х. Мотивы выбора китайскими студентами и аспирантами страны обучения // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 5 (57). С. 7-14.
8. Сивингпхет П. Опыт сотрудничества России и Лаоса в образовательной сфере // Современное образование и общество. 2024. Т. 1. № 1. С. 86-89.
9. Сухоруков В.Д., Махов С.И. Россия и Китай: взаимное познание и обучение // География в школе. 2025. № 7. С. 31-41.
10. Ткалич С.К., Янь Фэнь. Интегральный показатель научных и методических приоритетов на творческой кафедре // Наука и школа. 2024. № 1. С. 107-115.
11. Хао Ч. Образовательное сотрудничество Китая и России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-4(100). С. 88-91.
12. Цзинь Ц. Китайско-российское сотрудничество в области высшего образования // Культура Мира. 2023. Т. 11. № 34(5). С. 31-40.
13. Цзян Д., Люй С., Ван Ся. Исследование механизма обмена качественными учебными ресурсами между китайскими и российскими университетами в контексте китайско-российского совместного сотрудничества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7-2. С. 90-93.
14. Цянь Ц., Сяся Ло. Методика обучения РКИ в китайских вузах при сотрудничестве китайских и русских преподавателей // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2023. № 3(31). С. 57-64.
15. Чжу С. Китайско-российское образовательное сотрудничество и обмены в рамках ШОС // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 9(183). С. 73-81.

**The path of Chinese-Russian cooperation in piano education: rethinking teaching methods from
“exam-oriented” to “interest-oriented”**

Yike Li

Specialist-expert

Ural State Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

15978622001@163.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 27.11.2025

Accepted 16.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.02

DOI 10.25726/x9837-8295-6913-x

EDN OOIWN

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article is devoted to rethinking the trajectory of Chinese-Russian cooperation in piano education against the backdrop of the dominance in the mass segment of the PRC of a model oriented toward qualification exams and the actualization of the humanistic principles of the Russian pianistic school, based on intonation, ear development, and artistic image formation. Drawing on a comparative analysis of pedagogical practices and a five-year longitudinal observation (2018-2023) in major educational centers in China and Russia involving 1250 pupils, students, teachers, and parents, two teaching strategies are juxtaposed: the exam-oriented and the interest-oriented. Quantitative motivation indicators demonstrate a fundamental divergence: under the exam approach, external stimuli dominate (8.74 out of 10) along with motivation to avoid failure (7.92) amid low internal engagement (3.15), whereas the interest-oriented model features high internal motivation (7.89), more pronounced cognitive interest (6.72), and a drive for performances (7.12). Expert «blind» evaluation of performances reveals that the exam group's superiority in technical stability (89.4 versus 82.1) and rhythmic discipline (91.2 versus 85.6) is accompanied by a systemic deficit in expressiveness (54.3 versus 81.9), sound extraction quality (68.7 versus 84.3), and stylistic understanding (61.5 versus 77.4). Retention dynamics confirm differences in educational effect sustainability: after five years, 28,93% of learners remain in the exam model and 71,05% in the interest-oriented one. Parental surveys highlight a conflict between satisfaction with formal results (0.89) and low rating of the child's psychological state (0.41) amid high anxiety (0.82) in the exam group, whereas the humanistic strategy correlates with psychological comfort (0.93), greater independence in home practice (0.81), and high willingness to recommend the school (0.91). The viability of a hybrid model is substantiated, integrating the disciplinary resources of the Chinese tradition with the value-artistic mechanisms of the Russian school, thereby enhancing long-term motivational sustainability and interpretive quality without forgoing professional standards.

Keywords

Chinese-Russian cooperation, piano education, exam-oriented training, interest-oriented training, academic motivation.

References

1. Wang M. Collaborative teaching method as a mechanism for implementing intercultural communication of Chinese students with colleagues in the Russian music-pedagogical community // Pedagogical scientific journal. 2025. Vol. 8. № 4. pp. 58-63.
2. Guo Ch. Research on the current situation of Chinese students in Russia within the framework of Sino-Russian cooperation in school education // Issues of national and federal relations. 2024. Vol. 14. № 5(110). pp. 1584-1594.
3. Gong G.E. Integration of Chinese students into the system of Russian music education (theoretical considerations and practical observations) // Education in the field of art. 2024. № 1(23). pp. 67-72.
4. Li V. Organizational-pedagogical conditions for the implementation of academic exchanges between Chinese and Russian universities // Socio-humanitarian knowledge. 2024. № 4. pp. 18-21.
5. Luo Ya. Comparison of innovative technologies in the field of professional music education in Russia and China // Kazachestvo. 2024. № 75(2). pp. 128-136.
6. Ma H. Research on the model of international cooperation in online teaching in Chinese and Russian universities // Perspectives of science. 2025. № 5(188). pp. 174-177.

7. Revyakina V.I., Liu C., Ma H. Motives for choosing a country of study by Chinese students and postgraduates // Scientific-pedagogical review. 2024. № 5(57). pp. 7-14.
8. Siwiengphet P. Experience of cooperation between Russia and Laos in the educational sphere // Modern education and society. 2024. Vol. 1. № 1. pp. 86-89.
9. Sukhorukov V.D., Makhov S.I. Russia and China: mutual knowledge and learning // Geography in school. 2025. № 7. pp. 31-41.
10. Tkalich S.K., Yan Fen'. Integral indicator of scientific and methodological priorities at the creative department // Science and school. 2024. № 1. pp. 107-115.
11. Hao Ch. Educational cooperation between China and Russia // International journal of humanities and natural sciences. 2025. № 1-4(100). pp. 88-91.
12. Jin C. Sino-Russian cooperation in higher education // World culture. 2023. Vol. 11. № 34(5). pp. 31-40.
13. Jiang D., Lü S., Wang Xia. Research on the mechanism of exchange of high-quality educational resources between Chinese and Russian universities in the context of Sino-Russian joint cooperation // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2023. № 7-2. pp. 90-93.
14. Qian C., Luo Xiaoxia. Methodology of teaching Russian as a foreign language in Chinese universities through cooperation between Chinese and Russian teachers // Ammosov North-Eastern Federal University bulletin. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy. 2023. № 3(31). pp. 57-64.
15. Zhu S. Sino-Russian educational cooperation and exchanges within the framework of the SCO // Ethnosociety and interethnic culture. 2023. № 9(183). pp. 73-81.

Формирование и совершенствование модели преподавания фортепиано в вузе, интегрирующей сценическую практику и теоретическое обучение

Бянь Чуньцюань

Доцент

Синьцзянский педагогический университет

Урумчи, Китай

344940751@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 04.12.2025

Принята 24.01.2026

Опубликована 30.01.2026

УДК 378.147

DOI 10.25726/u0061-9468-7157-u

EDN OYMYZN

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме модернизации высшего музыкального образования, а именно преодолению традиционного разрыва между теоретической подготовкой и практической сценической деятельностью пианистов. Цель исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании интегративной модели преподавания фортепиано в вузе. В работе на основе системного и сравнительного подходов проведен анализ существующих образовательных программ, что позволило выявить их ключевые дефициты: недостаточную связь теоретических курсов с исполнительской практикой, слабое внимание к ансамблевому музицированию, сценической психологии и навыкам самостоятельной интерпретации. В результате синтеза лучших традиций российской фортепианной школы и современных педагогических технологий автором предложена комплексная трехкомпонентная модель. Ее структурными элементами являются когнитивно-аналитический (глубокий теоретический анализ произведения), деятельностно-практический (техническое воплощение с моделированием сценических ситуаций) и сценически-творческий (реализация в формате лекций-концертов) блоки. Эмпирическая проверка модели осуществлялась в ходе педагогического эксперимента по диагональной схеме с использованием методов наблюдения, анкетирования и экспертной оценки. Эффективность модели подтверждается результатами опытно-экспериментальной работы, продемонстрировавшей значительный рост у студентов таких показателей, как сценическая устойчивость (+36%), глубина теоретического анализа (+28%) и самостоятельность интерпретации (+35%).

Ключевые слова

фортепианное образование, интегративная модель обучения, сценическая практика, теоретическая подготовка, методика преподавания фортепиано, высшее музыкальное образование, исполнительское искусство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Синьцзянского педагогического университета в рамках проекта преподавания и реформ 2025 года «Исследование по построению и применению карты знаний курса по тренировке внутреннего слуха у студентов музыкальных специальностей» (SDJG2025-01).

Введение

Современное высшее музыкальное образование сталкивается с серьезным вызовом: необходимостью подготовки специалистов, обладающих не только виртуозной техникой исполнения, но и глубоким теоретическим багажом, а также психологической устойчивостью к сценической деятельности. Традиционная модель обучения, где теоретические дисциплины (гармония, полифония, история музыки) и специальность (фортепиано) часто существуют изолированно друг от друга, перестает отвечать запросам времени. Как справедливо отмечает М. В. Смирнова, постоянные перемены в образовательной среде требуют пересмотра привычных установок и поиска новых путей совершенствования курса методики обучения игре на фортепиано (Смирнова, 2013).

Актуальность исследования обусловлена противоречием между высокими требованиями к концертно-исполнительской подготовке выпускников вузов и недостаточной интеграцией сценической практики в процесс теоретического освоения музыкального материала. В условиях глобализации образовательного пространства, когда происходит активный взаимообмен методиками между различными национальными школами, в частности российской и китайской, возникает потребность в создании универсальных педагогических моделей. Исследования показывают, что существующие системы образования, перенявшие многие черты классической школы, сегодня нуждаются в модернизации, направленной на преодоление «технической» доминанты в пользу развития художественно-образного мышления и сценической свободы (Чжоу, 2023; Цуй, 2025).

Цель данной работы – теоретически обосновать и разработать модель преподавания фортепиано в вузе, которая бы органично интегрировала сценическую практику в процесс теоретического обучения, обеспечивая целостное формирование профессиональной личности музыканта. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать современное состояние фортепианной педагогики в контексте интеграционных процессов; выявить роль сценической практики как связующего звена между теорией и исполнением; определить педагогические условия, способствующие эффективному синтезу знаний и навыков.

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих специалистов в области музыкальной педагогики и исполнительства (Г.М. Цыпин, Э.Б. Абдуллин), а также работы, посвященные сравнительному анализу образовательных систем (И. Дин, Ш. Чжоу, П. Ян). В частности, важным ориентиром послужили исследования С. Цинь и М.М. Заббаровой, посвященные моделированию интеграции музыкально-образовательных методик, где подчеркивается значимость системного подхода к обучению (Цинь, 2025).

Проблема интеграции теоретического обучения и практической исполнительской деятельности является одной из ключевых в современной музыкальной педагогике. Анализ научной литературы показывает, что данный вопрос рассматривается исследователями в различных аспектах: от методики преподавания конкретных дисциплин до создания комплексных образовательных моделей.

Фундаментальные основы методологической подготовки музыканта-педагога заложены в трудах Э. Б. Абдуллина и Г.М. Цыпина. Э.Б. Абдуллин подчеркивает важность формирования методологической культуры, которая позволяет будущему педагогу не просто транслировать знания, а осознанно управлять процессом музыкального развития учащихся (Абдуллин, 2019). Г.М. Цыпин в своей работе «Музыкально-исполнительское искусство: теория и практика» акцентирует внимание на неразрывной связи интеллектуального и эмоционального начал в творчестве музыканта, утверждая, что подлинное мастерство невозможно без глубокого теоретического осмысления исполняемого материала (Цыпин, 2001). Эту мысль развивает В.И. Петрушин, указывая на то, что психологическая устойчивость исполнителя напрямую зависит от степени его осознанности в работе над музыкальным образом (Петрушин, 2021). А.И. Щербакова, в свою очередь, рассматривает феномен музыкального искусства как важнейший фактор становления культуры личности, что подтверждает необходимость расширения гуманитарного кругозора будущих пианистов (Щербакова, 2012).

Особый интерес для нашего исследования представляют работы, анализирующие опыт интеграции различных национальных традиций, в частности российской и китайской. С. Цинь и М.М. Заббарова в своем исследовании моделирования интеграции российских методик в китайское

образование выделяют пять ключевых направлений, среди которых особое место занимают музыкально-теоретическая подготовка и инструментальное исполнительство (Цинь, 2025). Авторы отмечают, что российская школа, базирующаяся на трудах Б.Л. Яворского и В. В. Медушевского, предлагает системный подход к развитию музыкального мышления, который органично дополняет технически ориентированную китайскую систему (Цинь, 2025).

Однако, как указывают исследователи, в практике преподавания фортепиано сохраняется ряд проблем. Дин И в диссертационном исследовании констатирует, что в китайском фортепианном образовании до сих пор преобладает «техническая» доминанта, в то время как развитию художественно-образного мышления и сценической свободы уделяется недостаточно внимания (Смирнова, 2013). Аналогичные выводы делает П. Ян, отмечая, что исторически сложившаяся система обучения нуждается в обновлении через внедрение инновационных методик, способствующих развитию творческой индивидуальности студента (Ян, 2022).

Вопросы репертуарной политики и ее влияния на интеграцию теории и практики поднимаются в работах Б. Суна и Т.Э. Самвелян. Б. Сун справедливо указывает на то, что учебный репертуар должен быть диверсифицированным и сбалансированным, включая произведения современных композиторов, которые часто игнорируются в пользу классико-романтического «стандарта» (Сун, 2021). Т.Э. Самвелян, анализируя интеграцию западных и национальных традиций, подчеркивает, что преодоление разрыва между «техническим» и «художественным» возможно через синтез лучших достижений различных школ, например, российской школы интонационно-слухового анализа и американских креативных методик (Самвелян, 2022).

Ц. Цуй в своей статье об инновационных методиках преподавания фортепиано акцентирует внимание на необходимости внедрения ситуативного обучения и групповых форм работы, которые способствуют развитию коммуникативных навыков и сценической уверенности (Цуй, 2025). Ш. Чжоу также отмечает важность создания собственной теории и методики обучения, которая бы учитывала национальную специфику и современные требования к профессиональной подготовке пианистов (Чжоу, 2023).

Несмотря на обширную базу исследований, в научной литературе недостаточно полно освещена проблема создания целостной модели, которая бы целенаправленно интегрировала сценическую практику (как специфический вид деятельности) в теоретический курс обучения. Существующие методики часто рассматривают концертные выступления как итоговую форму контроля, а не как процесс, требующий специальной теоретической и психологической подготовки в рамках учебного курса. М.В. Смирнова справедливо замечает, что в условиях современного вуза курс методики обучения игре на фортепиано требует совершенствования, в том числе через включение разделов, посвященных сценической психологии и современным технологиям (Смирнова, 2013).

Таким образом, анализ литературы позволяет выявить противоречие между накопленным теоретическим потенциалом и его недостаточной реализацией в практических моделях вузовского обучения, что подтверждает необходимость разработки интегративной модели преподавания фортепиано.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы исследования применяется комплекс взаимодополняющих методов, которые обеспечивают всестороннее изучение проблемы. Методологическую основу работы составляет системный подход, позволяющий рассматривать процесс обучения игре на фортепиано как целостную структуру. В ней теоретические знания, технические навыки и сценический опыт находятся в неразрывном диалектическом единстве. Теоретическим фундаментом исследования выступают принципы развивающего обучения и концепция интонационной природы музыки, нашедшие отражение в трудах классиков отечественной психологии и педагогики, а также в работах современных исследователей музыкального искусства (Абдуллин, 2019; Самвелян, 2022).

В процессе работы активно использовался метод теоретического анализа и синтеза философской, психолого-педагогической и искусствоведческой литературы. Это позволило выявить

актуальные тенденции в современной фортепианной педагогике и проанализировать существующие подходы к интеграции теоретической и практической составляющих обучения. Особое внимание уделялось изучению опыта российской и китайской фортепианных школ, что дало возможность определить ключевые векторы развития и теоретические основания для разработки авторской модели (Цинь, 2025; Сун, 2021).

Важным инструментом исследования стал сравнительный анализ учебных планов и рабочих программ по специальности «Фортепиано» ведущих музыкальных вузов России и Китая. Сопоставление образовательных стандартов позволило выявить существенные различия в подходах к организации сценической практики и теоретической подготовки. Благодаря этому анализу были определены проблемные зоны традиционных систем, главной из которых является определенная изолированность теоретических курсов от непосредственных исполнительских задач (Смирнова, 2013; Цинь, 2025).

На основе полученных теоретических данных применялся метод педагогического моделирования. Была спроектирована авторская модель преподавания, которая интегрирует сценическую практику и теоретическое обучение в единый образовательный процесс. Данная модель структурно включает в себя целевой, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный блоки, обеспечивая логическую последовательность и целостность педагогического воздействия.

Эмпирическая часть исследования реализовывалась через комплекс методов, направленных на изучение реальной педагогической практики. Метод наблюдения за открытыми уроками, зачетами и академическими концертами студентов фортепианных факультетов дал возможность оценить уровень их сценической устойчивости и способность применять теоретические знания в процессе живого исполнения. Для выявления субъективного отношения участников образовательного процесса к существующим методикам и определения потребностей в новых формах работы проводились анкетирование и интервьюирование студентов и преподавателей профильных вузов. Дополнительную валидность результатам придала экспертная оценка, к которой привлекались ведущие специалисты в области музыкальной педагогики для анализа эффективности разработанной модели и критериев ее оценки.

В качестве базы исследования использовался опыт преподавания фортепиано в музыкально-педагогических вузах, а также данные, полученные в ходе изучения интеграционных процессов в музыкальном образовании, описанные в современных научных источниках. Особый акцент был сделан на анализе репертуарной политики, так как именно учебный репертуар выступает связующим звеном между теорией и практикой (Сун, 2021; Петрушин, 2021). Для оценки эффективности предлагаемой модели применялась разработанная система критериев, охватывающая когнитивные, деятельностные и сценически-творческие показатели профессионального развития пианиста (Цинь, 2025).

Результаты и обсуждение

Анализ теоретических источников и эмпирических данных позволил выявить существенное противоречие в современной системе подготовки пианистов. С одной стороны, учебные планы вузов насыщены теоретическими дисциплинами, такими как гармония, полифония, анализ музыкальных форм и история музыки. С другой стороны, эти знания часто остаются пассивным багажом и слабо применяются студентами в их непосредственной исполнительской деятельности. Практика показывает, что на уроках специальности доминирует работа над техническими и художественными аспектами конкретных произведений, в то время как глубокий теоретический анализ отходит на второй план. Это приводит к тому, что выпускники, обладая хорошей беглостью пальцев, часто испытывают трудности с самостоятельной интерпретацией сложных сочинений и демонстрируют сценическую неустойчивость из-за недостаточного понимания внутренней логики исполняемой музыки.

Для преодоления данного разрыва была разработана интегративная модель преподавания фортепиано, которая объединяет теоретическое обучение и сценическую практику в единый образовательный континуум. Структура модели базируется на трех взаимосвязанных компонентах, каждый из которых выполняет специфическую функцию в формировании профессиональных компетенций пианиста.

Первый компонент модели – когнитивно-аналитический. Его основная задача заключается в формировании у студента навыков глубокого теоретического осмысления нотного текста. В рамках этого компонента предлагается внедрение метода предварительного предсценического анализа, когда работа над произведением начинается не с разбора за инструментом, а с детального изучения его формы, гармонического плана и историко-стилевого контекста. Студент учится видеть в нотах не просто указания к действию пальцев, а сложную систему музыкальных смыслов. Это перекликается с идеями российской школы интонационно-слухового анализа, эффективность которой подтверждают исследования Самвелян Т.Э. и других авторов (Самвелян, 2022). Теоретические знания здесь выступают инструментом для построения исполнительской концепции.

Второй компонент – деятельностно-практический. Он направлен на техническое воплощение сформированного художественного образа. Особенностью предлагаемой модели является отказ от изолированной работы над техникой. Технические задачи решаются через призму музыкального содержания, выявленного на аналитическом этапе. Здесь активно используются методы моделирования сценических ситуаций в классе, когда обычный урок превращается в мини-концерт. Это позволяет студенту адаптироваться к условиям публичного выступления в безопасной учебной среде. Как справедливо отмечает Ц. Ван, подобные формы работы способствуют формированию исполнительской культуры и помогают преодолеть сценическое волнение еще на этапе обучения (Ван, 2021).

Важную роль играет расширение репертуара за счет произведений современных композиторов, в том числе китайских авторов, что способствует развитию гибкости мышления и технического аппарата, как отмечает в своем исследовании Б. Сун (Сун, 2021).

Третий компонент – сценически-творческий. Он предполагает непосредственную апробацию результатов обучения в условиях реальной концертной деятельности. Инновацией модели является обязательное включение в учебный план лекций-конcertов, где студент не только исполняет программу, но и выступает с кратким музыковедческим комментарием, обосновывая свою интерпретацию. Такой формат заставляет исполнителя глубже погружаться в материал и развивает коммуникативные навыки.

Эффективность разработанной модели подтверждается данными, полученными в ходе опытно-экспериментальной работы. Для оценки результатов использовалась система критериев, разработанная на основе исследований С. Цинь и М.М. Заббаровой (Цинь, 2025). Сравнительный анализ показателей контрольной и экспериментальной групп представлен в таблице 1.

Таблица 1. Динамика формирования профессиональных компетенций студентов-пианистов

Показатели компетенций	Контрольная группа (средний балл)	Экспериментальная группа (средний балл)	Прирост в эксп. группе (%)
Глубина теоретического анализа	6,4	8,2	+28
Техническая стабильность	7,1	8,5	+19
Сценическая устойчивость	5,8	7,9	+36
Самостоятельность интерпретации	6,0	8,1	+35

Данные таблицы наглядно демонстрируют, что внедрение интегративной модели способствовало значительному росту показателей во всех сферах профессиональной подготовки. Наибольший прирост зафиксирован в уровне сценической устойчивости и самостоятельности интерпретации. Студенты экспериментальной группы демонстрировали более уверенное поведение на сцене, их исполнение отличалось осмысленностью и стилистической точностью. Они успешнее справлялись с волнением, так как опора на твердое теоретическое знание структуры произведения давала им психологическую уверенность.

Обсуждение результатов также показало важность внедрения полихудожественного подхода и интерактивных методов обучения, о чем пишут Ц. Цуй и другие исследователи (Цуй, 2025). Использование мультимедийных технологий и групповых форм работы (ансамблевое музицирование, мастер-классы с обсуждением) позволило создать в классе творческую атмосферу, стимулирующую познавательную активность. Студенты перестали воспринимать теорию как сухую догму, увидев в ней практический инструмент для решения исполнительских задач.

Кроме того, исследование выявило необходимость пересмотра репертуарной политики вузов. Включение в программы произведений, требующих нетрадиционных техник игры и глубокого погружения в национальную культуру (например, сочинений, имитирующих звучание народных инструментов), стало мощным стимулом для развития слухового контроля и тембрового воображения. Это согласуется с выводами Чжоу Шици о необходимости создания собственной методики, учитывающей национальную специфику (Чжоу, 2023). Ю. Лю также подчеркивает, что специфика фортепианного образования в педагогических вузах Китая требует особого внимания к интеграции практических навыков и теоретических знаний для подготовки компетентных специалистов широкого профиля (Лю, 2023).

Таким образом, результаты исследования убедительно доказывают, что интеграция сценической практики и теоретического обучения является эффективным путем совершенствования профессиональной подготовки пианистов в современном вузе. Предложенная модель позволяет преодолеть фрагментарность знаний и сформировать целостную личность музыканта-педагога, готового к творческой деятельности в условиях высокой конкуренции.

Заключение

Проведенное исследование позволило всесторонне рассмотреть проблему совершенствования методики преподавания фортепиано в высшей школе через призму интеграции теоретической подготовки и сценической практики. В ходе работы было установлено, что традиционная модель обучения, характеризующаяся дисциплинарной разобщенностью, в современных условиях демонстрирует определенную ограниченность. Она не всегда обеспечивает формирование у выпускников целостного профессионального мышления, необходимого для успешной концертной и педагогической деятельности. Анализ литературных источников и педагогического опыта подтвердил актуальность поиска новых подходов, способных объединить академические знания и живое исполнительское искусство в единый образовательный процесс.

Разработанная и теоретически обоснованная в рамках исследования модель преподавания доказала свою эффективность. Ее внедрение способствует качественному изменению структуры профессиональной подготовки пианиста. Ключевым достижением модели является создание механизма, при котором теоретические знания перестают быть абстрактной информацией и трансформируются в действенный инструмент исполнительской интерпретации. Студенты, обучающиеся по данной системе, демонстрируют более высокий уровень сценической устойчивости, глубину понимания музыкального текста и техническую свободу. Это достигается за счет синергии когнитивного, деятельностного и творческого компонентов обучения, а также активного использования интерактивных и полихудожественных методов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенной модели в учебном процессе музыкальных и музыкально-педагогических вузов. Разработанные методические рекомендации по организации лекций-конcertов, внедрению предсценического анализа и расширению репертуара могут быть использованы педагогами для оптимизации курсов специального фортепиано и методики обучения игре на инструменте. Кроме того, результаты работы вносят вклад в развитие сравнительной музыкальной педагогики, обогащая представления о путях интеграции лучших традиций различных национальных школ, в частности российской и китайской.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики видятся в более детальном изучении психологических аспектов сценического волнения в контексте теоретической подготовленности исполнителя. Также представляет интерес адаптация разработанной модели для других уровней музыкального образования, например, для колледжей искусств или системы дополнительного

образования, что позволит создать преемственность в формировании профессиональных компетенций музыканта на всех этапах его становления. Интегративный подход, положенный в основу исследования, открывает широкие горизонты для обновления содержания и методов музыкальной педагогики в соответствии с вызовами времени.

Список литературы

1. Абдуллин Э.Б. Методологическая подготовка музыканта-педагога: сущность, структура, процесс реализации: моногр. М.: МПГУ, 2019. 340 с.
2. Ван Ц. Формирование исполнительской культуры будущих учителей музыки в процессе фортепианной подготовки // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1(34). С. 45-48.
3. Григорьева А.В. Психологическая подготовка музыканта-исполнителя к концертной деятельности // Вестник науки и образования. 2020. № 23(101). С. 88-91.
4. Демидова Т.Е., Козлова С.А., Рубин А.Г., Тонких А.П. Элементы стохастики в начальной школе // Начальная школа плюс До и После. 2005. № 5. С. 45-49.
5. Дин И. Система фортепианного образования в современном Китае: структура, стратегии развития, национальный репертуар: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2020. 217 с.
6. Лю Ю. Специфика фортепианного образования в педагогических вузах Китая // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2(99). С. 156-159.
7. Петрушин В.И. Музыкальная психология: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2021. 400 с.
8. Самвелян Т.Э. Интеграция западных и национальных традиций в методике преподавания игры на фортепиано в музыкальном образовании Китая // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 4А.С. 689-697.
9. Смирнова М.В. О путях совершенствования курса «Методика обучения игре на фортепиано» в условиях современного вуза // Музыкальное искусство и образование. 2013. № 2. С. 160-163.
10. Сун Б. Произведения современных китайских композиторов как часть учебного репертуара фортепианного класса // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. № 3(4). С. 51-56.
11. Тонких А.П. Российские образовательные интернет-ресурсы для учителей начальной школы // Начальная школа. 2007. № 1. С. 117-124.
12. Цинь С., Заббарова М.М. Моделирование интеграции российских музыкально-образовательных методик учителем музыки в среднее школьное образование Китая // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. № 3. С. 359-366.
13. Цуй Ц. Инновационные методики преподавания фортепиано в вузах КНР // International Centre of Art and Education Bulletin. 2025. № 2. С. 221-225.
14. Цыпин Г.М. Музыкально-исполнительское искусство: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2001. 320 с.
15. Чжао Я., Цзинюй Г., Шанжу Чж. Фортепианное образование в современных российских и китайских вузах // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14. № 4А.С. 191-200.
16. Чжоу Ш. Практика преподавания фортепиано в китайских высших учебных заведениях // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-1. С. 376-378.
17. Щербакова А.И. Феномен музыкального искусства в становлении и развитии культуры: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. 48 с.
18. Ян П. Исторические предпосылки фортепианной педагогики в Китае // Научные известия. 2022. № 28. С. 138-142.

Formation and improvement of the piano teaching model in higher education integrating stage practice and theoretical training

Chunquan Bian

Associate Professor

Xinjiang Normal University

Urumqi, China

344940751@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 04.11.2025

Accepted 24.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 378.147

DOI 10.25726/u0061-9468-7157-u

EDN OYMYZN

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article addresses the urgent problem of modernizing higher music education, specifically overcoming the traditional gap between theoretical training and the practical stage activity of pianists. The aim of the research is to develop and theoretically substantiate an integrative model of piano teaching at the university level. Using systemic and comparative approaches, the paper analyzes existing educational programs, identifying their key deficits: the insufficient connection between theoretical courses and performance practice, inadequate attention to ensemble playing, stage psychology, and independent interpretation skills. Through a synthesis of the best traditions of the Russian piano school and modern pedagogical technologies, the author proposes a comprehensive three-component model. Its structural elements include the cognitive-analytical component (in-depth theoretical analysis of a musical piece), the activity-practical component (technical embodiment with simulation of stage situations), and the stage-creative component (realization in lecture-recital formats). The empirical validation of the model was carried out within a pedagogical experiment following a diagonal design, utilizing methods of observation, surveying, and expert evaluation. The model's effectiveness is confirmed by the results of experimental work, which demonstrated significant growth in student indicators such as stage stability (+36%), depth of theoretical analysis (+28%), and independence of interpretation (+35%).

Keywords

piano education, integrative teaching model, stage practice, theoretical training, piano teaching methodology, higher music education, performing arts.

The study was carried out with the financial support of Xinjiang Pedagogical University within the framework of the teaching and Reform project 2025 «Research on the construction and application of the knowledge map of the internal hearing training course for music students» (SDJG2025-01).

References

1. Abdullin E.B. Methodological training of a musician-teacher: essence, structure, process of implementation: monograph. M.: Moscow State University, 2019. 340 p.

2. Wang Ts. Formation of the performing culture of future music teachers in the process of piano training // *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2021. Vol. 10. № 1(34). pp. 45-48.
3. Grigorieva A.V. Psychological preparation of a performing musician for concert activities // *Science and education bulletin*. 2020. № 23(101). pp. 88-91.
4. Demidova T.E., Kozlova S.A., Rubin A.G., Tonkikh A.P. Elements of stochastics in elementary school // *Elementary school plus Before and After*. 2005. № 5. pp. 45-49.
5. Ding I. The system of piano education in modern China: structure, development strategies, national repertoire: dis. ... cand. of art history. SPb., 2020. 217 p.
6. Liu Y. The specifics of piano education in pedagogical universities in China // *The world of science, culture, and education*. 2023. № 2(99). pp. 156-159.
7. Petrushin V.I. Musical psychology: textbook for universities. M.: Academic project, 2021. 400 p.
8. Samvelyan T.E. Integration of Western and national traditions in the teaching methods of piano playing in music education in China // *Pedagogical journal*. 2022. Vol. 12. № 4A. pp. 689-697.
9. Smirnova M.V. On ways to improve the course «Methods of teaching piano playing» in a modern university // *Musical art and education*. 2013. № 2. pp. 160-163.
10. Song B. Works by modern Chinese composers as part of the educational repertoire of the piano class // *THEORIA: pedagogy, economics, law*. 2021. № 3(4). pp. 51-56.
11. Tonkikh A.P. Russian educational Internet resources for primary school teachers // *Elementary school*. 2007. № 1. pp. 117-124.
12. Qin S., Zabbarova M.M. Modeling the integration of Russian musical and educational methods by a music teacher into secondary school education in China // *Pedagogy. Questions of theory and practice*. 2025. № 3. C. 359-366.
13. Tsui Ts. Innovative methods of teaching piano in Chinese universities // *International Center of Art and Education bulletin*. 2025. No. 2. pp. 221-225.
14. Tsypin G.M. Musical and performing arts: theory and practice. SPb.: Aleteya, 2001. 320 p.
15. Zhao Ya., Jinyu G., Shangru Zhh. Piano education in modern Russian and Chinese universities // *Culture and civilization*. 2024. Vol. 14. № 4A. pp. 191-200.
16. Zhou Sh. The practice of piano teaching in Chinese higher educational institutions // *Problems of modern pedagogical education*. 2023. № 79-1. pp. 376-378.
17. Shcherbakova A.I. The phenomenon of musical art in the formation and development of culture: dis. ... D-r of pedag. scien. M., 2012. 48 p.
18. Yang P. Historical background of piano pedagogy in China // *Scientific news*. 2022. № 28. pp. 138-142.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гендерные различия в восприятии рисков ЧС: данные ассоциативного эксперимента

Оксана Александровна Кузина

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Балашиха, Россия
oksana_kuzina@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Екатерина Сергеевна Родченкова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Балашиха, Россия
e.rodchenkova@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Анна Михайловна Поминова

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Балашиха, Россия
kazakova@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Светлана Анатольевна Казакова

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Балашиха, Россия
kazakova@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 25.11.2024

Принята 16.12.2024

Опубликована 30.01.2024

УДК 35.81/84

DOI 10.25726/o1555-1917-0481-u

EDN OWKMWX

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье представлены результаты исследования гендерной специфики восприятия рисков чрезвычайных ситуаций (ЧС) с применением метода свободного ассоциативного эксперимента. Целью работы являлось выявление различий в структуре и содержании ассоциативных полей, связанных с концептами риска и безопасности, у мужчин и женщин. В эксперименте приняли участие 50 респондентов (25 мужчин и 25 женщин) в возрасте от 25 до 45 лет, не имеющих прямого отношения к профессиям системы МЧС. Стимульный материал включал 3 ключевых понятий (например, «опасность», «безопасное место», «готовность к ЧС»). Качественный и частотный анализ полученных вербальных

ассоциаций показал статистически значимые различия. Для женщин характерна тенденция к эмоционально-оценочным и социально-ориентированным реакциям, акцентирующим последствия рисков для семьи и близких. Мужчины демонстрируют более инструментальный и аналитический подход, с ассоциациями, сфокусированными на причинах рисков и конкретных действиях по их устранению. Установленные различия интерпретируются с позиций эволюционной психологии и теории социальных ролей. Результаты свидетельствуют о необходимости учета гендерного фактора при разработке коммуникационных стратегий информирования и обучения населения правилам поведения в ЧС. Предложены практические рекомендации для гендерно-ориентированного подхода в профилактической работе.

Ключевые слова

гендерные различия, восприятие риска, чрезвычайная ситуация (ЧС), ассоциативный эксперимент, безопасность, психология ЧС, информирование населения.

Введение

Эффективность мер по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС) напрямую зависит от того, насколько адекватно население воспринимает потенциальные риски и готово к защитным действиям. Современные исследования в области психологии риска единодушно указывают на то, что восприятие опасности не является универсальным и объективным процессом, а опосредовано целым рядом социально-психологических факторов, среди которых гендерная принадлежность занимает одно из ключевых мест (Словик, 2000).

Игнорирование гендерной специфики может привести к низкой эффективности информационных кампаний и обучающих программ. Сообщения, составленные без учета особенностей восприятия целевой аудитории, могут не достигать своей цели: либо не вызывать достаточной мотивации к действию, либо, напротив, провоцировать чрезмерную тревожность и пассивность. В связи с этим актуальной задачей становится глубинное изучение того, как именно мужчины и женщины конструируют смыслы, связанные с рисками и безопасностью. Метод свободного ассоциативного эксперимента позволяет реконструировать имплицитные структуры сознания, выявив неочевидные различия в содержании ключевых концептов (Кузина, 2006).

Материалы и методы исследования

Теоретической основой исследования послужило рассмотрение гендерного фактора в восприятии рисков. Восприятие риска понимается как субъективная оценка вероятности наступления негативного события и его возможных последствий. Многочисленные кросс-культурные исследования демонстрируют устойчивую тенденцию: женщины в среднем оценивают различные риски (техногенные, природные, социальные) как более вероятные и серьезные по своим последствиям по сравнению с мужчинами (Давидсон, 1996).

Для объяснения этого феномена существует две основные теоретические парадигмы:

1. Эволюционно-психологический подход связывает различия с различными репродуктивными стратегиями. Для женщин, традиционно отвечавших за потомство и его сохранность, была эволюционно выгодна повышенная осторожность и избегание любых потенциальных угроз. Мужчины, чья роль заключалась в добыче ресурсов и защите, были больше ориентированы на принятие риска (Бэсс, 2020).

2. Теория социальных ролей (Игли) акцентирует внимание на влиянии социализации. С детства мальчиков поощряют за смелость, самостоятельность и игнорирование опасности, а девочек – за осторожность, осмотрительность и заботу о других. Таким образом, гендерные различия в восприятии риска являются в значительной степени продуктом усвоенных социальных норм (Игл, 1987).

Метод «свободного ассоциативного эксперимента» является релевантным инструментом для изучения данного феномена, так как он позволяет выйти за рамки сознательных, социально ожидаемых ответов (например, на вопрос «Бойтесь ли вы землетрясений?») и проникнуть вглубь ассоциативных

сетей, составляющих основу картины мира индивида. Анализ реакций на слова-стимулы помогает понять не только «что» люди думают о риске, но и «как» они о нем думают, какие образы, эмоции и сценарии действий с ним связаны (Абакумова, 2021; Кузина, 2006).

Результаты и обсуждение

В современной науке утвердилось разведение понятий «пол» (биологическая характеристика) и «гендер» (социокультурный конструкт). Гендер понимается как система социальных ролей, норм, ожиданий и моделей поведения, которые общество предписывает индивидам на основе их половой принадлежности (Бем, 2004; Берн, 2007). Эти предписания, усваиваемые в процессе социализации, формируют устойчивые различия в категоризации и оценке окружающей действительности (Клецина, 1998).

Применительно к восприятию рисков, гендерные различия объясняются в рамках двух основных парадигм:

1. Эволюционно-психологический подход акцентирует роль различных репродуктивных стратегий, сформированных в процессе эволюции. Для женщин, чья роль была связана с вынашиванием и воспитанием потомства, была адаптивна стратегия повышенной осторожности и избегания рисков, угрожающих благополучию семьи. Для мужчин, чья деятельность была связана с добычей ресурсов и защитой, была более характерна ориентация на принятие обоснованного риска (Бэсс, 2020).

2. Теория социальных ролей (Игли) подчеркивает влияние социализации. С детства мальчиков поощряют за смелость, самостоятельность и игнорирование опасности, а девочек — за осторожность, осмотрительность и заботу о других (Игл, 1987). В результате формируются разные «гендерные роли»: инструментальная (мужская), ориентированная на решение задач и контроль над средой, и экспрессивная (женская), ориентированная на гармонию, благополучие и эмоциональные связи (Игл, 1987; Игл, 2013). Эти роли определяют фокус внимания: мужчины склонны концентрироваться на причинах и способах устранения угрозы, а женщины — на ее эмоциональных и социальных последствиях (Давидсон, 1996).

Таким образом, гендерная принадлежность выступает мощным фильтром, через который индивид воспринимает, интерпретирует и оценивает информацию об опасности.

Ассоциативный эксперимент (АЭ), восходящий к работам К. Юнга (Юнг, 2018) и А.Р. Лурии (Лурия, 1975), является классическим методом психолингвистики и экспериментальной психологии для доступа к содержанию и структуре индивидуального и коллективного сознания (Залевская, 1999). Его основная предпосылка заключается в том, что первая, произвольная вербальная реакция на слово-стимул раскрывает наиболее прочные и значимые смысловые связи в памяти индивида. Совокупность этих реакций (ассоциативное поле) отражает имплицитную, часто неосознаваемую картину мира (Караулов, 1994).

В контексте исследования гендерных различий АЭ обладает рядом уникальных преимуществ (Уфимцева, 1998):

1. Обход социальной желательности: в отличие от прямых опросников, где респонденты могут давать социально одобряемые ответы, АЭ фиксирует спонтанные, мало контролируемые реакции, что позволяет выявить подлинные, а не декларируемые установки (Словик, 2000).

2. Реконструкция ассоциативных сетей: метод позволяет выявить не только отдельные понятия, но и целостные структуры знаний, связанные с концептом риска. Анализ ядра (наиболее частотные реакции) и периферии ассоциативного поля показывает, какие аспекты угрозы (эмоциональные, когнитивные, практические) являются центральными для разных гендерных групп (Караулов, 1994).

3. Выявление эмоционального компонента: свободные ассоциации несут яркую эмоциональную окраску, что особенно важно для изучения страхов и тревог, связанных с ЧС (Шойгу, 2014).

Интеграция теоретических положений о гендерных различиях и методологических возможностей АЭ позволяет выдвинуть ключевую гипотезу исследования: ассоциативные поля концептов, связанных

с рисками ЧС, будут иметь системные различия у мужчин и женщин, отражающие их различные социальные роли и стратегии восприятия опасности (Мухамадеев, 2019).

Ожидается, что в ассоциациях мужчин будут доминировать реакции, относящиеся к категориям:

- когнитивно-аналитические (анализ, расчет, вероятность) (Залевская, 1999; Крюгер, 2006);
- действенно-практические (план, инструменты, ликвидация) (Игл, 1987; Таннен, 1990).

Для ассоциативных полей женщин, в соответствии с теорией, прогнозируется преобладание:

- эмоционально-оценочных реакций (страх, тревога, ужас) (Бэсс, 2020; Залевская, 1999);
- социально-ориентированных реакций (семья, дети, помощь) (Игл, 1987; Игл, 2013).

Цель исследования – выявить и проанализировать гендерные различия в восприятии рисков ЧС на основе данных свободного ассоциативного эксперимента, что позволит операционализировать теоретические конструкты и получить эмпирические данные, реконструирующие гендерно-специфичные модели восприятия рисков. Это создает прочную основу для последующей разработки адресных коммуникационных стратегий в области безопасности жизнедеятельности (Горошко, 2003).

Задачи:

1. Провести свободный ассоциативный эксперимент в двух группах: мужчины и женщины.
2. Выявить ядерные и периферийные элементы ассоциативных полей ключевых концептов, связанных с рисками и безопасностью.
3. Провести сравнительный анализ ассоциаций по критерию гендерной принадлежности.
4. Разработать практические рекомендации для гендерно-ориентированного подхода в информировании населения.

В исследовании приняли участие 50 респондентов в возрасте от 25 до 45 лет, разделенных на 2 группы:

- а) Группа 1 (Мужчины): 25 человек. Средний возраст – 35 лет.
- б) Группа 2 (Женщины): 25 человек. Средний возраст – 34 года.

Все респонденты являются жителями крупного города, не имеют профессионального опыта работы в МЧС или аналогичных структурах.

Метод: Свободный ассоциативный эксперимент.

Стимульный материал: включал 3 слова и словосочетаний, релевантных контексту ЧС:

- Опасность.
- Безопасное место.
- Готовность к ЧС.

Процедура: эксперимент проводился анонимно в индивидуальном порядке. Испытуемым предлагалось в письменной форме как можно быстрее записать первую пришедшую на ум словесную реакцию на каждый стимул. Время не ограничивалось.

Методы обработки данных:

1. Частотный анализ: подсчет частоты встречаемости каждой реакции в обеих группах.
2. Построение ассоциативных полей: для каждого стимула выделялось ядро (наиболее частотные реакции) и периферия.
3. Контент-анализ и категоризация реакций: все реакции были классифицированы по следующим категориям:
 - эмоционально-оценочные (страх, ужас, тревога).
 - когнитивно-аналитические (анализ, вероятность, расчет).
 - действенно-практические (бегство, план, аптечка).
 - социально-ориентированные (семья, дети, помощь близким).
 - конкретно-образные (пожар, землетрясение, (наводнение)).

Анализ данных выявил статистически значимые различия в структуре ассоциативных полей у мужчин и женщин.

Количественный анализ: был проведен подсчет процента реакций, относящихся к каждой категории, от общего числа реакций в группе.

Таблица 1. Распределение типов ассоциативных реакций по гендерным группам (%)

Категория реакции	Мужчины (n=25)	Женщины (n=25)
Эмоционально-оценочные	18	42
Когнитивно-аналитические	25	12
Действенно-практические	35	28
Социально-ориентированные	10	32
Конкретно-образные	12	16

Как видно из таблицы, у женщин достоверно преобладают «эмоционально-оценочные» и «социально-ориентированные» реакции. У мужчин лидируют «когнитивно-аналитические» и «действенно-практические» реакции.

Качественный анализ на примере ключевых стимулов:

1. Стимул: «Опасность»

– Мужчины: ядро: риск (7), угроза (5), предосторожность (4). Периферия: расчет, минимизация, действие. Преобладают аналитические и инструментальные реакции, направленные на оценку и управление ситуацией.

– Женщины: ядро: страх (9), тревога (6), дети (5) Периферия: беспокойство, болезнь, несчастье. Ядро составляют эмоции и непосредственная связь с ближайшим социальным окружением.

– Интерпретация: мужчины склонны воспринимать опасность как внешний вызов, требующий решения проблемы. Женщины фокусируются на эмоциональных переживаниях и последствиях для семьи.

2. Стимул: «Безопасное место»

– Мужчины: ядро: бункер (6), дом (5), укрепленное (4). Периферия: укрытие, защита, расстояние от угрозы. Ассоциации связаны с физическими характеристиками места.

– Женщины: ядро: дом (8), семья (7), спокойствие (5). Периферия: рядом с близкими, уют, надежда. Безопасность прочно ассоциируется не с объектом, а с эмоциональным состоянием и присутствием значимых людей.

– Интерпретация: для мужчин безопасное место – это в первую очередь инженерное сооружение, обеспечивающее защиту. Для женщин – это социально-эмоциональный концепт, где ключевым является чувство спокойствия и единства с семьей.

3. Стимул: «ГОТОВНОСТЬ К ЧС»

• Мужчины: ядро: тревожный чемодан (8), план (6), инструменты (4). Периферия: запасы, эвакуация, инструкция. Реакции предельно конкретны и направлены на материальное оснащение.

• Женщины: ядро: знания (7), тревога (5), аптечка (4). Периферия: «надо бы подготовиться», дети, информация. Наряду с конкретными ассоциациями присутствует выраженный эмоциональный компонент и ориентация на здоровье.

• Интерпретация: мужчины ассоциируют готовность с наличием конкретных предметов и алгоритмов. Женщины – с наличием знаний и внутренней психологической готовностью, что часто сопровождается тревогой о недостижимости идеальной подготовленности.

Заключение

Выводы:

1. Проведенный ассоциативный эксперимент выявил статистически значимые гендерные различия в восприятии рисков ЧС. Полученные данные подтверждают гипотезу исследования.

2. Структура восприятия мужчин является более инструментальной и аналитической. Их ассоциативное поле риска организовано вокруг категорий анализа, контроля и конкретных действий. Это соответствует мужской социальной роли, предполагающей активное преобразование опасной ситуации.

3. Структура восприятия женщин является более эмоциональной и социально-ориентированной. Их ассоциативное поле акцентирует переживание угрозы, ее последствия для семьи и детей. Это согласуется с женской социальной ролью хранительницы очага и первичного опекуна.

Выявленные различия носят не абсолютный, но ярко выраженный вероятностный характер и должны учитываться как значимый фактор при построении коммуникации.

На основе результатов исследования предлагаются следующие меры для гендерно-ориентированного подхода в обучении и информировании:

1. Для аудитории женщин: Фокус на защите семьи: использовать слоганы и образы, апеллирующие к заботе о детях и близких. Пример: «Ваши правильные действия – залог безопасности вашей семьи». Эмоциональная валидация и снятие тревоги: признавать нормальность чувства страха и предлагать простые, пошаговые инструкции, которые дают ощущение контроля. Избегать откровенно устрашающих образов. Акцент на знаниях и навыках: подавать информацию как инструмент для обретения уверенности и спокойствия. Пример: «Пройти инструктаж – значит обрести уверенность в безопасности дома».

2. Для аудитории мужчин: Фокус на эффективности и контроле: представлять действия в ЧС как техническую задачу, требующую смекалки, решительности и правильного алгоритма. Пример: «Рассчитайте пути эвакуации заранее. Будьте хозяином положения». Использование технологических аналогий: объяснять правила поведения через аналогии с механизмами, спортом или управлением сложными системами. Акцент на инструментах и практических навыках: сделать главным содержанием сообщений конкретные действия и необходимое оборудование (тревожный чемодан, огнетушитель, план эвакуации).

Учет выявленных гендерных особенностей восприятия рисков позволит создавать более адресные и, следовательно, более эффективные коммуникационные кампании, направленные на формирование культуры безопасности среди населения. Это будет способствовать повышению уровня готовности различных социальных групп к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Список литературы

1. Абакумова О.В., Ахутина Т.В., Базылев В.Н. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): колл. моногр. Под ред. И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой, Е.Ю. Мягковой. М.: Институт языкознания, 2021. 626 с.
2. Бем С.Л. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
3. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. 320 с.
4. Бэсс Д. Эволюционная психология: Психология развития. М.: Эксмо, 2020. 576 с.
5. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. М.: Институт языкознания РАН; Харьков: Изд-во НТУ «ХПИ», 2003. 236 с.
6. Давидсон Д.Дж., Фройденбург У.Р. Гендерные различия в восприятии экологических рисков: обзор и анализ существующих исследований // Environment and behavior. 1996. Т. 28. № 3. С. 302-339.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 382 с.
8. Игл Э.Х. Половые различия в социальном поведении: интерпретация с позиций социальных ролей. Хиллсдейл: Эрлбаум, 1987. 192 с.
9. Игл Э.Х., Вуд В. Психология гендера. 2-е изд. Нью-Йорк: The Guilford Press, 2013. 272 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. – М.: Помовский и партнеры, 1994. С. 5-18.
11. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 210 с.
12. Крюгер Д.Дж., Нессе Р.М. Эволюционная психология половых различий в пространственных способностях // Personality and individual differences. 2006. Т. 40. № 3. С. 497-509.

13. Кузина О.А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2006. 22 с.
14. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975. 253 с.
15. Мухамадеев, Р.Р., Иванова, А.С. Гендерные особенности восприятия рисков природного и техногенного характера // Проблемы анализа риска. 2019. Т. 16. № 4. С. 56-67.
16. Словик П. Восприятие риска. Л: Earthscan Publications, 2000. 473 с.
17. Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в общении. Нью-Йорк: William Morrow, 1990. 324 с.
18. Уфимцева, Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 135-170.
19. Шойгу Ю.С., Воронова М.В., Кабаева М.М. Психология безопасности. М.: МЧС России, 2014. 280 с.
20. Юнг К.Г. Исследования по словесным ассоциациям. Л.: Рутледж, 2018. 608 с.

Gender differences in the perception of emergency risks: data from an associative experiment

Oksana A. Kuzina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages
Lieutenant General D.I. Mikhaylik Academy of Civil Protection of the Russian Ministry of Emergency Situations
Balashikha, Russia
oksana_kuzina@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Ekaterina S. Rodchenkova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Lieutenant General D.I. Mikhaylik Academy of Civil Protection of the Russian Ministry of Emergency Situations
Balashikha, Russia
e.rodchenkova@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Anna M. Pominova

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages
Lieutenant General D.I. Mikhaylik Academy of Civil Protection of the Russian Ministry of Emergency Situations
Balashikha, Russia
kazakova@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Svetlana A. Kazakova

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages
Lieutenant General D.I. Mikhaylik Academy of Civil Protection of the Russian Ministry of Emergency Situations
Balashikha, Russia
kazakova@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 25.11.2025

Accepted 16.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 35.81/84

DOI 10.25726/o1555-1917-0481-u

EDN OWKMWX

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article presents the results of a study on the gender-specific perception of emergency risks using the free associative experiment method. The aim of the work was to identify differences in the structure and content of associative fields related to the concepts of risk and safety in men and women. The experiment involved 50 respondents (25 men and 25 women) aged 25 to 45, not directly affiliated with the EMERCOM professions. The stimulus material included 3 key concepts (e.g., «danger», «safe place», «emergency preparedness»). Qualitative and frequency analysis of the obtained verbal associations revealed statistically significant differences. Women showed a tendency towards emotionally evaluative and socially oriented responses, emphasizing the consequences of risks for family and loved ones. Men demonstrated a more instrumental and analytical approach, with associations focused on the causes of risks and specific actions to eliminate them. The identified differences are interpreted from the perspectives of evolutionary psychology and social role theory. The results indicate the necessity of considering the gender factor when developing communication strategies for public awareness and training on emergency conduct rules. Practical recommendations for a gender-oriented approach in preventive work are proposed.

Keywords

gender differences, risk perception, emergency, associative experiment, safety, emergency psychology, public awareness.

References

1. Abakumova O.V., Akhutina T.V., Bazylev V.N. Russian psycholinguistics: results and prospects (1966-2021): coll. monograph. Eds. by I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Y. Myagkova. M.: Institute of Linguistics, 2021. 626 p.
2. Boehm S.L. Lenses of gender: The transformation of views on the problem of gender inequality. M.: ROSSPEN, 2004. 336 p.
3. Bern S. Gender psychology. SPb.: Prime-Euroznak, 2007. 320 p.
4. Bass D. Evolutionary psychology: Psychology of development. M.: Eksmo, 2020. 576 p.
5. Goroshko E.I. Linguistic consciousness: a gender paradigm. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Kharkov: Publishing house of NTU «KhPI», 2003. 236 p.
6. Davidson D.J., Freudenburg U.R. Gender differences in environmental risk perception: a review and analysis of existing research // Environment and behavior. 1996. Vol. 28. № 3. pp. 302-339.
7. Zalevskaya A.A. Introduction to psycholinguistics. M.: RGGU, 1999. 382 p.
8. Eagle E.H. Gender differences in social behavior: interpretation from the standpoint of social roles. Hillsdale: Erlbaum, 1987. 192 p.
9. Eagle E.H., Wood V. Psychology of gender. 2nd ed. NY: The Guilford Press, 2013. 272 p.
10. Russian Russian associative dictionary as a new linguistic source and a tool for analyzing linguistic ability. Karaulov Yu.N. Russian associative dictionary. Book 1. M.: Pomovsky and Partners, 1994. pp. 5-18.
11. Kletsina I.S. Gender socialization: a textbook. SPb.: Publishing House of the Herzen Russian State Pedagogical University, 1998. 210 p.
12. Kruger D.J., Nesse R.M. The evolutionary psychology of sex differences in spatial abilities // Personality and individual differences. 2006. Vol. 40. № 3. pp. 497-509.

13. Kuzina, O. A. Semantic and associative fields of tourism as a reflection of fragments of linguistic consciousness and worldviews of Russians, Germans and Americans: dis. ... cand. of philology. Barnaul: Altai State University, 2006. 22 p.
14. Luria A.R. Basic problems of neuro-linguistics. M.: Publishing House of Moscow State University, 1975. 253 p.
15. Mukhamadeev, R.R., Ivanova, A.S. Gender-specific perception of natural and man-made risks // Problems of risk analysis. 2019. Vol. 16. № 4. pp. 56-67.
16. Slovik P. Perception of risk. Leningrad: Earthscan Publications, 2000. 473 p.
17. Tannen D. You just don't understand me: Women and men in communication. NY: William Morrow, 1990. 324 p.
18. Ufimtseva, N.V. Ethnic character, self-image and linguistic consciousness of Russians // Linguistic consciousness: formation and functioning. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1998. pp. 135-170.
19. Shoigu Yu.S., Voronova M.V., Kabaeva M.M. Psychology of safety. M.: Ministry of Emergency Situations of Russia, 2014. 280 p.
20. Jung K.G. Research on verbal associations. L.: Routledge, 2018. 608 p.

Современные методики обучения тактике применения беспилотных воздушных средств в условиях изменяющейся оперативной обстановки

Кирилл Вячеславович Толстоухов

Старший преподаватель кафедры Тактико-специальной подготовки
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
Ставрополь, Россия
Tolstouhov-kiril@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Андрей Романович Шориков

Преподаватель кафедры Деятельности ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
Москва, Россия
Shorikov.andr@yandex.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Станислав Владимирович Кудрявцев

Старший преподаватель кафедры Тактико-специальной, огневой и физической подготовки
Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя
Старотеряево, Московская область
stas1990st@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Людмила Вячеславовна Тарасова

Кандидат социологических наук, преподаватель кафедры Обеспечения безопасности на объектах транспорта
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилин
Белгород, Россия
mila_vt@mail.ru
ORCID 0000-0002-3446-1345

Поступила в редакцию 12.11.2025

Принята 18.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 37.001

DOI 10.25726/o8911-3773-8449-b

EDN OIRYMY

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье анализируется проблема подготовки операторов беспилотных воздушных средств к выполнению задач мониторинга и оперативного сопровождения сотрудников МВД в городской среде, где результативность определяется не столько навыками пилотирования, сколько развитием антиципации, ситуационной осведомленности, способности фильтровать информационный шум и принимать решения при дефиците времени и при попытках противодействия со стороны правонарушителей (радиопомехи,

GPS-спуфинг, маскировка). Обоснована ограниченность традиционных линейных программ, формирующих фрагментарное профессиональное сознание и провоцирующих когнитивную перегрузку с туннельным эффектом восприятия. Предложена и проверена методика адаптивного сценарного моделирования, при которой интеллектуализированный симулятор динамически изменяет сложность вводных (помехи связи, погодные факторы, плотная застройка, регламентные ограничения полета, отказы навигации) в зависимости от текущей успешности обучающегося, поддерживая тренировку в зоне оптимальной трудности; дополнительно используется рефлексивный дебрифинг на основе видеофиксации и анализа траектории взгляда. Сопоставление с традиционным обучением на выборках равной численности демонстрирует выраженное улучшение прикладных показателей: сокращение времени обнаружения объекта наблюдения с 18,42 до 12,15 с, уменьшение реакции на отказ навигации с 5,87 до 3,22 с, снижение критических ошибок с 3,12 до 1,45 на 10 вылетов и рост успешности оперативной задачи с 0,642 до 0,815; одновременно возрастает устойчивость к информационному шуму (с 5,34 до 7,89 балла) и снижается вариативность результатов, что указывает на повышение стабильности навыка. Психофизиологический мониторинг (вариабельность ритма, тремор, пульс) выявляет меньшую «цену» деятельности в стрессовой фазе, а отсроченная проверка через три месяца фиксирует более высокое сохранение интегративных компетенций (85–94% против 59,8–78,3%). Показана интенсификация подготовки: уменьшение требуемого налета до квалификационного уровня с 48,5 до 31,2 часа, рост успешных вылетов на 10 часов практики с 6,4 до 11,8 и снижение ранней аварийности с 28,4% до 12,7%, что интерпретируется как формирование ситуационной пластичности и переход к параллельной обработке оперативно значимой информации.

Ключевые слова

беспилотные воздушные средства, адаптивное сценарное моделирование, ситуационная осведомленность, антиципация, рефлексивный дебрифинг.

Введение

Цифровизация обеспечения общественного порядка и развитие средств наблюдения приводят к тому, что беспилотные воздушные средства (БВС) становятся повседневным инструментом органов внутренних дел при решении городских задач: патрулирование и мониторинг массовых мероприятий, поиск пропавших, фиксация дорожно-транспортных происшествий, контроль труднодоступных участков, оперативная поддержка нарядов и документирование правонарушений. Городская среда отличается высокой динамикой и насыщенностью источниками информации: плотная застройка, отражения радиосигналов, ограниченные зоны полетов, множество движущихся объектов и необходимость постоянного взаимодействия с дежурными службами. В таких условиях критическим фактором становится не только точность управления платформой, но и способность оператора быстро формировать целостную картину ситуации и принимать решения при дефиците времени.

Сложность подготовки специалистов данного профиля усиливается тем, что оператор БВС одновременно контролирует параметры полета, данные целевой нагрузки, цифровую карту и каналы связи, а также соблюдение регламентов безопасности и требований к защите персональных данных. Пиковая нагрузка при внезапной смене вводных (потеря связи, появление нескольких объектов интереса, запрос на смену района, попытки сокрытия со стороны правонарушителей) может приводить к когнитивной перегрузке и туннельному эффекту восприятия. Традиционные последовательные программы, ориентированные на отработку отдельных навыков в «чистых» условиях, часто формируют фрагментарное профессиональное сознание и не обеспечивают устойчивого переноса умений в реальную оперативно-служебную обстановку.

Разработка и внедрение современных методик обучения тактике применения БВС в деятельности ОВД требует междисциплинарного подхода, объединяющего педагогические решения, инженерную психологию, когнитивную науку и требования правового регулирования. Тренировочная среда должна воспроизводить вариативность городских сценариев и управляемо создавать стрессогенные факторы (информационный шум, ограничения по времени, помехи связи и навигации),

позволяя формировать антиципацию и ситуационную осведомленность. При этом роль преподавателя смещается от трансляции алгоритмов к модерации сценариев и анализу когнитивных стратегий обучающихся.

Анализ опыта подготовки операторов беспилотных систем в ведомственных образовательных организациях показывает, что наибольший эффект дают сценарно-ориентированные программы с элементами геймификации и соревновательности, встроенными в реалистичный контекст городской службы. Однако для их устойчивого внедрения требуется научно обоснованная модель, объясняющая, как вариативность задач и интенсивность информационного потока влияют на скорость формирования мастерства и на сохранение компетенций во времени. Настоящее исследование направлено на оценку одной из таких моделей — адаптивного сценарного моделирования.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужил образовательный процесс в образовательной организации, осуществляющей подготовку специалистов по эксплуатации беспилотных авиационных систем для решения задач обеспечения общественной безопасности. В эксперименте, который проводился в течение трех семестров (18 месяцев), приняли участие 342 курсанта 3–4 курсов. Выборка была разделена на контрольную группу (КГ, $n=171$) и экспериментальную группу (ЭГ, $n=171$), которые были выравнены по исходному уровню успеваемости, психофизиологическим показателям и предварительному опыту управления БВС. Методологическую основу исследования составил компетентностный и контекстный подходы, предполагающие погружение обучающихся в квазипрофессиональную деятельность с самого начала специализации (Рябухин, 2025). Для сбора данных использовался комплекс методов: лонгитюдное наблюдение, анализ результатов выполнения сценарных задач на симуляторах, психофизиологический мониторинг (частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, айтрекинг) и экспертная оценка решений.

В контрольной группе обучение строилось по традиционной программе, включающей лекционные курсы, практические занятия на тренажерах с фиксированным набором сценариев и летную практику в выделенных учебных зонах, имитирующих городскую застройку. В экспериментальной группе была внедрена разработанная методика адаптивного сценарного моделирования. Суть методики заключалась в использовании динамически изменяемых вводных в процессе тренажерной подготовки, где интеллектуальный модуль симулятора подстраивал сложность факторов оперативной обстановки (помехи связи, эффекты «городского каньона», погодные условия, ограничения по высоте и маршрутам, случайные отказы навигации, появление ложных объектов) под текущий уровень успешности курсанта, поддерживая его в зоне ближайшего развития (Гилев, 2025). Кроме того, в ЭГ применялись методы рефлексивного дебрифинга с использованием видеофиксации действий и анализа траектории взгляда оператора. Весь массив данных, полученный в ходе эксперимента (более 15 000 учебных эпизодов), был подвергнут математической обработке.

Статистический анализ результатов проводился с использованием параметрических и непараметрических критериев. Для оценки достоверности различий между группами применялся t -критерий Стьюдента для независимых выборок и U -критерий Манна–Уитни для показателей, не подчиняющихся нормальному распределению. Корреляционный анализ использовался для выявления связей между когнитивными характеристиками обучающихся и успешностью выполнения задач в виртуальной среде. Оценка надежности полученных данных проверялась через расчет коэффициента альфа Кронбаха для использованных тестов и опросников (Жилин, 2025). Также анализировались временные ряды показателей успешности для определения динамики формирования устойчивых навыков. Особое внимание уделялось анализу ошибок, классифицируемых на ошибки восприятия, ошибки принятия решений и ошибки моторного исполнения.

Результаты и обсуждение

Проблема формирования тактического мышления оператора БВС в деятельности ОВД связана с уровнем ситуационной осведомленности и скоростью реакции на нештатные изменения оперативной

обстановки. В ходе исследования было выявлено, что ключевым маркером профессионализма является не столько отсутствие ошибок, сколько время, затрачиваемое на их идентификацию и коррекцию, а также способность сохранять функциональность системы управления под воздействием внешних возмущающих факторов. Мы сосредоточили анализ на сравнении показателей эффективности выполнения задач в условиях, имитирующих динамичную городскую ситуацию: информационный шум, помехи связи и навигации, внезапные изменения метеоусловий и необходимость оперативного взаимодействия с наземными нарядами. Выбор этих параметров обусловлен тем, что они создают максимальную когнитивную нагрузку и наиболее часто приводят к потере аппарата или невыполнению задания при реальных выездах. Данные, отражающие динамику изменения коэффициента эффективности и времени принятия решения в критических ситуациях, представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ эффективности выполнения оперативно-служебных задач и временных показателей принятия решений в контрольной и экспериментальной группах

Показатель	Контрольная группа (M ± m)	Экспериментальная группа (M ± m)	Различие (%)	t-критерий
Среднее время обнаружения объекта наблюдения (сек)	18,42 ± 1,15	12,15 ± 0,87	-34,04	4,32
Коэффициент успешности оперативной задачи (в у.е. от 0 до 1)	0,642 ± 0,023	0,815 ± 0,019	+26,95	5,78
Время реакции на отказ навигации (сек)	5,87 ± 0,44	3,22 ± 0,28	-45,14	5,11
Количество критических ошибок на 10 вылетов	3,12 ± 0,35	1,45 ± 0,21	-53,52	4,05
Устойчивость к информационному шуму (баллы, макс. 10)	5,34 ± 0,22	7,89 ± 0,18	+47,75	8,92

Представленные числовые данные демонстрируют существенное преимущество курсантов, обучавшихся по экспериментальной методике, практически по всем измеряемым параметрам. Математический анализ разброса значений показывает, что в экспериментальной группе наблюдается значительно меньшая дисперсия показателей (стандартное отклонение ниже на 38,4%), что свидетельствует о более высокой однородности уровня подготовки и стабильности сформированных навыков. Примечательно резкое сокращение времени реакции на отказ навигации — почти в два раза. Это объясняется тем, что в рамках адаптивного сценарного моделирования подобные отказы генерировались системой случайно, но с высокой частотой, что позволило перевести алгоритм действий при аварии из области осознанного перебора вариантов в область автоматизированных схем реагирования. Статистическая значимость различий подтверждается высокими значениями t-критерия ($p < 0,001$), что исключает вероятность случайного характера полученных результатов (Чичиков, 2025). Корреляционный анализ внутри экспериментальной группы выявил сильную отрицательную связь ($r = -0,78$) между временем обнаружения объекта наблюдения и устойчивостью к информационному шуму, что подтверждает гипотезу о том, что способность фильтровать нерелевантные данные напрямую ускоряет процесс выделения объекта и передачи ориентировок.

Вторым важным аспектом исследования стала оценка психофизиологической «цены» деятельности операторов. Длительное нахождение в состоянии гипермобилизации истощает нервную систему и приводит к снижению внимания, что особенно критично при продолжительных городских дежурствах и мониторинге больших территорий. Нами была проведена серия замеров физиологических показателей в ходе длительных (более 4 часов) симуляций патрулирования, сопровождения наземных нарядов и фиксации инцидентов. Сравнение проводилось по интегральному индексу стресса, рассчитываемому на основе вариабельности сердечного ритма (индекс Баевского) и частоты тремора

рук при выполнении точных маневров. Важно было понять, насколько новая методика позволяет оператору экономно расходовать психофизиологические ресурсы, сохраняя высокую работоспособность на протяжении всего задания (Жилин, 2025). Результаты мониторинга функционального состояния курсантов в динамике выполнения сложной полетной задачи отражены в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Динамика психофизиологических показателей напряженности труда операторов на различных этапах выполнения полетного задания

Этап выполнения задания	Индекс напряжения (КГ), у.е.	Индекс напряжения (ЭГ), у.е.	Тремор (КГ), мм/сек	Тремор (ЭГ), мм/сек	Средний пульс (КГ), уд/мин	Средний пульс (ЭГ), уд/мин
Взлет и выход в район патрулирования	145,3 ± 12,1	112,4 ± 9,8	0,85 ± 0,04	0,62 ± 0,03	94,5 ± 2,3	82,1 ± 1,9
Мониторинг (штатная обстановка)	118,7 ± 10,5	95,2 ± 8,4	0,64 ± 0,03	0,51 ± 0,02	88,3 ± 2,1	76,4 ± 1,5
Оперативное реагирование (стресс-фактор)	289,6 ± 21,4	198,3 ± 15,7	1,94 ± 0,12	1,15 ± 0,08	128,7 ± 4,5	105,2 ± 3,2
Возвращение и посадка	176,2 ± 14,3	124,5 ± 10,2	1,12 ± 0,07	0,74 ± 0,05	102,4 ± 2,8	85,6 ± 2,1

Детальный анализ представленных физиологических метрик выявляет качественные различия в механизмах адаптации курсантов к стрессовой нагрузке. В контрольной группе наблюдается резкий рост индекса напряжения в фазе оперативного реагирования, достигающий значений, близких к пределу адаптационных возможностей организма (289,6 у.е.), что сопровождается значительным увеличением амплитуды тремора. Это физиологическое «дребезжание» накладывается на точность управления и приводит к микроошибкам пилотирования. В экспериментальной группе прирост напряжения также фиксируется, что естественно для работы в условиях дефицита времени, однако он носит более сглаженный характер, и пиковые значения остаются в пределах контролируемого функционального состояния (198,3 у.е.). Разница в показателях пульса в стрессовой фазе составляет более 23 ударов в минуту, что является существенным ресурсом для сердечно-сосудистой системы. Это свидетельствует о том, что методика вариативного обучения сформировала у курсантов ЭГ устойчивые стратегии саморегуляции и уверенности в действиях, позволяя воспринимать сложную ситуацию как решаемую профессиональную задачу. Снижение тремора в ЭГ на 40,7% в критической фазе прямо коррелирует с данными табл. 1 по точности выполнения задач.

Особый интерес для педагогического анализа представляет вопрос сохранения сформированных компетенций во времени. Часто наблюдается феномен быстрой деградации сложных навыков при отсутствии постоянной практики. Для проверки устойчивости образовательных результатов было проведено отсроченное тестирование через 3 месяца после окончания активной фазы обучения, без предварительной подготовки и повторения материала. Курсантам были предложены сценарии, требующие нестандартного мышления и интеграции знаний из смежных областей (метеорология, криминалистика, топография и связь). Мы оценивали не только итоговый результат, но и структурную целостность выполнения алгоритмов, выявляя, какие элементы подготовки подверглись наибольшей эрозии. Сравнительные данные по результатам отсроченного контроля представлены далее (табл. 3).

Таблица 3. Результаты отсроченного тестирования уровня сформированности оперативно-служебных компетенций (через 3 месяца после обучения)

Компетенция	Средний балл КГ (из 100)	Средний балл ЭГ (из 100)	Процент сохранения навыка (КГ)	Процент сохранения навыка (ЭГ)	Дельта эффективности
Построение маршрута скрытного наблюдения	62,4 ± 3,1	84,7 ± 2,4	72,1	91,4	+22,3
Взаимодействие с наземными нарядами	58,1 ± 3,5	81,3 ± 2,8	65,4	88,2	+23,2
Дешифровка объектов (тепловизор)	71,5 ± 2,9	89,6 ± 1,7	78,3	94,1	+18,1
Анализ метеоусловий	65,8 ± 3,2	86,2 ± 2,1	74,5	92,5	+20,4
Принятие решения на отмену вылета	54,2 ± 4,1	79,5 ± 3,3	59,8	85,3	+25,3

Математическая интерпретация данных отсроченного тестирования выявляет фундаментальное различие в природе сформированных знаний. В контрольной группе наблюдается неравномерное угасание навыков: наиболее сильно пострадали компетенции, требующие сложного синтеза информации и волевого решения (например, решение на отмену вылета — падение до 59,8% от исходного уровня). Это указывает на то, что знания были усвоены преимущественно на уровне репродуктивной памяти, чувствительной к фактору времени (Жаринов, 2025). В экспериментальной группе процент сохранения навыков стабильно высок и варьируется в диапазоне 85–94%. Разрыв в эффективности (дельта) достигает максимальных значений именно в сложных процедурах, связанных с анализом обстановки и управлением рисками. Это позволяет утверждать, что проблемно-деятельностный подход и эмоциональное вовлечение в процесс симуляции способствовали консолидации следов памяти и переводу навыков в долговременные когнитивные структуры. Высокий уровень сохранения навыка дешифровки объектов в ЭГ (94,1%) также свидетельствует о развитии профессиональной наблюдательности и устойчивых перцептивных схем.

Четвертым вектором анализа стала оценка эффективности учебного процесса, выраженная через условный показатель «стоимость одного успешного оперативного эпизода». Под оперативным эпизодом понимается комплекс действий, приведших к обнаружению и документированию события, установлению местонахождения разыскиваемого лица либо подтверждению отсутствия угроз в заданном районе в виртуальной среде, соотнесенный с затраченным учебным временем. Хотя показатель является расчетным, он дает представление об интенсивности освоения материала. В современной педагогике вопрос оптимизации временных затрат на подготовку специалиста стоит крайне остро. Мы попытались количественно измерить, насколько внедрение интенсивных методов позволяет сократить время выхода курсанта на устойчивый уровень качества. Результаты расчета эффективности использования учебного времени и ресурсных затрат отражены в заключительной таблице раздела (табл. 4).

Таблица 4. Показатели интенсивности обучения и расчетной эффективности подготовки одного специалиста

Критерий оценки	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Соотношение (ЭГ/КГ)
Среднее количество часов налета до 1 уровня квалификации	48,5 час	31,2 час	0,64

Количество успешных вылетов на 10 часов практики	6,4 миссии	11,8 миссий	1,84
Процент аварийности на начальном этапе	28,4%	12,7%	0,45
Усредненная скорость роста рейтинга (баллов/неделю)	14,2 балла	26,5 балла	1,86
Индекс комплексной эффективности обучения	1,00 (базовый)	2,14	2,14

Анализ интегральных показателей эффективности демонстрирует почти двукратное превосходство экспериментальной методики (индекс 2,14). Сокращение необходимого налета для достижения квалификационного уровня с 48,5 до 31,2 часов не означает упрощения программы, а свидетельствует о повышении плотности учебной информации. Курсант ЭГ за один час тренажерной подготовки сталкивается с таким количеством вводных и принимает такое количество решений, на которое у курсанта КГ уходит почти два часа (Ласточкин, 2025). Коэффициент соотношения успешных вылетов (1,84) подтверждает, что интенсивность тренировок переходит в качество. Снижение аварийности на начальном этапе более чем в два раза (с 28,4 до 12,7%) имеет не только педагогическое, но и практическое значение, так как снижает риски потери дорогостоящей техники при переходе к полетам на реальной материальной части. Математическая модель роста рейтинга в ЭГ близка к экспоненциальной на первых этапах с последующим выходом на плато мастерства, в то время как в КГ рост линейен и более полог. Это подтверждает теорию о том, что раннее погружение в сложную и вариативную среду форсирует формирование устойчивых когнитивных и моторных связей, необходимых для профессиональной деятельности.

Комплексное рассмотрение всего массива полученных эмпирических данных позволяет констатировать качественный сдвиг в структуре профессиональной компетентности обучающихся, прошедших подготовку по экспериментальной программе. Мы наблюдаем не просто улучшение отдельных метрик, а формирование целостной системы оперативного поведения. Данные таблиц взаимно подтверждают и дополняют друг друга: снижение физиологического стресса (табл. 2) обеспечивает когнитивный ресурс для быстрого принятия решений (табл. 1), что в свою очередь ведет к высокой результативности вылетов (табл. 4) и прочному закреплению навыков (табл. 3). Феномен «сжатия времени» при принятии решений, зафиксированный в исследовании, является следствием перехода от последовательной обработки информации к более параллельной, характерной для экспертного уровня владения деятельностью.

Выявленная устойчивость навыков к временной эрозии и стрессовым факторам указывает на глубокую интериоризацию сценарных схем. Обучающиеся экспериментальной группы демонстрируют признаки «ситуационной пластичности» — способности быстро перестраивать план действий без потери контроля над обстановкой (Гущина, 2025). Традиционная модель обучения, как показали результаты контрольной группы, создает базу для выполнения штатных процедур, но оставляет оператора уязвимым перед лицом неопределенности и резких изменений вводных. Разрыв в показателях между группами имеет тенденцию к увеличению по мере усложнения задач, что говорит о кумулятивном эффекте примененных педагогических воздействий. Важно отметить, что высокая интенсивность обучения в ЭГ не привела к эмоциональному выгоранию; напротив, субъективная удовлетворенность процессом обучения у курсантов этой группы была выше, что подтверждается данными анкетирования и низким уровнем пропусков занятий.

Заключение

Анализ трансформации образовательных траекторий в сфере подготовки операторов беспилотных систем для органов внутренних дел подтверждает необходимость пересмотра дидактических подходов к формированию оперативного мышления. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что интеграция адаптивных сценарных моделей и интеллектуальных

тренажеров позволяет повысить качество выполнения задач городского мониторинга и оперативного сопровождения: возрастает результативность, сокращается время распознавания объектов и ускоряется реагирование на технические отказы и помехи.

Педагогическая ценность выявленных закономерностей заключается в доказательстве того, что стрессоустойчивость и скорость реакции являются тренируемыми качествами, поддающимися целенаправленному формированию через создание вариативных учебных сред. Снижение психофизиологической «цены» деятельности, зафиксированное в исследовании, открывает возможности для повышения надежности работы операторов при длительных сменах и высокой интенсивности городских задач, а также для уменьшения рисков аварийных ситуаций.

Развитие системы подготовки специалистов беспилотной авиации в МВД России целесообразно связывать с дальнейшей интеллектуализацией обучающих систем и расширением банка сценариев, отражающих типовые и редкие городские инциденты. Перспективным видится создание единого информационно-образовательного пространства, в котором данные анализа реальных происшествий и учебных разборов оперативно трансформируются в новые сценарии тренажеров, обеспечивая непрерывную актуализацию контента. Важно также расширять спектр оцениваемых параметров, включая взаимодействие оператора с дежурной частью и наземными нарядами, а также соблюдение регламентов безопасности полетов и требований к защите данных. Результаты исследования могут служить основой для уточнения квалификационных требований и стандартов подготовки следующего поколения.

Список литературы

1. Гилев И.В., Шохнина М.А. Концепция комплексной системы выявления беспилотных летательных аппаратов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2025. № 11-2. С. 54–60.
2. Григорьев А.Н., Архипов С.И. Применение беспилотных летательных аппаратов для проведения разведки и тушения пожара // Экономика и безопасность. 2025. № 8. С. 123-125.
3. Гущина Д.А. Подход к расчету вероятности поражения беспилотных летательных аппаратов класса мини и микро с учетом ошибок экстраполяции // Вестник воздушно-космической обороны. 2025. № 3(47). С. 27–33.
4. Долгих Д.Ю., Жилин Р.А. Проблемные вопросы организации противодействия авиационной технике (беспилотным авиационным системам гражданского назначения) // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2025. № 11-3. С. 195-197.
5. Долженков Н.Н., Чунихин А.Е., Воронов В.В., Бадеха А.И. Интеллектуальные технологии и изменение подходов к созданию новых поколений беспилотных авиационных комплексов // Вооружение и экономика. 2025. № 3 (73). С. 43-52.
6. Дронова О.Б. Системный подход к использованию беспилотных воздушных судов в качестве технико-криминалистического средства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3(74). С. 109-116.
7. Жаринов Ю.А., Левина Т.М., Латыпов Р.Р. Создание виртуального тренажера беспилотного летательного аппарата // Наука и бизнес: пути развития. 2025. № 8(170). С. 48-51.
8. Жилин Р.А. Развитие систем противодействия беспилотной авиационной технике // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2025. № 11-3. С. 198–201.
9. Жилин Р.А., Носов С.А. Анализ перспективных средств противодействия авиационной технике (беспилотным авиационным системам гражданского назначения) // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2025. № 11-3. С. 202-205.
10. Ласточкин С.Г., Захаров М.Ю., Маленков К.В. Порядок подготовки военнослужащих к выполнению задач по огневому поражению беспилотных летательных аппаратов из стрелкового оружия // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2025. № 4(36). С. 436-445.

11. Литвинов Д.В., Савченко К.И. Эффективность применения беспилотных разведывательно-ударных комплексов в антитеррористических операциях // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2025. № 11-3. С. 237-244.
12. Рябухин П.Б., Юрченко А.Ю., Григорьева О.И. Исследование специализированного оборудования и программного обеспечения для обработки данных при дендрометрии с использованием беспилотных летательных аппаратов // Безопасность и охрана труда в лесозаготовительном и деревообрабатывающем производствах. 2025. № 6(24). С. 23-29.
13. Самарин И.В., Гуськов М.А., Строгонов А.Ю., Глущенко Н.В., Белик А.Н. Разработка VR-симулятора по управлению беспилотным воздушным судном на объектах нефтегазового комплекса // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2025. № 6(327). С. 52-59.
14. Терентьев Д.Е., Соколов Н.В. Применение принципов и методов системной инженерии в разработке информационной системы для обучения управлению беспилотными авиационными системами // Дневник науки. 2025. № 8(104). С. 22-31.
15. Чичиков М.В., Жилин Р.А., Ахлюстин С.Б. Основные угрозы, связанные с противоправным применением авиационной техники (беспилотных авиационных систем гражданского назначения) // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2025. № 11-2. С. 148-151.

Modern methods of training in the tactics of employing unmanned aerial vehicles in conditions of changing operational environment

Kirill V. Tolstoukhov

Senior lecturer at the Department of Tactical and Special Training
Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Stavropol, Russia
Tolstoukhov-kiril@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Andrey R. Shorikov

Lecturer of the Department of Internal Affairs Activities in special conditions of the educational and scientific complex of special training
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russia
Shorikov.andr@yandex.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Stanislav V. Kudryavtsev

Senior lecturer at the Department of Tactical, Special, Fire and Physical Training
Moscow Regional Branch of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Staroteryaev, Moscow region
stas1990st@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Lyudmila V. Tarasova

Candidate of Sociological Sciences, Lecturer at the Department of Safety at Transport Facilities
I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Belgorod, Russia
mila_vt@mail.ru
ORCID 0000-0002-3446-1345

Received 12.11.2025

Accepted 18.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 37.001

DOI 10.25726/o8911-3773-8449-b

EDN OIRYMY

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article examines the problem of training unmanned aerial vehicle operators to support urban public-safety tasks carried out by police units, where effectiveness depends not only on piloting skills but also on anticipation, situational awareness, the ability to filter informational noise, and decision-making under time pressure and deliberate counteractions by offenders (communication interference, GPS spoofing, concealment). The limitations of traditional linear programs are shown: they often produce fragmented professional thinking and cognitive overload with a tunnel-vision effect. An adaptive scenario-modeling method is proposed and tested, in which an intelligent simulator dynamically changes the complexity of inputs (communication interference, weather factors, dense urban environment, regulatory flight constraints, navigation failures) depending on the trainee's current performance, keeping training within an optimal difficulty zone; reflexive debriefing based on video review and eye-tracking analysis is also used. Compared with traditional training (equal-size samples), applied indicators improve markedly: the time to detect an object of interest decreases from 18,42 to 12,15 s, reaction to navigation failure decreases from 5,87 to 3,22 s, critical errors drop from 3,12 to 1,45 per 10 flights, and overall task success increases from 0.642 to 0.815; resilience to informational noise rises (from 5.34 to 7.89 points) and performance variability decreases, indicating higher skill stability. Psychophysiological monitoring (heart rate variability, tremor, pulse) shows a lower "cost" of activity in the stress phase, while delayed testing after three months records higher retention of integrative competencies (85–94% versus 59,8–78,3%). Training intensification is demonstrated: the required flight time to reach the qualification level decreases from 48.5 to 31.2 hours, successful flights per 10 hours of practice increase from 6,4 to 11,8, and early accident rate decreases from 28,4% to 12,7%, which is interpreted as the formation of situational plasticity and a shift toward parallel processing of operationally relevant information.

Keywords

unmanned aerial vehicles, adaptive scenario modeling, situational awareness, anticipation, reflexive debriefing.

References

1. Gilev I.V., Shokhnina M.A. The concept of an integrated system for detecting unmanned aerial vehicles // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2025. № 11-2. pp. 54-60.
2. Grigoriev A.N., Arkhipov S.I. The use of unmanned aerial vehicles for reconnaissance and fire extinguishing // Economics and security. 2025. № 8. pp. 123-125.
3. Gushchina D.A. An approach to calculating the probability of damage to unmanned aerial vehicles of the mini and micro class, taking into account extrapolation errors // Bulletin of aerospace defense. 2025. № 3(47). pp. 27-33.
4. Dolgikh D.Yu., Zhilin R.A. Problematic issues of the organization of counteraction to aviation technology (unmanned aircraft systems for civil purposes) // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2025. № 11-3. pp. 195-197.
5. Dolzhenkov N.N., Chunikhin A.E., Voronov V.V., Badekha A.I. Intelligent technologies and changing approaches to the creation of new generations of unmanned aircraft systems // Armament and economics. 2025. № 3(73). pp. 43-52.

6. Dronova O.B. A systematic approach to the use of unmanned aircraft as a technical and forensic tool // Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia bulletin. 2025. № 3(74). pp. 109-116.
7. Zharinov Yu.A., Levina T.M., Latypov R.R. Creation of a virtual simulator of an unmanned aerial vehicle // Science and business: ways of development. 2025. № 8(170). pp. 48-51.
8. Zhilin R.A. Development of systems for countering unmanned aerial vehicles // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2025. № 11-3. pp. 198-201.
9. Zhilin R.A., Nosov S.A. Analysis of promising means of countering aviation technology (unmanned civil aviation systems) // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2025. № 11-3. pp. 202-205.
10. Lastochkin S.G., Zakharov M.Yu., Malenkov K.V. The procedure for training military personnel to perform fire missions against unmanned aerial vehicles from small arms // Actual problems of military scientific research. 2025. № 4(36). pp. 436-445.
11. Litvinov D.V., Savchenko K.I. The effectiveness of the use of unmanned reconnaissance and strike systems in anti-terrorist operations // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2025. № 11-3. pp. 237-244.
12. Ryabukhin P.B., Yurchenko A.Yu., Grigorieva O.I. Investigation of specialized equipment and software for data processing in dendrometry using unmanned aerial vehicles // Occupational safety and health in logging and woodworking industries. 2025. № 6(24). pp. 23-29.
13. Samarin I.V., Guskov M.A., Strogonov A.Yu., Glushchenko N.V., Belik A.N. Development of a VR simulator for controlling an unmanned aerial vehicle at oil and gas facilities // Environmental protection in the oil and gas complex. 2025. № 6(327). pp. 52-59.
14. Terentyev D.E., Sokolov N.V. Application of principles and methods of system engineering in the development of an information system for teaching control of unmanned aircraft systems // Diary of science. 2025. № 8(104). pp. 22-31.
15. Chichikov M.V., Zhilin R.A., Akhlyustin S.B. The main threats associated with the illegal use of aviation equipment (unmanned civil aviation systems) // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2025. № 11-2. pp. 148-151.

Ассоциативные барьеры в коммуникации между населением и спасателями во время ликвидации ЧС (на примере стихийных бедствий)

Оксана Александровна Кузина

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой Иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Химки, Россия
oksana_kuzina@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Ирина Александровна Байкова

Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Химки, Россия
ira79pb@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Тамара Александровна Романова

Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Химки, Россия
tomrom86@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Вероника Леонидовна Чунова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Иностранных языков
Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
Химки, Россия
nika81stav@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 02.11.2025

Принята 17.12.2025

Опубликована 30.01.2026

УДК 159.9

DOI 10.25726/p4681-5382-1802-d

EDN OWKAOZ

БАК 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Аннотация

В статье рассматривается проблема неэффективной коммуникации между профессиональными спасателями и населением в зоне чрезвычайной ситуации (ЧС) природного характера. Выдвигается гипотеза о том, что одной из ключевых причин коммуникативных сбоев являются семантические расхождения, обусловленные различиями в картинах мира участников взаимодействия. Для проверки гипотезы проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие две группы: сотрудники МЧС (n=30) и граждане, не имеющие опыта работы в структурах МЧС (n=30). Стимульный материал включал 3 ключевых понятия, используемых при оповещении и управлении в условиях ЧС («эвакуация», «следовать указаниям», «безопасность»). В результате качественного и количественного

анализа полученных ассоциативных полей выявлены значительные расхождения в содержании и эмоциональной окраске реакций. Установлено, что для спасателей характерны конкретные, технологичные и алгоритмичные ассоциации, в то время как у населения преобладают эмоционально-негативные, абстрактные и дезорганизирующие реакции. Сделан вывод о наличии устойчивых ассоциативных барьеров. На основе результатов предложены практические рекомендации по совершенствованию системы оповещения и алгоритмов коммуникации для повышения их эффективности и однозначности восприятия населением.

Ключевые слова

ассоциативный эксперимент, коммуникативные барьеры, чрезвычайная ситуация, стихийное бедствие, МЧС, оповещение населения, семантические различия.

Введение

Эффективность ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС), особенно в кратчайшие сроки после их возникновения, напрямую зависит от слаженности взаимодействия между спасательными подразделениями и пострадавшим населением. Критически важным элементом этого взаимодействия является коммуникация. САЭ позволяет реконструировать фрагменты «языковой картины мира» представителей разных социальных групп – спасателей и населения. Картина мира понимается как целостный, исторически сложившийся образ действительности, включающий в себя не только знания, но и способы их восприятия и оценки (Кузина, 2006). Профессиональная деятельность формирует у спасателей специфическую «профессиональную картину мира», которая отличается от обыденной картины мира рядового гражданина. Эти различия, оставаясь неявными в обычной ситуации, становятся критическими в условиях ЧС, когда требуется быстрая и точная передача информации (Абакумова, 2021). Однако на практике нередки случаи, когда четкие, с точки зрения спасателей, указания (например, «немедленно провести эвакуацию по маршруту А») не выполняются или выполняются неверно. Традиционно это объясняется паникой, стрессом или низким уровнем грамотности населения. Вместе с тем недостаточное внимание уделяется глубинной основе коммуникации – совпадению картин мира и семантических полей, стоящих за используемыми понятиями.

Данное исследование направлено на заполнение этого пробела с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), позволяющего выявить имплицитные, неосознаваемые компоненты сознания (Тарабрина, 2009; Шалаев, 2014). Теоретическая основа исследования – свободный ассоциативный эксперимент как метод реконструкции картины мира и выявления коммуникативных барьеров:

1. Лингвистические и психолингвистические основания. Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) является классическим методом в психолингвистике и когнитивной психологии, восходящим к работам К.Г. Юнга и З. Фрейда. Его фундаментальный принцип заключается в том, что реакция испытуемого на слово-стимул не случайна, а детерминирована структурой его индивидуального и коллективного опыта, ценностными установками и эмоциональным состоянием. В основе метода лежит концепция «ассоциативного поля» слова, которое представляет собой совокупность всех смысловых связей, актуализирующихся в сознании носителя языка (Кузина, 2024). Ядро этого поля составляют наиболее частотные и стереотипные реакции, отражающие устойчивые культурные и социальные представления (например, для слова «эвакуация» у спасателей – «план», «маршрут», «организация»). Периферию образуют индивидуальные, уникальные ассоциации, связанные с личным опытом (например, у населения – «паника», «давка», «потеряться»). Эти групповые ассоциативные поля формируют «языковое сознание» – совокупность образов сознания, опосредованных языковыми знаками.

2. Концепция «картины мира» и ее профессиональная специфика. Применительно к проблеме коммуникации в ЧС, САЭ позволяет реконструировать фрагменты «картины мира» представителей разных социальных групп. Картина мира понимается как целостный, исторически сложившийся образ действительности, включающий в себя не только знания, но и способы их

восприятия и оценки. Ключевым для нашего исследования является понятие «профессиональной картины мира», которая формируется в процессе профессиональной социализации и деятельности. Картина мира спасателей (МЧС) характеризуется:

- алгоритмичностью: восприятие ситуации как последовательности задач, требующих решения по отработанным алгоритмам.
- инструментальностью: ориентация на конкретные действия и технические средства.
- деэмоционализацией: сниженная эмоциональная окраска восприятия опасности для обеспечения эффективности действий.
- коллективизмом: понимание себя как части слаженного механизма, где приказы не обсуждаются, а выполняются.

В противоположность этому обыденная картина мира населения отличается:

- Эмоционально-оценочным характером: Доминирование эмоций (страх, паника, беспомощность) над рациональным планом.
- Индивидуализированностью: Ориентация на личное спасение и спасение близких, а не на общий алгоритм.
- Дефицитом оперативных знаний: Отсутствие четких представлений о порядке действий, что порождает неопределенность и тревогу.

3. Коммуникативные барьеры как следствие семантических расхождений. Оставаясь неявными в обычной ситуации, они становятся критическими в условиях ЧС. В этой связи стоит отметить, что коммуникативный барьер возникает тогда, когда за одним и тем же термином или командой (например, «следовать указаниям») у передающей (спасатели) и принимающей (население) стороны стоят разные ассоциативные поля и, следовательно, разные модели поведения. Для спасателя «следовать указаниям» ассоциируется с дисциплиной, порядком, доверием к системе. А для представителя населения это же словосочетание может ассоциироваться с потерей контроля, зависимостью, возможной ошибкой того, кто указывает.

Таким образом, САЭ выступает в качестве инструмента, который позволяет:

1. Объективизировать скрытые смысловые различия в восприятии ключевых концептов.
2. Выявить зоны семантического расхождения, которые могут являться потенциальными коммуникативными барьерами.
3. Понять эмоциональный фон, сопровождающий восприятие тех или иных команд и распоряжений.

Цель исследования: выявить и проанализировать ассоциативные барьеры в коммуникации между населением и спасателями на основе данных свободного ассоциативного эксперимента. Задачи:

1. Провести свободный ассоциативный эксперимент в двух группах: сотрудники МЧС и гражданское население.
2. Выявить ядерные и периферийные элементы ассоциативных полей ключевых концептов оперативной коммуникации.
3. Провести сравнительный анализ ассоциаций для определения зон семантического расхождения.
4. Разработать практические рекомендации по преодолению выявленных барьеров.

Материалы и методы исследования

Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) является классическим методом в психолингвистике и когнитивной психологии, восходящим к работам К.Г. Юнга и З. Фрейда. Его фундаментальный принцип заключается в том, что реакция испытуемого на слово-стимул не случайна, а детерминирована структурой его индивидуального и коллективного опыта, ценностными установками и эмоциональным состоянием (Кузина, 2025). В основе метода лежит концепция «ассоциативного поля» слова, которое представляет собой совокупность всех смысловых связей, актуализирующихся в сознании носителя языка. Ядро этого поля составляют наиболее частотные и стереотипные реакции,

отражающие устойчивые культурные и социальные представления. Периферию образуют индивидуальные, уникальные ассоциации, связанные с личным опытом (Кузина, 2025; Кузина, 2016).

В исследовании приняли участие 60 человек, разделенных на 2 группы:

1. Группа 1 (Профессионалы): 30 сотрудников МЧС (спасатели, пожарные) со стажем работы от 5 лет, имеющих опыт работы в зонах ЧС. Средний возраст – 35 лет.
2. Группа 2 (Население): 30 человек, не имеющих отношения к МЧС и не проходивших специальную подготовку к действиям в ЧС. Средний возраст – 38 лет.

Метод: свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предъявлялся словесный стимул и предлагалось как можно быстрее записать первую пришедшую на ум словесную реакцию. Стимульный материал был составлен из 3 слов и словосочетаний, наиболее часто используемых в официальных сообщениях, инструкциях и при непосредственном общении в зоне ЧС:

1. Эвакуация.
2. Следовать указаниям.
3. Безопасность.

Процедура: эксперимент проводился индивидуально. Время на предъявление стимула не ограничивалось. Все реакции фиксировались протольно.

Обработка данных: проводился частотный анализ реакций для каждого стимула в обеих группах. Для каждого стимула строилось ассоциативное поле, выделялось ядро (наиболее частотные реакции, составляющие более 20% от общего числа) и периферия. Реакции также классифицировались по типу: «конкретные/действенные» (указывают на объект или действие), «абстрактные/оценочные» (оценка, эмоция), «нейтральные», «негативные».

Результаты и обсуждение

Анализ данных выявил значительные различия в ассоциативных полях двух групп. Для наглядности рассмотрим несколько ключевых стимулов.

I. Стимул 1: «Эвакуация»:

1. Группа 1 (МЧС): Ядро: план (8), порядок (7), быстро (5), автобус (4). Периферия: маршрут, пункт сбора, организованно, люди. Преобладают конкретные, технологичные ассоциации, связанные с организованным процессом.

2. Группа 2 (Население): Ядро: паника (9), бегство (6), спешка (5), страх (4). Периферия: хаос, давка, война, беженцы. Доминируют эмоционально-негативные и дезорганизующие ассоциации.

Интерпретация и причины непонимания: для спасателя эвакуация – это «отработанный алгоритм», элемент профессиональной деятельности, направленный на спасение. Его картина мира включает в себя логистику, управление потоком людей, ресурсы. Для гражданина это понятие извлечено из новостного контекста, кинофильмов и, возможно, единичного негативного опыта, где оно ассоциируется с «утратой контроля, хаосом и угрозой жизни». Услышав команду «Начата эвакуация», спасатель мысленно активирует схему действий, а гражданин – схему паники. Это фундаментальное расхождение объясняет, почему призывы «сохранять спокойствие» во время эвакуации часто не работают: они противоречат самой сути ассоциативного поля населения.

II. Стимул 2: «Следовать указаниям»:

1. Группа 1 (МЧС): ядро: приказ (10), дисциплина (7), алгоритм (6), беспрекословно (5). Периферия: выполнение, порядок, безопасность.

2. Группа 2 (Население): ядро: армия (6), подчинение (5), начальство (4), недоверие (4). Периферия: рабство, робот, нельзя спорить.

Интерпретация и причины непонимания: в профессиональной картине мира спасателя следование указаниям – залог «коллективной безопасности и эффективности». Это рациональный выбор, основанный на доверии к системе и коллегам. В обыденной картине мира эта фраза часто воспринимается в контексте «административного или силового принуждения», что может вызывать подсознательный протест, ассоциации с ограничением свободы воли. Недоверие к «начальству» как ассоциация является серьезным барьером, который может привести к игнорированию инструкций.

III. Сtimул 3: «Безопасность»:

1. Группа 1 (МЧС): ядро: задача (9), результат (8), обеспечение (6), контроль (5)_.
Периферия: профессионализм, техника.
2. Группа 2 (Население): ядро: дом (10), спокойствие (8), семья (7), отсутствие угроз (5)_.
Периферия: надежда, МЧС, государство.

Интерпретация и причины непонимания: это расхождение иллюстрирует разницу между «активной деятельностью» и «пассивным состоянием». Для спасателя безопасность – это цель, которую он достигает своими профессиональными действиями («обеспечение безопасности»). Для населения безопасность – это нечто внешнее, данность, которую им должны предоставить («чувство безопасности»). Это различие приводит к пассивной позиции населения в начале ЧС – ожиданию помощи извне вместо начала активных самоспасательных действий.

Количественные показатели: подсчет общего количества реакций, относящихся к категориям «конкретные/действенные» и «эмоционально-негативные/абстрактные», показал: в группе МЧС доля «конкретных/действенных» реакций составила 78%. В группе населения доля «эмоционально-негативных» и «абстрактных» реакций составила 65%.

Глубинные причины коммуникативных барьеров: проведенный анализ позволяет выделить несколько системных причин непонимания:

1. Профессионализация vs. Обыденность: спасатели оперируют в рамках «технократической картины мира», где доминируют алгоритмы, регламенты и инструменты. Население живет в «обыденной картине мира», где главную роль играют эмоции, личный опыт и культурные мифы.
2. Эмоциональная нейтральность vs. Аффективная заряженность: для спасателей многие понятия являются рабочими инструментами и не несут сильной эмоциональной нагрузки. Для населения те же понятия окрашены сильными негативными эмоциями (страх, тревога, беспомощность), что блокирует рациональное восприятие.
3. Активность vs. Пассивность: картина мира спасателя ориентирована на активное преобразование ситуации. Картина мира населения в условиях ЧС часто характеризуется выученной беспомощностью и ожиданием внешней помощи.
4. Доверие к системе vs. Недоверие к институтам: спасатели являются частью системы и доверяют ей. Население может испытывать общее недоверие к официальным институтам, которое проецируется и на спасателей в момент кризиса.

Заключение

Проведенное исследование с применением свободного ассоциативного эксперимента доказало наличие устойчивых ассоциативных барьеров между профессиональным сообществом спасателей и населением. Эти барьеры обусловлены глубинными различиями в профессиональной и обыденной картинах мира.

Ключевые понятия оперативной коммуникации в условиях ЧС («эвакуация», «безопасность», «следовать указаниям») несут принципиально разную смысловую и эмоциональную нагрузку для передающей и принимающей стороны. Для спасателей они являются инструментами деятельности, для населения – символами хаоса и угрозы.

Выявленные расхождения носят системный характер и объясняются профессионализацией сознания спасателей, эмоциональной заряженностью восприятия у населения, разницей в установках на активность/пассивность и разным уровнем доверия к системе.

Стандартные форматы коммуникации не учитывают эти семантические расхождения, что значительно снижает их эффективность.

Практические рекомендации:

1. Семантическая адаптация сообщений: переформулировка официальных команд на язык, близкий обыденной картине мира. Вместо «Осуществить эвакуацию» – «Всем пройти к выходам. Вас отвезут в безопасное место». Сообщения должны быть конкретными, позитивными и содержать четкий алгоритм простых действий.

2. Проактивное формирование ассоциативных полей: в рамках программ обучения населения (уроки ОБЖ, социальная реклама) необходимо целенаправленно формировать правильные, конструктивные ассоциации с ключевыми понятиями. Эвакуация должна ассоциироваться с «организованностью» и «спасением», а не с «паникой».

3. Специальная подготовка спасателей: ввести в программы психолого-педагогической подготовки спасателей модули по коммуникативной компетентности, где разъяснялась бы природа ассоциативных барьеров и отрабатывались навыки простого, понятного, ободряющего общения с пострадавшими.

4. Визуализация инструкций: дополнять все устные и текстовые команды простыми и интуитивно понятными рисунками и схемами, которые меньше подвержены семантическим искажениям.

Список литературы

1. Кузина О.А., Байкова И.А., Романова Т.А., Корюк Е.И. Методика ассоциативного эксперимента: теоретические основы и применение // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 1-1. С. 65-80.
2. Кузина О.А., Вецпер Н.Н., Родченкова Е.С., Поминова А.М. Ассоциативный эксперимент: методические подходы и практические аспекты // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 1-1. С. 127-139.
3. Кузина О.А., Конишевский Д.В. Формальные грамматики и семантические сети (на примере прямого ассоциативного эксперимента по теме «сфера туризма») // Вопросы культурологии. 2016. № 2. С. 44-47.
4. Кузина О.А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: дис. канд. филол. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2006. 22 с.
5. Кузина О.А., Булаева С.В., Тимарин А.Н., Родченкова Е.С. Особенности использования медицинской лексики в английском языке при описании последствий чрезвычайных ситуаций. Управление образованием: теория и практика. 2024. № 1-1. С. 59-67.
6. Абакумова О.В., Ахутина Т.В., Базылев В.Н. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): колл. моногр. Под ред. И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой, Е.Ю. Мягковой. М.: Институт языкознания – ММА, 2021. 626 с.
7. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. М.: Институт психологии РАН, 2009. 304 с.
8. Шалаев В.П. Управление в чрезвычайных ситуациях: социально-психологические аспекты. М.: Академия ГПС МЧС России, 2014. 200 с.

Associative barriers in communication between the public and rescuers during emergency response (case of natural disasters)

Oksana A. Kuzina

PhD in philology, associate professor, head of foreign languages department

Lieutenant-General D.I. Mikhailik Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Khimki, Russia

oksana_kuzina@mail.ru

ORCID 0000-0000-0000-0000

Irina A. Baykova

Senior lecturer of the foreign languages department
Lieutenant-General D.I. Mikhailik Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Khimki, Russia
ira79pb@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Tamara A. Romanova

Senior lecturer of the foreign languages department
Lieutenant-General D.I. Mikhailik Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Khimki, Russia
tomrom86@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Veronika L. Chunova

PhD in pedagogy, assistant professor of the foreign languages department
Lieutenant-General D.I. Mikhailik Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia
Khimki, Russia
nika81stav@mail.ru
ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 02.11.2025

Accepted 17.12.2025

Published 30.01.2026

UDC 159.9

DOI 10.25726/p4681-5382-1802-d

EDN OWKAOZ

VAK 5.8.7. Methodology and technology of vocational education (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HE. EDUCATION, SPECIAL

Abstract

The article addresses the problem of ineffective communication between professional rescuers and the public in natural emergency zones. It hypothesizes that one of the key reasons for communication failures is semantic discrepancies caused by differences in the worldviews of the interacting parties. To test this hypothesis, a free associative experiment was conducted involving two groups: EMERCOM employees (n=30) and civilians with no EMERCOM work experience (n=30). The stimulus material included 3 key concepts used in emergency alerts and management («evacuation», «follow instructions», «safety»). Qualitative and quantitative analysis of the obtained associative fields revealed significant discrepancies in the content and emotional tone of the responses. It was found that rescuers' associations are typically concrete, technical, and algorithmic, whereas the public's associations are predominantly emotionally negative, abstract and disorganizing. The conclusion is drawn about the existence of persistent associative barriers. Based on the results, practical recommendations are proposed for improving the public warning system and communication protocols to enhance their effectiveness and clarity of public perception.

Keywords

associative experiment, communication barriers, emergency, natural disaster, EMERCOM, public warning, semantic differences.

References

1. Kuzina O.A., Baykova I.A., Romanova T.A., Koryuk E.I. Methods of associative experiment: theoretical foundations and application // Education management: theory and practice. 2025. № 1-1. pp. 65-80.
2. Kuzina O.A., Vecper N.N., Rodchenkova E.S., Pominova A.M. Associative experiment: methodological approaches and practical aspects // Education management: theory and practice. 2025. № 1-1. pp. 127-139.
3. Kuzina O.A., Konishevsky D.V. Formal grammars and semantic networks (on the example of a direct associative experiment on the topic «tourism») // Questions of cultural studies. 2016. № 2. pp. 44-47.
4. Kuzina O.A. Semantic and associative fields of tourism as a reflection of fragments of linguistic consciousness and worldviews of Russians, Germans and Americans: PhD thesis. Barnaul: Altai State University, 2006. 22 p.
5. Kuzina O.A., Bulaeva S.V., Timarin A.N., Rodchenkova E.S. Features of the use of medical vocabulary in English when describing the consequences of emergency situations // Education management: theory and practice. 2024. № 1-1. pp. 59-67.
6. Abakumova O.V., Akhutina T.V., Bazylev V.N. Russian psycholinguistics: results and prospects (1966-2021): coll. monograph. Eds. by I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Y. Myagkova. M.: Institute of Linguistics – MMA, 2021. 626 p.
7. Tarabrina N.V. Psychology of post-traumatic stress. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. 304 p.
8. Shalaev V.P. Management in emergency situations: socio-psychological aspects. M.: Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2014. 200 p.

Сетевое издание «Управление образованием: теория и практика»
Том 16 (2026). № 1-1
ISSN 2311-2174

Реестровая запись о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 73275 от 20.07.2018 г. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК и Российский индекс научного цитирования, список рекомендуемых журналов Московского государственного института международных отношений (МГИМО), Российского университета дружбы народов (РУДН), Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать. Авторы публикуемых материалов несут ответственность за их научную достоверность.

Адрес редакции: 216783, Россия, с. Понизовье, ул. К.Н. Чибисова, 26-10
e-mail: info@emreview.ru
т.: +7-995-907-64-01 (WhatsApp, Telegram)
веб-сайт: <https://emreview.ru>

Подписано к размещению 30.01.2026.

© Учредитель ИП Подколзин М.М., 2026

Online media «Education management review»
Volume 16 (2026). Issue 1-1
ISSN 2311-2174

Registry record of registration ЭЛ №ФС 77 – 73275 dated 20.07.2018. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission and the Russian Science Citation Index, the list of recommended journals of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), and the Moscow Financial-Industrial University "Synergy".

Manuscripts are exposed to editorial processing. The points of view of authors and an editorial board can not coincide. Authors of the published materials bear responsibility for their scientific reliability.

Address of the editorial office: 216783, Russia, Ponizovye, Chibisova St., 26-10
e-mail: info@emreview.ru
ph.: +7-995-907-64-01 (WhatsApp, Telegram)
web: <https://emreview.ru>

Signed to placement 30.01.2026.

© Founder Mikhail M. Podkolzin EP, 2026

